

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Европы
Российской академии наук

Сентябрь
Октябрь

5 - 2024

Современная **ЕВРОПА**

НАУКА
— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

5 (126) сентябрь-октябрь 2024 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия),
НИВА ЖОРЖ (Швейцария), РОГОВ С.М. (Россия),
ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А.А. РОЖИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ,

С.А. ЗАБЕЛИН, Д.И. КОЛЕСОВ, Р.М. ПЛЮСНИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬАНОВА Е.В.,
ГОЛОВНИН М.Ю., ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю.,
МИРОНЕНКО В.И., НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия),
РУБИНСКИЙ Ю.И., СМЕРНОВ В.А., ФЛОГАИТИС С. (Греция),
ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL

EST. JANUARY 2000

CONTENTS

ARBATOV A. Nuclear Deterrence and Disarmament in a Polycentric World • **BELOV V.** Emergence of Germany as an International Space Standort • **RUBINSKIY Yu., SINDEEV A.** In Search of a New Strategy of the Franco-German Tandem: Period of Limited Capacity • **LEUSHKIN D., SAMOILOV N.** The EU Strategic Approach to China (2016–2023) • **KAVESHNIKOV N., LUPALTSOVA A.** The Transformation of China's Image in European Expert Discourse • **DEGTEREV D., ABRAMOVA E.** "France-Afrique Architects"? Analytical Support of Current French Politics in Africa • **ARLYAPOVA E., PONOMAREVA E.** Middle East "Expansion" into the Balkans • **ANANIEVA E.** UK General Election-2024: Labour's Untriumphant Triumph • **ENTINA E., DAVRANOVA S.** Franco-Moldovan Relations at the Present Stage • **SUTYRIN V.** The Britain's Influence in the Post-Soviet Space: Socio-Humanitarian Aspect • **KONDRATIEVA N.** Geopolitical Initiative "Global Gateway" of the EU Commission • **KOTOV A.** Geoeconomic Turn: Policy Priorities of the Next EU Commission • **ZHUKOVSKII A.** Trends and Prospects of the Special Economic Zone in the Kaliningrad Region • **SHAILENDER S., MEENAKSHI K., AAKANKSHA U., CHANDRASHEKHAR J.R.** Efficiency and Productivity Evaluation of Healthcare Systems of Northern Europe and the Baltic Region • **LUNKIN R., FILATOV S.** Identists vs. Antiidentists: A Prologue to the Ukrainian Crisis • **ALESHIN A.** The EU–NATO Cooperation after the Start of the Special Military Operation • **POVAZHNAJA G.** The Role of Small Historical Towns in Preserving the National Identity (on the Example of Stratford-upon-Avon)

INHALT

ARBATOV A. Nukleare Abschreckung und Abrüstung in einer polyzentrischen Welt • **BELOV V.** Die Bildung Deutschlands als internationaler Raumstandort • **RUBINSKIY Yu., SINDEEV A.** Suche nach einer neuen deutsch-französischen Tandemstrategie: eine Zeit der eingeschränkten Geschäftsfähigkeit • **LEUSHKIN D., SAMOILOV N.** EU Strategisches Ansatz für China (2016–2023) • **DEGTEREV D., ABRAMOVA E.** "Architekten Francafrigue"? Expertenanalyse für die moderne Politik Frankreichs in Afrika • **ARLYAPOVA E., PONOMAREVA E.** Nahöstliche "Expansion" auf dem Balkan • **ANANIEVA E.** Parlamentswahlen in Großbritannien 2024 Kein triumphaler Labour-Triumph • **ENTINA E., DAVRANOVA S.** Französisch-moldawische Beziehungen in der heutigen Phase • **SUTYRIN V.** Der Einfluss Britanniens im postsowjetischen Raum: ein soziohumanitärer Aspekt • **KONDRATIEVA N.** Geopolitische Initiative der Kommission der EU „Global Gate“ • **KOTOV A.** Geoökonomische Wende: Die Prioritäten der Politik der nächsten Europäischen Kommission • **ZHUKOVSKI A.** Trends und Perspektiven für die Entwicklung der Sonderwirtschaftszone in der Region Kaliningrad • **SHAILENDER S., MEENAKSHI K., AAKANKSHA U., CHANDRASHEKHAR J.R.** Efficiency and Productivity Evaluation of Healthcare Systems of Northern Europe and the Baltic Region • **LUNKIN R., FILATOV S.** Identitäten gegen Antiidentisten: Prolog zur Ukraine-Krise • **ALESCHIN A.** Zusammenarbeit zwischen EU und NATO nach dem Beginn einer speziellen Militäroperation Russlands • **POVAZHNAJA G.** Die wichtige Rolle von kleinen historischen Städten bei der Erhaltung der nationalen Identität (am Beispiel von Stratford-upon-Avon)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>Арбатов А.Г.</i> Ядерное сдерживание и разоружение в полицентричном мире	5
--	---

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

<i>Белов В.Б.</i> Становление Германии как международного космического штандорта	21
<i>Рубинский Ю.И., Синдеев А.А.</i> Поиск новой стратегии франко- германского тандема: период ограниченной дееспособности	36
<i>Леушкин Д.В., Самойлов Н.Г.</i> Подход к Китаю в стратегическом видении ЕС (2016–2023 гг.)	49
<i>Kaveshnikov N.Yu., Lupaltsova A.I.</i> The Transformation of China's Image in European Expert Discourse	60
<i>Дегтерев Д.А., Абрамова Е.А.</i> «Архитекторы Франсафрик»? Экспертно-аналитическое обеспечение современной политики Франции в Африке	74
<i>Энтина Е.Г., Давранова С.Б.</i> Франко-молдавские отношения на современном этапе	88
<i>Ананьева Е.В.</i> Парламентские выборы в Британии 2024 г.: нетриумфальный триумф лейбористов	98
<i>Сутырин В.В.</i> Влияние Британии на постсоветском пространстве: культурно-гуманитарный аспект	112
<i>Арлянова Е.С., Пономарева Е.Г.</i> Ближневосточная «экспансия» на Балканы	126

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

- Кондратьева Н.Б.** Геополитическая инициатива Комиссии ЕС
«Глобальные врата» 137
- Котов А.В.** Геоэкономический поворот: приоритеты политики новой
Еврокомиссии 150
- Жуковский А.Д.** Тенденции и перспективы развития особой
экономической зоны в Калининградской области 162

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

- Shailender S., Meenakshi K., Aakanksha U., Chandrashekhar J.R.**
Efficiency and Productivity Evaluation of Healthcare Systems
of Northern Europe and the Baltic Region 176

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

- Алешин А.А.** Сотрудничество ЕС и НАТО после начала
специальной военной операции России 189

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

- Лункин Р.Н., Филатов С.Б.** Идентисты против антиидентистов:
пролог к украинскому кризису 201

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА

- Поважная Г.И.** О роли малых исторических городов в сохранении
национальной идентичности (на примере Стратфорда-на-Эйвоне) ... 217

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492*

УДК 327.37, 327.5

ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ И РАЗОРУЖЕНИЕ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ¹

© 2024 АРБАТОВ Алексей Георгиевич

Доктор исторических наук

Руководитель Центра международной безопасности

Национального исследовательского института мировой экономики

и международных отношений (ИМЭМО) им. Е.М. Примакова РАН

117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23

E-mail: *alarbatov@gmail.com*

Поступила в редакцию 30.07.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. Опыт 60 лет контроля над ядерными вооружениями был достаточно успешен, кроме одного аспекта – перехода ограничения и сокращения ядерных арсеналов с двустороннего (США–СССР/Россия) на многосторонний формат. Причина заключается в ошибочности подходов к многостороннему ядерному разоружению, которые не учитывали специфику отношений многостороннего ядерного сдерживания среди государств. Впредь переход к многостороннему формату становится непреложным условием сохранения системы ядерного разоружения и ее приспособления к полицентричному мироустройству, чтобы оно не превратилось в ядерный хаос.

Ключевые слова: ядерное сдерживание, ядерное разоружение, многополярный миропорядок, ядерное распространение, договоры об ограничении ядерных вооружений, носители ядерных вооружений

DOI: 10.31857/S0201708324050012

В условиях небывалого со времен Второй мировой войны обострения международной напряженности внешняя политика Российской Федерации ставит цель перестройки мирового порядка, сложившегося после окончания холодной войны и распада СССР. Как указано в Концепции внешней политики от 2023 г., Россия

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

стремится к устранению «...рудиментов доминирования США и других недружественных государств в мировых делах, созданию условий для отказа любого государства от неокOLONиальных и гегемонистских амбиций; совершенствованию международных механизмов обеспечения безопасности и развития на глобальном и региональном уровнях»¹.

По всей видимости, конкретные параметры искомого справедливого и равноправного миропорядка находятся в стадии формирования, но одна несущая конструкция уже определена. Ею является многополярная (с геофизической точки зрения, точнее – полицентричная) система международных отношений на глобальном и региональном уровнях мировой экономики, политики и военного баланса. Она должна прийти на смену монополярной системе под эгидой США, которая с теми или иными оговорками имела место в течение примерно четверти века после распада СССР на пороге 1990-х гг. Как показал исторический опыт, многополярная система (возникшая, например, по итогам Венского Конгресса после наполеоновских войн XIX в.) является более устойчивой основой мира [Kissinger, 1957; Morgenthau, 1948], нежели монополярная, провоцирующая непрерывное и многостороннее военно-политическое сопротивление гегемону. Полицентричность предпочтительна также и биполярному мироустройству, предполагающему постоянное балансирование на грани больших войн (как перед Первой мировой войной и в течение четырех десятилетий прошлой холодной войны).

Вместе с тем, исторически полицентричный миропорядок не знал ядерного оружия и в целом не имел дело с бурным военно-техническим прогрессом, который сделал гонку вооружений важнейшим фактором угрозы миру и существованию современной цивилизации, а возможно – и биологической жизни на планете. Поэтому ограничение ядерных вооружений стало в последние 60 лет одним из главных инструментов предотвращения войны. Эта деятельность разворачивалась вокруг стержня биполярного формата отношений государств, а именно ядерных сверхдержав в лице СССР/России и США. В связи с этим очевидно, что формирование многополярной структуры мировой политики не должно разрушить систему контроля над вооружениями и повлечь ядерный хаос.

Указанную систему необходимо приспособить к полицентричному мироустройству, наряду с ее распространением на новейшие виды вооружений и разрушительных технологий. Об этом недвусмысленно сказано и в российской Концепции внешней политики, которая призывает способствовать «...укреплению и развитию международных политических основ (договоренностей) поддержания стратегической стабильности, режимов контроля над вооружениями и нераспространения всех видов оружия массового уничтожения и средств его доставки... созданию условий для дальнейшего поэтапного сокращения ядерных потенциалов... предотвращению актов ядерного терроризма»².

¹ Концепция внешней политики РФ. Указ Президента России об утверждении от 31.03.2023. (п. 11). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 19.08.2024).

² Концепция внешней политики РФ...

Многостороннее ядерное разоружение

Опыт прошедших шести десятилетий разоружения был весьма неоднозначен, но в целом успешен, особенно в части ограничения и сокращения ядерного оружия, его испытаний и распространения в географических зонах и физических пространствах¹. Однако в одном важном аспекте этот опыт оказался неудачен – переходе ограничения ядерных носителей и боезарядов с двустороннего (СССР/Россия – США) на многосторонний формат. Параллельно в 1950–2006 гг. появилось восемь других государств, обладающих ядерным оружием².

Это не означает, что «третьи» ядерные государства стояли вовсе в стороне от системы ядерного разоружения. Все они (кроме КНДР) участвуют в договорах о частичном запрещении ядерных испытаний (от 1963 г.) и о неразмещении ядерного оружия в космосе (от 1967 г.), о запрещении размещения ядерного оружия на дне морей и океанов (от 1971 г.)³. Все пять ядерных держав – постоянных членов Совета Безопасности ООН (Россия, США, Великобритания, Франция и КНР) являются членами Договора о нераспространении ядерного оружия (от 1968 г.) и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (от 1996 г.), хотя США и КНР последний не ратифицировали, а Россия в 2000 г. ратифицировала, но в 2023 г. отозвала свою ратификацию. Среди остальных ядерных государств ДВЗЯИ не подписала КНДР, а Индия, Пакистан и Израиль подписали, но не ратифицировали.

После окончания холодной войны ряд стран в одностороннем порядке сокращали свои ядерные арсеналы, вводя в строй новые системы⁴. Тем не менее, договорно-правовое и проверяемое ограничение, сокращение и ликвидация ядерных вооружений остались двусторонним мероприятием только СССР/России и США на протяжении последних 50 лет процесса контроля над стратегическими вооружениями и ракетами средней дальности.

Отсюда вытекает *первая задача* приспособления системы контроля над ядерными вооружениями к грядущей многополярности. Она состоит в том, чтобы

¹ По ограничению и сокращению ядерного оружия были заключены Соглашение по ОСВ-1 и Договор по ПРО (1972 г.), ОСВ-2 (1979 г.), РСМД (1987 г.) СНВ-1 (1991–1994 гг.), СНВ-2 (1993 г.), Соглашение СНВ-3 (1997 г.), договоры СНП (2002 г.) и СНВ-3 (2010 г.). По испытаниям ядерного оружия: договоры 1963 г., 1974 г., 1976 г., 1996 г. По нераспространению ядерного оружия: Договор о нераспространении – ДНЯО (1968 г.), о запрещении размещения в космосе (1967 г.) и на дне морей и океанов (1971 г.).

² Помимо США, России и остальных 7 ядерных государств (Великобритания, Франция, КНР, Израиль, Индия, Пакистан, КНДР), в конце 1970-х годов ядерное оружие создала и, по всей видимости, в 1979 г. испытала ЮАР. Однако, перед приходом к власти черного большинства в 1989 г. она отказалась от собранных 6 атомных бомб и демонтировала их, а в 1992 г. вступила в ДНЯО как неядерное государство.

³ В Договоре 1971 г. не участвуют КНДР, Израиль и Пакистан.

⁴ На конец 1980-х гг. ядерные силы Британии и Франции суммарно насчитывали порядка 800 ядерных боезарядов. [SIPRI Yearbook, 1989]. В 2021 г. общее количество ядерных боезарядов двух держав (включая запасные, размещенные в хранилищах) вследствие односторонних ограничений насчитывало 515 боезарядов, а к середине 2020-х гг. увеличится до 550 единиц [SIPRI Yearbook, 2022: 369–379]. Остальные пять ядерных государств (Израиль, КНР, Индия, Пакистан, КНДР) наращивали свои арсеналы разными темпами, тогда как ЮАР демонтировала ядерное оружие после 1989 г.

предотвратить дальнейшее расширение «ядерного клуба» сверх существующих 9-ти ядерных государств. Понятно, что отказаться от атомной энергетики нереально, особенно с учетом нарастающего климатического кризиса из-за углекислого загрязнения атмосферы. Также невозможно прекратить международное сотрудничество в освоении «мирного атома», тем более в условиях растущего спроса на него в «догоняющих» регионах планеты и обострения конкуренции поставщиков в погоне за коммерческими и политическими выгодами.

В настоящее время из 193 государств ООН 54 имеют те или иные элементы ядерной промышленности и инфраструктуры, в том числе 32 страны обладают 450 промышленными атомными реакторами. О мотивах обретения ядерного оружия будет сказано ниже, но главными техническими маршрутами от «мирного» к «военному атому» являются производства по обогащению урана и сепарации плутония из отработанного ядерного топлива АЭС, позволяющие создать оружейные ядерные материалы для взрывных устройств. Сейчас 12 государств располагают заводами по обогащению природного урана, а 4 страны имеют предприятия по сепарации плутония¹. Следовательно, первоочередной способ перекрыть военные «ответвления» ядерной энергетики состоит в укреплении режимов и механизмов ДНЯО, включая расширение гарантий МАГАТЭ. Также, в качестве общего условия, необходимо сохранение существующих сопутствующих режимов контроля над ядерным оружием: ДВЗЯИ, Договоров о неразмещении этого оружия в космосе и на дне морей и океанов, достижение прогресса длящихся более 30 лет переговоров о запрещении производства оружейного урана и плутония².

Проблема, однако, заключается в том, что система нераспространения ядерного оружия переживает ныне глубокий кризис. Помимо специфических проблем этой сферы международной безопасности, положение усугубляется распадом режимов ядерного разоружения, с которыми ДНЯО связан его знаменитой Статьей VI, обязывающей ядерные державы-члены Договора «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению»³.

На перекрестке кризисов

В 1990-е гг., в политической взаимосвязи с прогрессом сокращения ядерных вооружений, Договор о нераспространении ядерного оружия существенно укреплялся. Он получил бессрочный статус (1995 г.), к нему дополнительно присоединились более 40 государств, включая две ядерные державы (Франция и КНР). Добровольно или насильно лишились ядерного оружия или военных ядерных программ 7 стран (Ирак,

¹ Operating Experience with Nuclear Power Stations in Member States. International Atomic Energy Agency. 2024 Edition. URL: https://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/OPEX_2024_web.pdf (дата обращения 21.08.2024).

² Речь идет о начавшихся в 1993 г. в рамках ООН переговорах по Договору о запрещении производства разделяющихся материалов в военных целях (ДЗПРМ).

³ Договор о нераспространении ядерного оружия. Организация Объединенных Наций. 12.06.1968. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 21.08.2024).

ЮАР, Украина, Казахстан, Беларусь, Бразилия, Аргентина). В 1997 г. был принят Дополнительный Протокол к гарантиям МАГАТЭ, расширивший возможности контроля над ядерной деятельностью неядерных государств. ДНЯО превратился в самый универсальный международный документ, помимо Устава ООН, за его пределами тогда оставались всего 3 страны мира (Израиль, Индия, Пакистан). Зоны, свободные от ядерного оружия, вдобавок к Антарктике (1959 г.), Латинской Америке (1967 г.) и южной части Тихого Океана (1985 г.), охватили также Монголию (1992 г.), Юго-Восточную Азию (1995 г.), Африку (1996 г.) и Центральную Азию (2006 г.).

Создание ядерного оружия Индией и Пакистаном в 1998 г. стало, по существу, пределом успешного шествия системы нераспространения ядерного оружия по планете. После этого в глухой тупик зашла проблема денуклеаризации Корейского полуострова, наряду с обостряющимся военным, в том числе ядерным противостоянием в регионе. В 2003 г. КНДР вышла из ДНЯО и в 2006 г. провела первое ядерное испытание, за которым последовало еще пять. Правда, в 2015 г. при благоприятном эффекте от Договора СНВ-3 удалось заключить соглашение об ограничении и транспарентности атомной программы Ирана. Но в 2018 г. администрация Д. Трампа вывела США из этого соглашения, разрушив его и усугубив ядерную напряженность, причем Иран возобновил свою программу и подошел ближе к «ядерному порогу». Не сдвинулась с мертвой точки инициатива по созданию Зоны свободной от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке, которой было обусловлено согласие неядерных государств на бессрочное продление ДНЯО в 1995 г. Подряд две Обзорные Конференции по рассмотрению этого Договора, каждые пять лет фиксирующие его состояние и перспективы, закончились неудачей в 2015 и 2022 гг.

Параллельно шел демонтаж системы ограничения и сокращения ядерного оружия. В 2002 г. на волне психологического шока от террористических авиаударов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г., но безо всяких убедительных стратегических оснований, США вышли из Договора по ПРО. В 2019 г. Вашингтон денонсировал Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), а в 2020 г. отказался от Договора по открытому небу (ДОН).

В условиях эскалации конфликта на Украине в феврале 2023 г. Россия приостановила действие Договора СНВ-3 – ввиду курса США и НАТО на «стратегическое поражение» России и по некоторым другим причинам¹. В том же году РФ денонсировала Договор по обычным вооруженным силам в Европе, участие в котором приостановила еще с 2015 г. главным образом из-за расширения НАТО на восток. А в 2024 г. Москва отозвала ратификацию Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) для выравнивания своего положения с США, которые подписали этот договор еще в 1996 г., но так и не ратифицировали его.

В перспективе под угрозой оказались сохранение ДВЗЯИ, Договора по космосу (1967 г.) и морскому дну (1971 г.) и, самое главное, Договора о нераспространении ядерного оружия. При неблагоприятном развитии событий целый ряд государств,

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. Официальный сайт Президента России. 21.02.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 21.08.2024).

имеющих те или иные «заделы» в сфере ядерной энергетики, технологий и материалов двойного применения могут встать на путь обретения ядерного оружия за счет тайных программ или через открытый выход из Договора в соответствии с его Статьей X п.1 с уведомлением за 3 месяца других членов ДНЯО и Совета Безопасности ООН.

Среди государств, имеющих солидные технические потенциалы в данной отрасли – Япония, Южная Корея, Тайвань (частично признанное государство), Турция, Египет, Саудовская Аравия, Иран и даже Украина [Новая ядерная девятка..., 2023]. Все они являются членами ДНЯО. Большинство этих стран находится в пределах досягаемости носителей малой и средней дальности до России, а их отношения с Москвой недружественны или, в лучшем случае, нестабильны. В более отдаленной перспективе к «ядерному клубу» могут присоединиться Бразилия, ЮАР, Нигерия, Индонезия и другие государства – члены ДНЯО.

Многие из этих стран вовлечены в региональные конфликты, отличаются внутривнутриполитической неустойчивостью, не имеют достаточных технических ресурсов для обеспечения сохранности ядерных объектов и исключения несанкционированного применения ядерного оружия. Поэтому вероятность конфликтов с использованием такого оружия будет возрастать, как и опасность получения доступа к ядерным боеприпасам и материалам со стороны террористических организаций.

Сохранение ДНЯО и укрепление его режимов и механизмов в полицентричном мире невозможно в условиях дальнейшего развала системы контроля над ядерными вооружениями. Поэтому *второй задачей* адаптации этой системы к многополярному миропорядку является подключение к процессу разоружения всей пятерки постоянных членов Совета Безопасности ООН, одновременно являющихся легитимными ядерными державами ДНЯО, которые взяли на себя обязательство по его Статье VI «вести переговоры об эффективных мерах по... ядерному разоружению», в качестве условия отказа других государств от ядерного оружия.

Привлечение Великобритании, Франции и Китая к ограничению ядерных вооружений невозможно без сохранения в той или иной форме Договора СНВ-3 между Россией и США. Одновременно то и другое стало условиями переговоров о следующем стратегическом соглашении после истечения продленного срока текущего Договора в феврале 2026 г. И это является *третьей задачей* политики сохранения системы контроля над вооружениями при формировании безопасного многополярного мира. Следует еще раз подчеркнуть: логика этой политики предполагает сохранение ДНЯО, которое подразумевает привлечение к ограничению вооружений ядерной «пятерки» (а впоследствии всей «девятки»), что требует первоочередного возобновления диалога большой «двойки».

Вопреки упрощенному представлению о проблеме, дело не сводится к тому, что гонка вооружений между двумя ядерными сверхдержавами подает «плохой пример» тройке других ядерных государств ДНЯО, а все они вместе – четверке ядерных «аутсайдеров» вне этого Договора и остальным странам мира. Также неверно, что «хороший пример» двух сверхдержав сам по себе способен вовлечь в разоружение остальных обладателей ядерным оружием. В данной сфере механизм так не работает: никакие хорошие или плохие примеры не действуют, если то или иное государство решит обрести ядерное оружие для обеспечения своей национальной

безопасности или, наоборот, воздержаться от этого – что и происходило по мере приобщения к «ядерному клубу» 10 стран (включая ЮАР) или, наоборот, отказа других государств от такого шага после 1945 г.

Дело в другом: гонка вооружений и разрушение договоров об их ограничении между ведущими державами, во-первых, «рикошетом» снижает безопасность других ядерных и неядерных государств, вызывая «цепную реакцию» наращивания и распространения ядерных вооружений. Например, гонка вооружений между США и КНР воспринимается как угроза Индии, Японией, Южной Кореей, КНДР, Тайванем, побуждая их наращивать свои ядерные потенциалы или всерьез рассматривать вариант вступления в «ядерный клуб». Наращивание вооружений США и России подстегнет ядерные программы Великобритании, Франции, Китая, а за ним – Индии и Пакистана. Приобщение к ядерному оружию Ирана в его противостоянии Израилю и США подтолкнет в том же направлении Саудовскую Аравию, Турцию, Египет.

Во-вторых, ядерное соперничество мешает сотрудничеству ведущих держав в привлечении к контролю над вооружениями «третьих» ядерных стран и в укреплении режимов нераспространения среди неядерных государств. Как было отмечено выше, недаром самые крупные достижения в сфере нераспространения имели место в 1990-е и начале 2010 гг. – параллельно с прогрессом ядерного разоружения. И наоборот, стагнация и попятное движение в ограничении ядерных вооружений негативно сказывались на режимах нераспространения, как было в конце 2010-х и еще больше – в начале 2020-х гг.

Иными словами, прогресс ядерного разоружения ведущих держав, наряду с гарантиями безопасности неядерным государствам, создает лишь благоприятный политический фон для вовлечения в процесс «третьих» ядерных стран и для нераспространения ядерного оружия в остальном мире. Но это отнюдь не гарантирует успех того и другого, для чего нужны большие совместные политические усилия в каждом отдельном случае. В то же время наращивание ядерных вооружений ведущими державами и распад режимов ограничения вооружений практически гарантирует вовлечение в гонку ядерных вооружений «третьих» государств и дальнейшее расширение круга обладателей этим оружием.

Что касается двустороннего стратегического диалога России и США, то еще до начала специальной военной операции России на Украине в ходе консультаций по стратегической стабильности летом и осенью 2021 г. (прерванных Вашингтоном из-за начала СВО), между Россией и США выявились серьезные расхождения. Первая выдвинула концепцию «уравнения безопасности» – об ограничении всех стратегических вооружений: не только ядерных, но и обычных, которые могут применяться «в целях нанесения первого удара для нейтрализации или ослабления потенциала сдерживания другой стороны»¹. Вторая сторона потребовала охвата ограничениями всех ядерных вооружений: как стратегических, так и тактических. Этот раскол в позициях сторон обещает большие трудности для дальнейших переговоров.

¹ Рябков: Россия предлагает США включить в стратегическую повестку безъядерные вооружения. ТАСС. 27.01.2021. URL: <https://tass.ru/politika/10557045> (дата обращения: 21.08.2024).

Но еще больше проблем создаст косвенно поставленный обеими державами вопрос привлечения к переговорам третьих стран или учета их сил при дальнейшем сокращении стратегических вооружений. Россия сослалась на ядерные вооружения Великобритании и Франции как одну из причин приостановки своего участия в Договоре СНВ-3¹ в феврале 2023 г. США не остались в долгу и заявили о необходимости ограничения или учета ядерного потенциала КНР, которому с 2021 г. прогнозируют существенный рост – вплоть до уровня двух нынешних сверхдержав в следующие 10 лет². Иными словами, теперь со всей настойчивостью возродилась тема расширения процесса ядерного разоружения с двух- на пятисторонний формат при условии благоприятных перемен международной ситуации.

Неудачный пятисторонний опыт

Изначально предложение о начале пятистороннего формата была выдвинуто министром обороны Великобритании того времени Д. Брауном в феврале 2008 г. на Конференции по разоружению в Женеве. После этого состоялся ряд встреч в Лондоне, Париже, Вашингтоне и Пекине (обозначенный как формат «P5»). По итогам переговоров стороны приняли ряд документов, которые постепенно становились все более рутинными и похожими друг на друга: в пользу стратегической стабильности и вступления в силу ДВЗЯИ, прогресса переговоров по ДЗПРМ, за достижение соглашения по ядерной программе Ирана и денуклеаризации Корейского полуострова, в поддержку Группы ядерных поставщиков и предотвращения ядерного терроризма, в пользу созыва конференции по созданию зоны свободной от оружия массового уничтожения (ОМУ) на Ближнем Востоке и другие.

Однако процесс «P5» не достиг никакого прогресса на пути к своей главной цели: привлечению всех пяти ядерных держав к мерам ограничения их ядерных вооружений через конкретные соглашения. Стандартная общая позиция «третьих» стран состояла в том, что сначала США и Россия должны сократить свои арсеналы ядерного оружия до уровня, приближающегося к уровню меньших обладателей таким оружием³, а уж затем можно будет говорить об общих сокращениях вооружений «ядерной пятерки». Ритуальная отговорка «большой двойки» сводится к тому, что после глубоких сокращений последних десятилетий для дальнейшего пониже-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию...

² Military and Security Developments Involving the Peoples' Republics of China, 2021. Annual Report to Congress. Office of the Secretary of Defense (p.48). URL: <https://media.defense.gov/2021/Nov/03/2002885874/-1/-1/0/2021-CMPR-FINAL.PDF> (дата обращения: 21.08.2024).

³ Британский потенциал ядерного сдерживания при нынешних носителях мог бы максимально насчитывать 512 боезарядов, однако их развернутое число составляет 120 единиц и будет увеличено к середине 2020-х годов до 260 единиц. Франция имеет техническую возможность оснастить свои ядерные носители 374 ядерными боеголовками, но реально располагает 290 боезарядами. КНР не публикует данных о своем ядерном потенциале, но американские источники оценивают его на уровне около 500 единиц, которые могут вырасти к 2027 г. до 700 боеголовков, к 2030 г. – до 1000, а к 2035 г. – до 1500 единиц [SIPRI Yearbook 2022: 369–379]; Military and Security Developments Involving the Peoples' Republic of China, 2021... P. 8.

ния уровня их ядерных потенциалов в следующем соглашении нужны твердые гарантии ограничения ядерных вооружений третьих стран.

Хотя это не разъясняется официально, специалистам ясно, что равенство в пятистороннем формате повлекло бы новые стратегические асимметрии. Например, для России снижение ядерных сил к уровням каждой из третьих стран означало бы, по крайней мере, тройное отставание от совокупного ядерного потенциала трех держав НАТО. А для США это было бы равнозначно паритету с КНР и двойному отставанию от совокупности ядерных сил России и Китая, которые провозглашают друг друга «стратегическими партнёрами». К тому же равенство России с каждой из трех меньших стран усугубит значение ее отставания от НАТО по обычным вооруженным силам и вооружениям. А для США равенство с КНР поставило бы под сомнения их ядерные гарантии безопасности азиатским союзникам и партнерам (Японии, Южной Корее, Тайваню).

Изначальным недостатком упрощённой схемы Брауна явилось применение модели многостороннего контроля над различными направлениями ядерной деятельности (испытания ядерного оружия, его нераспространение, производство оружейных ядерных материалов, размещение в иных средах) к физическому ограничению и сокращению уже развернутых ядерных носителей и боеголовок. Концепция формата «P5» была ошибочно выведена из Статьи VI ДНЯО и механически перенесена на задачу ограничения и сокращения ядерных вооружений пяти государств. Между тем данная статья вовсе не обязательно подразумевает пятисторонние переговоры о практическом ограничении ядерных вооружений. В ней лишь сказано, что все ядерные державы ДНЯО должны участвовать в процессе ядерного разоружения, а конкретные форматы, сроки и этапы этого процесса никак не определяются.

Общее и различное в политике ядерных держав

Привлечь ядерные государства к ограничению вооружений невозможно без учета задач, которые каждое из них связывает со стратегией ядерного сдерживания. Понятно, что ни одно государство не пойдет на переговоры и соглашения, которые нанесут ущерб его безопасности. При этом военные и политические цели ядерного сдерживания у каждой страны индивидуальны и определяются тем, кто ее противники и союзники, каковы возможности и намерения последних и какие задачи поставлены для применения ядерных сил.

Из девяти нынешних ядерных государств все, кроме Израиля (и в прошлом ЮАР¹), связывают с ядерным потенциалом свой престиж и статус в мире. Все они преследуют цель сдерживания ядерной агрессии (и нападения с применением других видов ОМУ) посредством угрозы ответного ядерного удара. Такой же ответ предусматривается Россией, США, Великобританией и Францией в случае агрессии с использованием ОМУ против их союзников. Эта задача, однако, не ставится со стороны КНР, Индии, Пакистана, Израиля и КНДР. Также все, кроме КНР и Индии², имеют целью сдерживать нападение с применением обычных вооружений,

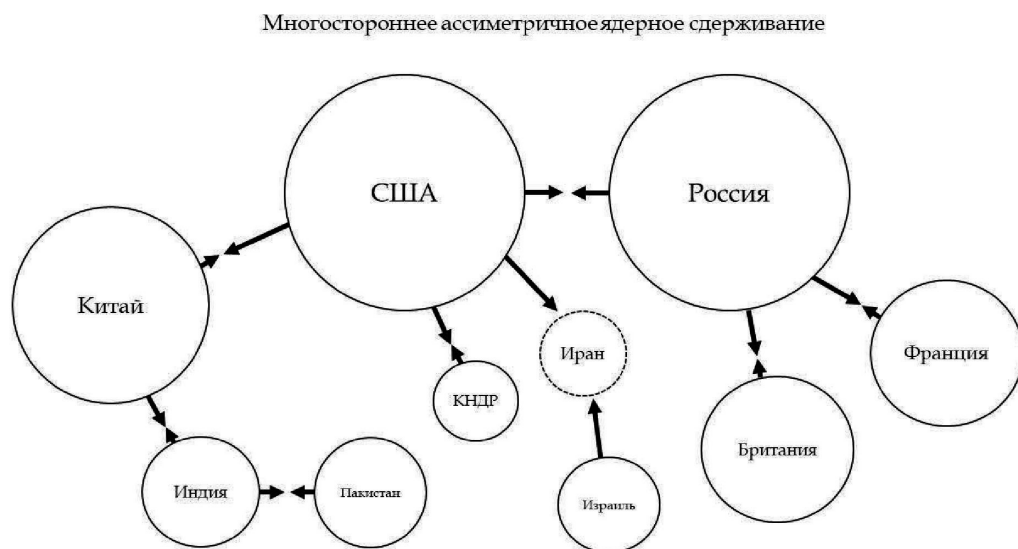
¹ Израиль и в прошлом и ЮАР держали свои ядерные силы в секрете, хотя по умолчанию ядерное оружие призвано служить международному престижу Израиля.

² Эти государства приняли обязательство о неприменении ядерного оружия первыми.

что предполагает первое применение своего ядерного оружия (в российской Военной доктрине с уточнением: если неядерная агрессия «поставит под угрозу само существование государства»). Использование ядерного оружия в ответ на конвенциональное нападение на союзников предусматривается доктринами США, Великобритании, Франции, а с недавних пор и России.

«Адресатами» политики ядерного сдерживания для России являются США, другие страны НАТО, Япония, Южная Корея и, видимо, по умолчанию Израиль; для США – Россия, КНР, КНДР и потенциально Иран; для Великобритании и Франции – Россия и потенциально КНР и Иран; для КНР – США, Индия, Япония и Южная Корея; для Индии – КНР и Пакистан; для Пакистана – Индия; для Израиля – Иран и арабские противники, для КНДР – Южная Корея и США и для Ирана (в случае обретения ядерного оружия) – Израиль и США (Рис. 1).

Рисунок 1. Многостороннее асимметричное ядерное сдерживание

Каждое ядерное государство вложило в создание своего потенциала огромные экономические, технические и интеллектуальные ресурсы. Любое из них гипотетически может согласиться ограничить и сократить свои ядерные силы, только если это упрочит его национальную безопасность. То есть исключительно в обмен на адекватное ограничение и сокращение, в первую очередь, ядерных вооружений противников, на которых ориентирована их политика ядерного сдерживания. Так и поступали СССР/Россия и США в течение полувека переговоров по стратегическим вооружениям.

В ином случае никакие глобальные проекты договоров о ядерном разоружении, декларации ООН и ОБСЕ, призывы авторитетных деятелей и организаций мировой общественности – при всем к ним уважении – не возымеют ощутимого эффекта. Нескончаемый схоластический спор ядерной «большой двойки» с «тройкой» и не-

ядерными государствами на Обзорных и Подготовительных Конференциях ДНЯО и в ООН о том, кто должен первым двигаться по пути разоружения, служат лишь дипломатической завесой истинных основ их позиций по ядерной тематике.

Подключение остальных ядерных государств

Чтобы перейти от бесконечных словопрений к делу, нужно принять за основу имеющийся опыт: более полувека успешных стратегических переговоров СССР/России и США. В их итоге с 1972 г. были ограничены уровни ядерных носителей, а с 1991 г. число ядерных боезарядов стратегических сил сторон было в сумме сокращено более чем в 7 раз, а носителей – в 3 с лишним раза, причем структурно-качественные ограничения («стабилизирующие сокращения») сделали физически невозможным разоружающий ядерный удар между ними.

Это стало возможным в силу двух главных обстоятельств. Во-первых, между державами с конца 1950-х гг. объективно существовали ясно выраженные отношения взаимного ядерного сдерживания (хотя их наличие было публично признано Вашингтоном ближе к концу следующего десятилетия [McNamara, 1968: 51–67], а Москвой лишь к середине 1980-х гг.). Во-вторых, в количественном отношении в начале 1970-х гг. сложилось примерное равенство сил сторон (с советскими оговорками по поводу отсутствия учета ядерных сил передового базирования США и сил их союзников [Чернышев, 2021: 118, 132–133]).

Первое обстоятельство создало заинтересованность каждой стороны в ограничении и сокращении вооружений оппонента в обмен на свои меры аналогичного характера, то есть возникла возможность дипломатического «размена». Второе обеспечило в целом равенство исходных позиций государств (паритет) и полученных итогов (хотя в обеих странах была открытая или кулуарная критика со стороны максималистов, которые в принципе не приемлют никаких компромиссов). Вообще говоря, паритет не является обязательным условием эффективного ядерного сдерживания, и теоретически можно представить себе взаимную возможность разоружающего удара и безнаказанной агрессии даже при паритете, если силы сторон уязвимы для ядерного нападения. Для исключения такой возможности с 1990 г. была введена в обиход договоров по СНВ/СНП концепция стратегической стабильности¹. Но для продуктивных переговоров по физическому ограничению и сокращению ядерных вооружений – при наличии благоприятной общей политической атмосферы – до сих пор ничего другого не придумано. Отстающая держава не пой-

¹ Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Государственный визит Президента СССР М.С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая – 4 июня 1990 г. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. С. 197–199; Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. 01.06.1990. [https://bush41library.tamu.edu/archives/public-papers/1938](https://bush41library.tamu.edu/archives/public-papers/1938.). “Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability,” June 1, 1990, URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18541> (дата обращения: 15.03.2018).

дет на договорно-правовую легализацию своего отставания, а опережающая не согласится пожертвовать превосходством ради заключения договора.

Приведенный анализ позволяет понять причины неудач в организации многосторонних переговоров по ограничению ядерных вооружений, включая проект Брауна от 2008 г. Если говорить конкретно, то у США, Великобритании и Франции нет отношений взаимного ядерного сдерживания: они союзники и не заинтересованы в сокращении вооружений друг друга, то есть им нечего «разменивать». У России нет отношений ядерного сдерживания с КНР (в отличие от ситуации вражды 1970–1980-х гг.) и потому тоже нет основы для соответствующего диалога, во всяком случае до тех пор, пока сохраняются отношения «стратегического партнерства» и военного сотрудничества. Как для ядерной тройки союзников по НАТО, так и для партнерства РФ–КНР наращивание ядерного потенциала партнеров является «кредитом», а не «дебитом» их общей безопасности.

Стратегические отношения России, с одной стороны, и Великобритании с Францией – с другой, имеют характер взаимного ядерного сдерживания, но их потенциалы далеко не равны и весьма асимметричны. Две европейские державы вряд ли пойдут на включение их ракет в общий уровень ДСНВ-3 с США, поскольку считают свои силы независимыми потенциалами сдерживания. Для США такой вариант правовым образом закрепил бы преимущество России на 14% по развернутым носителям и на 30% по боезарядам. Вашингтон едва ли согласится на это как по принципиальным соображениям, так и в свете ожидаемого наращивания ядерного потенциала Китая.

Похожая ситуация между Китаем и США, которые имеют отношения взаимного ядерного сдерживания, но еще не имеют паритета. При этом для России неприемлемо ограничение ее стратегических сил общим потолком с Китаем. Под нынешним уровнем ДСНВ-3 в 1550 боезарядов прогнозируемое наращивание стратегического потенциала КНР к 2035 г. попросту «обнулило» бы российские силы сдерживания. Со своей стороны, и Китай не согласится ограничить наращивание своих стратегических вооружений общим потолком с Россией, поскольку намерен обрести полновесный потенциал ядерного сдерживания против США и не собирается опираться на российские ядерные гарантии безопасности. Именно в этом суть проблем, помимо побочных исторических, геостратегических, технических и иных ее составляющих.

Что касается четверки «аутсайдеров», то они не являются членами ДНЯО и формально не имеют обязательств по ядерному разоружению согласно Статье VI этого Договора. Создав ядерное оружие после 1967 г., они не могут присоединиться к Договору в качестве новых ядерных государств из-за его Статьи XIX, п. 3¹. А отказаться от ядерного оружия ради членства в ДНЯО они не согласятся по соображениям безопасности. (Впрочем, возможны другие формы их привлечения к режимам Договора: например, через Группу ядерных поставщиков по примеру Индии и через сотрудничество с МАГАТЭ.)

Для предотвращения дальнейшего ядерного распространения подключение «четверки» к процессу контроля над вооружениями, безусловно, пошло бы на пользу международной безопасности, причем не меньше, чем в случае с первой пятер-

¹ Эта статья гласит, что «законными» ядерными государствами ДНЯО являются страны, осуществившие ядерный взрыв до 1 января 1967 г., то есть США, СССР, Великобритания, Франция и КНР.

кой ядерных держав. Если последние вернулись в состояние жесткой конфронтации недавно, то вторые были вовлечены в острые региональные конфликты на протяжении многих десятилетий. Вероятность их вовлечения в войну с применением ядерного оружия остается высокой, хотя мировое общественное внимание сейчас обращено на Украину и, в меньшей степени, на Тайвань.

Объективно, помимо России и США, наиболее благоприятные условия для диалога об ограничении ядерных вооружений существуют между Индией и Пакистаном. Они состоят в отношениях взаимного ядерного сдерживания и примерного ядерного паритета¹. Осложняющими факторами являются территориальные и идеологические противоречия, асимметрии в структуре ядерных сил и то обстоятельство, что ядерный потенциал Индии главным образом нацелен на другого ведущего члена ШОС и БРИКС – Китай.

Правда, в решении проблем асимметрии имеется большой дипломатический опыт переговоров СССР/России и США по стратегическим вооружениям (начиная с ОСВ-1 от 1972 г.), которым великие державы при необходимости могут поделиться. Наличие третьего члена ядерного уравнения тоже не новость. Это десятилетиями затрудняло переговоры Москвы и Вашингтона по ОСВ/СНВ и РСМД, поскольку ядерные силы первой были ориентированы, помимо США, также на сдерживание Великобритании, Франции и КНР. А в последнее время в похожей ситуации оказался Вашингтон, проецируя будущий курс ядерного сдерживания не только на Россию, но и на Китай. Впрочем, и для этого случая исторический опыт показывает, что при наличии благоприятных политических условий военно-стратегические проблемы могут успешно решаться.

Наконец, два ядерных государства на противоположных окраинах Евразии (и перспективной Евразийской системы международной безопасности) – это Израиль и КНДР². Они представляют собой особый случай, поскольку их ядерные вооружения не могут стать предметом классических соглашений по ограничению вооружений. Широко рекламируемые со стороны КНДР и «негласные» (но общепризнанные) со стороны Израиля ядерные потенциалы не являются элементом какого-либо понятного ядерного баланса с другими странами. В обоих случаях эти средства призваны сдерживать враждебное воздействие любого вида, ставящее «под угрозу само существование государства», согласно вошедшей в стратегический обиход доктринальной крылатой формуле России. Поэтому решение невозможно найти в договорах об ограничении или сокращении аналогичных вооружений других государств. Развязка узлов противоречий на Ближнем и Дальнем Востоке лежит на пути утверждения режимов нераспространения ядерного оружия и ограничения других вооружений, заключения региональных договоренностей о мирном урегулировании политических, территориальных, военных и других вопросов под надежными международными гарантиями безопасности.

¹ По независимым источникам обе страны располагают примерно по 170 ядерными боезарядами на ракетных и авиационных носителях [SIPRI Yearbook, 2022: 391–403].

² По независимым оценкам, Израиль имеет 90 ядерных боезарядов, а КНДР – 20–50 единиц [SIPRI Yearbook, 2022: 404–412].

Конструктивная реновация

Для подключения к процессу третьих стран не годятся простые решения, нужны нетривиальные и в высшей мере избирательные подходы. Например, можно рассматривать варианты установления равных потолков на отдельный компонент стратегических сил с одной стороны России, а с другой – суммарно Великобритании и Франции. Тогда соглашение не легализует общее российское ядерное превосходство над двумя странами, но частично устранил обоюдные ядерные озабоченности. США и КНР могли бы обсудить такой же подход в двустороннем формате, согласовав равные ограничения на системы большой дальности, вызывающие у обеих держав наибольшее беспокойство. Для этого есть прецедент: по Временному соглашению ОСВ-1 от 1972 г. были установлены асимметричные ограничения не на все стратегические силы СССР и США, а только на их отдельные элементы [Newhouse, 1973].

Здесь едва ли уместно выдвигать детальные предложения для таких соглашений, пока другие ядерные государства не пересмотрели в принципе свой отказ участвовать в процессе. В то же время есть шансы, что возврат двух сверхдержав к ДСНВ-3 и возобновление переговоров о следующем соглашении облегчит привлечение третьих государств к практическому ограничению ядерных вооружений.

Для начала следует открыть диалог России с Великобританией и Францией. Тогда у Москвы наступит ясность с перспективой модернизации их ядерных потенциалов, что стало одним из доводов за приостановку участия России в ДСНВ-3 в 2023 г. По мере развития стратегических сил КНР облегчится начало китайско-американских переговоров. Возможно, от невятных предложений о «транспарентности» США перейдут к конкретным вариантам взаимного и равноправного ограничения вооружений, которые заинтересуют Китай не просто в плане приверженности Статье VI ДНЯО, а в целях обеспечения его национальной безопасности. Перспектива ограничения ядерного потенциала КНР уменьшит опасения Индии и создаст возможность ее переговоров с Пакистаном (и, возможно, с Китаем) об ограничении вооружений, что внесет солидный компонент стратегической стабильности в систему Евразийской безопасности. После этого совместными усилиями будет легче распространить режимы ядерного разоружения на Дальний и Ближний Восток.

Понятно, что приведенная «дорожная карта» имеет сугубо иллюстративный характер. Реальная жизнь всегда оказывается сложнее и вносит парадоксы в логические построения. Однако оторванность от объективной реальности и отвлеченные схемы решения вопросов неизбежно обрекают политику на неудачу, примеров чему в истории не счесть.

Вместо заключения

Поставленные в российской Концепции внешней политики цели совмещения перехода к новому мировому порядку и сохранения системы контроля над вооружениями – грандиозная задача. Причем сложность ее выполнения не только в объективных военно-политических и технических проблемах. Дело затрудняется и тем, что за рубежом и в России вот уже на протяжении ряда лет сформировались и обретают влияние на государственный курс вошедшие друг с другом в резонанс политические школы, открыто проповедующие отказ от системы ограничения ядер-

ных вооружений и нераспространения, возобновление гонки вооружений и ядерных испытаний, стимулирование других стран к обретению ядерного оружия и даже непосредственное применение ядерного оружия для решения тех или иных политических задач¹. Они словно возрождают в новых условиях старый лозунг с призывом разрушить все достигнутое за шесть прошлых десятилетий «до основания, а затем...». Правда, они не объясняют сколько-нибудь внятно, что будет «затем», но это не снижает разрушительный пафос отмеченной философии, которая ведет к превращению будущего полицентричного мира в ядерный хаос.

Очевидно, что нынешний кризис разоружения усугубляется небывалой конфронтацией между Россией и «коллективным Западом» из-за событий на Украине и вокруг нее. Однако рано или поздно боевые действия должны прекратиться, и начнется процесс мирного урегулирования конфликта. Альтернативой является лишь новая мировая война, чудовищные последствия которой не поддаются рациональному анализу. Вопреки умозрительным построениям некоторых кабинетных стратегов, переход через «ядерный порог» ведет не к размеренному шествию по лестнице эскалации, а к быстрому срыву в пропасть спонтанных массированных ядерных ударов.

Если такого удручающего «конца истории» посчастливится избежать, то нужно будет как можно скорее поставить вопрос восстановления системы контроля над вооружениями, без чего невозможна нормализация политической ситуации в Евразии и в глобальном масштабе. Устранение международно-политических препятствий для восстановления Договора СНВ-3 откроет путь к следующему соглашению в этой сфере, что облегчит привлечение к процессу других ядерных государств, укрепление режимов нераспространения ядерного оружия и ограничение новейших неядерных вооружений и разрушительных военных технологий. Только на такой основе возможно обеспечить стабилизацию многостороннего ядерного сдерживания и продвижение к безопасному полицентричному миропорядку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Орлов В.А., Семенов С.Д. (ред.) (2023). *Новая ядерная девятка. Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире*. ПИР-Пресс, Москва. 233 с.

Чернышев А.К. (2021). *Поколение победителей. Академик А.Д. Сахаров в Атомном проекте СССР*. ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЖФ», Саров. 287 с.

Kissinger H. (1957). *A World Restored: Metternich, Castlereagh, and the Problem of Peace, 1812-1822*. Houghton Mifflin, Boston, the USA. 354 p.

McNamara R. (1968). *The Essence of Security: Reflections in Office*. Harper and Row, New York, the USA. 176 p.

Morgenthau H. (1948). *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York Alfred A. Knopf, New York, the USA. 516 p.

Newhouse J. (1973). *Cold Dawn: The Story of SALT*. Holt, Rinehart & Winston, New York, the USA. 302 p.

¹ John R. Bolton. Putin did the world a favor by suspending Russia's participation in New START. The Washington Post, 06.04.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/03/06/russia-china-united-states-tripolar-nuclear-powers/> (дата обращения: 21.08.2024); Караганов С.А. Век войн? Статья вторая. Что делать. Россия в Глобальной политике. 21.02.2024. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vek-vojn-chto-delat/> (дата обращения: 21.08.2024).

SIPRI Yearbook 1989: Armaments, Disarmament and International Security. (1989). Oxford University Press, Oxford. 564 p.

SIPRI Yearbook 2022: Armaments, Disarmament and International Security. (2022). Oxford University Press, Oxford. 757 p.

Nuclear Deterrence and Disarmament in a Polycentric World¹

A.G. Arbatov

Doctor of Sciences (History)

Head of the Center for International Security,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,

Russian Academy of Sciences

23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997

E-mail: *alarbatov@gmail.com*

Abstract. The experience of 60 years of nuclear arms control has been quite a success except one aspect – transition from a bilateral (the U.S.A. – U.S.S.R/Russia) to a multilateral format of limitation and reduction of nuclear arsenals. The reason has been a mistaken approach to a multilateral disarmament, which did not take into account a specific nature of multilateral nuclear deterrence among nuclear states. From now on, a transition to a multilateral format is becoming an indispensable condition for rescue of the system of nuclear disarmament and its adjustment to a polycentric world order, so that it does not turn into a nuclear chaos.

Keywords: nuclear deterrence, nuclear disarmament, multilateral world order, nuclear proliferation, nuclear arms limitation treaties, nuclear delivery vehicles

DOI: 10.31857/S0201708324050012

REFERENCES

Orlov V.A., Semenova S.D. (ed.) (2023). *Novaja jadernaja pjaterka. Ocenka ugroz rasprostraneniya jadernogo oruzhija v mire* [New nuclear five. Assessing the threat of nuclear weapons proliferation in the world]. PIR-Press, Moscow, Russia. (In Russian).

Chernyshev A.K. (2021). *Pokolenie pobeditelej. Akademik A.D. Saharov v Atomnom proekte SSSR* [Generation of winners. Academician A.D. Sakharov in the USSR Atomic Project]. FGUP “RFJaC-VNIIZhF, Sarov. (In Russian).

Kissinger H. (1957). *A World Restored: Metternich, Castlereagh, and the Problem of Peace, 1812–1822*. Houghton Mifflin, Boston, the USA.

McNamara R. (1968). *The Essence of Security: Reflections in Office*. Harper and Row, New York, the USA.

Morgenthau H. (1948). *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York Alfred A. Knopf, New York, the USA.

Newhouse J. (1973). *Cold Dawn: The Story of SALT*. Holt, Rinehart & Winston, New York, the USA.

SIPRI Yearbook 1989: Armaments, Disarmament and International Security. (1989). Oxford University Press, Oxford.

SIPRI Yearbook 2022: Armaments, Disarmament and International Security. (2022). Oxford University Press, Oxford.

¹ This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

УДК 328.1, 329.1

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕРМАНИИ КАК МЕЖДУНАРОДНОГО КОСМИЧЕСКОГО ШТАНДОРТА¹

© 2024 БЕЛОВ Владислав Борисович

Кандидат экономических наук

*Член дирекции Института Европы РАН, руководитель Отдела
страновых исследований и Центра германских исследований ИЕ РАН*

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

E-mail: belov@instituteofeurope.ru

Поступила в редакцию 23.07.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. В статье проведен анализ состояния и перспектив развития гражданского космического сектора экономики Германии с учетом презентованной в конце сентября 2023 г. новой космической стратегии, заменившей принятую в ноябре 2010 г. Обновление было согласовано в коалиционном договоре нового правительства в конце 2021 г. и подтверждено в Стратегии будущего в области исследований и инноваций в начале 2023 г. Рассмотрены предыстория формирования аэрокосмического комплекса ФРГ, основные результаты реализации Национальной программы для космоса и инноваций и первой космической стратегии, их влияние на содержание обновленных приоритетов. В статье сделана оценка перспектив дальнейшего развития Германии как конкурентоспособного космического штандорта, ориентированного на поиск устойчивой международной ниши в условиях резкого роста конкуренции, особенно в коммерческой сфере (*New Space*). Особое внимание уделено государственно-частному партнерству, роли предпринимательских групп интересов, их диалогу с властью, разработке национального закона по космосу, развитию существующей инфраструктуры и инно-

¹ Экономический штандорт (*Wirtschaftsstandort*) – это целенаправленно сформированное хозяйственно-политическое пространство, обладающее набором конкурентных преимуществ, позволяющих привлекать и удерживать основные факторы производства (труд и капитал). Дословно *Standort* переводится как местоположение/месторасположение. В экономгеографическом понимании понятие означает конкурентоспособный продукт (конкурирует за эти факторы с другими штандортными образованиями), созданный во взаимодействии федеральной/региональной/местной исполнительной и законодательной власти с организованными группами интересов бизнеса, представителями науки, образования и активной части гражданского общества. В Германии упомянутое многофакторное пространство подразделяется на организованные (с постоянной точечной настройкой), региональные (баварский, саксонский и др.) и вертикально-горизонтальные штандорты (промышленный, инновационный, научный, образовательный, туристический, водородный и др.).

вационным стартапам. Поставлена под сомнение способность правящей коалиции организовать успешный старт новой космической стратегии и наполнить ее конкретным содержанием. Сделан вывод, что этим, скорее всего, займется следующее правительство во главе с ХДС/ХСС.

Ключевые слова: Германия, ФРГ, Европейский союз, ЕС, США, Китай, Россия, космическая стратегия, штандорт, конкуренция

DOI: 10.31857/S0201708324050024

Германия, развязавшая и проигравшая Вторую мировую войну, по праву считается родиной инженеров, соединивших в 1930-е – начале 1940-х гг. теоретические основы отцов – основателей аэродинамики, реактивной и ракетной техники (в первую очередь российских – К.Э. Циолковского, Ф.А. Цандера, Ю.В. Кондратюка, и немецких – Г. Оберта, М. Валье, Л. Прандтля) с их практическим воплощением. Многие из них приняли участие в послевоенном развитии ракетостроения и создании космических секторов государств-победителей (США, СССР, Франции, Британии). Значителен западногерманский вклад в формирование космической промышленной и научно-образовательной сферы Европейского союза¹.

В отечественной научной литературе немного работ, посвященных политическим и экономическим вопросам развития авиакосмического комплекса ФРГ и объединенной Германии, его актуальной роли и места в ЕС и мире [Жданов, 2010; Попцов, 2019; Шугуров, 2023]. Статья посвящена анализу становления Германии как международного космического штандорта особенно в период 2010–2024 гг. и оценке перспектив реализации заявленных в новой германской космической стратегии (сентябрь 2023 г.) целей.

Создание основ космического штандорта ФРГ в первой половине XX – начале XXI вв.

В 1969 г. основан Германский аэрокосмический центр (*Deutsches Zentrum für Luft- und Raumfahrt, DLR*)², которому были поручены координация деятельности

¹ Также бесспорен вклад ученых и инженеров ГДР в развитие космической сферы государств-членов Совета экономической взаимопомощи. Первый немецкий космонавт – гражданин ГДР, а не ФРГ. Им стал Зигмунд Йен, совершивший с 26 августа по 3 сентября 1978 г. (около 8 суток) вместе с командиром корабля «Союз-31» Валерием Быковским полет на космическую станцию «Салют-6». Вторым стал гражданин ФРГ Ульрих Мербольд, осуществивший полет в космос на американской «Колумбии» в конце 1983 г. Особо отметим немецкого космонавта Александра Герста, слетавшего на Международную космическую станцию (МКС) на корабле «Союз» в 2014 и 2018 гг. Оба раза он проработал на ней около шести месяцев (всего более 362 суток), побывав в открытом космосе в общей сложности 6 часов 13 минут.

² В 2024 г. центр объединял 54 научно-исследовательских института и другие специализированные организации, расположенные в 30 городах ФРГ. DLR – ключевой элемент германской инфраструктуры, координирующий все направления развития немецкого космического штандорта в соответствии с государственной программой и стратегиями. Финансирование его научной деятельности осуществляется из федерального и земельных бюджетов, а также за счет привлеченных средств, в т. ч. коммерческих заказов от бизнеса. Подробно о деятельности см.: DLR. URL: <https://www.dlr.de/en/dlr/about-us> (дата обращения: 01.08.2024). См. также: [Попцов, 2019].

немецких компаний и учреждений в сфере космоса, организация научных исследований, а также разработка и реализация национальных и международных космических программ. В том же году создан Германский центр космических операций (*German Space Operations Center, GSOC*) в Оберпфaffenхофене – ключевой элемент немецкой космической инфраструктуры. В 1969 г. ФРГ также запустила свой первый искусственный спутник «Ацур» (*Azur*), созданный для исследования космических лучей и частиц солнечного ветра. Запуск показал способность страны разрабатывать и реализовывать собственные миссии в космосе. Считается, что именно это событие ознаменовало начало космической эры западногерманского государства.

Основным партнером Западной Германии в Европе изначально была Франция [см. также: Клинова, 2024]. Обе страны стали инициаторами создания в 1975 г. Европейского космического агентства (*European Space Agency, ESA*), взяли на себя ведущую роль в разработке и реализации его программ, в т. ч. в создании спутников и ракет-носителей, прежде всего серии «Ариан» (*Ariane*) с 1979 г. В рамках франко-германской кооперации ФРГ участвовала в разработке и использовании спутников по дистанционному зондированию Земли (*Satellite d'observation de la Terre, SPOT*; миссии 1986, 1990, 1993 гг.) и наблюдению за ее поверхностью в военно-разведывательных целях («Гелиос», *Helios*; с 1995 г.). Берлин и Париж выступали основными разработчиками крупнейшего спутника *ESA* «Энвисат» (*Envisat*; 2002 г.), а также сотрудничали в создании и эксплуатации европейского модуля «Коламбус» (*Columbus*) для МКС (2008 г.), предназначенного для проведения научных экспериментов в условиях микрогравитации. С начала 2000-х гг. ФРГ и Франция стали основными разработчиками программы «Галилео» (*Galileo*) – глобальной навигационной спутниковой системы, созданной как альтернатива американской системе глобального позиционирования (*Global Positioning System, GPS*). Они обеспечили разработку спутников, наземной инфраструктуры, основное финансирование и управление проектом.

ФРГ остается активным участником всех космических проектов рамочных программ ЕС (*Framework Programmes for Research and Technological Development, FP1 – FP7*) и их преемников «Горизонт 2020» (*Horizon 2020*) и «Горизонт Европа» (*Horizon Europe*), способствует развитию ключевых космических технологий и международному сотрудничеству. Кроме вышеупомянутых с Парижем коопераций Берлин, например, участвовал в проекте (в рамках двух последних программ) демонстрационных испытаний на орбите “*Per Aspera ad Astra*” (*PERASPERA In-Orbit Demonstration, PERIOD*; автономные роботизированные системы), а также в инициативах «Кооперативные роботы для экстремальных условий» (*Cooperative Robots for Extreme Environments, CoRob-X*; кооперация роботов), «Европейские роботизированные орбитальные службы поддержки» (*European Robotic Orbital Support Services, EROSS+*; робототехника для обслуживания спутников).

В 1999 г. ФРГ стала членом тогда же основанной при ее поддержке Европейской межпарламентской конференции по космосу (*European Interparliamentary Space Conference, EISC*). Полноценными участниками *EISC* могут быть националь-

ные парламенты государств – членов ЕС и Европейского космического агентства (по состоянию на лето 2024 г. их было 14). Условием участия выступает наличие парламентской комиссии (или объединения) по вопросам космоса. Цель конференции – обмен информацией между парламентариями в области космической политики. Резолюции, принятые на заседаниях конференции, не являются обязательными и в основном призваны побуждать европейских законодателей осмысливать свою роль в космическом секторе.

В 1983–1998 гг. ФРГ сотрудничала с американской Национальной ассоциацией аэронавтики (*National Aeronautics and Space Administration, NASA*) в разработке модульной космической лаборатории «Спейслаб» (*Spacelab*), которая позволила осуществить более 20 научных экспедиций. В 1983 г. первый западногерманский космонавт Ульрих Вальтер совершил космический полет на американском шаттле «Колумбия». В 1990 г. ФРГ запустила спутник «Росат» (*Roentgen Satellite, ROSAT*), разработанный в сотрудничестве с США и Британией. Аппарат изучал рентгеновские излучения и выявил тысячи их новых космических источников, что позволило создать первую полноценную рентгеновскую карту неба. В 2007 г. DLR и NASA осуществили совместный проект «Стратосферная обсерватория ИК-астрономии» (*Stratospheric Observatory for Infrared Astronomy, SOFIA*). Это летающая обсерватория на базе «Боинг 747» (*Boeing 747*) с телескопом, работающим в инфракрасном диапазоне и позволяющим исследовать звезды, планеты и галактики.

В 2007 г. ФРГ запустила собственный спутник «ТерраСар-Икс» (*TerraSAR-X*), в 2010 г. – его аналог «ТанДем-Икс» (*TanDEM-X*). Оснащенные синтезированной апертурой, позволяющей получать высококачественные изображения Земли независимо от погодных условий и времени суток, они передают данные, которые до сих пор используются в геоинформационных системах, картографии и в управлении природными ресурсами.

В 1992 г. в объединенной Германии была создана должность координатора правительства по аэрокосмической отрасли, которому поручено курировать вопросы, связанные с развитием национальной авиационной и космической отраслями, включая взаимодействие с *ESA* и другими международными организациями.

Первые национальные программа и стратегия Германии по развитию космического штандорта

Успехи в космосе с начала 1970-х гг. побудили германское руководство в конце 2000-х гг. определиться со стратегическими направлениями развития национальной космической отрасли. Вторая коалиция под руководством А. Меркель в составе ХДС/ХСС и СвДП в конце октября 2009 г. договорилась разработать комплексную стратегию и программу становления этой инновационной части немецкого хозяйственно-политического штандорта, способные укрепить конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность. В коалиционном соглашении указано, что «Германии нужны четкие целеполагания в сфере космоса. С этой целью в течение года будет разработана независимая космическая стратегия с ясной миссией и тех-

нологическими целями»¹. Через год были презентованы Национальная программа для космоса и инноваций (*Nationales Programm für Weltraum und Innovationen, NPWI*) и стратегия под названием «За ориентированный в будущее германский космический комплекс»².

NPWI сосредоточена на конкретных задачах и инициативах в области космоса. Она направлена на финансирование, разработку и реализацию различных космических проектов, среди которых детальные планы и меры по созданию спутников, ракет-носителей, участию в международных миссиях, развитию инфраструктуры, технологий, коммерциализации космического сектора в рамках государственно-частных партнерств (ГЧП).

Стратегия предлагает более широкий и долгосрочный взгляд на развитие космической отрасли. Она определяет ключевые направления и приоритеты государственной политики в космосе, основываясь на необходимости обеспечения технологического лидерства ФРГ, повышения конкурентоспособности, устойчивого развития, международного сотрудничества.

Разработка и принятие обоих стратегических документов стали важным шагом в позиционировании Германии как одной из ведущих европейских стран в области освоения космического пространства, в развитии инновационных разработок и инициатив в этом направлении, а также их практического использования. Три правительственных коалиции под руководством А. Меркель с 2010 по 2021 гг. пытались решить поставленные в них задачи.

К успехам можно отнести реализацию нескольких проектов спутникового наблюдения *ESA*, прежде всего связанных с мониторингом изменения климата и управлением природными ресурсами; дальнейшее совершенствование системы глобальной навигации; вклад немецких научно-исследовательских учреждений в значимые международные космические миссии, например «Марс-экспресс» (*Mars Express*) и «Солар орбитер» (*Solar Orbiter*), укрепивший репутацию Германии как одного из ключевых игроков в космической науке.

Отметим несколько инициатив *DLR*. В 2010 г. стартовал проект «Космические исследования и разработки в рамках мероприятий по НИОКР», который способствовал усилению международных позиций Германии, а также стимулированию инноваций и коммерциализации в космическом секторе. В 2013 г. началась реализация инициативы «ИННОспейс» (*INNOspace*), направленной на поддержку инноваций в космосе на стыке с такими отраслями, как авиационная, автомобильная и информационно-коммуникационная. Основные цели включали создание межотраслевых связей, ускорение трансфера технологий, стимулирование новых бизнес-моделей, в т. ч. стартапов. В 2015 г. в Тестовом центре для ракетных двигателей в Лампольдсхаузене было завершено строительство нового испытательного стенда *P5.2* для ракеты-носителя *Ariane 6*. Испытания нового поколения ракетных двигателей и их компонентов внесли значительный вклад в ев-

¹ Wachstum. Bildung. Zusammenhalt. Der Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und FDP. 17. Legislaturperiode. 10.2009. Berlin. S. 132.

² Für eine zukunftsfähige deutsche Raumfahrt. Die Raumfahrtstrategie der Bundesregierung. BMWi. 2010. 34 S.

ропейскую космическую программу. Одновременно расширены возможности мониторинга и управления космическими миссиями Германского центра космических операций.

Определенный прогресс был достигнут в коммерциализации космоса [Kind et al., 2020]. В обозначенный период государство поддержало создание ряда стартапов и компаний, которые в первую очередь занимались разработкой малых ракет-носителей и спутников. Это способствовало росту предпринимательской деятельности, ставшей одним из важнейших факторов становления немецкого космического штандорта¹. Со стороны предпринимательского сообщества инициативу по развитию нового сегмента рынка, получившего название «Новый космос» (*New Space*), взял на себя Федеральный союз германской промышленности (*Bundesverband der Deutschen Industrie, BDI*). Осенью 2019 г. *BDI* провел первый космический конгресс. Накануне мероприятия вышли рекомендации по укреплению штандортной конкурентоспособности Германии в космосе и ее продвижению на международном рынке космических услуг. Основное положение документа – призыв к правительству увеличить капиталовложения в этот сегмент экономики, сохранять стратегическую автономию, создавать благоприятные для частных инвестиций нормативно-правовые рамочные условия, содействовать реализации амбициозных проектов, бороться с космическим мусором, регулировать добычу полезных ископаемых в космическом пространстве на международном уровне и добиваться запусков из Германии в режиме «точно в срок» (*Just-in-Time*)². В этом контексте *BDI* выдвинул идею создания национального космодрома для низкоорбитальных ракет-носителей в Северном море. В 2022 г. она была поддержана коалиционным правительством во главе с О. Шольцем.

По мнению немецких и австрийских экспертов, проводивших с декабря 2019 г. по март 2021 г. по заказу Федерального министерства экономики и энергетики аудит *NPWI*, поставленные в 2010 г. цели по созданию и развитию передовых космических технологий, поддержке научных исследований и стимулированию коммерциализации в течение периода с 2011 по 2018 гг. в основном были достигнуты. За эти годы были реализованы 1270 проектов и 2034 гранта, на которые было выделено около 2,14 млрд евро. По оценкам аудиторов, более 80% из них успешно осуществлены. В реализации было задействовано 252 получателя грантов и 601 подрядчик/исполнитель. В программе участвовали научно-исследовательские институты, университеты, крупные концерны, а также малые и средние фирмы, однако количество стартапов было минимальным [Institut für Innovation und Technik et al., 2021].

¹ В 2016 г. по заказу Федерального министерства экономики и энергетики проведено исследование перспектив коммерциализации космического сектора (см.: *NewSpace – Geschäftsmodelle an der Schnittstelle von Raumfahrt und digitaler Wirtschaft. Chancen für Deutschland in einer vernetzten Welt. Studie im Auftrag des Bundesministeriums für Wirtschaft und Energie. SpaceTec Partners; BHO Legal. 2016. 18 S.*). Разработанные авторами рекомендации учтены последней коалицией во главе с А. Меркель. Правительство предприняло ряд шагов по поддержке инновационных стартапов в космическом секторе.

² *Zukunftsmarkt Weltraum. Handlungsempfehlungen der deutschen Industrie. BDI. 10.2019. 32 S. URL: <https://bdi.eu/publikation/news/Zukunftsmarkt-Weltraum> (дата обращения: 01.08.2024).*

Германия продолжила развивать международное сотрудничество, которое включило ряд значимых проектов и инициатив, направленных на совместное исследование космоса и развитие космических технологий. Отметим начатый в 2014 г. американский проект «Артемида-1» (*Artemis 1*; беспилотная миссия вокруг Луны). В рамках соглашения *ESA* и *NASA* ФРГ стала одним из основных исполнителей в создании Европейского сервисного модуля для космического корабля «Орион» (*Orion*). Важное место в международной кооперации Германии занимала Россия. После февраля 2022 г. по инициативе официального Берлина совместные научные проекты и эксперименты, финансируемые немецким государством, были приостановлены и в основном отменены. В частности, *DLR* полностью прекратил научно-техническое сотрудничество с РФ [см. также: Белов, 2022; Шугуров, 2023].

Вторая германская космическая стратегия

В ноябре 2021 новые коалиционеры – социал-демократы, зеленые и либералы – с учетом существенных изменений, которые произошли в освоении космоса за последнее десятилетие¹, приняли решение об обновлении стратегии по развитию германского космического штандорта и закрепили это положение в коалиционном договоре.

В этот раз подготовка стратегического документа была не такой быстрой, как во времена А. Меркель. Он существенно задержался и был презентован только в конце сентября 2023 г. Ожидалось, что отдельные цели стратегии будут изложены в Стратегии интегрированной безопасности (июнь 2023 г.). Однако в документе основное внимание космическому сектору уделено как одному из ключевых элементов национальной безопасности, а не как гражданской части германского штандорта. Авторы подчеркнули важность защиты космической инфраструктуры, усиления национального и европейского суверенитета в космической сфере, а также разработки мер по предотвращению и сдерживанию угроз в космосе. Они указали на необходимость укрепления международного сотрудничества в этой области через партнерства в рамках Евросоюза и НАТО как важнейшей основы обеспечения безопасности и устойчивости космических операций. В этом контексте было заявлено о разработке стратегии космической безопасности (без указания сроков)². Гражданские хозяйственно-политические аспекты были упомянуты только «на полях».

Возможно, федеральное правительство считало, что будет достаточно принятой в феврале 2023 г. Стратегии будущего в области исследований и инноваций, в которой обозначено шесть основных приоритетов (миссий). Пятая миссия опре-

¹ Например, в мире количество запусков ракет в год стало почти в три раза больше, а выводимых в космос спутников – в 20 раз.

² В документе указано: «Для этого федеральное правительство разработает стратегию космической безопасности, в которой будут определены будущие направления действий по защите и обороне в космосе и общегосударственной подготовке по обеспечению устойчивости, а также описаны меры по укреплению военного потенциала за счет использования космического пространства». См.: Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. Auswärtiges Amt. 06.2023. S. 62–63.

делена как «укрепление космической отрасли, исследование, защита и устойчивое использование космоса и морей». Основными положениями стали разработка новой космической стратегии; укрепление национального космического штандорта и усиление позиций Германии в космической сфере за счет роста инвестиций в НИОКР и усиления автономности в реализации собственных проектов, включая коммерческие; более глубокое изучение космоса для лучшего понимания глобальных вызовов, более эффективной защиты климата от угроз, устойчивого и рационального использования ресурсов; вывод ФРГ на лидирующие позиции в международных организациях и проектах, направленных на разработку глобальных стандартов и правил по защите и устойчивому использованию космоса¹.

Обновленную гражданскую космическую стратегию подготовило Федеральное министерство экономики и защиты климата (*Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz, BMWK*). Авторы учли содержание пятой миссии и определили следующие приоритетные направления будущего германского космического штандорта:

- развитие комплексного европейского и международного сотрудничества;
- содействие коммерциализации космоса: поддержка сектора *New Space*, частных инвестиций и новых компаний, особенно стартапов, специализирующихся на разработке технологий и производстве малых спутников и малых ракетносителей;
- обеспечение независимости Германии в доступе к космосу: развитие немецких и европейских ракет-носителей, более активное участие в международных миссиях по наблюдению Земли и научных исследованиях, таких как «Эксперимент по восстановлению гравитации и климату» (*Gravity Recovery And Climate Experiment, GRACE*) и сотрудничество с Японией в рамках проекта «Демонстрация и эксперимент космической техники для межпланетного путешествия с пролетом Фазтона и наукой о пыли» (*Demonstration and Experiment of Space Technology for Interplanetary Voyage with Phaethon Flyby and Dust Science, DESTINY+*);
- устойчивое использование космоса, где особое внимание уделяется вопросам управления космическим мусором и разработке стандартов для его минимизации;
- развитие цифровых инструментов и платформ для обработки данных, полученных из космоса, с упором на использование для борьбы с изменением климата и защиты окружающей среды;
- разработка национального закона о космосе, который должен обеспечить четкую и предсказуемую правовую основу для космической деятельности особенно частных компаний;
- организация штандортного диалога с бизнесом и гражданским обществом касательно космических полетов среди прочего для привлечения талантов².

¹ Zukunftsstrategie Forschung und Innovation. BMBF. 02.2023. S. 68–72.

² Raumfahrtstrategie der Bundesregierung. BMWK. 09.2023. 60 p.

Несмотря на то, что вторая стратегия по объему примерно в два раза больше первой, в ней много расплывчатых формулировок, отсутствуют четко прописанные механизмы и инструменты достижения целей и решения задач, а также источники финансирования программ и проектов.

Новое качество космической отрасли

К 2023 г. значительно выросла социально-экономическая роль современной космической отрасли. Такое развитие стало следствием научно-технологического прогресса, который значительно сократил финансовые затраты на создание и эксплуатацию спутниковых группировок. Существенно увеличилось количество связанных с космическими технологиями решений и приложений, ориентированных на использование в различных сферах экономики. Стартапы и инновационные компании активно используют их для расширения бизнеса на традиционных рынках и выхода на новые. С каждым годом отрасль все больше выходит за рамки развития ракетно-космических комплексов и создания спутников. *New Space* придает дополнительные импульсы развитию различных рыночных ниш и содействует укреплению устойчивости инфраструктуры национальных хозяйств.

Космические решения и приложения в основном связаны со связью/коммуникацией, навигацией, наблюдениями за атмосферой и земной поверхностью. В ближайшие десятилетия они распространятся на космическую солнечную энергию, промышленное производство в космосе и освоение ресурсов Луны, что окажет значительное влияние на перемены в народнохозяйственных системах.

Немецкая консалтинговая компания «Роланд Бергер» (*Roland Berger*) и *BDI* через три недели после презентации новой космической стратегии ФРГ опубликовали итоги совместного исследования, посвященного хозяйственно-политическим аспектам освоения космоса. Авторы пришли к выводам, что объем мирового рынка связанных с космосом технологий, таких как Глобальная навигационная спутниковая система (*Global Navigation Satellite System, GNSS*), наблюдения за поверхностью Земли (*Earth Observation, EO*), спутниковая коммуникация («Сатком», *SatCom*), к 2031 г. составит около 620 млрд евро, а к 2040 г. – 1 трлн 250 млрд евро. В 2021 г. он был равен 320 млрд евро. Спрос на спутниковые услуги со стороны сельского хозяйства к 2040 г. может вырасти с 7 млрд евро до 61 (+771%), автомобильного сектора – с 71 до 217 (+204%), сфер туризма, здравоохранения, потребительских товаров – с 117 до 791 (+575%), инфраструктуры и транспорта – с 8 до 15 млрд евро (+78%) [*Roland Berger, BDI, 2023*].

ФРГ уступает ведущим игрокам по государственному финансированию космического сектора. Его доля в ВВП США в 2022 г. составила 0,24%, Франции – 0,15%, Китая – 0,07%, Германии – 0,06%. Количество проектов, в рамках которых частные инвесторы с 2013 по 2022 гг. вкладывали капиталы в компании, занятые в сфере космоса, в США составило 506 единиц, их объем – 73 млрд евро; в Китае – 48 и 62,2 млрд; во Франции – 43 и 1,3 млрд; в Германии – 31 и 0,9 млрд соответственно. [*Roland Berger, BDI, 2023*].

Помимо партнерской конкуренции со странами коллективного Запада (США, Франция, Италия, Британия, Япония) Германия испытывает растущее давление со стороны государств глобального Юга, прежде всего Китая, Индии и ОАЭ.

М. Хадер, старший партнер *Roland Berger* (и один из авторов вышеупомянутого исследования), подчеркивает, что ФРГ не должна изобретать велосипед для сохранения конкурентоспособности штандорта в рыночной борьбе с другими космическими державами. Изучение передового опыта, в первую очередь США, дает возможность определить, в каких секторах экономики и как начать систематическое внедрение передовых космических решений. Практика свидетельствует, что первоначальный спрос следует формировать за счет государственных структур. Его предсказуемость и устойчивость позволяет компаниям, разрабатывающим инновационные решения и выводящим их на рынок, через масштабирование своей деятельности снижать затраты и делать продукты более доступными для заинтересованных потребителей. Особая роль в этом принадлежит механизму государственно-частного партнерства. Технологический прогресс объективно ведет к значительному сокращению финансовых и прочих затрат на создание и эксплуатацию спутниковых группировок, что делает космические приложения экономически эффективным вариантом для отраслей, стремящихся к расширению или выходу на новые рынки¹. Важную роль в этом играют инновационные стартапы в Европе [Камолов, Миракова, 2019].

Немецкие космические стартапы

По данным берлинской консалтинговой компании «Капитол моментум» (*Capitol Momentum*), в 2023 г. в Германии насчитывалось 125 стартапов, работающих в авиакосмическом секторе. На основе анализа 92 из них эксперты пришли к выводу, что оборот входящих в эту группу 65 фирм составил около 900 млн евро. Эта сумма эквивалентна примерно 30% оборота всей немецкой космической отрасли. Половина из стартапов-респондентов относилась к производственному сектору – изготовление небольших ракет, спутников, компонентов, а также программного обеспечения для космических полетов. 38% – это сектор услуг, включая инжиниринг и анализ спутниковых данных. Компании фокус-группы в основном расположены в районе большого Мюнхена (32 стартапа), Берлине (15) и регионе Рейн-Майн (13). У 76% респондентов были клиенты в сельском хозяйстве, логистике, нефтяной и фармацевтической отраслях, что свидетельствует о проникновении *New Space* во все большее количество отраслей народного хозяйства².

Наиболее известными космическими стартапами являются три компании с юга Германии, выпускающие небольшие ракеты-носители (микролаунчеры, *Microlooun-*

¹ Hader M. Die Bedeutung der Raumfahrt für Deutschlands wirtschaftliche Wettbewerbsfähigkeit, Souveränität und Nachhaltigkeitsziele. Roland Berger. 18.10.2023. URL: <https://www.rolandberger.com/de/Insights/Publications/Weltraumbeflügeltes-Deutschland.html> (дата обращения: 01.08.2024).

² Müller R. Aerospace Industry in Germany. GTAI. 06.02.2024. URL: <https://www.gtai.de/en/invest/industries/services/logistics/aerospace-industry-68454> (дата обращения: 01.08.2024).

cher) для вертикального вывода грузов на околоземную орбиту (от 200 до 600 км) – «ХайИмпульс Технолоджис» (*HyImpulse Technologies*) в земле Баден-Вюртемберг и баварские «Изар Аэропейс» (*Isar Aerospace*) и «Рокет Фэктори Аугсбург» (*Rocket Factory Augsburg, RFA*)¹.

Hyimpulse Technologies разработал трехступенчатую ракету-носитель «СЛ-1» (*Small Launcher SL1*) высотой 27 м (полезная нагрузка массой до 500 кг) и суборбитальную (до 200 км) исследовательскую ракету «СР-75» (*SR75*; до 350 кг). У *Isar Aerospace* – это 27-метровая двухступенчатая ракета «Спектр» (*Spectrum*; до 1000 кг на низкую или до 750 кг на солнечно-синхронную орбиту). Основным продуктом стартапа из Аугсбурга – трехступенчатая ракета-носитель *RFA One* высотой в тридцать метров (нагрузка до 1,6 т). Две последних компании планируют использовать свои ракеты для размещения спутниковых группировок, таких как спутники «СпейсИкс» (*SpaceX*) и «Старлинк» (*Starlink*).

Важное преимущество микролаунчеров состоит в возможности их гибкого использования, коротких периодах подготовки к запуску, относительно невысоких ценах, что делает их особенно привлекательными для научно-исследовательских институтов. С точки зрения стоимости доставки полезного груза, из трех стартапов наиболее конкурентоспособными к 2030 г. могут стать ракетоносители *RFA One*, за которыми следуют *SL1* и *Spectrum*. Тем не менее последние уступают новой европейской «Ариан-6» и запущенной еще в 2010 г. «Фалкон-9» (*Falcon 9*) (1 кг обходится в 1500 долл.). *RFA One* не такая эффективная как разрабатываемые компанией И. Маска *SpaceX* ракеты «Фалкон Хэви» (*Falcon Heavy*) и «Старшип» (*Starship*) (см. рис. 1). По оценкам экспертов, у последней стоимость доставки одного килограмма будет составлять пару сотен долларов.

Именно для таких компактных ракет Альянс немецких морских космодромов (*German Offshore Spaceport Alliance, GOSA*)² разработал проект мобильной морской платформы в Северном море. Первый пуск планировался летом 2024 г., но был перенесен на 2025 г. Причина заключалась в традиционной немецкой бюрократии, сложности согласования взаимодействия государства и частного бизнеса. Среди

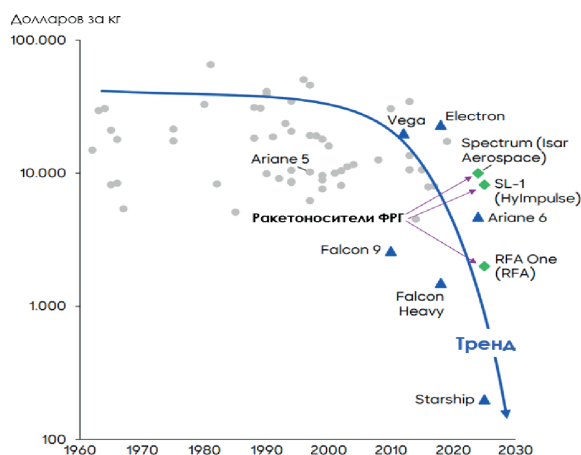
¹ Каждый из этих стартапов стал победителем инновационных конкурсов в сфере космоса, которые, как правило, проводит DLR при поддержке ESA. *Hyimpulse Technologies* был отмечен на *INNOspace Masters 2020* в категории разработки гибридных ракетных двигателей, *Isar Aerospace* и *RFA* – на *Microlauncher Competition 2020/2021*. Среди других подобных мероприятий отметим конкурс новаторских решений в области исследований дальнего космоса (*DLR Space Exploration Innovation Contest*); «Коперник мастера» (*Copernicus Masters*) в области разработки инновационных приложений и услуг на основе данных, получаемых спутниками программы *Copernicus*); «Проблемы инноваций в космическом управлении» (*Space Administration Innovation Challenges*) в решении широкого спектра вызовов, включая спутниковые системы, ракетоносители, робототехнику, искусственный интеллект и устойчивое использование космического пространства.

² *GOSA* создан в 2020 г. четырьмя компаниями, каждая из которых имеет свою специализацию в морских специализированных судах/платформах, транспортировке/логистике, создании ракет-носителей или коммуникации. Базовое место запуска расположено в немецкой исключительной экономической зоне в Северном море примерно в 400 км от Бремерхафена. (Более подробно см.: Белов В.Б. Перспективы создания Германией космодрома в Северном море // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. №4. С. 70–82. DOI: 10.15211/vestnikieran420247082).

причин – отсутствие соответствующего национального закона, регулирующего вопросы космических полетов¹.

Рисунок 1

Динамика стоимости доставки одного килограмма полезного груза в космос различными ракетносителями с 1960 по 2030 гг.*

*2023–2030 гг. – прогнозная оценка.

Источник: [Roland Berger, BDI, 2023].

Институциональные рамки коммерческого космоса

Существенное препятствие для коммерческого использования ракет-носителей – задержка с подготовкой давно ожидаемого национального закона о космосе, который должен четко прописать правовые положения касательно космических запусков из Германии, включая вопросы ответственности, защиты климата и правовых отношений частных компаний с государством. Разработка законопроекта была согласована еще в коалиционном соглашении ХДС/ХСС и СДПГ в 2018 г., но положение не было реализовано. 27 мая 2024 г. депутаты бундестага во время дебатов по этому вопросу пришли к выводу, что одна из основных причин – затянувшееся внутриведомственное согласование, а также его непрозрачность, которая не позволяет заинтересованным участникам (в первую очередь из бизнеса, науки, образования) получить информацию о текущей законодательной процедуре для космического права, провести экспертизу и предоставить рекомендации². Такая ситуация

¹ Эти факторы также тормозят развитие немецкого сектора инновационных малых и средних фирм, который по своим размерам и темпам роста в разы уступает североамериканскому.

² Nationales Weltraumgesetz in der Ressortabstimmung. Bundestag. Wirtschaft – Antwort – hib 348/2024. 27.05.2024. URL: <https://www.bundestag.de/presse/hib/kurzmeldungen-1004798>; см. также: Raumfahrtstrategie der Bundesregierung. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Uwe Schulz, Leif-Erik Holm, Dr. Malte Kaufmann, weiterer Abgeordneter und der Fraktion der AfD – Drucksache 20/10803. URL: <https://dsriver.bundestag.de/btd/20/111/2011126.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).

объективно ухудшает предпосылки для дальнейшего развития Германии как конкурентоспособного международного космического штандорта.

BMWK в начале мая 2024 г. заявило, что предпринимает необходимые усилия для разработки нового космического законодательства, но не смогло предоставить конкретный график работ. Эксперты надеются, что принятие аналогичного европейского закона, которое уже несколько раз откладывалось¹, ускорит разработку германского, а также создаст правовую основу для немецких запусков ракет [см. также: Энтина, 2023].

Выводы

55 лет назад началась космическая эра Германии. С 1969 г. в ФРГ формируется хозяйственно-политическое пространство, объединяющее различных заинтересованных участников, вовлеченных в аэрокосмический сектор. Среди них – представители государства, бизнеса, науки, образования, активной части гражданского общества. Это основные стейкхолдеры, целенаправленно создающие/формирующие национальный космический штандорт как продукт, конкурирующий с другими пространствами за факторы капитала, рабочей силы, услуг. Основная роль до начала 2000-х гг. принадлежала государственным субъектам (прежде всего *DLR*), создавшим основы космической инфраструктуры и привлекательные рамочные условия для вовлечения в нее других заинтересованных участников, роль и влияние которых стало расти. Однозначными сравнительными преимуществами ФРГ остаются научная школа и мощный исследовательский потенциал, формируемый десятками специализированных институтов и учреждений.

Ответом государства на требования стейкхолдеров, а также на сигналы рынка стало принятие в 2010 г. вторым коалиционным правительством А. Меркель Национальной программы по космосу и первой космической стратегии. Учитывая стремление бизнеса развивать *New Space*, Берлин усилил поддержку частного сектора, в частности в формате ГЧП. Наряду с дальнейшим развитием *DLR* и углублением международного сотрудничества, это позволило добиться успехов в формировании национального космического штандорта и укреплении его конкурентоспособности. Однако США в последние годы существенно опередили ФРГ в сфере коммерческого использования космоса. Обозначилось отставание в разных областях от других стран. Это определило необходимость обновления стратегии в 2023 г., в которой правительственная коалиция особое внимание уделила новой космической экономике, а также повышению независимости/автономии и устойчивости германского штандорта.

Несмотря на необходимость увеличения государственного финансирования космического сектора, кабинет министров в 2024 г. сократил его. В следующем году ситуация вряд ли изменится, что ставит под сомнение успех реализации основных стратегических положений обновленного документа. Одновременно возросли межведомственные разногласия, обусловленные партийными противоречиями. Не-

¹ Принятие европейского закона ожидается не ранее 2025 г.

ясными остаются перспективы разработки и принятия закона о космосе. В 2022–2023 гг. обозначилась тенденция к милитаризации космического сектора. К явным минусам правящей коалиции следует отнести санкционный отказ весной 2022 г. от многосторонней кооперации с Роскосмосом и решение руководства DLR заменить его сотрудничеством с другими партнерами.

До выборов в бундестаг и формирования нового правительства (осень 2025 г.), которое с высокой долей вероятности возглавит блок ХДС/ХСС, не следует ожидать прорывных изменений в формировании немецкого космического штандорта. Возможно, успехи будут достигнуты в течение последующих четырех лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов В.Б. (2022) Новое правительство ФРГ и германо-российские отношения. Фактор Украины. Часть 3. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 3. С. 70–82. DOI: 10.15211/vestnikieran320227082
- Жданов В.Л. (2010) Основоположники американской и германской космической политики. *Вестник Военного университета*. № 1(21). С. 81–87.
- Камолов С. Г., Миракова Д. А. (2019) Коммерциализация космической деятельности: ключевые тренды современности. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. № 7. С. 52–63. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-7-52.
- Клинова М.В. (2024) Космическая «нить Ариадны» для Франции и Европы в середине XX–XXI веков. *Новая и новейшая история*. № 4. С. 159–172. DOI: 10.31857/S0130386424040127
- Попцов Д. (2019) Европейский космос и немецкий прагматизм. *Экспертные колонки РСМД*. 13.11. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/space/evropeyskiy-kosmos-i-nemetskiy-pragmatizm/> (дата обращения: 01.08.2024).
- Шутуров М.В. (2023) Международное научно-техническое сотрудничество с участием России в космической сфере в условиях санкций: итоги и перспективы. *Политика и Общество*. № 4. С. 14–35. DOI: 10.7256/2454-0684.2023.4.69123
- Энтина Е.Г. (2023) Методы повышения конкурентоспособности космической деятельности ЕС. *Современная Европа*. № 7. С. 49–63. DOI: 110.31857/S0201708323070045
- Institut für Innovation und Technik, Kerlen Evaluation, KMU Forschung Austria (2021) *Evaluation des Nationalen Programms für Weltraum und Innovation*. iit, Berlin, Germany. 189 p.
- Kind S., Jetzke T., Nögel L, Bovenschulte M., Ferdinand, J.-P. (2020) *New Space – neue Dynamik in der Raumfahrt*. Büro für Technikfolgen-Abschätzung beim Deutschen Bundestag, Berlin, Germany. 132 p. DOI: 10.5445/IR/1000130986
- Roland Berger, BDI (2023) *Weltraumbeflügeltes Deutschland*. 35 p. URL: <https://www.rolandberger.com/de/Insights/Publications/Weltraumbefl%C3%BCgeltes-Deutschland.html> (accessed: 01.08.2024).

Emergence of Germany as an International Space Standort

V.B. Belov

Candidate of Sciences (Economics)

*Member of Director Board of IE RAS, Chief of Department for countries researches and of Center for German studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009*

E-mail: belov@instituteofeurope.ru

Abstract. This article analyses the current state and future prospects of Germany's civil space sector. In late September 2023, a new space strategy was presented, replacing the previous one adopted in November 2010. The update was aligned with the coalition agreement of the new government at the end of 2021. The goals and objectives were further refined in the Future Strategy for Research and Innovation at the beginning of 2023. The author explores the historical

background of the formation of Germany's aerospace complex, the main outcomes of the National Space Program, and the first space strategy from 2010 to 2023. Special attention is given to the reasons for and the necessity of refining strategic priorities. The article assesses the prospects for Germany's further development as a competitive space hub. The government is focused on finding a sustainable international niche. The challenge lies in the sharp increase in competition, particularly in the commercial sector (New Space). Competition is intensifying both from partners within the collective West and from countries in the Global South, primarily China and India. The article provides an analysis of public-private partnerships, the role of entrepreneurial interest groups, their dialogue with the government, the development of national space legislation, the advancement of existing infrastructure, and innovative startups. The author questions the ruling coalition's ability to successfully launch the new space strategy and fill it with specific content. It is concluded that this task will likely be taken up by the next government, led by the CDU/CSU.

Keywords: Germany, Federal Republic of Germany, European Union, EU, USA, China, Russia, space strategy, cosmic standart, competition

DOI: 10.31857/S0201708324050024

REFERENCES

- Belov V.B. (2022) Novoe pravitel'stvo FRG i germano-rossiiskie otnosheniia. Faktor Ukrainy. Chast' 3 [The new government of Germany and German-Russian relations. Ukraine factor. Part 3], *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, 3, pp. 70–82. DOI: 10.15211/vestnikieran320227082 (In Russian).
- Entina E.G. (2023) Metody povysheniia konkurentosposobnosti kosmicheskoi deiatel'nosti ES [Methods for improving the competitiveness of EU space activities], *Sovremennaiia Evropa*, 7, pp. 49–63. DOI: 110.31857/S0201708323070045 (In Russian).
- Institut für Innovation und Technik, Kerlen Evaluation, KMU Forschung Austria (2021) *Evaluation des Nationalen Programms für Weltraum und Innovation*, iit, Berlin, Germany.
- Kamolov S.G., Mirakova D.A. (2019) Kommerzializatsiia kosmicheskoi deiatel'nosti: kliuchevye trendy sovremennosti [Commercialization of space activities: key trends of modernity], *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 7, pp. 52–63. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-7-52 (In Russian).
- Kind S., Jetzke T., Nögel L, Bovenschulte M., Ferdinand, J.-P. (2020) *New Space – neue Dynamik in der Raumfahrt*, Büro für Technikfolgen-Abschätzung beim Deutschen Bundestag, Berlin, Germany. DOI: 10.5445/IR/1000130986
- Klinova M.V. (2024) Kosmicheskaiia “nit' Ariadny” dlia Frantsii i Evropy v seredine XX–XXI vekov [The “Ariadne's space thread” for France and Europe in the mid-20th to 21st centuries], *Novaia i noveishaia istoriia*, 4, pp. 159–172. DOI: 10.31857/S0130386424040127 (In Russian).
- Poptsov D. (2019) Evropeiskii kosmos i nemetskii pragmatizm [European space and German pragmatism], *Ekspertnye kolonnki RSM*, 13.11. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/space/evropeyskiy-kosmos-i-nemetskii-pragmatizm/> (accessed: 01.08.2024). (In Russian).
- Roland Berger, BDI (2023) *Weltraumbeflügeltes Deutschland*. 35 p. URL: <https://www.rolandberger.com/de/Insights/Publications/Weltraumbefl%C3%BCgeltes-Deutschland.html> (accessed: 01.08.2024).
- Shugurov M.V. (2023) Mezhdunarodnoe nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo s uchastiem Rossii v kosmicheskoi sfere v usloviiakh sanktsii: itogi i perspektivy [International scientific and technical cooperation involving Russia in the space sphere under sanctions: results and prospects], *Politika i Obschestvo*, 4, pp. 14–35. DOI: 10.7256/2454-0684.2023.4.69123 (In Russian).
- Zhdanov V.L. (2010) Osnovopolozhniki amerikanskoi i germanskoi kosmicheskoi politiki [Founders of American and German space policy], *Vestnik Voennogo universiteta*, 1(21), pp. 81–87. (In Russian).

УДК 327.51; 327.57

ПОИСК НОВОЙ СТРАТЕГИИ ФРАНКО-ГЕРМАНСКОГО ТАНДЕМА: ПЕРИОД ОГРАНИЧЕННОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

© 2024 РУБИНСКИЙ Юрий Ильич

Доктор исторических наук, профессор

Главный научный сотрудник Института Европы РАН

Руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая. д. 11, стр. 3

E-mail: yuri.rubinski@mail.ru

© 2024 СИНДЕЕВ Алексей Александрович

Доктор исторических наук, профессор РАН

Главный научный сотрудник ИЕ РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая. д. 11, стр. 3

E-mail: a_sin74@mail.ru

Поступила в редакцию 31.07.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. В статье рассмотрены причины наступления периода ограниченной дееспособности для Франции и ФРГ, которые могут оказать влияние на поиск новой общей стратегии франко-германского тандема, выделены черты данного периода. Актуальность статьи определяется безальтернативностью углубленного сотрудничества обоих партнеров, необходимостью выработать совместную программу реформирования Евросоюза и уточнить перспективы допустимого сближения социально-экономических моделей. В первом разделе статьи приведены примеры действий французского президента, препятствовавшие формированию стратегии тандема, проанализированы подписанные правительствами обеих стран в ходе государственного визита Э. Макрона в ФРГ документы в сферах обороны и безопасности, усиления конкурентоспособности ЕС. Отмечено, что Франция и ФРГ допустили дифференциацию задач НАТО и Общей политики безопасности и обороны ЕС. Во втором разделе произведено сравнение результатов выборов в обеих странах и доказано их влияние на начало периода ограниченной дееспособности Франции и ФРГ. В третьем разделе внимание уделено новым фактам и взаимосвязям, в частности попыткам партий ФРГ оказать помощь в образовании демократической коалиции во Франции. В четвертом разделе анализируются процессы, происходящие во франко-германском тандеме.

Ключевые слова: франко-германский тандем, Макрон, Шольц, стратегия тандема, Европейский союз, Франция, Германия

DOI: 10.31857/S0201708324050036

Для Франции и Германии начался период ограниченной дееспособности. Они перестали быть единоличными лидерами Евросоюза и вынуждены в большей мере заниматься национальными повестками дня¹.

А.К. Кудрявцев, А.А. Преображенская и П.П. Тимофеев из ИМЭМО РАН называют выборы в Национальное собрание Франции «эпохальными в истории Пятой республики» и полагают, что они приведут к «правительственной чехард[е], напоминающей эпоху Четвертой республики» [Кудрявцев и др., 2024]. С.М. Фёдоров из ИЕ РАН главной причиной проигрыша президента Э. Макрона считает «глубоко[е] разочаровани[е] большинства французов итогами семилетнего правления президента <...> и желани[е] увидеть политическую альтернативу его курсу», «[м]ногие из [французов] испытывают неприязнь к главе государства, а то и просто ненависть» [Фёдоров, 2024: 7].

Сложность и противоречивость происходящих событий делает актуальным выявление черт периода ограниченной дееспособности и характеристику их воздействия на франко-германский тандем и его стратегию.

Автономные инициативы Макрона, «мезебергский компромисс»

Под влиянием неудач Франции [Tull, 2022] и успехов России в Африке президент Э. Макрон высказался за направление французских военнослужащих на Украину². К этой инициативе положительно отнеслись в Польше и в прибалтийских странах и отрицательно – в ФРГ. Канцлер О. Шольц (СДПГ) не хочет превращать НАТО в сторону украинского конфликта.

Несмотря на негативную реакцию Берлина, Э. Макрон настаивал на том, чтобы держать Россию в неведении относительно планов и «красных линий». Позднее президент Франции уточнил, что имел в виду только направление инструкторов, местом размещения которых должна стать Одесса. Впрочем, французские военнослужащие уже находятся на украинской территории. Выборы в Европарламент (далее – евровыборы) заставили Э. Макрона отложить работу с союзниками по созданию «альянса инструкторов».

В конце апреля 2024 г. президент выступил в Сорбонском университете с речью о будущем Европы³. Э. Макрон не захотел пойти на рискованный шаг и представить

¹ Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Поиск новой стратегии франко-германского тандема: внутривнутриполитические факторы. Современная Европа. 2024. № 1. С. 35. DOI: 10.31857/S0201708324010029.

² См. вывод авторов в коллективной монографии Института Европы РАН: Европа в глобальной перестройке. Под ред. Ал.А. Громыко. Москва. ИЕ РАН; Весь мир. 2023. С. 427.

³ Подробнее см.: Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Франко-германский тандем и модернизация ЕС. Аналитические записки ИЕ РАН. 2024. № 12 (Вып. II). С. 34–41. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics21220243441>. См. также: [Wiegel, 2022].

общую с немцами программу первоочередных реформ Евросоюза, которая могла послужить объединению демократических сил ЕС и укрепить общественную легитимность будущих наднациональных преобразований.

Для немцев автономные действия французского президента были нежелательны: предстоял государственный визит Э. Макрона, шло согласование межправительственных документов, влияние которых на членов ЕС после речи в Сорбонском университете уменьшалось.

Государственный визит приурочили к празднованию 75-летия Основного закона ФРГ. Президент Франции привлек максимально возможное внимание немецкой общественности и благоприятные отзывы в СМИ. На межправительственных консультациях в Мезеберге были подписаны «Заключения франко-германского Совета по обороне и безопасности» и «Новая повестка дня по усилению конкурентоспособности и роста в Европейском союзе»¹.

В «мезебергском компромиссе» Франция и Германия подтвердили важность лидерства ЕС в зеленых и цифровых технологиях, способных, по их мнению, обеспечить конкурентоспособность в ключевых отраслях и гарантировать переход к «эффективной экономической политике»². В ходе дальнейшей реализации зеленой повестки стороны решили учитывать фактор воздействия на экономическую динамику и предложили освободить энергозатратные отрасли от форсированной декарбонизации.

Франция и ФРГ вновь подчеркнули значимость снижения «стратегических зависимостей и [ликвидации] структурных слабостей», указали на необходимость сокращения бюрократической нагрузки на малые и средние фирмы, на ускоренное введение «более интеллигентной регуляторной рамки» [ср.: Aghion et al., 2015; Blot et al., 2015; Macron, 2016]. Они высказались за совершенствование механизмов привлечения государственных и частных инвестиций (за «инвестиционный шок», по словам Э. Макрона), дополнительную проверку конкурентных правил и практик с точки зрения перспектив образования консорциумов и межнациональных объединений в ключевых отраслях. Особое значение приобрели гармонизация национальных налоговых законодательств и правил банкротства, механизмы перевода торговой по-

¹ Цит. обоих документов в разделе, если иное не обозначено сносками, по: Conclusions du Conseil franco-allemand de défense et de sécurité. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/05/29/conclusions-du-conseil-franco-allemand-de-defense-et-de-securite>; Un nouvel agenda pour stimuler la compétitivité et la croissance dans l'Union européenne. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/05/29/un-nouvel-agenda-pour-stimuler-la-competitivite-et-la-croissance-dans-lunion-europeenne>; Schlussfolgerungen des Deutsch-Französischen Verteidigungs- und Sicherheitsrats, Meseberg, 28. Mai 2024. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975226/2288876/30a1d0ba7b39bee5047f029a112ad17f/2024-05-28-dfvsr-data.pdf?download=1>; Eine neue Agenda zur Stärkung der Wettbewerbsfähigkeit und des Wachstums in der Europäischen Union. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975244/2288868/93d144a4cadd829eb1572584ff338a89/2024-05-28-deu-fra-papier-deu-data.pdf?download=1> (дата обращения: 20.07. 2024).

² Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Эволюция франко-германского тандема. Москва. ИЕ РАН. С. 72–74.

литики ЕС на тематическую специализацию, средства формирования нового баланса сотрудничества с торговыми партнерами в мире [ср.: Germain, 2020].

В сфере обороны и безопасности участники тандема выразили готовность «защищать мир и безопасность [как] в Европе, [так] и в расширенном евроатлантическом пространстве», внести вместе с другими партнерами «позитивный вклад в мировую и трансатлантическую безопасность». По всей видимости, «готовность» и «вклад» следует трактовать в контексте потенциальных задач. В настоящее время имеются в виду укрепление с помощью «европейского оборонно-технологического и оборонно-промышленного базиса» и совместных производственных оборонных проектов «европейски[х] обороны[х] возможности[й]», начало «долгосрочно[го], масштабно[го] и инклюзивно[го] сотрудничеств[а] в области оружия дальнего радиуса действия».

Положение об оружии дальнего радиуса действия также следует понимать широко: могут подразумеваться как совместные разработки, так и помощь в финансировании, взаимодействие с США относительно планируемого размещения с 2026 г. ракет большей дальности в Федеративной Республике.

О. Шольц назвал защиту в сфере обороны от любой угрозы в качестве одной из предпосылок «суверенной и геополитической Европы», уточнив, что все «будет зависеть от того, что мы соединим в нашей стратегии НАТО и с помощью [наших] возможностей». Э. Макрон расставил другие акценты: «Я прежде всего думаю, – сказал он, – о противоракетной обороне. Здесь мы хотим стать автономнее (от НАТО. – Ю.Р., А.С.). Если речь идет об ударах в глубь территории [потенциального противника], то мы, наверняка, начнем длительное сотрудничество», поскольку «[м]ы хотим вместе с НАТО и вместе с политическим европейским Сообществом (так в тексте. – Ю.Р., А.С.) создать рамку для мира и безопасности в Европе, а для этого германо-французское сотрудничество является приоритетным»¹.

Под влиянием Франции расширена так называемая формула оказания военной помощи Украине: дополнительно к привычной фразе «столь долго, насколько необходимо» появилось уточнение «столь интенсивно, насколько необходимо». На пресс-конференции с президентом канцлер решил не упоминать об интенсивности помощи. Возможно, немцы не придают значения обязательному характеру критерия интенсивности.

Таким образом, участники тандема признали, что в будущем они допускают большую дифференциацию между задачами НАТО и Общей политики безопасности и обороны ЕС, сосуществование переходных форматов и вариантов взаимной интеграции.

Кроме того, Франция и Германия решили добиваться проведения «эффективной перепроверки неевропейских инвестиций в чувствительных секторах». По их мне-

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Präsident Macron zum 24. Deutsch-Französischen Ministerrat am 28. Mai 2024. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-praesident-macron-zum-24-deutsch-franzoesischen-ministerrat-am-28-mai-2024-komplett--2288912>; Visite d'État en Allemagne: deuxième journée à Berlin et Dresde. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/05/27/visite-detat-en-allemande-deuxieme-journee-a-berlin-et-dresde> (дата обращения: 30.05.2024).

нию, она должна пройти вместе с «усилением глобальных партнерств Европы», что означает разделение последних на более и менее благонадежные.

Выборы в Европарламент и роспуск Национального собрания

Выборы в Европарламент во Франции прошли 9 июня 2024 г. с относительно высокой явкой в 52,5% от зарегистрированного числа избирателей. Национальное объединение М. Ле Пен призывало превратить их в вотум недоверия к политике президента. Частично партии удалось достигнуть поставленной цели. Результаты показали раскол политических сил французского общества на три относительно равных (с учетом возможной мобилизации не пришедших на выборы избирателей) лагеря и слабость центристских позиций.

Лагерь национально настроенных консерваторов-евроскептиков получил около 37% голосов: 31,37% – у праворадикального Национального объединения и 5,3% – у правозкстремистской партии «Реконкиста». Левый лагерь смог набрать более 29%: социалисты и их союзники – 13,83%, французские экологи – 5,5%, лево-экстремистская «Непокоренная Франция» Ж.-Л. Меланшона – 9,89%. Центристы (пропрезидентский лагерь и неоголисты-республиканцы) добились около 22%: 14,6% – у избирательного блока «Возрождение», поддерживавшего Макрона, и 7,25% – у партии «Республиканцы».

Раскол и непримиримость политических сил стали следствиями поляризации населения, разрушения существовавшего до 2017 г. механизма обеспечения стабильности государства и ослабления авторитета государственных институтов, неудавшегося включения различных общественных сил и социальных слоев в трансформационные процессы [Weck, 2021; Stebe, 2020], снижения покупательной способности французов, притока мигрантов, отсутствия диалога с различными общественно-политическими силами, прежде всего с представителями среднего класса¹. К примеру, протесты фермеров были спровоцированы не только правительственными решениями, объективными проблемами в сельском хозяйстве и конкуренцией с производителями из Украины, но и нежеланием правительства и президента заранее, до принятия решений, начать диалог и прийти к компромиссу.

Э. Макрону не удалось приостановить деклассирование и снизить напряжение в пригородах Парижа и других крупных городов², в которых полиция постоянно сталкивается с агрессивно настроенной молодежью. В итоге недовольны как полицейские, так и молодежь. Различные инициативные группы, занимающиеся судьбами подростков в пригородах, не могут получить ответа на вопрос, почему на восстановление должностей социальных работников деньги отсутствуют, а на

¹ Подробнее см.: Рубинский Ю.И. Пенсионная реформа как катализатор обострения социальной напряженности во Франции. Аналитические записки Института Европы РАН. 2023. Вып. I. № 302. С. 36–41. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics1520233641>.

² Подробнее см.: Рубинский Ю.И. Франция: повторение пройденного? Аналитические записки Института Европы РАН. 2023. Вып. III. № 311. С. 5–8. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics31420230508>.

помощь Украине регулярно выделяются. Разочарованием закончилась инициатива президента по направлению после выступлений «желтых жилетов» петиций-наказов. Выборы в Европарламент и Национальное собрание наглядно показали, что трансформации без консолидации общества подрывают доверие к власти и провоцируют раскол.

Национальное объединение объявило себя победителем. Лидер избирательного списка Ж. Барделла потребовал роспуска Национального собрания и проведения досрочных парламентских выборов. «Это беспрецедентное поражение господствующей силы знаменует конец цикла и первый день периода после Макрона; от нас зависит выстроить этот период <...>. Наши соотечественники выразили волю к переменам», – заявил Ж. Барделла. Его поддержала М. Ле Пен, по мнению которой «[п]ослание этого вечера, помимо роспуска, адресовано и брюссельскому руководству».

Некоторое время спустя Э. Макрон в обращении к нации объявил о роспуске Национального собрания и назначил первый тур досрочных выборов на 30 июня, второй тур – на 7 июля 2024 г. Президент объяснял роспуск необходимостью «предоставить [французам] право принимать решение о <...> парламентском будущем»¹ и назвал выборы «актом доверия» к способности народа сделать лучший выбор. Французские эксперты охарактеризовали тактику ускоренного проведения парламентских выборов как попытку не допустить объединения окрепших, но разрозненных левого и правового лагерей. Альтернативе, предложенной Э. Макроном, вспомнив генерала Ш. де Голля, дали емкое название «я или хаос».

В штабе М. Ле Пен сразу же подхватили тезис о доверии. По ее словам, Национальное объединение будет готово руководить, «если французы <...> окажут ему доверие». «Мы готовы возродить страну, готовы защищать интересы французов, готовы положить конец <...> массовой миграции, готовы сделать приоритетом покупательную способность французов, готовы начать процесс реиндустриализации страны», – констатировала М. Ле Пен. В развитии тезиса о доверии активно участвовали левые партии. Тем самым доверие к способностям французов сделать лучший выбор вновь превратилось в вопрос о доверии к президенту и его политике.

В отличие от Франции выборы в Европарламент в Германии рассматривались партийно-политическими элитами в качестве испытательной площадки перед более важными выборами в ландтаги осенью 2024 г. [о результатах земельных выборов см.: Белов, 2024]. Результаты, при высокой для немецких евровыборов явке в 64,8%, оказались ожидаемыми. Первое место занял блок ХДС/ХСС (30% голосов), второе – праворадикальная партия «Альтернатива для Германии» (15,9%), третье – СДПГ (13,9%), четвертое – зеленые (11,9%). На пятом месте оказался впервые баллотировавшийся «Союз Сары Вагенкнехт» (6,2%). Бывшая партия С. Вагенкнехт «Левая» смогла мобилизовать только 2,7% избирателей. Либералы с 5,2% продемонстрировали, что у них может получиться преодолеть пятипроцентный барьер на выборах в бундестаг в 2025 г.

¹ Adresse aux Français, le 9 juin 2024. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/06/09/adresse-aux-francais-4> (дата обращения: 15.06.2024).

Евровыборы выполнили свою задачу. Перед национальным избирательным циклом 2024–2025 гг. проявились основные «болевые точки» партийно-политической системы ФРГ. Большая часть проблем была известна: отсутствие у правящей коалиции поддержки среди немцев, неустойчивый мобилизационный потенциал ХДС/ХСС, радикальные настроения сторонников левого и правого спектра.

Несмотря на кампанию СМИ по очернению АдГ и разоблачения реэмиграционных намерений ряда ее членов, социологические опросы показывают, что партию выбирают не только из-за протеста, но и по убеждению. На востоке ФРГ «Альтернатива для Германии» оттеснила ХДС и заняла первое место. Таким образом, борьба с АдГ с помощью СМИ и призывов к единству демократов перестала быть эффективной. Партия не скрывает, что осенью 2024 г. хочет сформировать земельные правительства на востоке Германии и изменить страну.

С. Вагенкнехт доказала бывшим соратникам по «Левой», что пролетарский интернационализм не может распространяться на неконтролируемые миграции, а социальное государство должно прежде всего служить интересам граждан. После выборов она заявила о большом потенциале своей партии.

В ХДС/ХСС сомневаются, получится ли у них после принятия новой программы Христианско-демократического союза, демонстративного межпартийного согласия, многочисленных попыток привлечь недовольных правительством избирателей, использования угрожающей риторики (к примеру, «светофорная коалиция вредит Германии») провести дополнительную мобилизацию и удержать недовольных в рядах сторонников партий до выборов в бундестаг. Скорее всего, по этой причине председатель ХДС Ф. Мерц потребовал от правительства не пускать в Германию мигрантов, пребывающих из других стран ЕС.

Сложная ситуация сложилась у социал-демократов. СДПГ получила наихудший результат в истории участия в евровыборах. Благодаря роспуску Национального собрания О. Шольц смог проигнорировать требование о голосовании по доверию в бундестаге, поскольку «в этой ситуации на Германию возлагается дополнительная ответственность». Однако канцлеру, вероятно, не удастся избежать перехода социал-демократов в модус активной борьбы за интересы социально незащищенных слоев населения, о чем заявил сопредседатель СДПГ Л. Клингбайль¹. С приближением выборов в бундестаг противостояние политических сил за социальный профиль будет только усиливаться. При этом опросы показали, что большинство немцев разочарованы в способности традиционных партий решать насущные проблемы страны.

Выборы в Национальное собрание и их последствия

После решения Э. Макрона провести выборы партии левого лагеря столкнулись со сложной задачей. С одной стороны, их представители видели, что Национальное объединение пытается увеличить полученный на евровыборах численный перевес и ведет

¹ Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Поиск новой стратегии франко-германского тандема: внутриполитические факторы. С. 30–31.

переговоры с республиканцами. Лидер последних Э. Сьотти согласился создать совместный с М. Ле Пен избирательный блок и спровоцировал раскол в собственной партии. С другой стороны – левые понимали, что объединение – это рискованное занятие, учитывая обвинения со стороны социалистов и экологов в адрес «Непокоренной Франции» и ее лидера Ж.-Л. Меланшона в антисемитизме и радикализме и опасность автономных действий. Однако из-за предстоящей борьбы с двумя мощными блоками у них не было выбора.

Инициатором объединения левых сил (социалистов, экологов, «Непокоренной Франции», коммунистов и др.) и создания Нового народного фронта стала лидер экологов М. Тонделье. Принципиальными для блока были принятие общей программы и негласное обязательство в случае успеха добиться реализации заявленных требований, к которым относились увеличение минимальной оплаты труда до 1600 евро в месяц, отмена проведенной Э. Макроном пенсионной реформы, возвращение налогов на имущество и сверхприбыли, организация бесплатного питания в школах.

М. Ле Пен и Ж. Барделла сначала намеривались снизить НДС на товары первой необходимости, но позднее решили ограничиться уменьшением НДС на электроэнергию, газ и бензин с 20 до 5,5%, повышением заработных плат за счет сокращения социальных выплат предпринимателей, обязательством эффективно бороться с нежелательной миграцией. Многое из предложенного потребовало бы согласия Евросоюза. Несмотря на это, Ж. Барделла обещал принять соответствующие решения в течение первой недели после назначения премьер-министром.

Премьер-министр Г. Атталъ приводил оценки убытков от инициатив Национального объединения и Нового народного фронта, указывал на госдолг в 111% ВВП, обещал не повышать налоги и сделать некоторые уступки, к примеру расширить перечень льгот при первом строительстве собственного дома. Официально он старался дистанцироваться от президента. В свою очередь Э. Макрон заявил о возможной гражданской войне, если победят крайне правые или крайне левые.

Созданный партиями и президентом напряженный общественно-политический фон способствовал мобилизации. В первом туре явка составила 66,7% избирателей. Коалиция во главе с Национальным объединением выиграла с 33,4% голосов и смогла провести в Национальное собрание большую часть из выбранных 30 июня 2024 г. 76 депутатов. За партию проголосовали 9,3 млн человек. Новый народный фронт получил в первом туре около 28%, или голоса 8,9 млн человек, проправительственные партии (коалиция «Вместе») – около 21%. В целом повторился результат блокового раскола евровыборов.

501 депутат должны были определиться во втором туре. До начала первого тура левые заявили о снятии своих кандидатов с голосования, если они займут третье место¹. После обнародования результатов первого тура Г. Атталъ, чтобы не допустить к власти Национальное объединение, также призвал кандидатов от

¹ Кандидаты, набравшие 12,5% от списочного состава избирателей, имеют право принять участие во втором туре.

правляющей коалиции сниматься в пользу кандидатов от Нового народного фронта и других партий.

Одновременно президент и премьер-министр попытались подготовиться к расколу левого лагеря: проправительственные кандидаты отказывались баллотироваться при условии, что речь шла о снятии в пользу экологистов или социалистов. Прозвучали традиционные призывы защитить республиканские ценности и не допустить к власти правых. Тем не менее большинство из снявшихся кандидатов представляли левые партии.

Второй тур принес неожиданные результаты. На первом месте при явке 60% оказались левые (182 депутатских мандата). Ж.-Л. Меланшон в обращении к французам заявил: «Новый народный фронт готов управлять. Мы выиграли». Он исключил любые объединения с промакроновскими силами. Лидер социалистов О. Фор также выступил против сотрудничества с пропрезидентской коалицией.

Э. Макрон отреагировал сдержанно. Коалиция «Вместе» располагала 168 мандатами. «Вопрос в том, – заметил он, – кто сможет управлять и кто сможет сформировать большинство». Тактика президента заключалась в том, чтобы дожидаться выборов спикера Национального собрания 18 июля, выдвижения кандидата на пост премьер-министра¹, выхода левых на коалицию или отказа от нее, окончания Олимпийских игр. Президент намеривался заставить демократические силы принять «законотворческий пакт» – ситуативное сотрудничество при рассмотрении законодательных инициатив², а также оставил исполнять обязанности прежнего правительство во главе с Г. Атталем.

Президент не препятствовал попыткам немецких зеленых и СДПГ вступить в переговоры с соответствующими партиями во Франции и убедить их в неизбежности коалиции, поскольку в течение года без изменения конституции роспуск парламента и назначение новых выборов невозможны. Соратники Э. Макрона усилили давление и по-иному интерпретировали результаты. «Никто не может сказать, что победил, и прежде всего – господин Меланшон», – констатировал бывший министр внутренних дел Ж. Дерманен.

Э. Макрон формально прав, так как является гарантом конституции и «гарантом воли граждан», выбравших коалицию, как он написал в открытом письме, опубликованном в региональных газетах перед отъездом на юбилейный саммит НАТО в Вашингтон³. Однако президент ответственен за сложную ситуацию, в которой оказалась Франция. Раскол левого лагеря, если он удастся, может оказаться пирровой победой. «Непокоренная Франция» имеет 74 депутатских мандата. Для стабильного достижения абсолютного большинства с ней придется считаться. Компромиссные варианты, помимо сложности достижения, опасны тем, что в случае роспуска

¹ 23 июля 2024 г. Новый народный фронт согласовал кандидатуру Л. Касте на пост премьер-министра.

² Тактика президента принесла первые результаты: спикером Национального собрания стала Я. Браун-Пиве, представляющая его избирательный блок; споры левых о кандидатуре премьер-министра усилили недовольство Новым народным фронтом в обществе.

³ Lettre du Président Emmanuel Macron aux Français. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/07/10/lettre-du-president-emmanuel-macron-aux-francais> (дата обращения: 12.07.2024).

Национального собрания через год Э. Макрон будет обвинен не только в «потерянном годе», но и в усилившемся расколе страны.

Именно об этом сценарии размышляет М. Ле Пен, коалиция которой получила 143 места в парламенте: «Волна набирает силу. В этот раз она не оказалась достаточно мощной, но процесс не остановить и поэтому наша победа лишь отложена». С учетом общего числа полученных голосов избирателей (большинство среди всех партий) лидеры Национального объединения находятся в комфортном положении ожидания.

Выборы в Европарламент и Национальное собрание существенно изменили функционирование конституционного механизма Пятой республики. Прежний работал на основе чередования правоцентристских и левоцентристских правительств. Транзит партийно-политической системы, начатый президентом Франции в 2017 г., не учитывал главную особенность конституционного строя – необходимость постоянного поддержания авторитета президентской власти, благодаря которому избиратель готов обеспечивать лидеру страны устойчивое большинство на выборах в парламент. В 2017 г. Э. Макрон получил поддержку избирателей, но в 2022 г. она стала сокращаться, а в 2024 г. упала как никогда низко. Французские аналитики пишут о конце «демократической монархии». На следующих общенациональных выборах мобилизационный потенциал защиты республиканских ценностей (т. н. республиканский фронт) против правых грозит иссякнуть.

В 2024 г. Национальное собрание получило шанс стать движущей силой транзита партийно-политической системы. По этой причине устойчивость и будущее Франции во многом будут зависеть от конструктивных действий политических партий и их лидеров.

Назначение 5 сентября 2024 г. премьер-министром 73-летнего М. Барнье, представителя республиканцев, работавшего на министерских постах при Ф. Миттеране, Ж. Шираке, Н. Саркози, но больше известного по последней должности представителя ЕС на переговорах о брекзите, снизило вероятность скорого появления конструктивных компромиссов. Левые оказались в оппозиции. Ж.-Л. Меланшон заявил об «украденных у французов выборах». Национальное объединение, несмотря на то, что Э. Макрон, скорее всего, принял решение о назначении М. Барнье благодаря неофициальному отказу правых от инициирования и поддержки вотума недоверия премьер-министру, сразу же занялось интригами и назвало премьер-министра «ископаемым». Временное согласие воздерживаться от вотума недоверия не означает отказа от него в будущем и отречения партии от цели возглавить Францию. М. Барнье провозгласил политику сотрудничества со всеми политическими силами (политику «открытые двери для всех желающих») и отмену всех «красных линий» при условии сдерживания государственного долга, приостановки миграции и «повышения значения труда». Успех политики сбалансированного экономического роста и социальной справедливости нового премьер-министра зависит от свободы действий, которую ему предоставит президент, и от парламентской поддержки.

Черты периода ограниченной дееспособности

Транзит партийно-политической системы во Франции продолжает уменьшать влияние страны в Евросоюзе и мире. В силу этого Германия воспринимается в качестве державы, способной взять на себя дополнительную ответственность. На самом деле речь может идти лишь об умеренной ответственности, поскольку ФРГ не в состоянии найти около 400 млрд евро на модернизацию инфраструктуры, т. е. на поддержание конкурентоспособности экономики.

После прошедшей избирательной кампании авторитет Э. Макрона и О. Шольца существенно ослаб. Оба политика едва ли смогут представить спланированные обществу идеи.

Продолжается усиление асимметрии в тандеме, укрепляется практика выборочного партнерства, интенсивно идет поиск новых союзников и форматов для компенсации взаимных слабостей¹. Об объективном характере этих тенденций свидетельствует процедура утверждения Э. Макроном и О. Шольцом кандидатов на руководящие посты в Еврокомиссии, Европарламенте и Европейском совете. Президент и канцлер отказались от предварительного обсуждения во франко-германском тандеме. О. Шольц участвовал в выборе кандидата на пост председателя Евросовета среди социал-демократических партий ЕС. Э. Макрон определял кандидата на пост Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности вместе с коллегами из либеральных партий ЕС.

Начинается усиление других акторов. На более активную роль претендуют наднациональные и национальные парламентские структуры, малые и средние страны ЕС, региональные образования. В силу многочисленности акторов, внутривнутриполитических трудностей в тандеме, отсутствия конкретной согласованной между Францией и ФРГ программы реформ возможными становятся перенос реформирования Евросоюза или временные уступки. В последнем случае длительность, сроки обсуждения и суть компромисса, а также его последствия для национальных бюджетов повлияют на настроения граждан и определят перспективы продолжения интеграции, в т. ч. работу по развитию «мезебергского компромисса». Сегодня более результативным представляется взаимодействие обеих стран в сфере обороны.

Продолжительность периода ограниченной дееспособности и его результаты пока неизвестны. Необходимо принять в расчет выборы президента в США в 2024 г., выборы в бундестаг в 2025 г., возможные выборы в Национальное собрание в 2025 и 2026 гг., выборы президента Франции в 2027 г. Претензии на лидерство участников тандема в Евросоюзе будут сохраняться.

¹ Дополнительно к проекту по ракетам дальнего радиуса действия с Польшей и Италией, к которому присоединилась Британия. См. план сотрудничества ФРГ и Польши: Deutsch-Polnischer Aktionsplan. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975226/2295276/b5e9e128f9d0909349fd9a57f04cbe69/2024-07-02-deu-pol-aktionsplan-de-data.pdf?download=1>; (дата обращения: 15.07.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов В.Б. (2024) Выборы в Саксонии и Тюрингии – проверка устойчивости партийно-политической системы Германии. *Аналитические записки Института Европы РАН*. Вып. III. № 19. С. 27–34. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics31920242734>
- Кудрявцев А.К., Преображенская А.А., Тимофеев П.П. (2024) *Расчёты и просчёты президента Макрона: к итогам внеочередных парламентских выборов во Франции*. ИМЭМО РАН. 15.07. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/calculations-and-miscalculations-of-president-macron-to-the-results-of-early-parliamentary-elections-in-france> (дата обращения: 26.07.2024).
- Фёдоров С.М. (2024) Французские выборы 2024: двойное поражение Макрона. *Аналитические записки Института Европы РАН*. Вып. III. № 16. С. 5–11. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics31620240511>
- Aghion P., Cetté G., Cohen É. (2015) *Changer de modèle: de nouvelles idées pour une nouvelle croissance*. Odile Jacob, Paris, France. 272 p.
- Blot C., Chagny O., Le Bayon S. (2015) *Faut-il suivre le modèle allemand?* La Documentation française, Paris, France. 164 p.
- Germain J. (2020) Les propositions du président Macron relatives à l'Union économique et monétaire. *Macrons neues Frankreich: Hintergründe, Reformansätze und deutsch-französische Perspektiven: La nouvelle France de Macron: contextes, ébauches de réforme et perspectives franco-allemandes*. Ed. by D. Hüser, H.-Ch. H. Herrmann. transcript, Bielefeld, Germany. P. 231–245.
- Macron E. (2016) *Révolution: C'est notre combat pour la France*. XO Editions, Paris, France. 270 p.
- Stebe J.-M., Weber F. (2020) La France en mouvement. Les présidents et leurs gouvernements face aux questions des périphéries urbaines. *Macrons neues Frankreich: Hintergründe, Reformansätze und deutsch-französische Perspektiven: La nouvelle France de Macron: contextes, ébauches de réforme et perspectives franco-allemandes*. Ed. by D. Hüser, H.-Ch. Herrmann. transcript, Bielefeld, Germany. P. 135–160.
- Tull D.M. (2022) Frankreichs Afrikapolitik unter Präsident Macron: Zwischen Reformen, Public Diplomacy und unfreiwilliger politischer Zäsur. *SWP-Aktuell*. Nr. 62. 6 p.
- Weck J. (2021). *Emmanuel Macron: der revolutionäre Präsident*. Weltkiosk, London, UK; Berlin, Germany. 201 p.
- Wiegel M. (2022) *Emmanuel Macron: ein Visionär für Europa: eine Herausforderung für Deutschland*. Europa Pocket, München, Germany. 199 p.

**In Search of a New Strategy of the Franco-German Tandem:
Period of Limited Capacity**

Yu.I. Rubinskiy

Doctor of Sciences (History), Professor

Chief Researcher, Head of Centre for French Studies, Institute of Europe, RAS

11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009

E-mail: yuri.rubinski@mail.ru

A.A. Sindeev

Doctor of Sciences (History), Professor of RAS

Chief Researcher, Institute of Europe, RAS

11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009

E-mail: a_sin74@mail.ru

Abstract. The authors analyse the beginning of a period of limited capacity of France and Germany to act and the reasons for this. They present the main features of this period. The two countries are searching for a new, joint and more in-depth strategy for the future of the tandem. This strategy will include a reform agenda for the European Union and will be based on a possible convergence of socio-economic models. The first part of the article «Macron's autonomous initi-

atives and the Meseberg compromise» provides examples where President France hindered the tandem's search for a common strategy. Documents signed by the two governments in the areas of security, defence and competitiveness of the EU during Macron's state visit to Germany are also analysed. The authors conclude that the partners allow a differentiation between their tasks in NATO and the Common Defence and Security Policy. In the second section «The elections to the European Parliament and the dissolution of the National Assembly» the results are compared and their impact on the beginning of the period of limited capacity for action of France and Germany is demonstrated. In the third section «The elections to the National Assembly and their consequences» the authors draw attention to little-known facts and connections, including the help of some German parties in the formation of the democratic coalition in France. In the fourth section «Signs of the period of limited capacity for action» seven signs are described. The authors believe that these signs mean that France and Germany should be deeply interested in normalising relations with Russia. They also reflect on how partners intend to overcome asymmetry and objective differences.

Keywords: Franco-German tandem, Macron, Scholz, tandem strategy, European Union, France, Germany

DOI: 10.31857/S0201708324050036

REFERENCES

- Aghion P., Cetté G., Cohen É. (2015) *Changer de modèle: de nouvelles idées pour une nouvelle croissance*. Odile Jacob, Paris, France.
- Belov V.B. (2024) Elections in Saxony and Thuringia: A Test of Stability of Germany's Party-Political System [Wybory w Saksonii i Tyngii – sprawdzenie trwałości partijno-politycznego systemu], *Analytical notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*, III, 19, pp. 27–34. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics31920242734> (In Russian).
- Blot C, Chagny O., Le Bayon S. (2015) *Faut-il suivre le modèle allemand?*, La Documentation française, Paris, France.
- Fedorov S.M. (2024) French elections 2024: double defeat for Macron [Franzuskie wybory 2024: dwójnogie porażenie Makrona], *Analytical notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*, III, 16, pp. 5–11. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics31620240511> (In Russian).
- Germain J. (2020) Les propositions du président Macron relatives à l'Union économique et monétaire, in Hüser D., Herrmann H.-Ch. (ed.) *Macrons neues Frankreich: Hintergründe, Reformansätze und deutsch-französische Perspektiven: La nouvelle France de Macron: contextes, ébauches de réforme et perspectives franco-allemandes*, transcript, Bielefeld, Germany, pp. 231–245.
- Kudryavtsev A.K., Preobrazhenskaya A.A., Timofeev P.P. (2024) *Calculations and miscalculations of President Macron: on the results of the early parliamentary elections in France* [Raschety i proshchety Makrona: k itogam vnecherednykh parlamentskikh vyborov vo Franzii], IMEMO, 15.07. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/calculations-and-miscalculations-of-president-macron-to-the-results-of-early-parliamentary-elections-in-france> (accessed: 26.07.2024). (In Russian).
- Macron E. (2016) *Révolution: C'est notre combat pour la France*, XO Editions, Paris, France.
- Stebe J.-M., Weber F. (2020) La France en mouvement. Les présidents et leurs gouvernements face aux questions des périphéries urbaines, in Hüser D., Herrmann H.-Ch. (ed.) *Macrons neues Frankreich: Hintergründe, Reformansätze und deutsch-französische Perspektiven: La nouvelle France de Macron: contextes, ébauches de réforme et perspectives franco-allemandes*, transcript, Bielefeld, Germany, pp. 135–160.
- Tull D.M. (2022) Frankreichs Afrikapolitik unter Präsident Macron: Zwischen Reformen, Public Diplomacy und unfreiwilliger politischer Zäsur, *SWP-Aktuell*, 62.
- Weck J. (2021). *Emmanuel Macron: der revolutionäre Präsident*, Weltkiosk, London, UK; Berlin, Germany.
- Wiegel M. (2022) *Emmanuel Macron: ein Visionär für Europa: eine Herausforderung für Deutschland*, Europa Pocket, München, Germany.

УДК 327

ПОДХОД К КИТАЮ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ВИДЕНИИ ЕС (2016–2023 ГГ.)

© 2024 ЛЕУШКИН Денис Вячеславович

Кандидат политических наук, доцент

Институт международных отношений и мировой истории

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского. 603005, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2*

E-mail: den.leushkin@mail.ru

© 2024 САМОЙЛОВ Никита Георгиевич

Факультет международных отношений

Санкт-Петербургский государственный университет

191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 8 подъезд

E-mail: samoilovng@gmail.com

Поступила в редакцию 30.01.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. Цель статьи – определить основные этапы становления двойственного образа КНР в европейском дискурсе, а также причины трансформации подхода к Китаю в официальных документах и заявлениях, включая оценки ряда европейских аналитических центров. Первый этап связан с образованием предпосылок для ухудшения двусторонних отношений из-за усиления экономических противоречий, второй – с закреплением за Пекином двойной роли партнера и конкурента на фоне роста напряженности, третий – с амбициями ЕС в вопросе обеспечения международной и региональной безопасности, озвученными в «Стратегическом компасе», и негативной оценкой со стороны ЕС китайской позиции по российско-украинскому конфликту. Исследование основано на мир-системном подходе и фокусируется на влиянии внешнеэкономических факторов на развитии европейского внешнеполитического дискурса по отношению к Пекину. Закрепление за Китаем противоречивого образа партнера и соперника закономерно и обусловлено обострением кризиса мир-системы, трансформацией мирового порядка и, как следствие, актуализацией экономических разногласий, ярким примером которых служит дефицит ЕС в торговле с КНР. Современный подход Брюсселя к Пекину укладывается в логику столкновения «демократий» с «автократиями». Конфликт с Китаем публично освещается не столько как экономическое противостояние, сколько экзистенциальная борьба различных политических систем. Сделан вывод, что внутренне противоречивый подход к Китаю будет оставаться доминирующим в условиях сохранения разногласий ЕС и КНР.

Ключевые слова: ЕС, Китай, Стратегический компас, Индо-Тихоокеанский регион, дискурс, аналитические центры

DOI: 10.31857/S0201708324050048

Несмотря на преобладание российско-украинского и палестино-израильского конфликтов в европейском дискурсе, значительное место в официальных документах Евросоюза и публикациях «мозговых центров», аффилированных с его структурами, занимает китайский фактор. В статье рассмотрены эволюция образа Китая и закрепление за ним двойственной роли партнера и соперника в стратегическом видении ЕС. Отношение Евросоюза к Пекину отражается на национальном уровне: Берлин, например, согласует позицию по КНР с Брюсселем [Белов, 2023: 123–124].

Сотрудничество интеграционного объединения с Китаем началось с установления дипломатических отношений в 1975 г. и стало стремительно развиваться, чему способствовали рыночные реформы в КНР [Носов, 2015: 269–270]. Несмотря на значительные объемы двусторонней торговли (856,3 млрд евро в 2022 г.)¹ и европейских инвестиций в китайскую экономику (160–170 млрд евро с 2002 по 2022 гг.)², Китай и ЕС находятся в состоянии конфликта по экономическим вопросам. Это выражается в обвинениях Пекина в несоблюдении принципов ВТО, а именно в активном государственном вмешательстве и создании торговых барьеров для других стран. Взятие под контроль стратегически важных предприятий в Европе посредством увеличения инвестиций китайских государственных компаний в экономику стран региона воспринимается как угроза для безопасности ЕС. Кроме того, не решены вопросы, касающиеся защиты интеллектуальной собственности [Носов, 2015: 276–277, 279]. Китай – основной экспортер товаров в ЕС, но по импорту занимает только третье место, что свидетельствует о несбалансированности торговых отношений. Что касается европейских инвестиций в китайскую экономику, то они незначительны по сравнению с вложениями США, которые увеличились с 0,96 трлн долл. в 2002 г. до 3,4 в 2022 г.³ Все это обуславливает противоречивость отношений ЕС и КНР и двойственный образ Китая в стратегиях интеграционного объединения.

Формирование предпосылок соперничества Брюсселя и Пекина (2016–2018 гг.)

В Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности, принятой в июне 2016 г. – основополагающем документе ЕС в области внешней политики – Китай представлен как важный торговый и инвестиционный партнер.

¹ China-EU – international trade in goods statistics. Eurostat. 2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics (дата обращения: 08.02.2024).

² Jarvis R. EU-China trade and investment: unbalanced and well below potential. Friends of Europe. 2023. URL: <https://www.friendsofeurope.org/insights/eu-china-trade-and-investment-unbalanced-and-well-below-potential> (дата обращения: 08.02.2024).

³ Foreign direct investment from Europe into the United States from 2000 to 2022. Statista. 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/188884/foreign-direct-investment-from-europe-in-the-us-since-1990/> (дата обращения: 08.02.2024).

От КНР ожидается поддержание диалога по экономическим реформам, вопросам экологии и прав человека¹. Сделан акцент на взаимодействии с единомышленниками (государствами и организациями) и поддержании «основанного на правилах мирового порядка», к ключевым принципам которого относятся многосторонность и опора на ООН². Стратегия составлена в духе либерально-демократического дискурса: в ней употребляются такие слова и формулировки, как «демократия», «верховенство права», «права человека», «выгоды глобализации»³.

В июне 2016 г. были приняты «Элементы новой стратегии ЕС в отношении Китая», где фокусировалось внимание на важности сотрудничества с Пекином в особенности в экономической сфере, в рамках которого Брюссель должен учитывать «тесные взаимоотношения с США и другими партнерами»⁴ и соблюдать «блоковую дисциплину» [Данилин и др., 2022: 68]. Особое место в документе занимает поддержка анонсированного Китаем социально-экономического реформирования страны к 2020 г., что связано с заинтересованностью ЕС в расширении доступа к китайскому рынку и либерализации экономики страны. Провозглашается, что взаимодействие с Китаем по линии «Один пояс, один путь» должно опираться на рыночные практики и принцип взаимной выгоды⁵, однако в 2018 г. 27 послов стран Евросоюза в Пекине заявили, что инициатива противоречит либерализации торговли и отдает преимущество китайским компаниям, поддерживаемым государством [Носов, 2018: 12]. Согласно документу, «большая интеграция экономики КНР в глобальную» может привести к пониманию Китаем «взаимозависимости» и нежелательности «искажения международных рынков и торговых отношений». В этом случае также прослеживается либеральная логика, которая заключается в применении экономической взаимозависимости как инструмента дипломатии, механизма недопущения эскалации конфликта ЕС и КНР, поскольку взаимозависимые партнеры стремятся не только сохранить выгоды, но и не допустить издержек от нарушения, к примеру, логистических цепочек вследствие обострения отношений. «Элементы новой стратегии», будучи выпущенными практически в то же время, что и глобальная стратегия, сохраняют миролюбивый настрой по отношению к КНР. Развитие двусторонних отношений основывается на расширении экономического сотрудничества на рыночных принципах и диалоге в различных сферах, в частности по вопросам прав человека, разоружения, безопасности в Африке. В то же время действия Пекина по отношению к инакомыслящим характеризуются как авторитарные и нарушающие верховенство права. Евросоюз выступает за свободу навигации в Китайских морях и поддерживает политику «одного Китая», намереваясь, однако, углубить сотрудничество с Тайванем⁶.

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. 06.2016. P. 38. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения: 08.02.2024).

² Там же. P. 8.

³ Там же. P. 7–11.

⁴ Elements for a new EU strategy on China. JOIN/2016/030 final. 22.06.2016. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:52016JC0030> (дата обращения: 08.02.2024).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

2016 г. стал поворотным для внешней политики «западных» стран и институтов. В сентябре, накануне президентских выборов, президент США Барак Обама заявил, что курс Вашингтона можно определить как поворот к Азии, цель которого – перехватить региональное лидерство у КНР. Несмотря на то, что Д. Трамп инициировал выход из соглашения о Транс-Тихоокеанском партнерстве [Носов, 2018: 7], внешняя политика его администрации сохранила азиатский фокус и приобрела антикитайскую окраску¹. Поворот к Азии и Китаю со стороны ЕС основывался на уже заложенном прежде фундаменте, состоящем из «политического, экономического и секторального, а также гражданского диалогов» [Носов, 2015: 272].

Китай как партнер и соперник: формирование образа (2019–2021 гг.)

В марте 2019 г. было издано совместное коммюнике Еврокомиссии и Высокого представителя «ЕС – Китай: стратегические перспективы», которое остается актуальным несмотря на ухудшение двусторонних отношений². Документ основан на «Элементах новой стратегии ЕС в отношении Китая»³, но концептуальное видение КНР значительно отличается. В 2016 г. Пекин изображался как партнер, применяющий нерыночные меры. Кроме того, Брюссель пытался сгладить назревающее столкновение интересов с Пекином: «То, что часто воспринимается в Африке как конкуренция ЕС и Китая, должно быть превращено в более тесное сотрудничество по урегулированию кризисов»⁴. Еще одним конфликтным регионом выступает Средиземноморье, которое традиционно находится под влиянием ЕС, но привлекает все большее внимание Пекина, пытающегося реализовать инфраструктурные проекты, в т. ч. развитие греческого порта Пирей [Буторина, Алексеенкова, 2022: 182–183].

В документе ЕС за 2019 г. КНР обозначен как партнер по сотрудничеству, с которым Евросоюз имеет общие цели; партнер по переговорам; экономический конкурент, стремящийся к технологическому лидерству и «системный соперник, продвигающий альтернативные модели управления»⁵. Подход ЕС можно свести к формуле «партнерство – соперничество». Под последним подразумевается сочетание экономической конкуренции и политико-идеологического противостояния. ЕС считает, что ситуация с правами человека в Китае ухудшается и приводит в качестве примеров Синьцзян-Уйгурский автономный район и Гонконг. В то же время КНР воспринимается как важный региональный игрок в области безопасности, с

¹ President Trump on China: Putting America First. The White House. 02.11.2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/president-trump-china-putting-america-first/> (дата обращения: 08.02.2024).

² EU-China Relations factsheet. EEAS. 01.04.2022. P. 1. URL: https://web.archive.org/web/20230206162417/https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-china-relations-factsheet_en (дата обращения: 02.04.2024).

³ EU-China Strategic Outlook. JOIN(2019) 5 final. 12.03.2019. P. 1. URL: <https://commission.europa.eu/system/files/2019-03/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (дата обращения: 08.02.2024).

⁴ Elements for a new EU strategy on China.

⁵ EU-China Strategic Outlook. P. 1.

которым Брюссель надеется сотрудничать по иранской ядерной сделке и урегулированию кризисов в Афганистане и Мьянме, несмотря на то что морские претензии Пекина в Южно-Китайском море противоречат международному праву. Евросоюз настороженно относится к китайским инвестициям в другие страны, включая западно-балканские, африканские и соседствующие с ЕС государства. Эти вложения способствуют росту «развивающихся» экономик, но «часто пренебрегают социально-экономической и финансовой устойчивостью», что ведет к высокому уровню закредитованности и переходу стратегически важных объектов и ресурсов под китайский контроль. Другой проблемой выступает рост протекционизма: рынок КНР остается в значительной мере закрытым для европейских компаний¹. Евросоюз, не упоминая напрямую Китай, считает, что иностранные инвестиции в стратегические секторы могут представлять риск для безопасности. Это, в частности, затрагивает сети и технологию 5G². Китайские власти применяют либерально-демократические термины (права человека, верховенство права и т. д.), но вкладывают в них совершенно другое значение [Ekman, 2020: 9], что ведет к разрыву в определениях, углубляющему политико-идеологический раскол Брюсселя и Пекина.

В марте 2021 г. из-за нарушения прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе ЕС ввел санкции против КНР, согласовав их с США, Британией и Канадой. Китай ввел ответные санкции по отношению к ЕС, что стало, по мнению ряда европейских экспертов, поворотным моментом в росте «стратегического недоверия» в отношениях Брюсселя и Пекина [Alves, 2024: 9].

В сентябре 2021 г. было принято совместное коммюнике Европарламента и Совета «Стратегия сотрудничества ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе», в котором подчеркнуто стремление Брюсселя увеличить присутствие в регионе, укрепляя «мировой порядок, основанный на правилах»³. Евросоюз критикует обезличенные Индо-Тихоокеанские «авторитарные» режимы, угрожающие демократическим принципам и правам человека. В качестве одной из целей экономикополитического блока провозглашается борьба с несправедливым торгово-экономическим принуждением. Применительно к Китаю предлагается сохранить многогранный подход, сформулированный в 2019 г. Кроме того, говорится о наличии фундаментальных противоречий в отношениях ЕС и КНР, в частности по вопросу прав человека. Подчеркивается, что демонстрация силы и эскалация конфликтов представляет опасность для безопасности и благосостояния Европы. Косвенно упоминается, что наращивание Китаем военной мощи несет угрозу для стран ЕС⁴.

Отношения КНР и ЕС на фоне обострения кризиса системы международных отношений (2022–2023 гг.)

«Стратегический компас» 2022 г., обсуждавшийся задолго до публикации, стал событием в европейской политике. К примеру, в декабре 2021 г. был опубликован

¹ Там же. Р. 2–5.

² Там же. Р. 9.

³ The EU Strategy for cooperation in the Indo-Pacific. JOIN(2021) 24 final. 16.09.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jointcommunication_2021_24_1_en.pdf (дата обращения: 08.02.2024).

⁴ Там же. Р. 2, 4.

аналитический материал с рекомендациями от Института ЕС по исследованиям в области безопасности (*European Union Institute for Security Studies, EUISS*), который включил итоги опросов среди экспертов о наиболее перспективных направлениях развития европейской безопасности [Fiott, Lindstrom, 2021]. Ожидания респондентов относительно приоритетности того или иного географического региона в рамках развертывания гражданской и военной инфраструктуры по урегулированию кризиса не соответствуют актуальным тенденциям: Евразия и Индо-Тихоокеанский регион занимали далеко не первое место в представлениях ученых и аналитиков, что свидетельствует о важности «Стратегического компаса» с точки зрения официального закрепления поворота к Азии [Fiott, Lindstrom, 2021: 10].

Несмотря на доминирование российско-украинской тематики в европейском информационном поле, в «Стратегическом компасе» значительное внимание уделено роли Китая и ИТР в системе международных отношений. В документе утверждается, что развитие КНР будет одной из центральных тем в XXI в., поэтому Евросоюзу необходимо обеспечить соответствие этого процесса «международному порядку, основанному на правилах», интересам и ценностям сообщества. Для углубления военно-политической интеграции ЕС планирует географически расширить «координируемое морское присутствие», включив в этот механизм ИТР¹. Сотрудничество с АСЕАН и государствами-единомышленниками, а также проведение к 2023 г. морских учений с региональными партнерами «в дополнение к более частым заходам в порты и патрулированию» должны способствовать миру в регионе². Например, 14-15 августа 2022 г. в Аравийском море состоялись первые совместные антипиратские морские учения с Индонезией³, 23-24 марта 2023 г. в ИТР – первые в истории совместные морские учения с США⁴. Это свидетельствует о стремлении Евросоюза увеличить влияние в рамках региональной архитектуры безопасности. Желание ЕС увеличить морское присутствие, как отметил автор одного из предваривших «Стратегический компас» аналитических докладов, разумно не только в рамках безопасности, но и экономики [Fiott, 2021: 2].

«Стратегический компас» не обходит стороной тему столкновения «демократий» с «автократиями». К числу последних ЕС относит Китай⁵. Тем самым документ окончательно закрепляет уже сложившуюся тенденцию – ожесточение конкурентной борьбы различных элементов неолиберальной мир-системы. Вследствие обострения кризиса неолиберализма дискурс ЕС о Китае выходит за рамки ценностных противоречий и выливается в системный конфликт, от разрешения которого зависит будущее системы международных отношений.

¹ A Strategic Compass for Security and Defence. 2022. P. 12, 30. URL: https://www.satcen.europa.eu/keydocuments/strategic_compass_en3_web6298d4e4601f2a0001c0f871.pdf (дата обращения: 03.04.2024).

² Там же. P. 55, 57, 60.

³ EU-Indonesia – Joint press release on First Joint Naval Exercise. EU External Action. 16.08.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-indonesia-joint-press-release-first-joint-naval-exercise_en (дата обращения: 08.02.2024).

⁴ US: first ever joint naval exercise conducted between the EU and U.S. EU External Action. 24.03.2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/us-first-ever-joint-naval-exercise-conducted-between-eu-and-us_en (дата обращения: 08.02.2024).

⁵ A Strategic Compass for Security and Defence. P. 18.

В «Стратегическом компасе» речь идет о необходимости сотрудничества с партнерами-единомышленниками по всему миру. В материале *EUISS* автор, констатируя разделение мира на две конкурирующие политические коалиции-системы («демократическую» и «авторитарную») и «стремление китайских властей сформировать постзападный мир», предлагает не ограничивать круг партнеров единомышленниками [Ekman, 2022: 2–3]. Обвинения КНР в создании альтернативной модели управления звучат не первый раз. В одной из работ европейский аналитик Э. Экман считает, что подобные устремления носят не региональную, а глобальную направленность: «Китай стремится построить альтернативную “архитектуру безопасности”, которая устанавливала бы нормы во всем мире». Таким образом, она полагает, что сосуществование «демократий» с «автократиями» переходит в состояние экзистенциальной борьбы [Ekman, 2023: 3].

Тезис о необходимости поиска партнеров не только среди единомышленников иллюстрирует прагматичную позицию по выбору потенциальных союзников для сдерживания КНР. Прагматики выходят за рамки бинарной логики и выделяют третий лагерь – «умело балансирующих» или «колеблющихся», к которому относят Индию [Crosson et al., 2023: 3; Sanchez Cacicedo, 2023: 7].

Партнерство Пекина с Москвой и нежелание Китая осудить действия Кремля на территории Украины стали фоном для апрельского саммита ЕС–КНР, который закончился без принятия совместной декларации. Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Борель описал мероприятие как «диалог глухих» [Andersson, Cramer, 2023: 93].

На июньской конференции 2022 г., проводившейся *EUISS*, Ж. Борель упомянул Китай в одном ряду с Россией. Кроме того, он заявил о формировании биполярной системы: США, Европа и единомышленники причисляются к «демократическому» полюсу, а РФ и КНР – к «авторитарному». Действия Пекина во внешней политике характеризуются как «ревизионистские», а для внутренней свойственны процесс централизации и «сокращение пространства плюрализма мнений». Подчеркивается, что Китай вместе с Россией «пытается переопределить международные принципы и бросить вызов существующим правам государств и индивидов». Как и в упомянутом выше аналитическом документе, предлагается применять прагматичный подход в выборе региональных союзников, но они не должны быть «вместе» с РФ и КНР¹.

В сентябре 2022 г. председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен обратилась к Европарламенту с посланием «О состоянии Союза», ключевое место в котором занял российско-украинский конфликт. Кроме того, КНР обвинялась в спонсировании исследовательского центра, «опровергавшего свидетельства существования лагерей принудительного труда для уйгуров». В этом контексте подчеркивается важность борьбы с «ложью, токсичной для демократии», для защиты от «злонамеренного вмешательства» во внутренние дела ЕС и стран-членов².

¹ Speech by Josep Borrell at the EU ISS Annual conference: “The global impact of the war in Ukraine: The tsunami after the earthquake?”. EU External Action. 09.06.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/414597_fr (дата обращения: 08.02.2024).

² 2022 State of the Union Address by President von der Leyen. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/ov/speech_22_5493 (дата обращения: 08.02.2024).

В апреле 2023 г. У. фон дер Ляйен вместе с Э. Макроном посетила Пекин, где заявила об усугубляющейся несбалансированности торговых отношений ЕС и Китая, что вызвано, по ее мнению, растущим дефицитом торговли ЕС¹. Брюссель связывает рост дефицита с 2020 по 2022 гг. почти в два раза с закрытостью китайской экономики. Однако этот тезис не подтверждается статистически. Замедление роста ВВП Китая и сокращение внутреннего спроса способствуют сохранению торгового дисбаланса [Буторина, 2023: 5, 13, 17].

Позже в выступлении перед Европарламентом глава ЕК отметила необходимость снижения рисков в отношениях с Китаем. У. фон дер Ляйен утверждала, что усиление КНР «напрямую влияет на партнеров ЕС и их законные интересы». Она также осудила нарушение прав человека в Китае и поддержала страны, попавшие под китайские санкции из-за аналогичной позиции по этому вопросу. В качестве проблем были обозначены стремление КПК увеличить зависимость других стран от КНР при сокращении зависимости последней от мировой экономики, отношения Москвы и Пекина, позиция последнего по украинскому кризису, непрозрачность китайских субсидий и пренебрежение Китая к интеллектуальной собственности².

В конце июня 2023 г. Европейский совет подтвердил закрепленную в прошлых документах и выступлениях позицию по отношению к Китаю. Пекин считается важным торговым партнером и системным соперником, с которым ЕС намеревается выстроить конструктивный диалог для дальнейшего развития отношений и решения глобальных проблем. КНР критикуется за эскалацию ситуации в Тайваньском проливе и нарушение прав человека. Ожидается, что Китай как член Совета Безопасности ООН будет способствовать поддержанию «основанного на правилах мирового порядка» и вынудит Россию посредством давления прекратить боевые действия и вывести войска с территории Украины³. Незадолго до публикации пресс-релиза ЕС ввел ограничительные меры против нескольких китайских компаний, чьи продукты, по мнению Брюсселя, использовались РФ в военных целях. Изначально проект включал восемь компаний, но из-за обещаний китайского правительства оказать на них давление под санкции попали три⁴.

В Пекине 7 декабря 2023 г. прошел 24-й саммит ЕС–Китай. Особое внимание европейская сторона уделила несбалансированности торговых отношений с Китаем как основным экономическим партнером: торговый дефицит ЕС «достиг почти 400 млрд евро». В качестве причин У. фон дер Ляйен назвала недостаточную открытость рынка Китая для европейских компаний, привилегированное положение ки-

¹ “EU-China relations are complex”: Ursula von der Leyen visits Beijing with President Macron. Sky News. 06.04.2023. URL: <https://news.sky.com/video/eu-china-relations-are-complex-ursula-von-der-leyen-visits-beijing-with-president-macron-12851277> (дата обращения: 08.02.2024).

² The need for a coherent strategy for EU-China Relations, with President von der Leyen. YouTube. 18.04.2023. URL: <https://youtu.be/qCITk2VoHfw> (дата обращения: 08.02.2024).

³ European Council conclusions on China, 30 June 2023. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/06/30/european-council-conclusions-on-china-30-june-2023/> (дата обращения: 08.02.2024).

⁴ Tsuji T. EU takes aim at Chinese companies in new Russia sanctions. Nikkei Asia. 24.06.2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/EU-takes-aim-at-Chinese-companies-in-new-Russia-sanctions> (дата обращения: 08.02.2024).

тайский предприятий и избыточные мощности китайской промышленности¹. Обсуждались такие темы, как российско-украинский конфликт и возможная роль КНР в его урегулировании, эскалация палестино-израильского конфликта и необходимость организации гуманитарной помощи, изменение климата и вопросы здравоохранения, нарушение прав человека, рост напряженности в Тайваньском проливе, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях². Двойственный подход ЕС по отношению к Китаю сохранен и будет закреплен в дальнейшем: Пекин остается не только ведущим партнером, но и соперником в области экономики, политики и идеологии. ЕС продолжит «балансировать между сторонами конфликта», оглядываясь на США [Данилин и др., 2022: 68, 75].

Заключение

Менее чем за десятилетие образ КНР в стратегическом видении ЕС претерпел ряд изменений. В период с 2016 по 2018 гг. можно говорить о росте напряженности в двусторонних отношениях, что было связано с разворотом «западной» политики к Азии и продвижением Китаем инициативы «Один пояс, один путь». В это время складываются основные предпосылки для формирования противоречивого образа КНР. В то время Китай характеризовался только как важный торговый и инвестиционный партнер. С 2019 по 2021 гг. за Пекином закрепилась двоякая роль одного из ведущих партнеров и системного соперника, отстаивающего «авторитарную» модель управления. Стратегия ЕС по отношению к Китаю 2019 г. и «Стратегия сотрудничества ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе» 2021 г. официально оформили этот подход. В последнем документе заявляется о существовании фундаментальных противоречий ЕС и Китая в вопросе прав человека. В период с 2022 по 2023 гг. Брюссель заявил о себе как об активном игроке в сфере безопасности, о чем свидетельствовало принятие «Стратегического компаса». На повестку встало участие ЕС в военно-морских учениях с участием стран ИТР, в частности членов АСЕАН и других государств-единомышленников. Немаловажную роль в дискурсивной эскалации ЕС по отношению к Китаю сыграли внешнеэкономические факторы, а именно: торговый дефицит и активная экономическая экспансия КНР в Европе, в частности в Средиземноморье.

Китай, скорее всего, продолжит сохранять двоякую роль в европейском дискурсе. Тогда как некоторые вопросы будут успешно решаться в рамках двустороннего сотрудничества, остальные – торговля, права человека, Тайвань, авторитарные практики – будут болезненны. Взаимодействие возможно, но оно не будет всеобъемлющим. Несмотря на идеологизацию противостояния ЕС и Китая, прагматичный подход применительно к выбору региональных союзников будет продолжен. Он не исключает опору на «демократии», но исходит из того, что их недостаточно для поддержания «международного порядка, основанного на правилах».

¹ President von der Leyen calls for a rebalanced trade relation with China in “Summit of choices”. European Commission. 08.12.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/ac_23_6446/AC_23_6446_EN.pdf (дата обращения: 08.02.2024).

² EU-China summit, 7 December 2023. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2023/12/07/> (дата обращения: 08.02.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов В.Б. (2023) Германо-китайские экономические отношения в условиях актуальных геополитических вызовов. *Современная Европа*. № 7. С. 111–126.
- Буторина О.В., Алексеенкова Е.С. (ред.) (2022) *Фактор Китая в Средиземноморье*. ИЕ РАН, Москва. 200 с.
- Буторина О.В. (2023) Торговля Евросоюза с Китаем: проблема дефицита. *Современная Европа*. № 7. С. 5–20.
- Данилин И.В., Квашнин Ю.Д., Кислицын С.В., Кобринская И.Я., Ломанов А.В., Уткин С.В. (2022) Евросоюз-Китай в меняющемся мироустройстве. *Мировая экономика и международные отношения*. № 1. С. 68–79.
- Носов М.Г. (2018) ЕС и Китай: торговля и стратегия. *Современная Европа*. № 6. С. 5–17.
- Носов М.Г. (2015) ЕС – Китай. *Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность*. Под общ. ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. ИЕ РАН; Весь Мир, Москва. С. 269–287.
- Alves D.R. (2023) The EU's discourse coherence and its relationship with China: a new normative actor? *SN Social Sciences*. Vol. 4. P. 1–21.
- Andersson J.J., Cramer C.S. (2023) *Yearbook of European Security*. EUISS, Paris, France. 115 p.
- Crosson D.M., Benaglia S., Vermeulen L. (2023) *Future-proofing EU Security and Defence Cooperation in the Indo-Pacific: Doubling down with Friends*. CEPS, Brussels, Belgium. 9 p.
- Ekman A. (2023) *China's Global Security Initiative. Brief 5*. EUISS, Paris, France. 4 p.
- Ekman A. (2022) *China and the Battle of Coalitions. The "Circle of Friends" Versus the Indo-Pacific Strategy. Chaillot Paper 174*. EUISS, Paris, France. 59 p.
- Ekman A. (2020) What if... We Avoided Wordplay with China? *What if... Chaillot Paper 157*. Ed. by F. Gaub. EUISS, Paris, France. P. 8–13.
- Fiott D., Lindstrom G. (2021) *Strategic Compass: New bearings for EU Security and Defence? Chaillot Paper 171*. EUISS, Paris, France. 62 p.
- Fiott D. (2021) *Naval Gazing? The Strategic Compass and the EU's Maritime Presence. Brief 16*. EUISS, Paris, France. 8 p.
- Sanchez Cacicedo A. (2023) *India's G20 Presidency: A Showcase for Skilful Minilateralism. Brief 17*. EUISS, Paris, France. 8 p.

The EU Strategic Approach to China (2016–2023)

D.V. Leushkin

Candidate of Science (Politics), Associate Professor
Institute of International Relations and World History, National Research
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
 2, Ulyanova Street, Nizhny Novgorod, Russia, 603005, **E-mail:** den.leushkin@mail.ru

N.G. Samoilov

School of International Relations, Saint Petersburg State University
 Entance 8, 1/3 Smolny Street, Saint Petersburg, Russia, 191060,
E-mail: samoilovng@gmail.com

Abstract. The goal of the article is to identify the main stages of the formation of the ambivalent image of the PRC in the European discourse, as well as the causes and factors that determined the transformation of the approach to China in official documents and statements, including the points of view of a number of European think tanks. The first stage is related to the emergence of prerequisites for the deterioration of bilateral relations due to the intensification of economic contradictions. The second one is linked to Beijing's dual role as a partner and competitor becoming mainstream in Europe in the context of the deteriorating relations. Finally, the third stage is associated with the growing EU's ambitions in ensuring international and regional security, in particular those highlighted in the Strategic Compass, and negative attitude of the EU towards the Chinese stance on the Russo-Ukrainian conflict. The authors use a world-systems approach,

focusing on the influence of external economic factors on the development of the European discourse towards China. The research relies on the analysis and comparison of the EU documents, official statements made by heads and representatives of the European institutions, as well as publications provided by experts and analytical centres studying relations between the EU and PRC. The consolidation of China's contradictory image as both partner and rival in the official European discourse and expert community is quite natural. It is related to the aggravation of the crisis of the world-system itself, transformation of the world order, as a result, the actualisation of economic disagreements, which can be illustrated by the EU's trade deficit with China. Brussels' modern approach to Beijing fits into the logic of the confrontation between «democracies» and «autocracies» – the conflict with China is publicly covered not as an economic rivalry, but as an existential struggle between different political systems articulated in ideological terms. The authors believe that such an internally contradictory approach to China will remain dominant in the face of the above-mentioned issues.

Keywords: EU, China, Strategic Compass, Indo-Pacific, discourse, think tanks

DOI: 10.31857/S0201708324050048

REFERENCES

- Alves D.R. (2023) The EU's discourse coherence and its relationship with China: a new normative actor?, *SN Social Sciences*, 4, pp. 1–21.
- Andersson J.J., Cramer C.S. (2023) *Yearbook of European Security*, EUISS, Paris, France.
- Belov V.B. (2023) Germano-kitaiskie ekonomicheskie otnosheniya v usloviyakh aktual'nykh geopoliticheskikh vyzovov [German-Chinese Economic Relations in the Context of Current Geopolitical Challenges], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 111–126. (In Russian).
- Butorina O.V., Alekseenkova E.S. (ed.) (2022) *Faktor Kitaya v Sredizemnomor'e* [The China Factor in the Mediterranean], IE RAS, Moscow, Russia. (In Russian).
- Butorina O.V. (2023) Torgovlya Evrosoyuz s Kitaem: problema defitsita [EU Trade with China: the Problem of Scarcity], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 5–20. (In Russian).
- Crosson D.M., Benaglia S., Vermeulen L. (2023) *Future-proofing EU Security and Defence Cooperation in the Indo-Pacific: Doubling down with Friends*, CEPS, Brussels, Belgium.
- Danilin I.V., Kvashnin Y.D., Kislitsyn S.V., Kobrinskaya I.Ya., Lomanov A.V., Utkin S.V. (2022) Evrosoyuz-Kitai v menyayushchemsya miroustroistve [European Union – China in the Changing World Composition], *World Economy and International Relations*, 1, pp. 68–79. (In Russian).
- Ekman A. (2023) *China's Global Security Initiative. Brief 5*, EUISS, Paris, France.
- Ekman A. (2022) *China and the Battle of Coalitions. The "Circle of Friends" Versus the Indo-Pacific Strategy. Chaillot Paper 174*, EUISS, Paris, France.
- Ekman A. (2020) What if... We Avoided Wordplay with China?, in Gaub F. (ed.) *What if... Chaillot Paper 157*, EUISS, Paris, France, pp. 8–13.
- Fiott D., Lindstrom G. (2021) *Strategic Compass: New bearings for EU Security and Defence? Chaillot Paper 171*, EUISS, Paris, France.
- Fiott D. (2021) *Naval Gazing? The Strategic Compass and the EU's Maritime Presence. Brief 16*, EUISS, Paris, France.
- Nosov M.G. (2018) ES i Kitai: trgovlya i strategiya [EU and China: Trade or Strategy], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 5–17. (In Russian).
- Nosov M.G. (2015) ES – Kitai, in Al.A. Gromyko, M.G. Nosov (ed.) *Evropeiskii soyuz v poiske global'noi roli: politika, ekonomika, bezopasnost'* [The European Union in Search of Global Role: Politics, Economy, Security], IE RAN; Ves' Mir, Moscow, Russia, pp. 269–287. (In Russian).
- Sanchez Cacicedo A. (2023) *India's G20 Presidency: A Showcase for Skilful Minilateralism. Brief 17*, EUISS, Paris, France.

УДК 327

THE TRANSFORMATION OF CHINA'S IMAGE IN EUROPEAN EXPERT DISCOURSE

© 2024 KAVESHNIKOV Nikolay Yurievich

Candidate of Sciences (Politics)

*Head of Department of Integration Studies, Moscow State Institute
of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs (MGIMO University)*

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454;

Leading Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009

E-mail: nikandrrr@mail.ru

© 2024 LUPALTSOVA Anna Igorevna

Lecturer, Moscow State Institute

of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs (MGIMO University)

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

E-mail: a.i.lupaltsova@my.mgimo.ru

Поступила в редакцию 06.08.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Abstract. The article examines how the European expert community perceives China and how this perception has changed from 2003 to 2023, using the classic image theory approach of Richard Herrmann and Michel Fischerkeller. The main objective of this study is to trace how the transformations in the image of China were affected by the evolution of Sino-European relations and to what extent these transformations influenced EU policy toward China. Given the significant role that the epistemic community plays in shaping policy in Europe, both at the national and EU levels, the focus is made on expert positions. The study applies qualitative content analysis of policy papers from seven of the most reputed European think tanks, covering the period of 2003–2023 (a total of 187 documents). Relying on the five ideal-typical images of the “Other” (enemy, ally, degenerate, empire and colony), the paper contributes to the theoretical framework by introducing a new ideal-typical image – a rival – to better describe the nature of EU-China relations and European experts’ perception of China. The conclusion is made that the image of China has shifted from that of an ally with degenerate elements to that of a rival with significant enemy elements. Key periods and turning points in the evolution of China’s image are identified and the linkage between this image and the official EU policy toward China is revealed.

Keywords: China, EU, EU-China relations, image theory, rivalry, rival, content analysis

DOI: 10.31857/S020170832405005X

Introduction

Over the past decade, international relations have been shifting towards a multipolar system, a period that has also seen the rise of China as a major power. This shift is accompanied by increasing instability and growing contradictions among great powers, especially between Western and non-Western states. Every international actor faces the challenge of adapting to this changing environment and, inter alia, developing a strategic policy course in relation to China.

The relationship between the European Union and China is one of key axes in today's international relations and is attracting growing scholarly attention. Our paper aims to contribute to the ongoing debate by analysing how European experts' perception of China has changed over time.

The amount of research dedicated to EU-China relations is vast and has been growing exponentially in recent years, including contributions from Russian scholars. Most studies focus on EU-China economic relations, specifically trade and investment [Butorina, 2023; Cvetanovska, 2020; Gaenssmantel, 2023; Kashin, Zaitsev, 2021; Leal-Arcas, 2022; Nosov, 2018; Vinogradov, Luschik, 2017; Xin, 2017; Yin, 2018]. A substantial body of academic literature examines the geopolitical and geoeconomic aspects of EU-China relations, especially in the context of the growing US-China tensions [Erdemir, 2023; Danilin et al., 2022; Lomanov, 2019] and, in recent years, China's role in the confrontation between the West and Russia following the escalation of the Russia-Ukraine military conflict [Chang-Liao, 2023; Mikheev, Lukonin, 2024].

EU-China relations present an illustrative case for the analysis of actorness and strategic autonomy of the EU [Istomin, Zhdanova, 2017]. Numerous scholars investigate the EU's ability to use soft power in its relations with China [Cvetanovska, 2020] and the European approach to the Belt and Road Initiative [Gemueva et al., 2018; Tsyvk, 2019].

A limited number of studies are devoted to mutual images. Not without interests are research of the Chinese stereotypes of other peoples (including the Europeans) drawing on the historical sources [Samoylov, 2019; 2020; Samoylov, Mayatskiy, 2020] and research addressing the perception of China among German political leadership [Heiduk, 2014].

There is, however, an apparent research gap regarding the linkage between the mutual perceptions of China and the EU and the development of their relations. Given that the EU now officially categorizes China as a "partner-competitor-rival"¹ and that there have been notable shifts of emphasis within this definition, it is important to understand how both actors perceive each other and how these perceptions might influence their interactions.

To address this gap, we have chosen image theory – a mid-level theory grounded in cognitive psychology and the constructivist paradigm – as our research framework. Most

¹ European Commission and High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Joint Communication. EU-China – A strategic outlook. JOIN (2019) 5 final, 12.05.2019.

studies based on image theory focus on policymakers' statements. Additionally, there is evidence suggesting that experts' opinions on international relations can influence official decisions, or at the very least, provide valuable insights into the nuances of policy-making [Weaver, 1989; Ivannikov, Shmonova, 2023].

Therefore, this article aims to use image theory to evaluate how European experts perceive China, explore how China's image has evolved, and assess whether there is a correlation between these perceived images and the actual state of EU-China relations.

Image theory as a theoretical framework

Image theory draws from the classical studies of K. Boulding, R. Cottam, and O. Holsti. According to Kenneth Boulding [Boulding, 1959], the national image has an ambivalent nature, shaped both by the general public's opinions, which are influenced by traditions and values instilled by family, and by the manipulations of elite groups. Boulding identifies several components of the national image, including territory, attitudes (friendly or unfriendly), and power. He also distinguishes between two types of hostility in international relations: actual hostility, arising from an intractable conflict between the actors (such as a territorial dispute), and illusory hostility, which occurs when a resolvable conflict is exacerbated by mutual misunderstandings, leading to an accumulation of hostility.

Ole Holsti [Holsti, 1962] postulates that images are integral elements of a belief system, which he defines as the sum of an actor's accumulated knowledge about itself and the world. This belief system serves as a filter through which the actor perceives reality. Holsti asserts that images can be either functional – if they accurately reflect reality, or dysfunctional – if they do not. In the latter case, the actor risks making incorrect decisions and failing to achieve desired goals. Holsti also argues that images are dynamic and that their degree of dynamism depends on whether the belief system is closed (rigid) or open for influence and flexible.

Richard Cottam [Cottam, 1977] was among the first to highlight the role of stereotypes in international relations and proposed a system of five ideal-typical images: enemy, ally, empire, colony, and a “complex image” (which he describes as reality in all its shades). According to Cottam, these ideal-typical images are based on stereotypes and serve to simplify the analysis of international relations.

Richard Herrmann and Michel Fischerkeller developed the concept of ideal-typical images, establishing a comprehensive and easily applicable methodology and approach that later became classical in the field [Herrmann, Fischerkeller, 1995]. They concluded that the image of the “Other” is shaped by the ideas, principles, and norms of the actor itself. The central role in forming this image is the assessment of the threats or opportunities the “Other” represents. Another essential dimension is relative power. Finally, understanding the threat or lack thereof, and the power of another actor, should be considered alongside the perception of the “Other's” political culture, with particular emphasis on the norms and values guiding decision-making in domestic and foreign policy.

Herrmann and Fischerkeller identified five ideal-typical images: enemy, degenerate, ally, colony, and empire. They argued that an empirically based image of the “Other” is usually complex and incorporates elements from multiple ideal-typical images. To deter-

mine how the “Me” views the “Other,” scholars conducted content analysis of statements by government officials. They used three criteria to draw conclusions about the image of the “Other”: perception of the “Other’s” motivation, capabilities, and decision-making process [Herrmann, Fisherkeller, 1995: 427].

Explaining the importance of research on images for predicting the development of bilateral relations, Herrmann and Fisherkeller formulated a set of strategies that an actor will use depending on the ideal-typical image it attributes to the “Other.” For example, if the “Other” is perceived as an enemy, the actor will seek to curb its expansionist intentions and avoid significant cooperation. Therefore, the “Me” is more likely to resort to a deterrence strategy. Conversely, if the “Other” is seen as degenerate, the strategy is likely to be more active (aggressive or revisionist). If the “Me” perceives the “Other” as an ally, it will seek cooperation to achieve mutual benefit. When the “Other” is viewed as a colony, the actor will be inclined to pursue a policy of intervention. Finally, if the “Other” is perceived as an empire, the actor will choose more or less cautious strategy to resist its influence. These strategies assume that mutual perceptions align with ideal-typical images; otherwise, in practice, an actor will employ a mixed strategy using various practical means [Herrmann, Fisherkeller, 1995: 431–438].

Herrmann and Fisherkeller’s approach, which has become well-established, has been applied in numerous studies on foreign policy. For example, Binnur Özkeçeci-Taner [Özkeçeci-Taner, 2012] has analysed the relations between Israel and Turkey and concluded that Israel perceived Turkey as a “frenemy” – a new concept combining elements of both enemy and ally images. Matúš Mišík uses a similar approach to explore how the old EU member states viewed the 2004 and 2007 entrants. He concludes that the new EU member states are seen as allies and having at least comparable culture and motivation [Mišík, 2014]. Ardina Kartikasari explores China’s perception of Indonesia in the context of South China sea dispute and concludes that Beijing sees Jakarta as an ally [Kartikasari, 2019].

While this methodological approach is quite comprehensive, it is not without its flaws. Developed during and shortly after the Cold War [Cottam 1977; Herrmann, Fisherkeller, 1995], it focuses heavily on ally and enemy images, making it less adept at capturing the nuances of contemporary international relations. To address this limitation, we have introduced a new category – the image of rival.

We have drawn on a psychological approach to defining rivalry, specifically the thorough analysis provided by Gavin J. Kilduff, Hillary Anger Elfenbein, and Barry M. Staw [Kilduff et al, 2010]. First, they differentiate between competition and rivalry, arguing that rivalry is more subjective and entails greater psychological involvement and perceived stakes, irrespective of the situation’s objective characteristics. Rivalry occurs when an actor places more importance on competing against certain opponents. The relativity of rivalry complicates the identification of objective reasons for competition. Second, the researchers stress the importance of previous interactions, noting that past competitive experiences heighten the likelihood of rivalry in the present and future. Third, since rivalry is subjective, reciprocity is not necessary. Fourth, rivals are usually comparable in resources and capabilities. Finally, the authors believe that because rivalry in-

creases psychological stakes beyond objective considerations, it can lead to irrational behaviour and disregard for cost-benefit analysis.

Applying this approach to the methodological framework of Herrmann and Fischer-keller, we define the rival image using the following criteria: 1) perception of the “Other” as a challenge (where the “Other’s” motivation is to challenge the “Me’s” interests); 2) comparable capabilities; and 3) differences between the political culture and decision-making systems of the “Other” and the “Me.”

The distinction between a rival image and an enemy image is crucial. While an enemy poses a threat, a rival presents a challenge, and these concepts are fundamentally different. A threat is typically understood as a situation that could lead to the destruction of the actor or other serious negative consequences that might undermine its integrity and position in the international system. In contrast, a challenge is viewed as an obstacle to achieving or maintaining objectives. Consequently, the strategies toward a rival and an enemy should differ. For an enemy, the most common approach is comprehensive deterrence, which carries a high risk of escalation. In contrast, it would be more effective to deal with a rival with a strategy of limited deterrence in the most sensitive areas (such as domestic policy) and open competition in other areas, allowing for potential cooperation in specific domains.

Data and methods

Our investigation of China’s image relied on experts’ opinions. To construct the database, we selected eight of the most reputable European think tanks: five of a pan-European level and three closely affiliated with the governments and interests of leading EU member states (France and Germany). We collected all policy papers of these think tanks on China for the period from 2003 to 2023.

While the relations between China and the EU have been developing for more than 30 years already, their active phase started in 2003, when both sides declared the establishment of strategic partnership, mentioned in the unilateral strategic documents of both actors¹ and in the joint statement of the 6th EU-China summit². The new level of relations reflected the rise of China’s global presence, which made 2003 the starting point of our research period. However, since the selected think tanks published nothing on China in 2003, our research effectively covers the period from 2004 to 2023.

The collected database includes 187 documents³, ranging from short policy briefs to comprehensive studies. Some of the latter comprise multiple chapters authored by differ-

¹ European Commission. Policy Paper. A maturing partnership – shared interests and challenges in EU-China relations COM(2003) 533 final, 10.09.2003; China’s EU Policy Paper. 13.10.2003. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xos_664404/dqzzywt_664812/200310/t20031013_572356.html (accessed: 20.05.2024).

² Sixth China-EU Summit. Beijing, 30.10.2003. Joint Press Statement URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/77802.pdf (accessed: 20.05.2024).

³ Our database comprises think tanks’ policy papers, policy comments, and policy briefs. Publications of think tanks’ experts in mass media and academic journals, as well as audio and video materials, were excluded from the study.

ent scholars, each offering distinct perspectives on China. To manage these cases, we divided large documents into sections written by individual authors (referred to as “texts”). 192 texts were chosen for further analysis (see Table 1 for details).

*Table 1***Description of the database**

think tank	date of establishment	level and research area	number of documents (number of texts)
German Institute for International and Security Affairs (SWP)	1962	national (Germany), broad research agenda	21 (21)
French Institute of International Relations (IFRI)	1979	national (France), broad research agenda	9 (9)
Centre for European Policy Studies (CEPS)	1983	pan-European, broad research agenda	10 (10)
Centre for European Reform (CER)*	1996	pan-European, broad research agenda	30 (30)
Jacques Delors Institute	1996	pan-European / national (France), broad research agenda	5 (5)
European Policy Center (EPC)	1997	pan-European, broad research agenda	11 (11)
European Council on Foreign Relations (ECFP)	2007	pan-European, foreign policy studies	69 (69)
Mercator Institute for China Studies (MERICS)	2013	pan-European, Chinese studies	32 (37)

* We have included the Centre for European Reform in the list of think tanks because the UK was a member of the European Union for most of our research period.

Source: compiled by the authors

We conducted a qualitative content analysis of each text and detected the statements reflecting the perception of China according to one of the six ideal-typical images:

1. Enemy image: China is perceived as a threat, it has comparable capabilities, its motivation is seen as opposing the EU's interests, and its political and decision-making systems are viewed as critically different from (and inferior to) those of the EU.

2. Ally image: China is seen as an opportunity for cooperation, it has comparable capabilities, its motivation aligns with the EU's interests, and its political and decision-making systems are similar to those of the EU.

3. Rival image: China is perceived as a challenge, it has comparable capabilities, its motivation is viewed as an impediment to the EU's interests, and its political and decision-making systems are different from (and inferior to) those of the EU.

4. Degenerate image: China is seen as an opportunity to exploit, it has capabilities that are either somewhat weaker or comparable, its motivation and political and decision-making systems are perceived as chaotic.

5. Colony image: China is viewed as an opportunity to exploit and interfere, it has weaker capabilities, its motivation is characterized by self-centeredness, and its political and decision-making systems are considered chaotic.

6. Empire image: China is perceived as an exploiter, it has superior capabilities, its motivation is seen as threatening the EU's interests (particularly internal ones), and its political and decision-making systems are different from those of the EU and efficient.

We assessed each text according to three criteria of ideal-typical images: perception of China's capabilities, its motivation, and its decision-making (which reflects political culture). Each text could generate a maximum of three points, with one point for each criterion. Noteworthy that each text may enable us to assess all three criteria, some criteria, or even none of them. Accordingly, each text potentially scoring from 0 to 3 points. Text length did not affect the assessment; both short and long texts were equally weighted in their impact on the portrayal of China within our analysis. Points were allocated to the relevant images according to the author's perception of China.

It should be noted that texts may reflect varying assessments within the same document, incorporating elements of multiple ideal images. In such cases, we distributed points among the relevant images. For example, a text might contribute 0.5 points each to the colony and ally images (if the text enables to assess only one criterion) or 2 points to the enemy image and 1 point to the rival image (if the text enables to assess all three criteria). As a result, we excluded two categories – the colony and empire images – due to their underrepresentation. Table 2 illustrates the applied methodology of qualitative content analysis.

Table 2.

Criteria of analysis and illustrative examples

Criteria Image	Perception of the capabilities	Perception of motivation	Perception of decision-making (political culture)
Enemy	Comparable «It also constitutes a serious threat to the integrity of the multilateral rules-based trade system» [Blockmans, 2021: 3]	Negative «China has also aggressively expanded its undersea cable network; Such networks and the services that run on them will give China control over information, the opportunity to manipulate information, and to conduct offensive cyber operations and effective disinformation campaigns» [Ohara, 2021]	Critically different and negative «the authoritarian regime in Beijing – which opposes democratic values and universal human rights, relies on unfair competition and subsidies to gain advantage and achieve technological leadership, propagates selective multilateralism to promote its interests, reacts with massive pressure to criticism and aggressively pursues its territorial claims» [Schweisgut, 2021: 9]
Rival	Comparable «A more powerful China no longer feels the same need to make compromises and holds fewer fears about the consequences of deterioration in relations with the West» [Leonard, 2010]	Anxious «China refuses to play the game, or rather plays it very differently» [Godement, 2017]	Different and anxious «China, too, has its own ethical and philosophical system to rival the West's» [Korski, 2010]
Ally	Comparable / weaker	Positive	Comparable and positive

Criteria Image	Perception of the capabilities	Perception of motivation	Perception of decision-making (political culture)
	«Problem cannot be solved without Chinese help» [Grant, 2008]	«China wants its relationship with the EU to become more strategic. China's leaders believe that a multipolar world is both a description of the reality that is emerging in the 21st century, and desirable» [Grant, Barysch, 2008: 27]	«China is not a pure dictatorship where no changes have occurred in the last decades, but a country that is gradually advancing towards a more open society with a growing degree of participation, legal security and individual autonomy» [Bates, Wacker, 2005: 65]
Degenerate	Comparable/inferior «China's potential clash with the West stems from its conservatism, rather than its activism» [Leonard, 2006]	Negative «Beijing does not seem to enjoy the responsibilities that come with a global power status and will follow the path that best serves its narrow interests» [Borges de Castro, 2022]	Different and chaotic «Insecurities and power struggles among Chinese governing elites have created a domestic and global outlook defined by paranoia, which lends itself to a permanent mindset of friend-foe distinction» [Huotari, Weidenfel, 2020: 10]

Source: compiled by the authors.

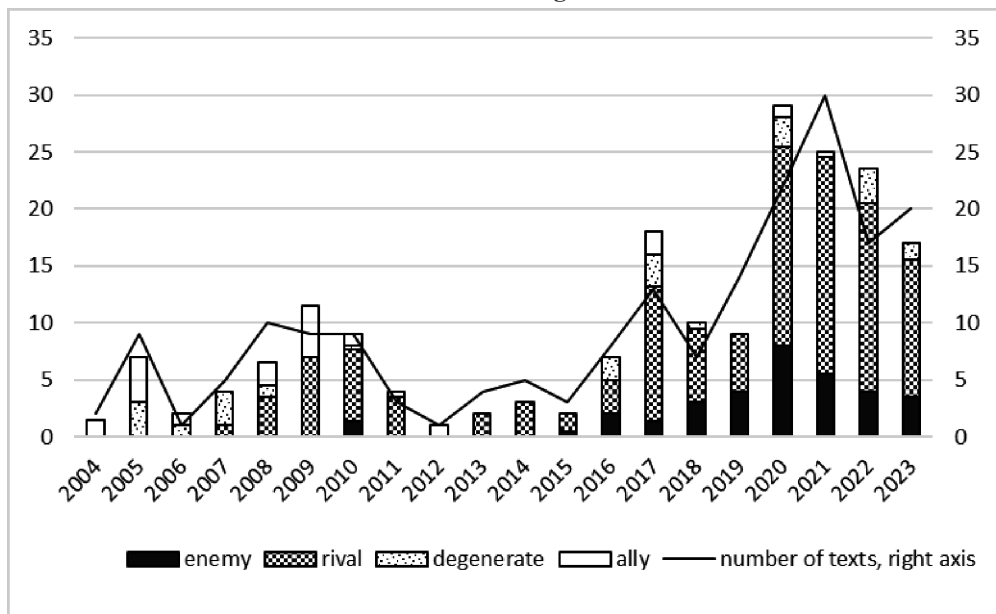
Results and discussion

Main findings of the content analysis are presented in Figure 1 and Annex 1.

First, it should be noted that European experts' interest in China has grown alongside China's rising role on the international stage, the expanding scope of Sino-European relations, and increasing tensions between the two actors. It is significant that a special pan-European think tank – Mercator Institute for China Studies – was established in 2013.

Figure 1.

Evolution of the image of China

Source: compiled by the authors.

It is also worthwhile noting that the “leaps” on the diagram correlate with milestones in Sino-European relations. For instance, the 2005 “leap” aligns with the intensification of contacts following the declaration of the strategic partnership. The 2007 and 2008 “leaps” reflect the deterioration of relations due to changes in political leadership in key EU member states. The surge in expert attention in 2009 and 2010 was driven by European efforts to involve China in the economic recovery after the financial crisis. The 2017 “leap” may be associated with growing European concerns about China’s activities in the East Asian region and the implementation of the new EU strategy on China. Since 2019, the escalation of US-China geopolitical and geoeconomic tensions and the EU’s need to navigate this nasty sea have caused a steady increase in attention toward China.

Our research traces the transformation of China’s image in the eyes of the European expert community and identifies four periods of image evolution, reflecting the general trends in EU-China relations.

1. *China as a “junior” ally (2004–2006)*. In this period, EU experts generally viewed China as a partner, primarily because they expected China to pursue democratization and economic reforms. However, persistent differences in political culture and the seeming opportunities to influence Chinese decision-makers contributed to what can be described as degenerate features of China’s image.

Regarding the official position, the European Commission’s 2003 policy paper reflects an optimistic view of EU-China relations, describing them as maturing. It also notes that both sides have “an ever-greater interest to work together as strategic partners”, and the EU largely supports and promotes the Chinese democratic transition¹. The former European Commission President Romano Prodi described the period of 2003–2004 the following way: “if it is not marriage, it is at least a very serious engagement”². EU officials had the highest regard for the relations between the two sides. Additionally, the EU, at the initiative of France and Germany, considered lifting the arms embargo on China, although it remains in place to this day. Thus, we may conclude that, at the official level, China was perceived as a potential or junior ally, at least partially open to EU influence. This official approach aligns with the image of China presented by experts. However, the situation changed significantly at the end of the first period. The 2006 strategy highlights challenges originating from China’s insufficient democratization, though some optimistic notes persist³.

2. *Transition period (2007–2009)*. A rival image of China began to emerge in expert papers, although a considerable share of the degenerate and ally features remained, albeit decreasing. Throughout this period, relations between China and the EU cooled significantly due to transitions in political leadership in major EU member states, with the newcomers focusing more on improving transatlantic relations. Additionally, European experts pointed at the absence of real changes in Chinese domestic policy, especially re-

¹ European Commission. Policy Paper. A maturing partnership – shared interests and challenges in EU-China relations. COM (2003) 533 final, 10.09.2003.

² Speech of President of the European Commission Romano Prodi. Relations between the EU and China: more than just business. SPEECH/04/227, 06.05.2004.

³ European Commission. Communication. EU – China: Closer partners, growing responsibilities. COM (2006) 631 final. 24.10.2006.

garding human rights. However, the global financial crisis provided an opposing impetus, prompting the EU to strengthen economic ties with Beijing. This explains the persistence of ally elements in China's image.

EU policy toward China was inconsistent in this period. Following the unrest in Tibet in 2008, the EU leaders called for the boycott of the Chinese Olympics (but at the end attended them). Relations tended to normalize due to the financial crisis, and the EU even discussed lifting the embargo in 2010 to improve economic relations with China [Vinogradov, Lushchik, 2017: 364]. Thus, although experts already perceived elements of rivalry in China's image, the EU real strategy was mostly based on the image of a degenerate. EU officials viewed China as an actor with an interfering culture but with comparable capabilities that could be leveraged in favour of the European Union.

3. *China as a rival, with complementary elements of ally and enemy images (2010–2017)*. The third period is characterized by the dominance of the rival image, with elements of both enemy and ally images. Initially, ally features prevailed over enemy characteristics, but this shifted toward the end of the period. At the 16th EU-China summit in 2013, the parties have adopted 2020 Strategic Agenda for Cooperation, acknowledging the EU and China as equal international partners¹. At the beginning of the decade, China launched two major projects reflecting its global ambitions: the 16+1 format and the Belt and Road Initiative. Experts immediately expressed concerns about the rising Chinese presence in Europe, accusing China of employing divide-and-rule tactics [Godement et al, 2011: 11]. European politicians reacted later, only in 2016–2017;² in particular the EU's 2016 strategy emphasized that EU member-states should speak with a strong and unified voice³. Additionally, the EU initiated a major trade dispute over solar panels during this period. There were also increasing concerns about China's reluctance to implement democratic reforms and its expanding regional and global ambitions.

However, the EU still hoped to deepen cooperation in such areas as trade, investments, and climate change. After Xi Jinping became President, China, in turn, aspired to strengthen cooperation with Europe to the level of a comprehensive strategic partnership. However, the situation gradually deteriorated, and by the end of the period, EU member states sought to condemn "Chinese aggression" in the South China Sea⁴. Although EU strategic documents had not yet been revised, the challenges posed by China were already recognized. The elements of the rival image were sufficiently strengthened, while the aspirations for cooperation gradually diminished.

¹ The 16th EU-China summit. EU-China 2020 Strategic Agenda for Cooperation. Beijing, 21 November 2013. URL: <https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/20131123.pdf> (accessed: 30.05.2024).

² Xinhua. China "shocked" by German FM's accusation of dividing Europe. 31.08.2017. URL: <http://en.people.cn/n3/2017/0831/c90000-9262963.html> (accessed: 01.06.2024).

³ European Commission and High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Joint Communication. Elements for a new EU strategy on China. JOIN (2016) 30 final, 22.06.2016.

⁴ Euractiv. EU unable to adopt statement upholding South China Sea ruling. 14.07.2016. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/eu-unable-to-adopt-statement-upholding-south-china-sea-ruling/> (accessed: 30.05.2024).

4. *China as a rival, with rising elements of enemy image (2018–2023)*. The EU officially acknowledged China as a rival (as well as a competitor and a partner) in the 2019 strategy¹. High-level EU officials emphasized this in their statements, arguing that China's main goal is to reshape the world order in its favour². Although the relationship was characterized by the trichotomy “partner-competitor-rival,” European leaders repeatedly stated that the latter two components prevailed³.

Relations continued to deteriorate, leading to a tougher EU policy. Notable actions included the EU's refusal to ratify the Comprehensive Investment Agreement, subsequent mutual economic sanctions, and the establishment of an investment screening mechanism. Diverging positions on the conflict between Russia and Ukraine, accompanied by harsh criticism of Chinese inaction, further strained EU-China relations since mid-2022. Unlike the previous period, opportunities for cooperation became narrower, and the ally features were barely present. The concept of de-risking became dominant in EU officials' rhetoric⁴, clearly indicating the predominance of the rival image in both expert and governmental discourse.

In summary, the transformation of China's image among European experts corresponds to the actual evolution of EU-China relations. There is an evident correlation between the periodization given above and the EU strategic narratives. Furthermore, the perception of the expert community usually precedes the change of EU official policy line.

Conclusion

The image studies approach, based on the analysis of expert opinions, can generate added value compared to the analysis of official documents and statements. It enables a more complex analysis and a nuanced picture of mutual perception and relations between countries. Analysis of expert opinions may yield predictive results for several reasons. First, in political systems like the European one, the epistemic community exerts appreciable influence on decision makers. Second, independent experts face fewer constraints in expressing their views and can identify trends that politicians prefer not yet to mention publicly.

Our research contributes to the theoretical framework of image studies by introducing a new ideal-typical image. The rival image is characterized by the following criteria: 1) perception of the “Other” as a challenge that could impede the “Me's” interests without posing an existential threat; 2) comparable capabilities between the “Me” and the “Other” and 3) differences in their political culture and decision-making systems.

¹ European Commission and High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. EU-China – A strategic outlook. JOIN (2019) 5 final, 12.05.2019.

² Speech by President von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre. SPEECH/23/2063. 30.03.2023.

³ Bloomberg. Scholz Says China Increasingly Rival Rather than Partner for EU. 09.05.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-05-09/scholz-says-china-increasingly-rival-rather-than-partner-for-eu> (accessed: 01.06.2024).

⁴ Speech by President von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre. SPEECH/23/2063. 30.03.2023.

This ideal-typical image captures nuances of contemporary international relations and, in particular, more accurately characterizes the nature of EU-China relations and the perception of China in Europe.

The research reveals the transformation of China's image within the European epistemic community and identifies specific time periods to better capture this evolution. The dynamic of the image reflects the transition from initial hopes for China's internal democratization and its incorporation into the international (liberal) community toward growing concerns caused by China's global ambitions and the consolidation of its political regime, viewed as authoritarian in Europe. Since the establishment of the strategic partnership in 2003, China was initially viewed as a junior partner (or even an ally). Concerns over China's willingness to continue economic and political transition emerged in 2005–2007, which resulted in some negative features added to its image. Despite some rapprochement after the financial crisis of 2008–2009, these negative features grew, and the rival image finally formed in the late 2010s.

From a theoretical perspective, the best strategy toward a rival involves limited deterrence on sensitive issues, combined with open competition and selective cooperation. The evolution of the EU's strategic policy course toward China over the last decade aligns with this theoretical prediction, demonstrating the predictive potential of image analysis. Considering the consolidation of China's rival image, we can expect the EU to continue its policy based on a combination of deterrence, competition, and cooperation in a limited number of areas. US influence on the European Union and a possible drastic escalation of the situation around Taiwan are potential game changers that could force the EU to change its strategy toward China.

REFERENCES

- Bates G., Wacker G. (2005) *China's Rise: Diverging U.S.–EU Perceptions and Approaches*, SWP, Berlin. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/projekt_papiere/ChinaGMF_end_ks.pdf (accessed: 31.05.2024).
- Blockmans S. (2021) *Lithuania, China and EU lawfare to counter economic coercion*. CEPS, Brussels. URL: https://cdn.ceps.eu/wp-content/uploads/2021/12/PI2021-20_Lithuania-China-and-EU-lawfare.pdf (accessed: 31.05.2024).
- Borges de Castro R. (2022) *The war in Ukraine: China walking amid the shrapnel*, EPC, Brussels. URL: <https://epc.eu/en/Publications/The-war-in-Ukraine-China-walking-amid-the-shrapnel~466d4c> (accessed: 03.06.2024).
- Boulding K. (1959) National Images and International Systems, *The Journal of Conflict Resolution*, 3(2), pp. 120–131. <https://doi.org/10.1177/002200275900300204>
- Butorina O.V. (2023) Torgovlya Evrosoyuza s Kitaem: problema deficita [The EU trade with China: deficiency problem], *Sovremennaya Evropa*, 7(121), pp. 5–20. <https://doi.org/10.31857/S020170832307001X> (In Russian).
- Chang-Liao N.C. (2023) The limits of strategic partnerships: Implications for China's role in the Russia-Ukraine war, *Contemporary Security Policy*, 44(2), pp. 226–247. <https://doi.org/10.1080/13523260.2023.2174702>
- Cottam R. (1977) *Foreign Policy Motivation: A General Theory and a Case Study*. University of Pittsburgh Press, Pittsburgh, USA. 374 p.
- Cvetanovska D. (2020) Soft power context of Chinese investments to the European Union: challenges vs. opportunities, *Journal of Liberty and International Affairs*, 6(2), pp. 89–100. <https://doi.org/10.47305/JLIA2020089c%20>

Danilin I.V., Kvashin Yu.D., Kislitsin S.V., Kobrinskaya I.Ya., Lomanov A.V., Utkin S.V. (2022) Evrosoyuz-Kitaj v menyayushchemsya miroustrojstve [European Union – China in the changing world composition], *Mirovaya Ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1(1), pp. 68–79. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-1-68-79> (In Russian).

Erdemir E. (2023) EU-China relations in an evolving multipolar international system: a comparative analysis of neo-classical realism and neo-realism, *Marmara journal of European studies*, 31(2), pp. 221–241. <https://doi.org/10.29228/mjes.449>

Gaenssmantel F. (2023) China-EU economic relations–new perspectives on decision-making, mutual understanding and effects—introduction to the special issue, *Asia Europe Journal*, 21(2), pp. 401–412. <https://doi.org/10.1007/s10308-023-00674-w>

Gemueva K.A., Salitskiy A.I., Semenova N.K. (2018) Evropejskie diskussii o kitajskoj iniciative «Odin poyas – odin put'» [European discussions on Chinese “One belt – one road” initiative], *Vostochnaya analitika*, 3(1), pp. 36–42. (In Russian).

Godement F. (2017) *Hamburg G 20: A test for the China-EU-US triangle*. ECFR, Berlin. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_hamburg_g_20_a_test_for_the_china_eu_us_triangle/ (accessed: 01.06.2024).

Godement F., Parello-Plesner J., Richard A. (2011) *The scramble for Europe*, ECFR Policy Brief, Berlin. URL: https://ecfr.eu/wp-content/uploads/ECFR37_Scramble_For_Europe_AW_v4.pdf (accessed: 03.06.2024).

Grant C. (2008) *Europe must build a strategic alliance with China*. CER, London. URL: <https://www.cer.eu/in-the-press/europe-must-build-strategic-alliance-china> (accessed: 01.06.2024).

Grant C., Barysch K. (2008) *Can Europe and China shape a new world order*, CER, London. URL: https://www.cer.eu/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/p_837-611.pdf (accessed: 01.06.2024).

Heiduk F. (2014) Conflicting Images? Germany and the Rise of China, *German Politics*, 23(1–2), pp. 118–133. <https://doi.org/10.1080/09644008.2014.916693>

Herrmann R., Fischerkeller M. (1995) Beyond the enemy image and spiral model: Cognitive–strategic research after the cold war, *International Organization*, 49(3), pp. 415–450. <https://doi.org/10.1017/S0020818300033336>

Holsti O. (1962) The Belief System and National Images: A Case Study, *The Journal of Conflict Resolution*, 6(3), pp. 244–52. <https://doi.org/10.1177/002200276200600306>

Huotari M., Weidenfel J. (2020) Introduction: Pursuing a principles-first approach in EU China policy, in: M. Huotari, J. Weidenfel, C. Wessling (eds.) *Towards a "principles-first approach" in Europe's China policy*, MERICS, Berlin, pp. 8–18. URL: <https://merics.org/sites/default/files/2021-03/Merics%20Papers%20on%20China%20EU-China%20final%201.pdf> (accessed: 01.06.2024).

Istomin I.A., Zhdanova Yu.D. (2017) Reakciya ES na ekonomicheskoe vozvyshenie KNR [EU reaction on China's economic rising], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 5(56), pp. 91–113. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-5-56-91-113> (In Russian).

Ivannikov N.S., Shmonova U.A. (2023) The Role of Think Tanks in Shaping European Policies, *Russia in the Global World*, 26(2), pp. 33–47. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.26.2.3>

Kartikasari A. (2019) Indonesia's Image from China's Perspective on South China Sea Dispute (A Preliminary Study on China's Perception on Indonesia), *Global: Jurnal Politik Internasional*, 21(2), pp. 176–197. <https://doi.org/10.7454/global.v21i2.404>

Kashin V., Zaitsev A., (2021) Kitajskij uspeh v borbe za Evropu [China's success in a bid for Europe], *Rossiya v global'noj politike*. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kitajskij-uspeh-v-borbe-za-evropu/> (accessed: 06.06.2024). (In Russian).

Kilduff G.J., Elfenbein H.A., Staw B.M. (2010) The psychology of rivalry: A relationally dependent analysis of competition, *Academy of Management Journal*, 53(5), pp. 943–969. <https://doi.org/10.5465/AMJ.2010.54533171>

Korski D. (2010) *The soft power of hard states*, ECFR, Berlin. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_korskisoftpowerhardstates/ (accessed: 05.06.2024).

Leal-Arcas R. (2022) Challenges and Opportunities in the EU-China Trade Relations in: Y.C. Kim (ed.) *China and the Belt and Road Initiative. Understanding China*. Springer, Cham, Switzerland, pp. 33–54. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86122-3_3

Leonard M. (2006) *A new European approach to China*, CER, London. URL: <https://www.cer.eu/publications/archive/bulletin-article/2006/new-european-approach-china> (accessed: 31.05.2024).

Leonard M. (2010) *How to deal with a more assertive China*, CER, London. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_how_to_deal_with_a_more_assertive_china_mark_leonard/ (accessed: 31.05.2024).

Lomanov A.V. (2019) Otnosheniya Kitaya i ES: mezhdru sotrudnichestvom i sopernichestvom [China-EU relations: between cooperation and competition], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'*, 24(1), pp. 158–172. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2019-10009> (In Russian).

Mikheev V.V., Lukonin S.A. (2024) “Kitajskie Gorki” [“Chinese Coaster”], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1(68), pp. 19–30. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-19-30> (In Russian).

Mišík M. (2014) Our New Allies? The Perception of the New Member States of the EU by the Old Members, *Czech Journal of Political Science*, 3, pp. 234–251. <https://doi.org/10.5817/PC2014-3-234>

Nosov M. (2018) ES i Kitaj: trgovlya ili strategiya [EU and China: trade or strategy], *Sovremennaya Evropa*, 6(1), pp. 5–17. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620180517> (In Russian).

Ohara B. (2021) *How China is undermining digital trust – and how democracies can respond*, ECFR, Berlin. URL: <https://ecfr.eu/article/how-china-is-undermining-digital-trust-and-how-democracies-can-respond/> (accessed: 02.06.2024).

Özkeçeci-Taner B. (2012) From Allies to Frenemies and Inconvenient Partners: Image Theory and Turkish-Israeli Relations, *Perceptions*, 17(3), pp. 105–129.

Samoylov N.A. (2019) The Evolution of Russia's Image in China in the early 20th century: Key Factors and Research Methodology, *Vestnik SPbGU. Vostokovedenie i afrikanistika*, 11(1), pp. 28–39. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2019.102>

Samoylov N.A. (2020) Visual Images of the Soviet Union and the West in China (1950–1960), in: G. Müller, N. Samoylov (eds.) *Chinese Perceptions of Russia and the West*, CrossAsia-eBooks, Heidelberg, pp. 365–388.

Samoylov N.A., Mayatskiy D.I. (2020) Images of Europeans in the Chinese Woodblock Book Huangqing zhigongtu, *Vestnik SPbGU. Istoriya*, 65(4), pp. 1259–1271. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.415>

Schweisgut H.D. (2021) The European Union: Caught Between the United States and China, *Politique Étrangère*, 86(3), pp. 1–13.

Tsvyk A.V. (2019) “Odin poyas, odin put’”: vzglyad iz Evropy [The “Belt and Road” Initiative: A View from Europe], *Sovremennaya Evropa*, 1(86), pp. 104–112. <https://doi.org/10.15211/soveurope12019104112> (In Russian).

Vinogradov A.O., Lushchik M.O. (2017) K istorii formirovaniya otnoshenij KNR-ES [The history of formation of China-EU relations], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'*, 22(22), pp. 352–358. <https://doi.org/10.24411/9785-0324-2017-00023> (In Russian).

Weaver R.K. (1989) The Changing World of Think Tanks, *PS: Political Science & Politics*, 22(3), pp. 563–578. <https://doi.org/10.2307/419623>

Xin C. (2017) China-EU Economic and Trade Relations in: H. Zhou (ed) *China-EU Relations. Research Series on the Chinese Dream and China's Development Path*. Springer, Singapore, pp. 69–91. https://doi.org/10.1007/978-981-10-1145-0_3

Yin W. (2018) Challenges, issues in China-EU investment agreement and the implication on China's domestic reform, *Asia Pacific Law Review*, 26(2), pp. 170–202. <https://doi.org/10.1080/10192557.2019.1576347>

УДК 327

«АРХИТЕКТОРЫ ФРАНСАФРИК»? ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ В АФРИКЕ

© 2024 ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич

*Доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор
в.н.с., Институт Африки РАН*

123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1

E-mail: *ddegterevev@inafr.ru*

© 2024 АБРАМОВА Екатерина Александровна

Аспирант, Институт Африки РАН

123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1

E-mail: *ekaterina_abramova23@mail.ru*

Поступила в редакцию 18.03.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. Внешнеполитические неудачи Франции в Африке, в первую очередь в странах зоны Сахеля, заставляют обратить внимание на механизмы принятия решений по данному направлению. Ключевое место в статье отведено роли академического сообщества во внешнеполитической экспертизе, его кадровому составу, аффилиации с основными государственными акторами (министерство иностранных дел, Французское агентство развития), исследовательскими центрами и университетами. Представлена концепция четырех концентрических сообществ прикладных исследований Африки в зависимости от степени их влияния на принятие внешнеполитических решений, а также изучены наиболее влиятельные представители, работающие на стыке тематических направлений африканистики, проблем развития и вопросов международной безопасности. Проведен анализ аффилиации основных экспертов. Отдельное внимание уделено работам, в которых критически оценивается современная внешнеполитическая стратегия Пятой республики на континенте, выделены системные и внесистемные критики. Раскрыты проблемы и перспективы развития двух основных научных журналов, издаваемых во Франции, по африканской проблематике: «Современная Африка» и «Африканская политика». Показана незначительная роль африканцев во французских исследованиях Африки.

Ключевые слова: Франсафрик, Франция, Африка, мозговые центры, экспертная аналитика, внешнеполитическая экспертиза, научные журналы, принятие решений, критические исследования, антиколониальный дискурс

DOI: 10.31857/S0201708324050061

Африканское направление традиционно считается магистральным во внешней политике Франции [Фёдоров, 2024]. Система привилегированных отношений государств Африки и бывших метрополий, главным архитектором которой принято считать Жака Фоккара (*Jacques Foccart*), сподвижника Шарля де Голля (*Charles de Gaulle*), в нейтральной трактовке получила название «Франсафрик» (*France-Afrique*). Проблема сохранения преемственности африканского курса и его реформирования остается главным объектом дискуссий в экспертной среде. Текущий кризис политики Франсафрик прежде всего в странах зоны Сахеля, где пришедшие на антиколониальной волне новые лидеры Мали, Нигера и Буркина-Фасо формируют Альянс государств Сахеля, не является исключением [Давидчук и др., 2022]. Стратегическое планирование африканского вектора внешней политики Франции находится в состоянии идейного кризиса [Чихачев, 2024: 18–21], а дипломатия Парижа «неадекватна современным вызовам и общественным настроениям внутри страны» [Обичкина, 2021: 248]. В этом контексте актуальным объектом исследования выступают особенности экспертно-аналитического обеспечения французской политики в Африке.

Эксперты во внешнеполитическом механизме Франции

Для понимания механизмов принятия внешнеполитических решений во Франции необходимо рассмотреть особенности государственного устройства Пятой республики, заложенного Конституцией 1958 г. Шарль де Голль представлял возможным «стяжание величия французской нации» только в условиях сильной государственной власти: «Франция, лишенная величия, перестает быть Францией» [Черкасов, 2019: 518–519]. Основой величия Пятой республики должен был стать активный и независимый курс на международной арене.

Ядро сильного государства – наделенный широкими полномочиями институт президентства: в Конституции 1958 г. президенту отведена роль национального арбитра, верховенствующего над тремя ветвями власти. Основные вопросы внешней и военной политики относятся к сфере его исключительных компетенций. Парламент, перед которым президент не подотчетен, обладает крайне ограниченными полномочиями с точки зрения влияния на внешнюю политику и выполняет преимущественно консультативные функции в разработке внешнеполитического курса¹ [Kessler, 1999].

Министерство иностранных дел играет роль администратора внешней политики Франции. Авторитет и значимость органа власти в значительной степени определяется характером отношений по линии Набережная Орсе – Елисейский дворец. Около пяти лет назад существенно снизилась роль консультативных органов при министерстве, посредством которых академическое сообщество традиционно участвовало в формировании африканской политики.

¹ Чихачев А.Ю. (2024) Париж в поисках новой африканской стратегии. РСМД. 10.01.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/parizh-v-poiskakh-novoy-afrikanskoy-strategii/> (дата обращения: 17.03.2024).

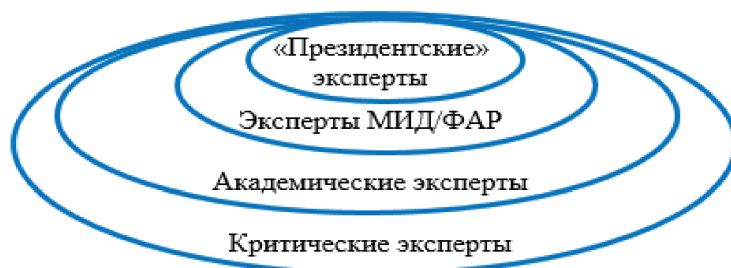
Важным координирующим звеном в централизованной бюрократической системе выступает Совет по обороне и национальной безопасности с участием президента, премьер-министра и глав ключевых министерств, который, например, участвовал в выработке решения о военном вмешательстве в Мали в 2013 г.¹ В 2017 г. Э. Макрон учредил Президентский совет по Африке, однако новое ведомство почти не упоминалось в информационном пространстве².

К профильным ведомствам в сфере безопасности и развития относятся министерство обороны, Французское агентство развития (ФАР; *Agence Française de Développement, AFD*) – главный оператор французских программ помощи – и Межведомственный комитет по международному сотрудничеству и развитию (*Comité interministériel de la coopération internationale et du développement, CICID*), который обеспечивает межведомственную координацию в области сотрудничества после упразднения министерства сотрудничества в 1999 г. Долгие годы специфика африканского измерения внешней политики Франции определялась существованием отдельного министерства с реальной политической автономией, функционал которого частично перешел к ФАР.

Роль экспертов в этой системе схематически представлена на рисунке 1 – от экспертов президентского пула³ с максимальным влиянием на реальный процесс принятия решений до критически настроенных исследователей (противников неокolonизма, африканцев и др.) – с минимальным.

Рис. 1

Структурирование прикладной африканистики во Франции

Источник: составлено авторами.

¹ Чихачев А.Ю. Внешняя политика Франции в 2017 г.: кто принимает решения. РСМД. 14.09.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/la-france-du-macron/vneshnyaya-politika-frantsii-v-2017-g-kto-prinimaet-resheniya/> (дата обращения: 17.03.2024).

² Brunet R. Le Conseil présidentiel pour l'Afrique : objet de communication non identifié. France24. 30.08.2018. URL: <https://www.france24.com/fr/20180830-france-conseil-presidentiel-afrique-cpa-emmanuel-macron-communication> (дата обращения: 10.02.2024).

³ В команду президента Э. Макрона вошли эксперты с опытом работы в системе министерства иностранных дел – О. Лешевалье (*A. Lechevallier*), Ж.-К. Бейар (*J.-C. Belliard*), представители африканских политических кругов – Л. Зинсу (*L. Zinsou*), Ж.-А. Аниамбоссу (*Jules-Armand Aniambossou*) и др. Многие из них получили образование в Национальной школе администрации (*École nationale d'Administration, ENA*).

В исследовании определен круг наиболее влиятельных французских экспертов на африканском направлении¹ в соответствии с занимаемой должностью и публикационной активностью². Таким образом, оценивался не только вклад в формирование национального научного дискурса, но и потенциал воздействия на этот процесс посредством имеющегося административного ресурса (участие в деятельности исследовательских и академических структур, аффилированность с ведомствами международного профиля). Эксперты распределены по наиболее актуальным тематическим блокам: африканистика (1), проблемы развития (2), проблемы безопасности (3) и по пересекающимся сферам (4–7) (Рис. 2). Связка безопасности с развитием более 10 лет определяет французскую политику в Африке и выступает маркером прикладных исследований на континенте [Дегтерев, 2023].

Рис. 2

Тематическое поле французской прикладной африканистики

1 - Африканистика: Ж.-Ф. Байар, Ж. дю Буа де Годюссон, А. Буржо, К. Русси, Ж. Копанс, Б. Люган.

4 – Африканистика и проблемы развития: Ж.-П. Дозон, Ф. Югон, П. Жакмо, Ф.-К. Вершав, Дж. Блундо.

6 – Африканистика и проблемы безопасности: М.-А. Перуз де Монкло, Р. Маршаль, Р. Банега, Т. Виркулон, А. Антиль.

7 – Африканистика, проблемы безопасности и развития: Ж.-М. Шатенье, Ф. Маршезан, Ф. Гольм, С. Михайлоф, Ж.-Б. Верон.

Источник: составлено авторами.

Кроме того, проведен многокритериальный анализ аффилиации экспертов (Табл. 1) с органами государственной власти (министерство иностранных дел, ФАР), французскими государственными исследовательскими институтами –

¹ Список носит иллюстративный характер и не претендует на всеобъемлющий охват. Авторы статьи признательны В.Р. Филиппову (Институт Африки РАН), А.Ю. Чихачеву (СПбГУ) и коллегам из Африки и Франции за ценные комментарии по уточнению первоначальной версии списка.

² Библиометрический анализ производился преимущественно на основе базы данных *Cairn.info*, где представлены аналитические материалы в сфере гуманитарных и общественных наук.

Таблица 1

Аффилиация французских африканистов

Исследователь	МИД Франции (MEAE) / ФАР (AFD)	IRD / IFRI/ IRIS / CNRS	Французские университеты	Журналы «Совре- менная Африка» (АС) / «Африканская политика» (РА)
Жан-Марк Шатенье Jean-Marc Châtaigner	MEAE, AFD	IRD	-	-
Филипп Маршезан Philippe Marchesin	-	-	Сорбонна	-
Франсуа Гольм François Gaulme	MEAE, AFD	IFRI	Сьянс По Париж	АС
Серж Михайлоф Serge Michailof	AFD	IRIS	Сорбонна, Сьянс По Париж	-
Жан-Бернар Верон Jean-Bernard Véron	AFD	-	-	АС
Марк-Антуан Перуз де Монкло Marc-Antoine Perouse de Montclos	-	IRD	Университет Па- риж-8	АС
Андре Буржо André Bourgeot	-	CNRS	-	-
Жан-Франсуа Байар Jean-François Bayart	-	CNRS	Сорбонна, Сьянс По Париж	РА
Каролин Русси Caroline Roussy	-	IRIS, CNRS	-	-
Жан дю Буа де Годюссон Jean du Bois de Gaudusson	-	CNRS	Университет Бор- до	АС
Жан-Пьер Дозон Jean-Pierre Dozon	-	IRD	EHESS	-
Филипп Югон Philippe Hugon	-	IRIS	-	-
Пьер Жакмо Pierre Jacquemot	-	IRIS	Сьянс По Париж	АС
Джорджио Блундо Giorgio Blundo	-	-	EHESS	-
Тьерри Виркулон Thierry Vircoulon	MEAE	IFRI	-	-
Ален Антиль Alain Antil	-	IFRI	-	-
Ролан Маршаль Roland Marchal	-	CNRS	Сьянс По Париж	РА
Ришар Банега Richard Banégas	MEAE	CNRS	Сьянс По Париж, Сорбонна	РА
Жан Копанс Jean Copans	-	-	EPHE	РА
Бернар Люган Bernard Lugan	-	-	Лионский универ- ситет	-

Источник: составлено авторами.

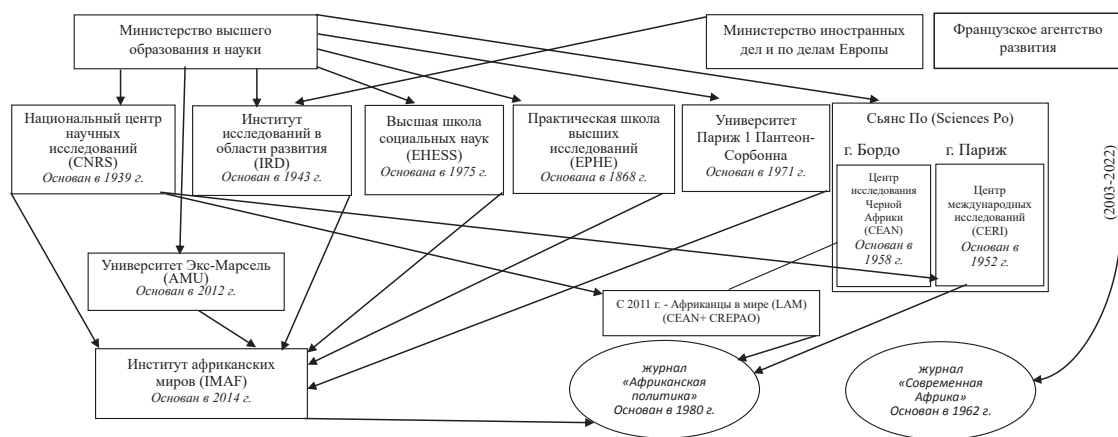
Национальным центром научных исследований (*Centre national de la recherche scientifique, CNRS*) и Институтом исследований в области развития (*Institut de Recherche pour le Développement, IRD*), специализированными мозговыми центрами – Французским институтом международных исследований (*Institut français des relations internationales, IFRI*) и Институтом международных отношений и стратегических вопросов (*Institut de Relations Internationales et Stratégiques, IRIS*), университетами и редакциями журналов.

Система внешнеполитической экспертизы

Особенность французской системы внешнеполитической экспертизы – ключевая роль крупных государственных научных центров (рис. 3) при подчиненном положении высших учебных заведений. Необходимость создания такой системы была обусловлена потребностями второй четверти XX в. [Кравцов, Черноуцан, 2020].

Рис. 3

Система внешнеполитической экспертизы по Африке во Франции

Источник: составлено авторами.

В 1939 г. во Франции, отчасти на основе успешного опыта Академии наук СССР, был создан *CNRS*, призванный стать «Республикой ученых». Административное управление осуществляется министерством высшего образования и науки, которое среди прочего определяет кадровую и бюджетную политику центра. Штат сотрудников (обладают статусом государственного служащего), включая исследователей-африканистов, более чем на две трети состоит из ученых из высшей школы [Кравцов, Черноуцан, 2020]. Совместно с университетами функционируют ассоциированные научно-исследовательские лаборатории (*unité mixte de recherche, UMR*), специализирующиеся на изучении конкретной проблематики. Ярким примером вы-

ступает сотрудничество со старейшими исследовательскими учреждениями Франции – Центром международных исследований (*Centre de recherches internationale, CERI*) в Сьянс По (*Sciences Po*) и Центром исследования Черной Африки в г. Бордо (*Centre d'étude d'Afrique noire, CEAN*; с 2011 г. – Африка в мире; *Les Afriques dans le monde, LAM*).

Министерство иностранных дел курирует деятельность *IRD* с бюджетом около 230 млн евро и более 800 исследователей в штате сотрудников. Половина осуществляемых институтом проектов приходится на страны Африки и бассейна Средиземного моря. На 2012 г. 95% исследовательских подразделений располагали ассоциированными лабораториями с одним или несколькими университетами¹. Показательный пример – Лаборатория развития и общественных систем, созданная в 2008 г. совместно с Институтом исследований в области развития Сорбонны (Париж 1 Пантеон-Сорбонна)². Несмотря на то что общественно-политические науки занимают не самое привилегированное место в *IRD*, в институте представлены авторитетные эксперты-африканисты (табл. 1). Результатом взаимодействия участников национальной исследовательской системы стал Институт африканских миров (*Institut des mondes africains, IMAF*), деятельность которого находится под эгидой нескольких структур (рис. 3).

Перспектива создания не подотчетного напрямую государственным структурам внешнеполитического мозгового центра обозначилась в постдеголлевский период. В 1979 был учрежден *IFRI*. К 2019 г. доля бюджетных средств снизилась с первоначальных 50 до 19%, что позволило институту обрести «исследовательский суверенитет» [Чихачев, Чагры, 2020]. В Центре стран Африки южнее Сахары *IFRI* работают 7 научных сотрудников. В созданном в 1991 г. *IRIS* учреждена исследовательская программа «Африка», с которой аффилированы выдающиеся эксперты-африканисты (табл. 1).

Научные журналы – рупор независимой аналитики?

Наиболее авторитетные французские научно-аналитические журналы, на страницах которых формируются идеи относительно африканского направления внешней политики, – «Современная Африка» (*Afrique contemporaine*) и «Африканская политика» («Афпол»; *Politique africaine*). Первый выходит с 1962 г. С 2003 г. издание аффилировано с ФАР. В 2019 г. вышла статья под заголовком «Как журнал “Современная Африка” потерял редакционную независимость»³. Поводом стал отказ агентства публиковать критический анализ ситуации в Мали. Как указывает

¹ Au coeur du développement: la recherche en partenariat avec les pays du Sud. Sénat, Rapport d'information n° 83 (2013-2014), déposé le 16 octobre 2013. URL : <https://www.senat.fr/rap/r13-083/r13-0834.html> (дата обращения: 10.02.2024).

² Unité Mixte de Recherche sous tutelle de l'IRD et de l'Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne. URL : <https://umr-devsoc.panthéonsorbonne.fr/> (дата обращения: 10.02.2024).

³ Tilouine J. Comment la revue «Afrique contemporaine» a perdu son indépendance éditoriale. *Le Monde*. 27.03.2019. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2019/03/27/comment-la-revue-afrique-contemporaine-a-perdu-son-independance-editoriale_5441760_3212.html (дата обращения: 10.02.2024).

ФАР, речь шла о незначительных замечаниях, необходимых для освещения ситуации на основе различных позиций¹. Скандал привел к отставке главного редактора М.-А. Перуза де Монкло. Последний известен критическими оценками африканского вектора внешней политики Франции. Продвигаемый Парижем дискурс о транснациональной угрозе исламистского толка, по мнению М.-А. Перуза де Монкло, призван легитимизировать французское вооруженное вмешательство в субрегионе. Внешняя политика Елисейского дворца в Сахеле очень чувствительна к критике. Некоторые французские дипломаты были вынуждены покинуть посты из-за того, что осуждали военное присутствие Пятой республики, поддержку коррумпированных режимов или признание результатов фальсифицированных выборов [Pérouse de Montclos, 2020].

«Что произойдет с исследованиями в области общественных наук, если они будут переданы в ведение учреждения (ФАР), непосредственно подчиняющегося распоряжениям Елисейского дворца?», – задают вопрос 200 экспертов, подписавших заявление в поддержку коллег из редакции «Современной Африки»². В феврале 2022 г. изданием журнала стала заниматься вновь созданная ассоциация «Новая современная Африка». Сегодня редакционная коллегия состоит как из видных представителей французских академических кругов, например президента ассоциации Ж. дю Буа де Годюссона, так и «архитекторов» в прошлом французской политики в Африке в министерстве иностранных дел и ФАР – П. Жакмо, Ф. Гольм, Ж.-Б. Верон.

Большей степенью академической свободы пользуется «Афпол». Первый главный редактор журнала (1981–1982 гг.), выдающейся африканист Ж.-Ф. Байар был молодым научным сотрудником *CERI*, когда ему пришла идея создать новое издание вместе с коллегами из *CERI* и *CEAN*³ [Périer, 2021]. Согласно амбициозному замыслу основателей, предназначение журнала заключалось в деколонизации французского дискурса, который исключал субъектную функцию африканских государств⁴. Издание должно было побудить читателя к критическому размышлению над тем, что пишут об Африке и о чем в действительности говорят на континенте [Perrot, 2021].

Сотрудничество «Афпол» с основанным в том же году издательством «Картала» (*Karthala*) основывается на следующем принципе: издательство, которое ориентируется на получение прибыли, финансируется акционерами, журнал – государственными исследовательскими центрами [Perrot, 2021]. В схематической иерархии француз-

¹ Revue «Afrique Contemporaine»: La Réaction de l'AFD. AFD. 26.03.2019. URL: <https://www.afd.fr/fr/actualites/revue-afrique-contemporaine-la-reaction-de-lafd> (дата обращения: 10.02.2024).

² L'indépendance des chercheurs n'est pas négociable. Le Monde. 27.03.2019. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2019/03/27/l-independance-des-chercheurs-n-est-pas-negociable_5442191_3212.html (дата обращения: 10.02.2024).

³ Périer M. La Revue Politique Africaine fête ses 40 ans. Sciences Po. 10.06.2021. URL: <https://www.sciencespo.fr/ceri/fr/content/la-revue-politique-africaine-fete-ses-40-ans> (дата обращения: 10.02.2024).

⁴ Kane C. La revue «Politique africaine» fête quarante ans d'analyse «hors champ». Le Monde. 20.06.2021. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/06/20/la-revue-politique-africaine-fete-quarante-ans-d-analyse-hors-champ_6084881_3212.html (дата обращения: 10.02.2024).

ских исследовательских структур (рис. 3) можно наблюдать опосредованную зависимость издания не только от министерства высшего образования и науки, но и (в меньшей степени) от министерства иностранных дел. Под патронажем последнего функционирует *IRD*, который курирует деятельность *IMAF* – одного из учредителей журнала.

Р. Банега, профессор политологии в Сьянс По, несколько лет возглавлявший редакторский совет журнала, в одной из работ обрисовал в негативном свете положение африканистики во Франции. Долгое время исследование континента не предполагало обязательной специальной подготовки в какой-либо области научного познания. Главными критериями выступали географическая специализация и эмпирические знания. Это осложняло процесс признания и утверждения исследований континента в качестве полноправной академической и исследовательской дисциплины. Сегодня, несмотря на возрастающий интерес молодых исследователей к этой области, набор африканистов в структуры *CNRS*, *IRD* снижается¹.

Р. Банега и Ж.-Ф. Байар представляют *CERI*, как и другой редактор «Афпола» Р. Маршаль. Последний стал широко известен во франкофонном медиапространстве в связи с заключением по обвинению в шпионаже в Иране в 2019–2020 гг. Р. Маршаль, по словам его коллег из Сьянс По и Группы экспертов ООН по ЦАР, всемирно известный специалист, фокусирующийся на исследованиях африканских конфликтов². В статье 2005 г. исследователь предостерегает относительно потенциальных и уже воплотившихся рисков использования связки безопасности с развитием и концепции «надлежащее управление» (*Good Governance*) для обоснования грубого вмешательства в сложную социальную ткань несостоявшихся государств [Marchal, Banégas, 2020].

Новое значение «Франсафрик»: маргинализация критической мысли?

Французская критическая мысль зачастую не находит доступных каналов трансляции и вынуждена существовать в рамках независимых площадок. Так обстояло дело с Ж.-Ф. Байаром и журналом «Африканская политика». Самый известный труд эксперта «Африканская политика Франсуа Миттерана» отличался откровенностью [Laidi, 1985]. Освещая скрытую сторону политики президентов Пятой республики в Африке, Ж.-Ф. Байар использует такие выражения, как «политика шизофрении», т. е. опора на несостоятельные режимы и инструменты силового вмешательства, и «сознательный антиинтеллектуализм» (*anti-intellectualisme délibéré*). По его мнению, ключевой недостаток системы принятия внешнеполити-

¹ Banegas R. Etudes Africaines: l'Exotisme est-il devenu banal? Sciences Po. 05.2015. URL: <https://www.sciencespo.fr/ceri/fr/content/dossiersduceri/etudes-africaines-l-exotisme-est-il-devenu-banal-decentrement-du-regard-comparatisme-et-doxa.html> (дата обращения: 17.03.2024).

² Who is Roland Marchal, scientific researcher detained in Iran? Sciences Po. 17.10.2019. URL: <https://www.sciencespo.fr/en/news/who-is-roland-marchal-scientific-researcher-detained-in-iran/> (дата обращения: 10.02.2024).

ческих решений во Франции – низкий уровень координации между инстанциями [Bayart, 1995: 45–46]. Под понятием «сознательный антиинтеллектуализм» Ж.-Ф. Байар подразумевает, что политики стремятся оградиться от любой качественной экспертизы и принимают серьезные решения зачастую при полном незнании фактов. Ж. Копанс не разделяет мнение коллеги по редакции «Афпол» об интеллектуальном упадке, но признает наличие проблем [Corans, 1985].

Главный противник Франсафрик – Ф.-К. Вершава (*François-Xavier Verschave*) – посвятил двадцать лет исследовательской карьеры рассмотрению различных аспектов этого феномена и относится к последовательным критическим исследователям. В 1984 г. он создал НКО «Выживание» (*Survie*), которую возглавлял до своей смерти в 2005 г. и стал культовой фигурой для французских интеллектуалов, не приемлющих неокOLONIALИЗМ и расизм [Филиппов, 2023: 12–13]. В понимании Ф.-К. Вершава, термин «Франсафрик» (*Françafrique*) включает скрытую сторону франко-африканских бизнес-связей, где царит беззаконие и безнаказанность [Филиппов, 2022]¹. СМИ не упоминают имя исследователя при обращении к концепции, но широко ее используют, что свидетельствует об успехе термина, цель которого – производить «эффект скандала» [Alleno, 2020].

К правым критикам политики Франции в Африке относится Б. Люган, чьи работы пользуются популярностью во французских военных кругах даже после разрыва сотрудничества с министерством обороны [Carayol, 2020].

«Африканским проблемам – африканские решения»? Роль экспертов-африканцев

В одной из своих работ Ж. Копанс задает вопрос: «Куда пропали африканские исследователи?» [Corans, 2021]. Представители наиболее многочисленной африканской диаспоры мало участвуют в академических исследованиях континента. Например, в Центре Африки южнее Сахары среди экспертов нет выходцев из Африки. В *IRIS* работают два исследователя африканского происхождения (из Сенегала и Бенина), но они выступают знаковыми фигурами в франкофонном медийном пространстве. Ж. Копанс отмечает, что африканские авторы больше публикуются в англоязычных, чем во франкоязычных журналах среди прочего из-за иммиграции интеллектуалов в США [Corans, 2021]. Научный сотрудник *IRD*, президент Африканской сети сектора безопасности (*African Security Sector Network, ASSN*) Ниагале Багайоко (*Niagalé Bagayoko*) получила образование и ученую степень во Франции, т. е. представляет французскую интеллектуальную среду.

Несмотря на существование разветвленной системы академических партнерств по линии *IRD*, в которую вовлечены десятки африканских и французских вузов, более глубокой академической интеграции африканцев не происходит. Это также касается европейцев и американцев. Привлечение зарубежных исследователей в меньшей

¹ Verschave F.X. Defining Françafrique by François Xavier Verschave. *Survie*. 18.02.2006. URL: <https://survie.org/themes/francafrique/article/defining-francafrique-by-francois> (дата обращения: 17.03.2024).

степени свойственно французской академической системе [Corpans, 2021]¹. По этой причине постколониальный дискурс (наиболее последовательным противником которого являлся Ж.-Ф. Байар²) не получил широкое распространение во Франции в отличие от англосаксонских стран [Stam, Shohat, 2012].

В редакционные коллегии журналов «Современная Африка» и «Афпол» с недавнего времени входят представители африканского экспертного сообщества, в т. ч. бенинский оппозиционер Ж. Айво (*Joël Aïvo*). В деятельности *IRD*, ранее критикуемой за недостаточное вовлечение экспертов из стран глобального Юга в исследовательские проекты, также наблюдаются позитивные тенденции³.

* * *

Существует кризис взаимодействия политической и интеллектуальной элиты Франции. Для французской системы внешнеполитической экспертизы характерна высокая степень централизации бюрократического аппарата и государственного регулирования. Ключевыми центрами выступают подотчетные ведомства исследовательские структуры (*CNRS*, *IRD*). При этом университеты играют второстепенную роль. В таких условиях затруднена обратная связь, позволяющая скорректировать политику на африканском направлении.

Несмотря на стремление государства контролировать экспертный дискурс, исследователи пользуются определенной аналитической свободой: в государственных исследовательских структурах можно встретить критиков политики «Франсафрик», в то время как ученые из независимых мозговых центров (*IFRI*, *IRIS*) часто придерживаются более умеренных позиций, чем коллеги из *CNRS* (в т. ч. из-за аффилиации с министерством иностранных дел, ФАР или другими государственными ведомствами). Внесистемные критики формируют дискурс через независимые от государственного финансирования альтернативные платформы (НКО «Выживание» Ф.-К. Вершава, официальный блог Б. Люгана и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Сидибэ О. (2022) Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии «коллективного Запада». *Актуальные проблемы Европы*. № 4(116). С. 50–78. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.03>

Дегтерев Д.А. (2023) «От созерцательного регионоведения» к прикладным кросс-региональным исследованиям. *Регионы в политике, политика в регионах*. Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, Л.А. Фадеева, Р.В. Евстифеев. ИЦ «Титул», Москва; Пермь. С. 103–121.

Кравцов А.А., Черноуцан Е.М. (2020) Национальный центр научных исследований как основа развития фундаментальной науки Франции: специфика и современные проблемы. *Менеджмент и бизнес-администрирование*. № 4. С. 98–115. DOI: <https://doi.org/10.33983/2075-1826-2020-4-98-115>

¹ Kane C. La revue “Politique africaine” fête quarante ans d’analyse “hors champ”.

² Bayart J.-F. Les Etudes Postcoloniales. Un Carnaval Académique. Paris. Karthala. 2010. 126 p.

³ Au coeur du développement: la recherche en partenariat avec les pays du Sud.

Обичкина Е.О. (2021) Внешняя политика Эммануэля Макрона: Поиски геополитической стратегии в разладившейся мировой иерархии. *Актуальные проблемы Европы*. № 3(111). С. 235–274. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2021.03.10>

Фёдоров С.М. (отв. ред.) (2024) *Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик»*. Институт Европы РАН; «Весь Мир», Москва. 40 с.

Филиппов В.Р. (2022) Феномен «Франсафрик» в зеркале французской историографии. *Ученые записки Института Африки РАН*. № 3. С. 73–87. DOI: <https://doi.org/32053352/2632/5939/2222/82/5/95/89>

Филиппов В.Р. (2023) *Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей (2017–2022 гг.)*. Институт Африки РАН, Москва. 214 с.

Черкасов П.П. (2019) *Первые лица Франции: от Генриха IV до Эммануэля Макрона*. КМК, Москва. 690 с.

Чихачев А.Ю. (2024) Африканская стратегия Эммануэля Макрона глазами экспертно-аналитического сообщества Франции. *Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик»*. Отв. ред. С.М. Фёдоров. Институт Европы РАН; «Весь Мир», Москва. С. 18–21.

Чихачев А.Ю., Чагры А. (2020) Участие «Мозговых центров» в принятии внешнеполитических решений: опыт Франции. *Вестник ЗабГУ*. № 2. С. 97–105. DOI: <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2020-26-2-97-105>

Alleno K. (2020) La “Françafrique”, instrument d’un soft power associatif et “stigmaté” pour la politique africaine de la France. *Relations internationales*. No. 182. P. 99–113. DOI: <https://doi.org/10.3917/ri.182.0099>

Bayart J.-F. (1995) Réflexions sur la politique africaine de la France. *Politique africaine*. No. 58. P. 41–50. DOI: <https://doi.org/10.3406/polaf.1995.5872>

Carayol R. (2020). Le «continent noir» et l’éminence grise: Bernard Lugan, l’africaniste de l’armée française. *Revue du Crieur*. No. 17. P. 48–61. DOI: <https://doi.org/10.3917/crieu.017.0048>

Copans J. (1985) Bayart (Jean-François) – La politique africaine de François Mitterrand. Essai. *Revue française de science politique*. No. 35(04). P. 734–736. URL: https://www.persee.fr/doc/rfsp_0035-2950_1985_num_35_4_394210_t1_0734_0000_001 (accessed: 17.03.2024).

Copans J. (2021) Politique africaine: la naissance heureuse d’une sociabilité scientifique inédite. *Politique africaine*. No. 161–162. P. 33–55. DOI: <https://doi.org/10.3917/polaf.161.0033>

Kessler M.-C. (1999) *La politique étrangère de la France: Acteurs et processus*. Presses de Sciences Po, Paris, France. 499 p. DOI: <https://doi.org/10.7202/704209ar>

Laidi Z. (1985) Jean-François Bayart. La politique africaine de François Mitterrand. *Politique étrangère*. No. 1. P. 256–258. URL: https://www.persee.fr/doc/polit_0032-342x_1985_num_50_1_3456_t1_0256_0000_6 (accessed: 17.03.2024).

Marchal R., Banégas R. (2005). Interventions et interventionnisme en Afrique. *Politique africaine*. No. 98. P. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.3917/polaf.098.0005>

Pérouse de Montclos M.A. (2020) Aide internationale et «guerre globale contre le terrorisme» en Afrique: Des défis renouvelés. *Revue internationale des études du développement*. No. 241. P. 41–63. DOI: <https://doi.org/10.3917/ried.241.0041>

Perrot S. (2021) La création d’une revue: Robert Ageneau, Editions Karthala. *Politique africaine*. 15.06. DOI: <https://doi.org/10.58079/sxy0>

Stam R., Shohat E. (2012) French Intellectuals and the Postcolonial. *Interventions*. No. 14(01). P. 83–119. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369801X.2012.656940>

“France-Afrique Architects”? Analytical Support of Current French Politics in Africa

D.A. Degterev

*Doctor of Sciences (Politics), Candidate of Sciences (Economics), Professor
Leading Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
30/1. Spiridonovka st., Moscow, Russia, 123001
E-mail: ddegterev@inafr.ru*

E.A. Abramova

*PhD Student, Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences
30/1. Spiridonovka st., Moscow, Russia, 123001
E-mail: ekaterina_abramova23@mail.ru*

Abstract. The ongoing foreign policy failures of France in Africa, primarily in the countries of the Sahel zone, force to pay close attention to the mechanisms of decision-making in this area. The key focus of the article is the role of the academic community in the foreign policy expertise of France, its personnel composition, affiliation with the main government actors (Ministry of Foreign Affairs, French Development Agency), research centers and universities. The authors' concept of four concentric communities of applied research on Africa is presented in function of their influence on foreign policy decision-making. The most influential representatives working at the intersection of thematic areas of African studies, development studies and international security issues are studied. These areas of research act as markers of applied African studies. A multi-criteria analysis of the affiliation of the main participants was carried out. Conclusions are drawn about the features of the system of French foreign policy expertise in Africa. Special attention is paid to works that critically assess France's current foreign policy strategy on the continent, highlighting both systemic and “unconventional” critics who move into the category of political activists. The problems and prospects for the development of two main scientific journals on African studies are revealed (“Modern Africa” and “African Politics”). The insignificant role of immigrants from the continent in African studies of France is demonstrated. Despite an extensive network of scientific partnerships uniting dozens of French universities and African institutes, there is no deep integration of Africans into the French academy, which also reduces the quality of African expertise.

Keywords: France-Afrique, France, Africa, think tanks, expert analytics, foreign policy expertise, scientific journals, decision making, critical research, anti-colonial discourse

DOI: 10.31857/S0201708324050061

REFERENCES

- Alleno K. (2020) La “Françafrique”, instrument d'un soft power associatif et “stigmaté” pour la politique africaine de la France, *Relations internationales*, 182, pp. 99–113. DOI: <https://doi.org/10.3917/ri.182.0099>
- Bayart J.-F. (1995) Réflexions sur la politique africaine de la France, *Politique africaine*, 58, pp. 41–50. DOI: <https://doi.org/10.3406/polaf.1995.5872>
- Carayol R. (2020). Le “continent noir” et l'éminence grise: Bernard Lugan, l'africaniste de l'armée française, *Revue du Crieur*, 17, pp. 48–61. DOI: <https://doi.org/10.3917/crieu.017.0048>
- Cherkasov P.P. (2019) *Pervye litsa Frantsii: ot Genrikha IV do Emmanuelya Makrona* [The first persons of France: from Henry IV to Emmanuel Macron], KMK, Moscow, Russia. (In Russian).
- Chikhachev A.Yu. (2024) Afrikanskaya strategiya Emmanuelya Makrona glazami ekspert-noanaliticheskogo soobshchestva Frantsii [Emmanuel Macron's African Strategy Through the Eyes of France's Expert and Analytical Community], in Fedorov S.M. (ed.) *Afrikanskij vektor vneshnej politiki Francii: trudnoe rassstavanie s “Fransafrik”* [The African vector of French foreign policy: a difficult parting with France-frique], Institute of Europe RAS; Ves' Mir, Moscow, Russia, pp. 18–21. (In Russian).

Chikhachev A.Yu., Chagry A. (2020) Uchastie «Mozgovykh tsentrov» v prinyatii vneshnepoliticheskikh reshenii: opyt Frantsii [Participation of “Think Tanks” in foreign policy decision-making: the experience of France], *Vestnik ZabGU*, 2, pp. 97–105. DOI: <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2020-26-2-97-105> (In Russian).

Copans J. (1985) Bayart (Jean-François) – La politique africaine de François Mitterrand. Essai, *Revue française de science politique*, 35(04), pp. 734–736. URL: https://www.persee.fr/doc/rfsp_0035-2950_1985_num_35_4_394210_t1_0734_0000_001 (accessed: 17.03.2024).

Copans J. (2021) Politique africaine: la naissance heureuse d’une sociabilité scientifique inédite, *Politique africaine*, 161–162, pp. 33–55. DOI: <https://doi.org/10.3917/polaf.161.0033>

Davidchuk A.S., Degterev D.A., Sidibe O. (2022) Voennoe prisutstvie Frantsii v Mali: strukturnaya vlast' subimperii “kollektivnogo Zapada” [French military presence in Mali: structural power of the sub-empire of the “collective West”], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4(116), pp. 50–78. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.03> (In Russian).

Degterev D.A. (2023) “Ot sozertsatel'nogo regionovedeniya” k prikladnym kross-regional'nym issledovaniyam [“From contemplative regional studies” to applied cross-regional studies], in Gaman-Golutvina O.V., Fadeeva L.A., Evstifeev R.V. (ed.) *Regiony v politike, politika v regionakh* [Regions in politics, politics in the regions], ITS “Titul”, Moskva; Perm', Russia, pp. 103–121. (In Russian).

Fedorov S.M. (ed.) (2024) *Afrikanskij vektor vneshnej politiki Francii: trudnoe rassstavanie s “Fransafrik”* [The African vector of French foreign policy: a difficult parting with Francefrique], Institute of Europe RAS; Ves' Mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Filippov V.R. (2022) Fenomen “Fransafrik” v zerkale frantsuzskoi istoriografii [The “Fransafrique” phenomenon in the mirror of French historiography], *Journal of the Institute of African Studies*, 3, pp. 73–87. DOI: <https://doi.org/32053352/2632/5939/2222/82/5/95/89> (In Russian).

Filippov V.R. (2023) *Afrikanskaya politika prezidenta Frantsii E. Makrona: khronika deistvii i evolyutsiya idei (2017–2022 gg.)* [African policy of French President E. Macron: chronicle of actions and evolution of ideas (2017–2022)], Institut Afriki RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Kessler M.-C. (1999) *La politique étrangère de la France: Acteurs et processus*, Presses de Sciences Po, Paris, France. DOI: <https://doi.org/10.7202/704209ar>

Kravtsov A.A., Chernoutsan E.M. (2020) Natsional'nyi tsentr nauchnykh issledovaniy kak osnova razvitiya fundamental'noi nauki Frantsii: spetsifika i sovremennye problem [National Center for Scientific Research as the basis for the development of fundamental science in France: specifics and modern problems], *Menedzhment i biznes-administrirovanie*, 4, pp. 98–115. DOI: <https://doi.org/10.33983/2075-1826-2020-4-98-115> (In Russian).

Laidi Z. (1985) Jean-François Bayart. La politique africaine de François Mitterrand, *Politique étrangère*, 1, pp. 256–258. URL: https://www.persee.fr/doc/polit_0032-342x_1985_num_50_1_3456_t1_0256_0000_6 (accessed: 17.03.2024).

Marchal R., Banégas R. (2005) Interventions et interventionnisme en Afrique, *Politique africaine*, 9, pp. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.3917/polaf.098.0005>

Obichkina E.O. (2021) Vneshnyaya politika Emmanuelya Makrona: Poiski geopoliticheskoy strategii v razladvshes'ya mirovoj ierarhii [Emmanuel Macron's foreign policy: searching for a geopolitical strategy in a fractured world hierarchy], *Aktual'nye problemy Evropy*, 3(111), pp. 235–274. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2021.03.10> (In Russian).

Pérouse de Montclos M.A. (2020) Aide internationale et «guerre globale contre le terrorisme» en Afrique: Des défis renouvelés. *Revue internationale des études du développement*, 241, pp. 41–63. DOI: <https://doi.org/10.3917/ried.241.0041>

Perrot S. (2021) La création d’une revue: Robert Ageneau, Editions Karthala. *Politique africaine*, Juin 15. DOI: <https://doi.org/10.58079/sxy0>

Stam R., Shohat E. (2012). French Intellectuals and the Postcolonial. *Interventions*, 14(01), pp. 83–119. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369801X.2012.656940>

УДК 327.82

ФРАНКО-МОЛДАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2024 ЭНТИНА Екатерина Геннадьевна

Доктор политических наук

Руководитель отдела Черноморско-Средиземноморских исследований

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11–3

E-mail: e.entina@hse.ru **ORCID:** 0000-0003-4198-4870

© 2024 ДАВРАНОВА Сабина Бобыровна

Аналитик Центра средиземноморских исследований.

НИУ «Высшая школа экономики». 115184, Россия, Москва, М. Ордынка ул., 17

E-mail: sbdavranova@hse.ru **ORCID:** 0009-0007-4174-8348

Поступила в редакцию 13.07.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. Несмотря на растущую актуальность кейса франко-молдавских отношений, их изучению вне контекста евроинтеграционных процессов не уделено достаточно внимания. В статье определены статус, специфика и контекст французской внешней политики в Молдавии, ключевые интересы сторон, а также основные вызовы и задачи, стоящие перед ними. Результаты исследования показывают, что до 2021 г. двусторонняя динамика была довольно инертной. Республика Молдова не занимала высокое место в системе внешнеполитических приоритетов Парижа даже после усиления конфронтации РФ и ЕС в 2014 г. Хотя молдавский вектор французской внешней политики сегодня ставится в один ряд с другими постсоветскими странами, из полученных результатов видно, что стартовая позиция, с которой началась активизация Франции в Молдавии, сильно разнится с теми вводными, которые долгие годы формировали французскую геополитическую оптику в других частях бывшего СССР – на Кавказе и даже в Центральной Азии. 2021 г. стал реперной точкой этих взаимоотношений, потому что в Молдавии начала формироваться благоприятная для Парижа политическая конфигурация. Для Кишинева благосклонное расположение Э. Макрона критически важно в контексте евроинтеграции. В случае Франции ключевая мотивация развития двусторонних отношений – стремление Парижа использовать молдавский сюжет для пересборки самопозиционирования как лидера ЕС.

Ключевые слова: франко-молдавские отношения, франко-российские отношения, Французское агентство развития, помощь развитию, EUROGENDFOR, евроинтеграция

DOI: 10.31857/S0201708324050073

С весны 2024 г., после появления новостей о подписании оборонного соглашения Франции с Молдавией, отношения двух стран стали предметом пристального внимания политических и экспертных кругов¹. В исследовании рассмотрены причины активизации Парижа на молдавском направлении. Цель статьи – определить, какие факторы характеризуют франко-молдавское сближение на современном этапе, мотивацию обеих сторон и ключевые вызовы, стоящие перед ними.

Обзор литературы

Франко-молдавским отношениям посвящено крайне мало исследований. Наиболее значимая работа была написана двенадцать лет назад французским профессором Ф. Пармантье [Parmantier, 2012]. Он выделяет четыре измерения, в рамках которых целесообразно изучать внешнюю политику Франции в Республике Молдова (РМ): франко-молдавское, франко-румынское, франко-российское и общеевропейское. Ф. Пармантье отмечает нереализованность французского потенциала в РМ, что особенно заметно в сравнении с отношениями с Румынией, где факторы культурной и лингвистической близости стали одной из причин активной поддержки Парижем вступления страны в ЕС. Исследователь объясняет нераскрытый потенциал через призму отношений с Россией: на французскую политику в Восточной Европе сильное влияние оказывал фактор близости с Москвой, что для Четвертой республики было инструментом балансирования растущего немецкого влияния в ЕС. В контексте политики Брюсселя в отношении Молдавии участие Франции в Восточном партнерстве Ф. Пармантье оценивал как ограниченное, поскольку средиземноморское направление оставалось более приоритетным.

Российский исследователь П. Тимофеев отмечает, что молдавская политика Франции в целом аналогична украинской, но обладает двумя особенностями: возможным потенциалом в урегулировании Приднестровского конфликта и высокой активностью Франкофонии в стране [Тимофеев, 2013].

В работах, посвященных взаимоотношениям Молдавии и ЕС, роль Франция упоминается мало. Основное внимание уделяется Румынии, Германии и Британии [см., например: Grigoriadis, Gaibu, 2019]. Обрывочные сведения можно найти в отчете Нидерландского института международных отношений, в котором говорится, что роль Парижа в евроинтеграции Молдавии ограничивается несколькими культурными инициативами [Saverio Montesano et al., 2016: 13]. В работе К. Калуса и М. Косенковского отмечено, что при поддержке Кэ Д'Орсе Румыния добилась создания «Группы друзей» Молдавии в Евросоюзе [Calus, Kosienkowski, 2018].

Среди последних трудов выделяются статьи российского исследователя А.Ю. Чихачева, в которых он объясняет, как происходящая с 2021 г. доктринальная

¹ Париж подписал соглашение с Молдавией и создаст военную миссию в стране. РБК. 07.03.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/03/2024/65e9c67f9a7947d978e981c5>; Гамова С. Париж вооружит молдавскую армию, чтобы дать отпор Москве. НГ. 10.03.2024. URL: https://www.ng.ru/cis/2024-03-10/1_5_8965_moldova.html (дата обращения: 11.04.2024).

трансформация оборонной политики Франции наслаивается на ее растущее военно-политическое присутствие в Восточной Европе [Чихачев, 2022; Chikhachev, 2023]. Кроме того, Е.А. Осипов, рассматривая инициативу Э. Макрона по запуску Европейского политического сообщества (далее – ЕПС), приходит к выводу, что ЕПС – это очередной удобный для Парижа способ отложить расширение ЕС [Осипов, 2022].

Сдержанный скептицизм и настороженность: общая динамика франко-молдавских отношений до 2021 г.

В течение длительного времени Молдавия не являлась значимым направлением во французской внешней политике. Об этом свидетельствует редкое обсуждение страны в парламентских дискуссиях¹, низкие показатели товарооборота (Табл. 1) и уровень развития нормативно-правовой базы двусторонних отношений², скромная доля Парижа в совокупном объеме помощи, оказанной РМ различными институтами и странами ЕС – 61 млн, или 1,85%, из 3,3 млрд евро, согласно базе данных «Поиск-вик помощи ЕС» (*EU Aid Explorer*)³. Значительная часть этой суммы (около

Таблица 1

Товарооборот между Францией и Республикой Молдавия, 2014–2023 гг., долл. США

Год	Объем французского импорта в РМ	Объем молдавского экспорта во Францию
2014	63 421	61 336
2015	55 118	56 464
2016	46 396	58 812
2017	46 789	61 370
2018	62 403	66 280
2019	69 575	64 648
2020	73 162	55 889
2021	91 203	62 725
2022	109 055	74 812
2023	144 630	70 783

Источник: ITC Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c251%7c%7c498%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 11.07.2024).

¹ Крайне редкие обсуждения касались в основном позиции Франции по политике ЕС, а не двусторонних отношений.

² На протяжении 24 лет после денонсации франко-советской налоговой конвенции по инициативе молдавской стороны в 1998 г. Париж блокировал подготовку новой конвенции, что препятствовало экономическому сотрудничеству. После того как Молдавия в 2012 г. выполнила требования по ставке корпоративного налога, французское министерство иностранных дел продолжало откладывать переговоры, так как другие страны были более приоритетными. *Projet de convention fiscale France-Moldavie. Question écrite n°08323 - 15e legislature. Sénat. 27.12.2018.* URL: <https://www.senat.fr/questions/base/2018/qSEQ181208323.html> (дата обращения: 12.07.2024).

³ *EU Aid Explorer. European Commission.* URL: https://euaidexplorer.ec.europa.eu/explore/recipients_en (дата обращения: 12.07.2024).

48 млн) – расходы на выделение стипендий молдавским студентам в университетах Франции, что обусловлено высокой популярностью французского языка в стране¹.

Тем не менее Франция поддержала Соглашение ЕС об ассоциации с РМ. Его ценность признали практически все политические силы². Они аргументировали свою позицию стандартными тезисами о том, что соглашение приведет к ребалансировке приоритетов Кишинева между Востоком и Западом и ускорит процесс европейских реформ, а также интересами французского бизнеса³ и возможностями для активизации культурно-образовательного сотрудничества.

Несмотря на обозначенные политические установки, отношение французских парламентариев к Молдавии оставалось настороженным. Например, в июне 2017 г. социалист М. Франсуа представил доклад с оценкой инструментов макрофинансовой помощи ЕС третьим странам (МФП)⁴. В нем на примере РМ были показаны институциональные проблемы, с которыми сталкивается ЕС: низкая степень правового регулирования и высокий уровень его подчиненности программам МВФ, а не ЕС. Последнее, как отметил сенатор, особенно не нравилось финансовым консультантам постоянного представительства Франции в Брюсселе. В таком же ключе РМ воспринимали большинство европарламентариев. Таким образом, несмотря на продвигаемую Брюсселем логику необходимости и даже неизбежности геополитического сближения с т. н. новой Восточной Европой, подобные шаги вызывали у государств-членов, включая Францию, закономерные опасения, а не энтузиазм.

Факторы франко-молдавского сближения с 2021 г.

В слабой динамике двусторонних отношений 2021 г. стал переломным. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, уровень электоральной поддержки М. Санду существенно укрепился по сравнению с предыдущими выборами (около 58% в 2020 г. против 38% в 2016 г.)⁵. Во-вторых, после победы в президентской гонке перед партией «Действие и солидарность» (ПДС) стояла задача выиграть парламентские выборы в июле 2021 г. За первые полгода правления М. Санду посе-

¹ Спасибо СССР за французский язык! Молдавские ведомости. 05.09.2014. URL: <http://www.evedomosti.md/news/spasibo-sssr-za-francuzskij-yazyk> (дата обращения: 11.07.2024); Rapport n°2067. Assemblée nationale. 17.01.2024. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_afetr/116b2067_rapport-fond (дата обращения: 12.07.2024).

² Там же; Première séance du jeudi 16 avril 2015. Assemblée nationale. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/14/cr/2014-2015/20150218.asp#P516617> (дата обращения: 11.07.2024).

³ В Молдавии действуют около 230 компаний с французским капиталом, в т. ч. такие крупные, как «Оранж» (*Orange*), «Лакталис» (*Lactalis*), «Ляфарж» (*Lafarge*), «Санофи» (*Sanofi*), которые выигрывают от улучшения регуляторной среды в пользу европейских стандартов. French businessmen are interested in investing in Moldova. InfoMarket. 04.02.2021. URL: <https://infomarket.md/en/government/255086> (дата обращения: 11.07.2024).

⁴ L'essor de l'assistance macrofinancière aux pays tiers au service de la politique d'influence de l'Union européenne. Senat. 2017. URL: <https://www.senat.fr/rap/r16-590/r16-5901.html> (дата обращения: 12.07.2024).

⁵ ЦИК Молдавии утвердил итоги президентских выборов. РИА Новости. 20.11.2020. URL: <https://ria.ru/20201120/vybory-1585527853.html> (дата обращения: 12.07.2024).

тила европейские столицы: Брюссель, Париж, Берлин, Рим, Варшаву, Бухарест. Вначале президент РМ посетила Париж в феврале 2021 г. Это был первый с 1997 г. двусторонний визит столь высокого ранга¹. Турне принесло плоды: за месяц до парламентских выборов ЕС выделил 600 млн евро на ближайшие три года под условие политических реформ, которые могла обеспечить только ПДС². По итогам выборов в Молдавии сложилась нужная для ЕС политическая конфигурация, что стало первым шагом к преодолению французского скептицизма. В-третьих, вклад в развитие двусторонних отношений внесли отдельные политические фигуры. В августе 2021 г. министром иностранных дел РМ был назначен Н. Попеску. В правительстве Молдавии много т. н. министров из диаспоры, но он наиболее тесно связан с Парижем³. Именно в период руководства Н. Попеску внешнеполитическим ведомством во франко-молдавском сотрудничестве были достигнуты ключевые успехи: подписана новая налоговая конвенция, распространен мандат Французского агентства развития (ФАР) на Молдавию, запущены первые проекты ФАР в стране, усилено сотрудничество в сфере безопасности. Примечательно, что семья Н. Попеску во время пребывания его в должности жила в Париже⁴.

Кадровые обновления также произошли во Франции. С июля 2021 г. французское посольство в Молдавии возглавил Поль Грэм, юрист по образованию, полномочный министр II класса. Вероятно, именно на него возложена задача сформировать лояльную Франции среду. С приходом Поля Грэма активизировалось взаимодействие посольства (и других французских государственных структур) с молдавскими коллегами из самых разных сфер – от отраслевых министерств и силовых структур до высших учебных заведений. Результаты работы посол оценивает как «самый плодотворный период сотрудничества в истории франко-молдавских отношений»⁵.

Значимым катализатором развития отношений стало начало специальной военной операции на Украине. СВО сломала хрупкий статус-кво, существовавший относительно Молдавии до 2022 г. Центральный нарратив целеполагания евроатлантической политики – это понимание, что исход украинского конфликта будет иметь экзистенциальные последствия для РМ: «Россия проложит сухопутный коридор в Приднестровье, Молдова фактически прекратит свое существование как независимое

¹ France and Moldova. Ministère de l'Europe et des Affaires Étrangères. 05.2022. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/moldova/france-and-moldova-65046/> (дата обращения: 12.07.2024).

² EU promises Moldova €600 million ahead of decisive election. EuroNews. 05.06.2021. URL: <https://www.euronews.com/2021/06/05/eu-promises-moldova-600-million-ahead-of-decisive-election> (дата обращения: 13.07.2024).

³ Н. Попеску – приглашенный профессор *Science Po*, руководитель одной из исследовательских программ в парижском офисе Европейского совета по международным отношениям (*European Council on Foreign Relations, ECFR*), член Института Монтэня, идейно близкого к французскому президенту.

⁴ Соловьев В. Министр устал от иностранных дел. Коммерсантъ. 24.01.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6466866> (дата обращения: 15.07.2024).

⁵ Radio Moldova: Paul Graham, French Ambassador to Chisinau on the Presidency of the Council of the European Union and Cooperation with the Republic of Moldova. Radio Moldova. 14.07.2022. URL: <https://trm.md/en/radio-moldova-promo/radio-moldova-paul-graham-ambasadorul-frantei-la-chisinau-despre-presedintia-in-consiliul-uniunii-europene> (дата обращения: 17.07.2024).

государство»¹. Секьюритизация молдавского вопроса ведет к тому, что Франция в новых геополитических условиях не сможет, как прежде, позиционировать себя в качестве скептика расширения интеграционного объединения. Кроме того, ЕС, беря на вооружение подобный нарратив, лишается возможности высказывать критику или опасения в адрес политических элит Молдавии, чтобы не дискредитировать действия команды М. Санду и не подорвать усилия по европеизации страны. Евросоюз и государства-члены оказываются в безвыходном положении: рейтинги президента РМ и ее окружения планомерно снижаются, однако возможность сделать ставку на других политиков отсутствует.

Начало СВО совпало с председательством Франции в Совете ЕС. ЕПС и запущенная Францией, Германией и Румынией в апреле 2022 г. платформа поддержки Молдавии² – примеры попыток Парижа и лично Э. Макрона обеспечить политическое лидерство в Евросоюзе.

Долгое время крупнейшим и практически единственным каналом французского влияния в Молдавии был крупный бизнес («Оранж», «Санофи», Лакталис и др.). Характерная для других мест присутствия активность по линии помощи развитию в случае с РМ не является для Парижа определяющей. Первые запущенные в 2022 г. проекты ФАР и Фонда Франции на сумму 2,6 млн евро для поддержки украинских беженцев в Молдавии осуществлялись французскими НКО, оказывающими медицинские и психологические консультации: «Международная солидарность» (*Solidarités Internationale*), «Гуманность и инклюзивность» (*Humanité & Inclusion*), «Врачи мира» (*Médecins du Monde*)³. С молдавскими государственными органами и предприятиями, которым выдаются кредиты и МФП, французы предпочитают взаимодействовать через структуру «Экспертиза Франция» (*Expertise France*), которая консультирует национальные статистические ведомства в рамках гармонизации статистики, оказывает помощь аппарату президента по вопросу «украденного миллиарда»⁴ и ведет надзор за развитием сотрудничества по линии внутренней безопасности.

Вместе с тем наблюдаются признаки возможного франко-немецкого тандема в Молдавии: в конце 2023 г. было объявлено о договоренности между ФАР и немецким государственным банком «КфВ» (KfW) о выдаче кредита в размере 200 млн евро на повышение энергоэффективности общественных зданий в Кишиневе и ряд других целей⁵. Инициатива согласовывалась не только на двустороннем франко-

¹ Hockenos P. Ukraine's War Is Killing Another Country. Foreign Policy. 21.03.2024. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/03/21/moldova-transnistria-ukraine-russia-war-odesa/> (дата обращения: 15.07.2024).

² Moldova Support Platform. Government of Republic of Moldova. URL: <https://gov.md/en/moldova-support-platform> (дата обращения: 16.07.2024).

³ AFD and Fondation de France to support refugees from Ukraine in Moldova. AFD. 11.07.2022. URL: <https://www.afd.fr/en/actualites/afd-and-fondation-de-france-support-refugees-ukraine-moldova> (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ Банковский скандал в Молдавии в 2014 г., когда в результате хищений из трех молдавских банков был украден 1 млрд. долл. Суммарные потери эквивалентны 12% ВВП страны.

⁵ Moldova: Reforming Energy Sectors and Protecting Forests. AFD. 18.10.2023. URL: <https://www.afd.fr/en/actualites/moldova-reforming-energy-sectors-and-protecting-forests> (дата обращения: 15.07.2024).

немецком уровне, но и между Евросоюзом и «Группой 7»¹. Роль ЕС в этой инициативе ограничена технической помощью в размере 5 млн евро.

Таким образом, главным измерением франко-молдавских отношений, как это показал ранее Ф. Пармантье, остается российское, т. е. геополитическое с присущей ему обратно-пропорциональной логикой. Вектор этой динамики противоположен: кризис в отношениях Парижа и Москвы, который сегодня имеет как африканский, так и украинский аспекты, способствует франко-молдавскому сближению. Это со- держательно меняет внешнеполитический шаблон взаимоотношений (Табл. 3).

Таблица 2

Сравнение разных этапов французской внешней политики в Молдавии

Измерение	2012–2021 гг.	2021–2024 гг.
Франко-молдавское	Развито слабо	Развивается активно
Франко-румынское	Не оказывает ощутимого влияния	Не оказывает ощутимого влияния
Франко-российское	Фактор близости с Моск- вой является сдерживаю- щим для политики Фран- ции в Молдавии	Кризис франко-российских отношений (африканский и украинский аспект) способствует активизации политики Франции в Молдавии.
Общеевропейское	Развито слабо	Развивается активно

Составлено авторами.

Сотрудничество в сфере безопасности

В военно-политической сфере широкое освещение в СМИ получили два эпи- зода: новости о создании французской военной миссии в стране и о закупке ми- нистерством обороны (при финансовой поддержке ЕС) двух радаров французской компании «Талес» (*Thales*) для мониторинга воздушного пространства страны². На практике эти шаги дополняют начатую Западом модернизацию вооруженных сил РМ. Практически незамеченным в информационном пространстве остался нетипичный формат сотрудничества по линии внутренней безопасности, разви- вающийся с 2021 г. Оно не ограничивается обменом опытом и передовыми прак- тиками. Из пресс-релизов молдавского министерства внутренних дел следует, что Франция в инициативном порядке оказывала помощь в получении молдавскими карабинерами статуса наблюдателя в структуре Европейских сил жандармерии (*EUROGENDFOR*, далее – *EGF*)³.

¹ Annual Report 2023. JEFIC. URL: <https://www.kfw-entwicklungsbank.de/PDF/Entwicklungsfinanzierung/Über-uns/JEFIC-2023-Annual-Report.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).

² Молдавия в 2025 году получит второй радар для контроля за воздушным пространством. Интерфакс. 09.07.2024. URL: <https://www.interfax.ru/world/970026> (дата обращения: 15.07.2024).

³ Meeting between the Secretary of State of the Ministry of Internal Affairs, Andrei Cecoltan, and the Deputy Director General of the French National Gendarmerie, Major General André Petillot. Maisigurinuc.md. 14.02.2024. URL: <https://maisigurinuc.md/meeting-between-the-secretary-of-state-of-the-ministry-of->

EGF – это военизированная полицейская структура, созданная по инициативе Парижа в 2006 г. Она позиционирует себя как «оперативное, заранее организованное надежное и быстро развертываемое подразделение, способное выполнять все полицейские задачи»¹. Под этой формулировкой подразумеваются задачи «общественной, разведывательной, криминальной, дорожной, пограничной полиции, борьбы с организованной преступностью и терроризмом»². В африканских СМИ *EGF* называют «частной европейской секретной армией для подавления восстаний». Аффилированные с французским государством медиа опровергают эту точку зрения³. Военный аналитик М.М. Яковлев считает эту структуру разновидностью частной военной компании и утверждает, что специальные миссии подразделения были спроектированы в тесном взаимодействии с вооруженными силами, полицейскими и специальными службами, чтобы гарантировать «безопасность на европейских кризисных территориях», в том числе оперативно и жестко пресекать любые массовые общественные волнения и протесты [Яковлев, 2024]. *EGF* формально не подчиняется институтам Евросоюза, не регулируется Общей внешней политикой и политикой безопасности, но может быть «предоставлена в распоряжение ЕС, ООН, ОБСЕ, НАТО и других международных организаций или специальных коалиций»⁴.

Статус наблюдателя, полученный Молдавией, позволяет присутствовать на заседаниях ключевого органа принятия решений – Межведомственного комитета высокого уровня (без права голоса), посещать заседания специализированных рабочих групп, направить подкрепление в штаб во время операций или учений. Кроме того, РМ имеет доступ к документам при определенных условиях, в т. ч. к секретным, если между заинтересованными сторонами заключено соглашение о безопасности⁵. Для получения статуса наблюдателя необходимо, чтобы страна прошла оценку соответствия в ходе т. н. миссий оценки (*assessment missions*). Первая миссия в Молдавии *EGF* началась в 2021 году.

Нетипичный формат сотрудничества коррелирует с доктринальными изменениями во французской оборонной политике начиная с 2021 г., направленными на адаптацию к условиям гибридных войн [Чихачев, 2022; Chikhachev, 2023] и подтверждает автономность Парижа от других западных акторов, несмотря на общую антироссийскую мотивацию и ценностную основу. Для российского истеблишмента такой подход в двусторонних отношениях представляет не менее тревожный сигнал, чем перспектива активизи-

internal-affairs-andrei-cecoltan-and-the-deputy-director-general-of-the-french-national-gendarmerie-major-general-andre-petillot/ (дата обращения: 15.07.2024).

¹ EUROGENDFOR Operational Concept. URL: <https://eurogendfor.org/egf-concept/> (дата обращения: 15.07.2024).

² Cooperation with the European Gendarmerie Force (EUROGENDFOR) under the Common Security and Defence Policy – Explanatory brief. EEAS. 16.06.2014. URL: <https://www.statewatch.org/media/documents/news/2014/jul/eu-eeas-2014-eurogendfor.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).

³ Eurogendfor, la force de gendarmerie européenne sous le feu des infox. RFI. 07.04.2023. URL: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/les-dessous-de-l-infox-la-chronique/20230407-eurogendfor-la-force-de-gendarmerie-europ%C3%A9enne-sous-le-feu-des-infox> (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ EUROGENDFOR Operational Concept.

⁵ Cooperation with the European Gendarmerie Force...

зации НАТО в стране, поскольку широкий спектр политических убеждений населения, включая ностальгию по Советскому Союзу и пророссийский патриотизм выступает одним из главных рисков в западном дискурсе по Молдавии¹.

Заключение

Во внешней политике Франции обозначается тренд на усиление наступательной логики. Его маркеры – общая неуверенность Запада в вопросе российских намерений относительно РМ и происходящая, как следствие, острая секьюритизация молдавской темы и придание последней характера экзистенциальности. Франция, как один из наиболее значимых игроков трансатлантического сообщества, не может оставаться в стороне от блоковой политики, но при этом действует автономно от других западных акторов. Эта особенность характерна для всех наиболее значимых сюжетов активизации франко-молдавского сотрудничества – от интеграции молдавских карабинеров в частные военизированные структуры, подчиненные Парижу, до помощи развитию. Исключением выступают крупные инвестиционные проекты, которые Париж осуществляет в сотрудничестве с Берлином.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Осипов Е.А. (2022) Франция и вопрос о возможном расширении ЕС в контексте гибкой интеграции. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. Т. 10. № 1(73). С. 50–55.
- Тимофеев П.П. (2013) Политика Франции на постсоветском пространстве. *Современная Европа*. № 2. С. 86–100.
- Чихачев А.Ю. (2022) После Сахеля: закат французского интервенционизма? *РСМД*. 09.12. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/posle-sakhelya-zakat-frantsuzskogo-interventsionizma/?ysclid=lyt15jsnnh772986492> (дата обращения: 19.07.2024).
- Яковлев М.М. (2024) *Частные военные компании и частные разведкомпании. Прошлое, настоящее и будущее*. Буки Веди, Москва. 116 с.
- Caľus K., Kosienkowski M. (2018) Relations between Moldova and the European Union. *The European Union and its Eastern Neighbourhood: Europeanisation and its twenty-first-century contradictions*. Ed. by P. Flenley, M. Mannin. Manchester University Press, Manchester, UK. P. 99–113.
- Chikhachev A.Yu. (2023) France's strategy in the Baltic region: military and political aspects. *Baltic Region*. Vol. 15(1). P. 4–17.
- Grigoriadis T., Gaibu S. (2019). *Economic Models of Aid Effectiveness in Moldova*. Expert-Grup, Centru Analytic Independent, Berlin, Germany. P. 1–35.
- Parmentier F. (2012). France: Unfulfilled Potential as a Major EU Partner of Moldova. *Moldova. Arena of International Influences*. Ed. by M. Kosienkowski, W. Schreiber. Lexington Books, Lanham, UK. P. 77–87.
- Saverio Montesano F., van der Togt T., Zweers W. (2016) *The Europeanisation of Moldova: Is the EU on the Right Track?* Netherlands Institute of International Relations “Clingendael”, Hague, Netherlands. 28 p.

Franco-Moldovan Relations at the Present Stage

E.G. Entina

*Doctor of Sciences (Politics), Head of the Department of Black Sea-Mediterranean Studies
at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*

*Professor at the National Research Institute Higher School of Economics
11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009*

E-mail: e.entina@hse.ru **ORCID:** 0000-0003-4198-4870

¹ Hockenos P. Ukraine's War Is Killing Another Country.

S.B. Davranova

Analyst at the Center for Mediterranean Studies.

Higher School of Economics. 17 Ordynka str., Moscow, Russia, 115184,

E-mail: sbdavranova@hse.ru ORCID: 0009-0007-4174-8348

Abstract. Despite the growing relevance of the case of Franco-Moldovan relations, little attention has been paid to their study outside the context of European integration processes. This study seeks to fill this gap by identifying and summarizing the current status, specificity and context of French foreign policy in Moldova, the key interests of the parties towards each other, as well as the main challenges and tasks they are facing. The results of the study show that until 2021, the bilateral dynamic was rather inert. The Republic of Moldova (RM) did not rank high in the system of Paris's foreign policy priorities even after the sharp increase in the confrontation between the Russian Federation and the EU in 2014. Although the Moldovan vector of French foreign policy is now ranked alongside other post-Soviet countries, the results show that the starting position from which France's activation in RM began is very different from the inputs that for many years shaped the French geopolitical optics in other parts of the former USSR – in the Caucasus and even in Central Asia. The year 2021 has become a reference point in this relationship because a political configuration favorable to France has begun to emerge in Moldova. For Chisinau, the need to gain favor with Paris is critical in the context of its stated goals of European integration. In the case of France, the motivation looks much more multilayered, but it is summarized by Paris's desire to take the Moldovan plot into circulation in order to reassemble its self-positioning as a leader in the EU.

Keywords: Franco-Moldovan relations, Franco-Russian relations, French Development Agency, development aid, EUROGENDFOR, European integration

DOI: 10.31857/S0201708324050073

REFERENCES

- Caŭs K., Kosienkowski M. (2018) Relations between Moldova and the European Union, in Flenley P., Mannin M. (ed.) *The European Union and its Eastern Neighbourhood: Europeanisation and its twenty-first-century contradictions*, Manchester University Press, Manchester, UK, pp. 99–113.
- Chikhachev A.Yu. (2022) Zakat frantsuzskogo intervencionizma? [After the Sahel: the decline of French interventionism?], *RSMD*, 09.12. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/posle-sakhelya-zakat-frantsuzskogo-intervencionizma/?ysclid=lyt15jsnnh772986492> (accessed: 19.07.2024). (In Russian).
- Chikhachev A.Yu. (2023) France's strategy in the Baltic region: military and political aspects, *Baltic Region*, 15(1), pp. 4–17.
- Grigoriadis T., Gaibu S. (2019) *Economic Models of Aid Effectiveness in Moldova*, Expert-Grup, Centru Analytic Independent, Berlin, Germany, pp. 1–35.
- Osipov E. A. (2022) Frantsiya i vopros o vozmozhnom rasshirenii ES v kontekste gibkoi integratsii [France and the issue of possible EU enlargement in the context of flexible integration], *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 10, 1(73), pp. 50–55. (In Russian).
- Parmentier F. (2012) France: Unfulfilled Potential as a Major EU Partner of Moldova, in Kosienkowski M., Schreiber W. (ed.) *Moldova. Arena of International Influences*, Lexington Books, Lanham, UK, pp. 77–87.
- Saverio Montesano F., van der Togt T., Zweers W. (2016) *The Europeanisation of Moldova: Is the EU on the Right Track?*, Netherlands Institute of International Relations "Clingendael", Hague, Netherlands.
- Timofeev P.P. (2013) Politika Frantsii na postsovetском prostranstve [French policy in the post-Soviet space], *Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 86–100. (In Russian).
- Yakovlev M.M. (2024). *Chastnye voennye kompanii i chastnye razvedkompanii. Proshloe, nastoyashchee i budushchee* [Private military companies and private intelligence companies. Past, present and future], Buki Vedi, Moscow, Russia. (In Russian).

УДК 323, 327

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В БРИТАНИИ 2024 Г. НЕТРИУМФАЛЬНЫЙ ТРИУМФ ЛЕЙБОРИСТОВ

© 2024 АНАНЬЕВА Елена Владимировна

Кандидат философских наук

*Руководитель Центра британских исследований, Институт Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3, E-mail: e-ananieva@yandex.ru*

Поступила в редакцию 25.07.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. Парламентские выборы в Британии 2024 г. принесли ожидаемую победу лейбористам и сокрушительное поражение консерваторам. Однако успехом Лейбористская партия обязана своей тактике в условиях мажоритарной избирательной системы и глубокому недовольству избирателей правлением тори, а не социально-экономической и политической предвыборной программе и не лидеру партии К. Стармеру. Мажоритарная система помогла Партии либеральных демократов и не благоприятствовала партии «Реформировать Соединенное Королевство» Н. Фараджа. Лейбористы получили значительную часть голосов переживающей кризис Шотландской национальной партии. Маловероятно, что тори смогут преодолеть внутрипартийный кризис к следующим выборам, поэтому лейбористы останутся у власти на два легислатурных срока. Внешняя политика правительства К. Стармера станет продолжением курса консерваторов, но концептуально оформится как «прогрессивный реализм». Лондон продолжит следовать за Вашингтоном, независимо от результатов выборов в США, будет стремиться сохранить ведущие позиции в НАТО, оказывать помощь киевскому режиму, лавировать в отношениях с Китаем, активно противодействовать России и с этой целью пытаться привлечь в свою орбиту страны глобального Юга.

Ключевые слова: Британия, парламентские выборы, Консервативная партия, Лейбористская партия, партия «Реформировать Соединенное Королевство», Шотландская национальная партия, внешняя политика, «прогрессивный реализм»

DOI: 10.31857/S0201708324050085

Итоги парламентских выборов. Парадоксы мажоритарной избирательной системы

4 июля в Соединенном Королевстве состоялись парламентские выборы. В стране действует мажоритарная избирательная система относительного большинства. В отличие от пропорциональной, она несправедлива с точки зрения представительства, поскольку не учитываются голоса, поданные за проигравшие партии. С другой стороны, мажоритарная система позволяет сформировать стабильное правительство большинства, которое может проводить политический курс, не опасаясь оппозиции или «бунта» депутатов собственной парламентской фракции. В 2011 г. избиратели высказались на референдуме против введения преференциальной избирательной системы, близкой к пропорциональной¹. Их разочаровал опыт закулисных торгов по программе коалиционного правительства консерваторов и либерал-демократов (2010–2015 гг.), за которую никто не голосовал, и ее эклектичность. Соответственно, в Британии по-прежнему действует мажоритарная система относительного большинства, которая способствует крупным партиям в ущерб малым и тактическому голосованию.

Все социологические исследования – как замеры общественного мнения относительно партий, их лидеров, так и расчеты возможных мест в Палате общин – отдавали предпочтение Лейбористской партии Великобритании (ЛПВ)².

Термин «популярность» к правящей Консервативной партии и ее лидерам стал неприменим, когда за премьер-министром Б. Джонсоном потянулась череда скандалов, обваливших рейтинг не только лидера (с лета 2020 г.), но и партии (с декабря 2021 г.). Недолгий период деятельности Лиз Трасс в качестве премьер-министра превратил отставание тори от лейбористов в необратимое (разрыв вырос с 10 до 20%)³. На конец июня 2024 г. рейтинг Консервативной партии – минус 53%⁴, ее лидера Р. Сунака – минус 56% (хуже был только у Л. Трасс – минус 70%). Лейбористы не вызывали у британцев больших ожиданий, но на фоне консерваторов выглядели меньшим из зол: показатель партии – минус 6%, ее лидера К. Стармера – минус 13%. Более того, до уровня тори поднялся рейтинг партии Н. Фараджа «Реформировать Соединенное Королевство». По некоторым опросам, реформисты стала опережать консерваторов и либерал-демократов⁵.

¹ Referendum on the voting system for the UK Parliament. Electoral Commission. URL: <https://web.archive.org/web/20110504141822/http://www.electoralcommission.org.uk/elections/upcoming-elections-and-referendums/uk/referendum> (дата обращения: 10.08.2024).

² Среди ведущих социологических агентств отметим: YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/topics/politics/trackers/voting-intention>; <https://yougov.co.uk/elections/uk/2024>; Electoral Calculus. URL: <https://www.electoralcalculus.co.uk/homepage.html>; News, Insight & Analysis of the UK Polling Industry. UK Polling Report. URL: <https://pollingreport.uk/>; Ipsos-MORI. URL: [ipsos.com](https://www.ipsos.com) (дата обращения: 23.06.2024).

³ YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/topics/politics/trackers/voting-intention> (дата обращения: 23.06.2024).

⁴ Это показатель превышения отрицательного рейтинга над положительным.

⁵ Rishi Sunak now less popular than Corbyn and Johnson ever were. YouGov. 21.06.2024. URL: <https://yougov.co.uk/politics/articles/49824-general-election-2024-rishi-sunak-favourability-at-another-all>

На первый взгляд лейбористы одержали не просто убедительную, а триумфальную победу. Их результат (411 мест) вплотную подошел к блистательной победе на выборах 1997 г. при Т. Блэре (418 мест, доля голосов составила 43,2%, количество избирателей – 13,5 млн чел.)¹. В таблице 1 и тексте статьи информация по выборам 2019 и 2024 гг. приведена на основании официальных данных избирательной комиссии и парламента Соединенного Королевства.

Таблица 1

Итоги парламентских выборов 2019 и 2024 гг.

Лейбористы	Консерваторы	Либерал-демократы	ШНП	Партия «Зеленых»	«Реформировать Соединенное Королевство» / «Брекзит»
Места/доля голосов (%), кол-во голосов (млн чел.)					
В 2019 г. явка 47,6 млн чел. (67,3%)					
202/32,1% (10,269 млн чел.) –60 мест	365/43,6% (13,966 млн чел.) +48 мест	11/11,5% (3,696 млн чел.) –1 место	48/* +13 мест	1 /2,7%	0/2,5% (0,6 млн чел)
В 2024 г. явка 48,2 млн чел (59,8%)					
411/33,7% (9,708 млн чел.) +209 мест	121/23,7 (6,829 млн чел) –244 места	72/12,2 (3,519 млн чел) +61 место	9/* –39 мест	4/6,7% +3 места	5/14,3 (4,117 млн чел) +5 мест

Источник: Research, reports and data. Electoral Commission. URL: <https://www.electoralcommission.org.uk/research-reports-and-data>; General election 2024 results. House of Commons Library. 24.09.2024. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-10009/>; General Election 2019: full results and analysis. House of Commons Library. 28.01.2020. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-8749/> (дата обращения: 12.08.2024).

* Шотландская национальная партия (ШНП) выставляет кандидатов только в Шотландии (квота в Палате общин – 59 мест).

Однако британский профессор Р. Роуз отмечает, что лейбористы пришли к власти с самой низкой долей голосов в истории британских выборов (33,7%), но получили при этом свыше 63% мест в Палате общин². За ЛПВ проголосовало только на 1,6% больше избирателей, чем в 2019 г. за эту же партию под руководством Дж. Корбина (слишком левого по представлениям британцев). Более того, поскольку явка в 2024 г. была ниже, чем в 2019 г., то за победившую партию К. Стармера

time-low; Nigel Farage's Reform UK now ahead of Tories in new poll. Express.co.uk. 21.06.2024. URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/1913961/Nigel-Farage-Reform-UK-poll-Conservatives-Rishi-Sunak#conversation-wrapper> (дата обращения: 23.06.2024).

¹ General Election Results, 1 May 1997. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP01-38/RP01-38.pdf> (дата обращения: 14.07.2024).

² Rose R. The Electoral System: One Hit and One Miss. Electoral Calculus. 12.07.2024. URL: https://www.electoralcalculus.co.uk/blogs/ec_rose_20240712.html (дата обращения: 15.07.2024).

проголосовало меньше избирателей (9,7 млн чел.), чем за проигравшую Дж. Корбина (свыше 10 млн чел.).

Лейбористы выбрали тактику агитации в колеблющихся округах, чтобы завоевать большее количество округов пусть и с небольшим перевесом. Им также способствовало голосование избирателей за малые партии: если в 2019 г. ведущие партии получили 76%, то в 2024 г. – 57,4% голосов. Распалась коалиция избирателей, которую собрал Б. Джонсон из сторонников выхода Британии из ЕС, сумев привлечь брекзитеров из ранее надежных избирательных округов лейбористов на севере Англии (т. н. красной стены). Партия Н. Фараджа (в то время «Брекзит») не стала выставлять кандидатов в консервативных округах, чтобы не разбивать голоса противников европейской интеграции. Однако сторонники консерваторов образца 2019 г. разделились: четверть отдала предпочтение реформистам, часть – центристам, т. е. Партии либеральных демократов (ПЛД), некоторые вернулись к лейбористам, очень многие стали абсентеистами¹.

Лидеры основных партий в своих избирательных округах выступили слабо: главы основных партий (кроме либерал-демократа Э. Дэйви) не получили свыше половины голосов.

Серьезное поражение потерпели не только консерваторы, но и ШНП. Пройдя дважды за короткий период через смену лидеров и скандалы [Охошин, 2024], она уступила лейбористам место крупнейшей политической силы от региона в Вестминстере (лейбористы прибавили 19% голосов шотландцев).

Ныне правящая партия получила большинство в 174 места в Палате общин. Оно настолько велико, что премьер-министр К. Стармер может не опасаться не только оппозиции, но и «бунта» в собственной парламентской фракции, как нередко бывало в период полемики по поводу выхода Британии из ЕС.

Выборы 2024 г. отличались большим количеством независимых кандидатов. В 2019 г. за 224 независимых кандидатов проголосовали 0,206 млн чел. (0,64% избирателей), но ни один не прошел в Палату общин. В 2024 г. 459 независимых кандидатов получили 0,564 млн голосов (1,96%) и 6 мест. Среди них были пропалестинские активисты, недовольные позицией ЛПВ, лидер которой требовал жесткой дисциплины по палестино-израильскому конфликту.

Количество независимых кандидатов и их успех при мажоритарной системе вместе с низкой долей голосов за ведущие партии и впечатляющими результатами малых партий свидетельствуют о фрагментации политических предпочтений избирателей, разочаровании в консерваторах и отсутствии надежд на лейбористов.

Очевидно, что намеки Лейбористской партии в период пребывания в оппозиции на введение системы, близкой к пропорциональной, ослабнут, тем более что правопопулистская партия Н. Фараджа может получить больше мест, чем центристская ПЛД.

Консерваторы получили самый низкий результат с 1832 г. Многие политические тяжеловесы, предвидя тяжелое поражение, не стали баллотироваться (например, М. Гоув, член кабинета в нескольких правительствах). Тори проиграли в окру-

¹ Там же.

гах, где ранее выставляли кандидатуры 4 премьер-министра от консерваторов¹. 175 депутатов утратили места в Парламенте, включая претендентов на пост лидера партии: министр обороны Г. Шэппс, известный жесткими антироссийскими высказываниями, и лидер Палаты общин Пенни Мордонт. В Парламент не прошли десять министров и главный партийный организатор («кнут») С. Харт, а также генеральный прокурор В. Прентис².

Причины победы лейбористов

Накануне выборов экономика Британии выходила из рецессии. В конце июня 2024 г. инфляция снизилась до целевого показателя в 2% (хотя Банк Англии оставил прежнюю ставку – 5,25%)³, безработица составила 4,4%, ВВП в первом квартале вырос на 0,6%⁴, заработная плата увеличилась на 5,9%⁵. Министр финансов Дж. Хант в апреле сожалел, что британцы не желают признавать достижения консерваторов за 14 лет правления⁶. Избиратели не простили правительству снижение уровня жизни⁷, самые высокие налоги за 70 лет, рекордные очереди на прием к врачу, недоступные услуги стоматолога, рост процентов по ипотеке, государственный долг около 100% ВВП⁸, нерешенную проблему иммиграции. Все это привело к продолжительным и крупным антииммигрантским протестам в августе 2024 г.⁹

К выборам 2019 г. Б. Джонсон породил у британцев завышенные ожидания, которые обернулись разочарованием из-за снижения уровня жизни, экономической рецессии, неоправдавшихся надежд на брекзит, провальной политики в период

¹ Д. Кэмерон в Палате лордов, кандидатуру Т. Мэй в верхнюю палату номинировали перед выборами, Б. Джонсон сдал депутатский мандат, не дожидаясь, пока его исключат из Палаты общин, Л. Трасс проиграла в пользу лейбориста.

² General election 2024 results; Massey N. Tories lose record number of Cabinet ministers in punishing election. Evening Standard. 05.07.2024. URL: <https://www.standard.co.uk/news/politics/liz-truss-tories-robert-buckland-downing-street-grant-shapps-b1168835.html> (дата обращения: 23.06.2024).

³ Bank of England. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/> (дата обращения: 23.06.2024).

⁴ GDP monthly estimate. Office for National Statistics. 10.05.2024 URL: <https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/bulletins/gdpmonthlyestimateuk/march2024> (дата обращения: 23.06.2024).

⁵ Earnings and working hours. Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/earningsandworkinghours> (дата обращения: 23.06.2024).

⁶ Jeremy Hunt caught on tape moaning that Tories aren't given credit for 'our superb record' - Mirror Online. 19.06.2024. URL: <https://www.mirror.co.uk/news/politics/tory-jeremy-hunt-caught-tape-33056472> (дата обращения: 23.06.2024).

⁷ As the general election approaches, public attitudes on the cost of living remain very negative. YouGov. 24.06.2024. URL: <https://yougov.co.uk/politics/articles/49841-as-the-general-election-approaches-public-attitudes-on-the-cost-of-living-remain-very-negative> (дата обращения: 23.06.2024).

⁸ Public sector finances. Office for National Statistics. 21.06.2024. URL: <https://www.ons.gov.uk/economy/governmentpublicsectorandtaxes/publicsectorfinance/bulletins/publicsectorfinances/may2024> (дата обращения: 23.06.2024).

⁹ Ананьева Е.В. Беспорядки в Британии. Кто виноват и что делать?. Международная жизнь. 09.08.2024. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/47194> (дата обращения 10.08.2024).

пандемии *COVID-19*, громких политических скандалов и личной непорядочности государственных деятелей. Как пишут британские политологи Э. Селдон и Т. Эгер-тон в коллективной монографии о правлении тори, «трудно найти в истории сравнимый период правления консерваторов или другой партии, в котором было бы достигнуто столь мало или в котором страна по его завершении осталась в столь тревожном состоянии» [Seldon, Egerton, 2024: 525].

Таким образом, объективные показатели улучшения экономического положения страны не превзошли по своему воздействию субъективные политические предпочтения избирателей: репутация тори за 14 лет пребывания у власти стала причиной поражения. На выборах 2019 г. успех консерваторов основывался не только на обещании Б. Джонсона завершить брекзит, но и на нежелании британцев видеть премьер-министром Дж. Корбина. В 2024 г. британцы не хотели видеть Р. Сунака премьер-министром больше, чем прежде Дж. Корбина, но и не испытывали энтузиазма от победы лейбористов во главе с К. Стармером¹. Как отмечают М. Гарнетт, Г. Хайман и Р. Джонсон, «даже по меняющимся стандартам самой Лейбористской партии она не была особенно эффективной в оппозиции с 2010 г. Либо избирая неподходящих лидеров, либо не будучи способной занять последовательную единую позицию по фундаментальным вопросам вроде “жесткой экономики” или брекзита, партия явно обращала недостаточное внимание на уроки прошлого... Если британские избиратели все же допустили, что лейбористы вновь стали избираемыми, то это в большей степени реакция на очевидную несостоятельность консерваторов» [Garnett et al., 2024: 205]. Э. Селдон указывает на непрофессионализм лидеров тори: «последние пять премьер-министров... занимали должности только в трех департаментах Уайтхолла на всех, прежде чем стать премьер-министрами, в то время как пятеро их предшественников, от Хита до Мейджора, вкупе занимали 23 государственных должности до вступления в должность премьер-министра [Seldon, 2022: 334].

В результате лейбористы одержали почти историческую победу, а консерваторы – историческое поражение. Иными словами, мажоритарная система обеспечила партии К. Стармера победу: не лейбористы выиграли, а консерваторы проиграли.

Консерваторам предстоит смена лидера партии и преодоление глубокого кризиса, с которым они, скорее всего, не справятся к следующим выборам. На фоне успеха реформистов Н. Фараджа партия под влиянием низового звена сдвинется вправо². В отличие от поспешного избрания Р. Сунака, процедура выбора лидера тори будет длительной с презентацией четырех основных кандидатов на партийной

¹ Britons would be more upset by a 2024 Sunak win than they would have been by a 2019 Corbyn triumph. YouGov. 26.05.2024. URL: <https://yougov.co.uk/politics/articles/49533-britons-would-be-more-upset-by-a-2024-sunak-win-than-they-would-have-been-by-a-2019-corbyn-triumph> (дата обращения: 23.06.2024).

² Tom Tugendhat enters race for Conservative party leadership. The Guardian. 25.07.2024. URL: <https://www.theguardian.com/politics/article/2024/jul/24/tom-tugendhat-enters-race-for-conservative-party-leadership>; Robert Jenrick enters race to become next Tory leader. The Guardian. 25.07.2024. URL: <https://www.theguardian.com/politics/article/2024/jul/25/robert-jenrick-enters-race-to-become-next-tory-leader> (дата обращения: 25.07.2024).

конференции в октябре, отбором двух финалистов парламентской фракцией и голосованием рядовых консерваторов.

Программа правительства К. Стармера

9 июля была открыта сессия парламента нового созыва. 17 июля король Карл III произнес тронную речь, т. е. озвучил перечень законопроектов правительства под руководством премьер-министра К. Стармера¹. В первую очередь в нее вошли билли, которые изложены в предвыборном манифесте партии. Лейбористы осторожно подошли к формированию программы.

Манифест не содержит «больших идей» и носит технократический характер². «Возможно, пять лет назад мы были партией протеста – теперь мы хотим быть партией власти», – заявил К. Стармер, представляя документ избирателям³. С этой целью, исключив Дж. Корбина из партии (он вновь выиграл в своем избирательном округе в качестве независимого), лидер лейбористов свел к минимуму влияние левого крыла. О. Иглтон дал биографии нового премьер-министра «Проект Стармер» подзаголовок «Путь вправо» [Eagleton, 2022].

Партия обещает перемены (манифест называется *Change*), но их суть выхолощена. По мнению лейбористов, стабильность как провозглашенная цель выступает переменами после «хаоса правления консерваторов». Основной посыл – создать общественное богатство на основе экономического роста. Для этого необходима экономическая стабильность посредством жестких правил расходования средств. Лейбористы опасаются прежнего ярлыка партии, которая поднимает налоги и тратит государственные средства (*tax-and-spend party*). ЛПВ рассчитывает восстановить доверие бизнеса после левых экономических программ Дж. Корбина: К. Стармер пообещал не повышать налог на прибыль корпораций и подоходный налог. Отсутствие прорывных предложений лейбористы объясняют невозможностью немедленно изменить ситуацию. Расходы на оборону предполагается довести до 2,5% ВВП с оговоркой «когда позволят условия».

В сфере здравоохранения лейбористы намерены увеличить количество приемов в медицинских учреждениях на 40 тыс. человек, чтобы снизить очереди, в т. ч. предотвратив уклонение от налогов и устранив лазейки в налогообложении нерезидентов.

Лейбористы собираются создать командование пограничной безопасности (*Border Security Command*) для усиления охраны границ против нелегальных мигрантов и отказаться от планов консерваторов депортировать искателей убежища в

¹ The King's Speech 2024. GOV.UK. 17.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-kings-speech-2024> (дата обращения: 18.07.2024).

² Change. Labour Party Manifesto. URL: <https://www.ukpol.co.uk/wp-content/uploads/2024/06/labor2924.pdf> (дата обращения: 25.06.2024).

³ Keir Starmer puts wealth creation at heart of Labour manifesto. The Guardian. 13.06.2024. URL: <https://www.theguardian.com/politics/article/2024/jun/13/keir-starmer-vows-wealth-creation-heart-labour-manifesto> (дата обращения: 13.06.2024).

Руанду, что потребовало бы выхода из Европейской конвенции по правам человека. ЛПВ также обещает сократить преступность вдвое благодаря увеличению численности полиции и работе с молодежью.

Климатический план сосредоточен на создании двух новых институтов: государственной компании «Грейт бритаиш энэрджи» (*Great British Energy*) по производству чистой энергии (за счет налога на сверхприбыль нефтегазовых компаний) и инвестиционного Фонда национального благосостояния. Достичь нулевых выбросов в электрогенерации предполагается к 2030 г. Показателем снижения изначально установленной планки служит пересмотр Лейбористской партией крупных ежегодных ассигнований на климатические проекты в рамках «Плана зеленого процветания» (*Green Prosperity Plan*) с 28 до 4,7 млрд ф. ст.¹

Из политических реформ следует отметить план снизить возрастной ценз на выборах всех уровней до 16–17 лет (1,5 млн чел). Однако надежды лейбористов привлечь молодежь могут развеять реформисты: до четверти юных избирателей готовы проголосовать за партию Н. Фараджа, а за ЛПВ – 40%².

ЛПВ намерена ужесточить правила пожертвований в казну партий, лишить наследственных пэров права заседать и голосовать в Палате лордов, ввести для ее членов обязательный выход на пенсию в 80 лет (сейчас полномочия пожизненные), усовершенствовать процедуру отбора кандидатов в палату, сбалансировать в ней представительство регионов и в перспективе создать новую верхнюю палату с региональным представительством. Однако лейбористы не обозначили сроки завершения реформы.

Внешняя политика лейбористов. Концепция «прогрессивного реализма»

Помимо манифеста основные направления внешней политики изложены в памфлете бывшего теневого министра Д. Лэмми (март 2023 г.)³ и в его статье в журнале «Форин афферс» (*Foreign Affairs*) [Lammy, 2024]. После назначения на должность в правительстве К. Стармера постулаты были повторены в статье для издания «Локал Юроп» (*The Local Europe*)⁴.

¹ Humiliated Keir Starmer admits he is cutting Labour's £28bn green investment plan by 80% days after saying it is 'desperately needed' - and pledges to fund cut-price scheme with a bigger windfall tax raid on energy firms. Daily Mail Online. 08.02.2024. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13062135/Keir-Starmer-Labours-28bn-green-investment-plan-windfall-tax.html> (дата обращения: 25.06.2024).

² Farage would get huge boost from Labour's plan to reduce voting age to 16, poll indicates with Keir told "be careful". The Sun. 03.07.2024. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/politics/28905491/nigel-farage-labour-voting-age-plan-election/> (дата обращения: 25.06.2024).

³ Lammy D. Britain reconnected: a foreign policy for security and prosperity at home. London. Fabian Society. 2023. 42 p. URL: <https://fabians.org.uk/publication/britain-reconnected/> (дата обращения: 20.07.2024).

⁴ Lammy D. It's time to reset relations with Europe. GOV.UK. 07.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/its-time-to-reset-britains-relations-with-europe-article-by-david-lammy> (дата обращения: 20.07.2024).

Во внешней политике ЛПВ выдвигает в противовес «Глобальной Британии» концепцию «прогрессивного реализма», основанную на «этической внешней политике» [Everill, 2024]. Последняя отсылает к министру иностранных дел Р. Куку. Однако его благородный пафос столкнулся с реальностью экспорта оружия. Затем последовали бомбардировки Сербии без мандата СБ ООН, вторжение в Ирак. Насколько политика правительства К. Стармера будет соответствовать этичности, покажет будущее. На данном этапе реализм, согласно Д. Лэмми, подразумевает объективную оценку сил страны и международной обстановки не только для наращивания мощи, но и в прогрессивных целях, к которым лейбористы относят защиту демократии, мировое экономическое развитие и борьбу с изменением климата.

Принцип внешней политики правительства К. Стармера – приоритет прагматизма над идеологией. В Обновленном обзоре, принятом при Р. Сунаке, уже звучало намерение пожертвовать ценностями во имя интересов¹, в отличие от концепции «Глобальной Британии», которую Лондон начал разрабатывать при Т. Мэй и принял при Б. Джонсоне. Все три стратегии делают акцент на необходимости союзов с партнерами ввиду того, что Британия – средняя держава.

В первые дни ЛПВ у власти в преддверии Вашингтонского саммита НАТО (9–11 июля) министр обороны Дж. Хили и министр иностранных дел Д. Лэмми написали статью, в которой подтвердили, что приверженность правительства Североатлантическому альянсу непоколебима и стратегия обороны будет построена по принципу «НАТО прежде всего». Европейская безопасность станет приоритетом внешней и оборонной политики. Обязательства по ядерному сдерживанию абсолютны (отсылка к Дж. Корбину, который выступал против ядерного оружия). Основным противником выступает Россия². Дж. Хили пояснил, что Британия будет «ведущей европейской страной в НАТО», а Европа должна принять основное бремя противодействия Москве, поскольку внимание Вашингтона неизбежно будет перенаправлено на Индо-Тихоокеанский регион³.

США остаются для Британии незаменимым союзником. Среди важнейших задач на европейском направлении – заключить с ЕС пакт по безопасности, укрепить сотрудничество в области обороны и безопасности с Францией и Германией, а также заключить двусторонние соглашения с партнерами по Объединенному экспедиционному корпусу (*Joint Expeditionary Forces*).

Лейбористы продолжают политику консерваторов в отношении Украины: будут оказывать военную, экономическую, дипломатическую, политическую помощь,

¹ Integrated Review Refresh 2023. Responding to a More Contested and Volatile World. GOV.UK. 16.05.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world> (дата обращения: 15.06.2024).

² This government will have a “NATO first” defence strategy: article by the Foreign Secretary and Defence Secretary. GOV.UK. 09.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/this-labour-government-will-have-a-nato-first-defence-strategy-article-by-the-foreign-secretary-and-defence-secretary> (дата обращения: 10.07.2024).

³ UK will be “leading European nation” in Nato, defence secretary pledges. The Guardian. 10.07.2024. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/article/2024/jul/10/uk-will-be-leading-european-nation-in-nato-defence-secretary-says> (дата обращения: 10.07.2024).

содействовать ее приему в НАТО, несмотря на то что 9–11 июля на саммите в Вашингтоне приглашение Украине направлено не было. Что касается Москвы, курс останется неизменным и включает передачу Киеву замороженных активов РФ и содействие учреждению Специального трибунала по преступлениям агрессии для привлечения России к ответственности. Таким образом, внешняя политика лейбористов не будет существенно противоречить стратегии консерваторов, но новое правительство намерено установить более близкие отношения с ЕС.

К тактическим шагам, отличным от действий правительства Б. Джонсона, следует отнести намерение восстановить репутацию Соединенного Королевства в качестве страны, которая оказывает крупную помощь международному развитию (при Б. Джонсоне, вопреки закону, планку снизили с 0,7 до 0,5% ВВП). Однако лейбористы не спешат вернуться к прежним показателям (только «когда позволят финансовые обстоятельства»). ЛПВ признает, что военные интервенции Запада (Афганистан, Ирак, Ливия) подорвали идею либерального интервенционизма Т. Блэра (озвучена в 1999 г. в Чикаго). Точно также бездействие (т. е. слишком мягкие санкции), как полагает новое правительство, подстегнуло Сирию и Россию на активные действия. Последняя названа долгосрочной угрозой Европе.

Д. Лэмми отмечает, что страны глобального Юга недовольны эгоизмом Британии и коллективного Запада и невниманием к их потребностям. Лейбористы, вероятно, восстановят Департамент международного развития, который при Б. Джонсоне был включен в Форин-офис, но в духе реализма обуславливают эту меру финансовыми возможностями.

Страны глобального Юга обвиняют Запад в двойных стандартах, нежелании делиться вакцинами от *COVID-19*, саботаже ликвидации последствий ущерба, связанного с изменением климата. Правительство лейбористов, которое готово «защищать демократию», поддерживая киевский режим «до полной победы Украины», намерено направить значительные усилия на привлечение союзников. К методам относятся прогрессивные цели экономического развития, борьбы с изменением климата и содействие в решении проблем. Привлечь страны глобального Юга правительство К. Стармера намерено не призывом к безоговорочной поддержке позиции Запада по Украине (как при консерваторах), а малыми шагами: потребовать от России «вывести танки», «вернуть эвакуированных детей», что предлагал еще Дж. Клеверли, предшественник Д. Кэмерона на посту министра иностранных дел в правительстве Р. Сунака¹.

В ИТР в концепции лейбористов обозначена поддержка блока АУКУС (*AUKUS*)². США постоянно оказывали давление на Лондон, заставляя занять более жесткую позицию по отношению к Китаю (Вашингтон выражал недовольство Д. Кэмерону за участие Британии в созданном Китаем Азиатском банке инфра-

¹ UK minister says west must learn to listen better to global south. The Guardian. 20.09.2023. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2023/sep/20/uk-minister-james-cleverly-says-west-must-learn-to-listen-better-to-global-south> (дата обращения: 19.07.2024).

² *AUKUS* – акроним, образованный по составу участников: Австралия (*Australia*), Британия (*United Kingdom*), США (*United States*). – прим. ред.

структурных инвестиций; Терезе Мэй – за намерение привлечь КНР к строительству АЭС; Б. Джонсону советовали отказаться от участия Пекина в создании сети 5G). Консерваторы сопротивлялись этим требованиям со стороны США. Лейбористы в отношении с КНР будут пытаться «сотрудничать там, где можно; конкурировать там, где нужно; и бросать вызов там, где мы должны»¹.

В статье для *Foreign Affairs* Д. Лэмми цитирует Фиону Хилл, директора по вопросам России и Евразии Совета по национальной безопасности США при администрации Д. Трампа²: СВО на Украине стала «прокси-войной остального мира против Запада» (*a proxy war of the rest against the West*).

Правительство предполагает обнародовать новую стратегию национальной безопасности (третью с 2021 г.) через год. Ее основные положения можно определить уже сейчас, поскольку авторами назначены Дж. Хили, Ф. Хилл, а также бывший министр обороны и генеральный секретарь НАТО Дж. Робертсон.

В первый же день в должности премьер-министр К. Стармер провел телефонные переговоры с В. Зеленским³ и заверил последнего в поддержке Украине, включая поставки вооружений. Перед первым зарубежным турне Д. Лэмми определил «перезагрузку» (*reset*) с Европой, климатическую повестку и отношения со странами глобального Юга в качестве приоритетных⁴. Министр иностранных дел направился в Германию, Польшу и Швецию, чтобы установить более тесные связи и преодолеть общие проблемы в первую очередь по украинскому вопросу. Д. Лэмми также посетил Индию, Ближний Восток⁵, участвовал в министерском саммите Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

ЛПВ оказалась в трудном положении в связи с палестино-израильским конфликтом. Безоговорочная поддержка Израиля в октябре – ноябре 2023 г. в русле официального курса правительства Р. Сунака подрывала единство партии, необходимое в преддверии парламентских выборов. К. Стармер столкнулся с растущей

¹ Change. Labour Party Manifesto 2024. P. 124–125.

² Ф. Хилл – гражданка США британского происхождения. После окончания Оксфордского университета не была принята на дипломатическую службу и переехала в США, где работала в университетах и Национальном совете по разведке. Из-за разногласий с президентом Д. Трампом Ф. Хилл покинула администрацию и впоследствии дала показания против него на слушаниях в Конгрессе США по импичменту. Во время работы в университетах опубликовала в соавторстве несколько книг о России, в т. ч. «Мистер Путин: оперативник в Кремле» (*Mr. Putin: Operative in the Kremlin*) в 2013 г. В ней авторы неоднократно жестко высказывались о властях РФ.

³ PM call with President Zelenskyy of Ukraine: 5 July 2024. GOV.UK. 05.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-call-with-president-zelenskyy-of-ukraine-5-july-2024> (дата обращения: 07.07.2024).

⁴ Reconnecting Britain for our security and prosperity: Foreign Secretary David Lammy's statement. GOV.UK. 06.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/reconnecting-britain-for-our-security-and-prosperity-foreign-secretary-david-lammys-statement> (дата обращения 10.07.2024).

⁵ Foreign Secretary travels to India to cement stronger partnership on tech, climate and growth. GOV.UK. 24.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-travels-to-india-to-cement-stronger-partnership-on-tech-climate-and-growth>; Foreign Secretary calls for immediate ceasefire in Gaza on first visit to the Middle East. GOV.UK. 14.07.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-calls-for-immediate-ceasefire-in-gaza-on-first-visit-to-the-middle-east> (дата обращения: 10.08.2024).

негативной реакцией после интервью в октябре 2023 г., в котором отметил, что Израиль имеет право отказывать в воде и электроэнергии гражданским лицам в Газе. Позже лидер лейбористов призвал Тель-Авив придерживаться международного права, но не стал выступать за прекращение огня. В ноябре 2023 г. К. Стармер столкнулся с крупнейшим «бунтом» за все время пребывания в должности, поскольку мусульмане составляют значительную часть избирателей лейбористов. Со временем лидер партии начал выступать за немедленное прекращение насилия и долговременное прекращение огня. Переломный момент наступил 15 февраля 2024 г., когда партнеры Британии по разведывательному сообществу «Пять глаз» – Австралия, Канада и Новая Зеландия – опубликовали совместное заявление с призывом к «немедленному гуманитарному прекращению огня»¹. Это предоставило лидеру ЛПВ, в то время оппозиционной партии, повод использовать такие же формулировки. Лейбористскую партию раздирали разногласия, а израильская позиция стоила ей голосов на парламентских выборах 2024 г.

Новое правительство стало выступать за немедленное прекращение огня, освобождение заложников, увеличение гуманитарной помощи, решение конфликта на основе создания двух государств.

В целом в политических кругах Британии установился консенсус по внутренней и внешней политике. Прогноз российских исследователей относительно внешней политики оказался верным: лейбористы унаследуют от консерваторов жесткий антироссийский курс, однако продолжат двойственную линию в отношении КНР, избегая прямой конфронтации с Пекином [Ананьева и др., 2023: 70–96; Годованюк, 2024]. Преемственность демонстрирует сообщение Д. Кэмерона «Успехи К. Стармера – это и наши успехи»².

Через неделю после выборов «эффект новизны» положительно повлиял на фигуру К. Стармера: его рейтинг поднялся до 45%, что свидетельствовало о так называемом медовом месяце в отношениях премьер-министра и избирателей. Однако члены правительства, даже известные по работе в правительстве Т. Блэра, не пользуются популярностью (максимум 30% у бывшего лидера ЛПВ, а ныне министра энергетической безопасности и углеродной нейтральности Э. Милибэнда и министра внутренних дел И. Купер)³. Уже в середине июля, до антииммигрантских беспорядков, рейтинг К. Стармера стал возвращаться к довыборным значениям⁴.

¹ Joint statement by the Prime Ministers of Australia, Canada and New Zealand. 12.12.2023. URL: <https://www.pm.gc.ca/en/news/statements/2023/12/12/joint-statement-prime-ministers-australia-canada-and-new-zealand> (дата обращения: 10.06.2024).

² Boris Tells Tories to Spurn Farage and Reform. The Daily Sceptic. 06.07.2024. URL: https://x.com/David_Cameron/status/1809227472891744573/ (дата обращения: 10.07.2024).

³ YouGov Survey Results. URL: https://d3nkl3psvxxpe9.cloudfront.net/documents/Internal_Favourability_240711_W.pdf (дата обращения: 14.07.2024).

⁴ Is the honeymoon over? Keir Starmer's favourability ratings return to pre-election levels. YouGov. 08.08.2024. URL: <https://yougov.co.uk/politics/articles/50277-is-the-honeymoon-over-keir-starmer-favourability-ratings-return-to-pre-election-levels> (дата обращения: 14.07.2024).

* * *

Убедительная победа лейбористской партии обязана отторжению избирателей от консерваторов. Обе политические силы не обладают достаточным авторитетом и компетентностью. Соответственно, увеличился абсентеизм и повысилась доля голосов за малые партии. Тем не менее подавляющее большинство парламентской фракции лейбористов в Палате общин позволяет правительству не опасаться за свое положение. Тори предстоит период преодоления кризиса. Вероятен их сдвиг вправо на фоне укрепления партии Н. Фараджа «Реформировать Соединенное Королевство». Восстановление позиций консерваторов может продлиться дольше одного легислатурного срока. Таким образом, правительство К. Стармера намерено беспрепятственно проводить свой курс в области внутренней и внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьева Е.В., Годованюк К.А., Охошин О.В. (2023) Современный британский истеблишмент. *Европа в глобальной пересборке*. Под общей ред. Ал.А. Громыко. ИЕ РАН; Издательство «Весь Мир», Москва. С. 70–96. DOI: 10.15211/978-5-98163-209-9

Годованюк К.А. (2024) Внешнеполитический консенсус на фоне предвыборной гонки в Британии. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 15 (№ 347). С. 56–62. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics21520245662>

Охошин О.В. (2024) Смена Первых министров в Шотландии и Уэльсе – новый кризис власти в кельтских регионах. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 13 (№ 345). С. 42–48. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics21320244248>

Eagleton O. (2022) *The Starmer project. A Journey to the Right*. Verso, London, UK. 228 p.

Everill B. (2024) What Should Britain's Role in the World Be Now? New Labour, newest Labour, and the party's quest for an ethical foreign policy. *Foreign Policy*. 11.07. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/07/11/britains-role-in-the-world-new-labour-keir-starmer-aid/> (дата обращения: 20.07.2024).

Garnett M., Hyman G., Johnson R. (2024) *Keeping the Red Flag Flying. The Labour Party in Opposition Since 1922*. Polity Press, Cambridge, UK. 256 p.

Lammy D. (2024) The Case for Progressive Realism. Why Britain Must Chart a New Global Course. *Foreign Affairs*. 17.04. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-kingdom/case-progressive-realism-david-lammy> (дата обращения: 20.07.2024).

Seldon A. (2022) *The Impossible Office?* Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK. 419 p.

Seldon A., Egerton T. (ed.) (2024) *The Conservative Effect, 2010–2024. 14 wasted years?* Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK. 550 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781009473101>

UK General Election-2024: Labour's Untruimpant Triumph

E.V. Ananieva

Candidate of Sciences (Philosophy), Head of the Center for British Studies

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009

E-mail: e-ananieva@yandex.ru

Abstract. The parliamentary elections in Britain in 2024 brought the expected victory of the Labour party and a crushing defeat to the Conservatives. However, the success of the Labour party is due to its tactics in the conditions of a majoritarian electoral system and the deep dissatisfaction of voters with Tory rule, and not to the socio-economic and political election program and not to the party leader K. Starmer, who lacks charisma. The majoritarian system also disproportionately favored the Liberal Democrat Party and did not favor the reformist party of N. Farage. Labour won back a significant part of the votes from the crisis-stricken Scottish National Party. Since it is unlikely that the Tories will be able to overcome the internal party crisis by the next election, Labour will remain in power for two Parliamentary terms. The foreign policy of the K. Starmer government will be a continuation of the conservative one, but conceptually it will take shape of "progressive realism". Britain will continue to follow the United States, regardless of the party in power in Washington, will strive to maintain a leading position in NATO, assist the Kiev regime, maneuver in relations with China, actively oppose Russia and try to attract the countries of the Global South.

Keywords: UK, general election, Conservative Party, Labour Party, Reform UK, Scottish National Party, foreign policy, "progressive realism"

DOI: 10.31857/S0201708324050085

REFERENCES

- Ananieva E.V., Godovanuyk K.A., Okhoshin O.V. (2023) Sovremennyy britanskij isteblishment [Modern British establishment], in Gromyko A.I. (ed.) *Evropa v global'noj peresborke*, «Ves' Mir», Moscow, Russia, pp. 70–96. DOI: 10.15211/978-5-98163-209-9 (In Russian).
- Eagleton O. (2022) *The Starmer project. A Journey to the Right*. Verso, London, UK.
- Everill B. (2024) What Should Britain's Role in the World Be Now? New Labour, newest Labour, and the party's quest for an ethical foreign policy. *Foreign Policy*. 11.07. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/07/11/britains-role-in-the-world-new-labour-keir-starmer-aid/> (accessed: 20.07.2024).
- Garnett M., Hyman G., Johnson R. (2024) *Keeping the Red Flag Flying. The Labour Party in Opposition Since 1922*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Godovanuyk K.A. (2024) Vneshnepoliticheskij konsensus na fone predvybornoj gonki v Britanii. [Foreign policy consensus against the backdrop of the UK election campaign], *Analiticheskaja zapiska IE RAN*, 15(347), pp. 56–62. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics21520245662> (In Russian).
- Lammy D. (2024) The Case for Progressive Realism. Why Britain Must Chart a New Global Course. *Foreign Affairs*. 17.04. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-kingdom/case-progressive-realism-david-lammy> (accessed: 19.06.2024).
- Okhoshin O.V. (2024) Smena Pervyh ministrov v Shotlandii i Ujel'se – novyj krizis vlasti v kel'tskih regionah. [Change of First ministers in Scotland and Wales – a new crisis of power in a country], *Analiticheskaja zapiska IE RAN*, 13(345), pp. 42–48. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics21320244248> (In Russian).
- Seldon A. *The Impossible Office?*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
- Seldon A., Egerton T. (ed.) (2024) *The Conservative Effect, 2010–2024. 14 wasted years?*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781009473101>

УДК 327.8

ВЛИЯНИЕ БРИТАНИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ¹

© 2024 СУТЫРИН Вячеслав Валерьевич

Кандидат политических наук

*Директор Центра научной дипломатии и перспективных академических
инициатив ИМИ МГИМО МИД России, доцент Государственного*

академического университета гуманитарных наук

119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76, E-mail: v.sutyurin@inno.mgimo.ru

Поступила в редакцию 25.03.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. Статья посвящена изучению современных тенденций культурно-гуманитарного влияния Британии в странах постсоветского пространства. Проанализированы основные программы, реализуемые Лондоном в регионе, а также объемы финансирования, механизмы и операторы влияния. Выявлена субрегиональная дифференциация подходов. На Украине и в Молдавии культурно-гуманитарная инфраструктура настроена на прямое влияние в политической сфере и военно-политическую борьбу с Россией. В Закавказье приоритетами стали расширение влияния в вопросах межгосударственных отношений и конфликтов, антироссийская информационная политика с целью свертывания военного присутствия России. В Центральной Азии ставка сделана на расширение присутствия через технические и социально-экономические программы. Сделан вывод, что консервация лимитрофного статус-кво стран бывшего СССР выступает только одним из форматов британской политики в регионе. Ревизия регионального порядка является следующим этапом этой политики, когда от поощрения нейтралитета происходит сдвиг к превращению территорий и стран в инструмент геополитического соперничества. В условиях перехода к полицентричному миропорядку происходит дальнейшая политизация и вепонизация британских программ содействия развитию и влияния. Это повысило риски дестабилизации тех стран постсоветского пространства, которые делегируют часть суверенных государственных функций британским операторам. В условиях однополярности постсо-

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2024-0010 «Культурно-гуманитарное влияние на формирование человеческого потенциала как инструмент геополитического соперничества (на примере стран ближнего зарубежья России)»).

ветское пространство было выгодно Лондону как мировая периферия западноцентричной международной системы, а не как часть альтернативного геоэкономического полюса. Во время развития полицентричного мироустройства британская система влияния все больше входит в конфликт с альтернативными центрами силы, увеличивая угрозу дестабилизации для постсоветских стран – реципиентов, делегирующих суверенные государственные функции британским операторам.

Ключевые слова: культурно-гуманитарное влияние, «мягкая сила», Британия, постсоветское пространство, страны бывшего СССР, государство-лимитроф, содействие международному развитию, вепонизация

DOI: 10.31857/S0201708324050097

Имперское наследие, управленческие практики и специализированные операторы в сфере культурно-гуманитарного влияния¹ позволяют Британии, несмотря на утрату статуса великой державы, оставаться значимым политическим актором в странах постсоветского пространства, консервирующим их лимитрофное состояние. Статья посвящена анализу этой гипотезы путем изучения новейших тенденций политики культурно-гуманитарного влияния Соединенного Королевства в странах бывшего СССР. Хронологические рамки охватывают последнее десятилетие, начиная с обострения украинского вопроса в 2013 г.

Эмпирический материал исследования включает официальные документы британского правительства и парламента, в т. ч. документы внешнеполитического планирования, отчеты о реализации программ, стенограммы парламентских слушаний, справочные материалы, а также базы данных программ Форин-офиса, статистические данные Организации экономического сотрудничества и развития, экспертные и научные публикации.

Курс на «глобальную Британию» все больше демонстрирует несостоятельность в результате разрушения социально-экономической модели после выхода из состава ЕС [Громыко, 2023: 11], внутреннего системного кризиса и деградации британской политической культуры [Ананьева, 2022]. В этих условиях продолжает реализовываться традиционное направление британской политики – борьба за использование лимитрофных государств по периметру российских границ для противодействия Москве. Еще до специальной военной операции на Украине диалог с ЕАЭС расценивался в британском экспертном сообществе как создающий риски «признания сферы влияния России» [Allan, Bond, 2022: 17].

Лондон продолжает создавать коалиции для противодействия России в отдельных субрегионах постсоветского пространства, что предполагает поддержку Киева [Годованюк, 2021] и укрепление позиций в Закавказье [Энтина, 2023]. Прежде всего речь идет о Черном море и Балто-Черноморье в целом [Lanoszka, Rogers, 2022]. Эта политика имеет историческую основу, например британская и французская разведки поддерживали предвоенную структуру Междуморья в 1930-е гг. [Laruelle,

¹ Автор определяет культурно-гуманитарное влияние как невоенное воздействие на политический курс целевой страны с целью его корректировки непрямыми методами посредством использования внутристрановых общественных процессов, в т. ч. коммуникаций с элитными и (или) массовыми группами, создания или трансформации социальных отношений, установок и институтов.

Rivera, 2019]. Она соответствует интересам Британии на современном этапе и американскому образу внешнеполитической мысли¹. Продолжаются экспертные дискуссии о рисках дестабилизации в Закавказье и возможности неформальной англотурецкой коалиции [Годованюк, 2021; Чмырева, 2021], опирающейся на традицию сотрудничества Британии и Османской империи в рамках противостояния России [Когут, Нурышев, 2021].

Роль культурно-гуманитарных инструментов влияния в современной британской политике находится в фокусе внимания многочисленных исследований [Хариотонова, 2018; Pamment, 2018; Snow, Cull, 2020]. Востребованным предметом изучения стала британская практика использования НПО для влияния на международные процессы [Ананьева, Охошин, 2023; Banks, Brockington, 2020].

Вопросы британского присутствия на постсоветском пространстве в основном исследуются сквозь призму военно-политических и геополитических аспектов. Проблематика невоенных методов влияния, в т. ч. культурно-гуманитарных, изучена недостаточно [Гончаренко, 2022; Энтина, 2023], несмотря на то что Лондон обладает разветвленной инфраструктурой на постсоветском пространстве.

Политические цели и ресурсное обеспечение

В британской внешней политике постсоветское пространство представлено как целостный регион, за который в Форин-офисе отвечает генеральный директорат Восточной Европы и Центральной Азии, курируемый парламентским заместителем государственного секретаря по иностранным делам (министром Европы). В рамках планирования и оценки внешнеполитических программ субрегионы Восточного соседства (Восточная Европа и Закавказье) и Центральной Азии (далее – ЦА) зачастую рассматриваются отдельно, но по ряду вопросов, например в сфере безопасности или борьбы с дезинформацией, реализуются сквозные программы. Во внешнеполитическом планировании фактор России выступает ключевым для субрегионов и связывает их за счет единых приоритетов. Последние подчиняются современным постулатам противодействия «острой российской угрозе»² и воспроизводят геополитические схемы, характерные для имперского периода³.

В докладе парламентского комитета по разведке и безопасности 2020 г. заявлено о необходимости «долгосрочной стратегии по противодействию российскому влиянию» в ближнем зарубежье, в т. ч. «намерениям России удержать страны региона в своей зоне влияния»⁴. Комплексный обзор безопасности, обороны, развития и внешней политики 2021 г. исходил из прогноза роста активности РФ в регионе во-

¹ Rohac D. (2020) It's Time to Bring Back the Polish-Lithuanian Union. Foreign Policy. 26.03. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/03/26/its-time-to-bring-back-the-polish-lithuanian-union/> (дата обращения: 11.03.2024).

² Global Britain in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. HM Government. 2021. P. 18, 28.

³ Например, «средний ярус Восточной Европы», сформулированный Х. Маккиндером более сотни лет назад как конфедерация от Балтийского до Адриатического морей для противостояния Германии и России. См. подробнее: [Laruelle, Rivera, 2019: 4].

⁴ Russia. Intelligence and Security Committee of Parliament. 2020. P. 38.

сточноевропейского соседства¹. В марте 2023 г. был опубликован обновленный Комплексный обзор, в котором зафиксировано три приоритета стратегии в отношении Москвы: повышение цены за подрыв британской и евроатлантической безопасности, ослабление возможностей создавать угрозы для Британии и противодействие влиянию на мировой арене². Последнее предусматривает усиление взаимодействия с Молдавией, Южным Кавказом, Западными Балканами, Центральной Азией и Монголией, чтобы «укрепить их благосостояние, безопасность и устойчивость к российскому вмешательству».

Общий объем финансирования по линии содействия международному развитию (СМР) для стран постсоветского пространства вырос за последние десять лет (Табл. 1).

Таблица 1

Расходы Британии на содействие международному развитию в странах постсоветского пространства, 2013–2022 гг., млн долл. США (постоянные цены 2021 г.)

Страна	2013	2016	2019	2022
Азербайджан	4,2	1,5	4,3	2,0
Армения	1,3	0,7	3,9	2,3
Белоруссия	1,0	0,6	2,9	1,6
Грузия	7,2	1,2	6,7	5,3
Казахстан	2,9	5,4	4,1	2,2
Киргизия	8,6	1,5	7,8	3,8
Молдавия	1,7	0,3	1,2	1,9
Узбекистан	2,5	1,5	7,2	2,0
Украина	4,1	48,9	49,9	448,5
Таджикистан	12,4	6,8	3,9	1,6
Туркмения	0,8	0,1	0,9	0,2
Итого расходы на страны постсоветского пространства	46,7	68,5	92,8	471,4
Общие расходы на СМР	10811	13199	15191	12647
Доля расходов на страны постсоветского пространства в общих расходах Британии на СМР	0,4%	0,5%	0,6%	3,7%

Составлено по: Aid (ODA) disbursements to countries and regions. OECD. 2023. URL: <https://stats.oecd.org/viewhtml.aspx?datasetcode=TABLE2A&lang=en> (дата обращения: 10.03.2024).

В период 2013–2019 гг. объем финансирования влияния в странах постсоветского пространства вырос почти в два раза – с 46,7 до 92,8 млн долл. в год – прежде всего за счет Украины. По итогам 2022 г. финансовые потоки в регион достигли 3,7% от общемировых расходов Британии в сфере содействия международному развитию, что свидетельствует об использовании СМР как вспомогательного средства для укрепления военного потенциала Киева. При этом за последние десять лет Соединенное Королевство снизило финансирование программ в странах ЦА и ряде стран Восточной Европы. Незначительно выросли ассигнования на работу с Белоруссией, Арменией, Молдавией.

¹ Global Britain in a competitive age. P. 29.

² Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world. HM Government. 2023. 59 p.

Несмотря на рост интенсивности политико-дипломатических контактов Британии со странами постсоветского пространства на фоне СВО и заверений в важности региона, в 2024–2025 гг. финансирование региональных программ (скромное относительно других приоритетов Британии прежде всего в Африке и странах Содружества) предполагается снизить (Табл. 2).

Таблица 2

Финансирование работы со странами постсоветского пространства по линии
Форин офиса, 2022–2025 гг., млн ф. ст.

Регион	2022–2023	2023–2024 (план)	2024–2025 (план)
Центральная Азия (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан)	7,0	3,6	4,0
Восточное соседство (Азербайджан, Армения, Грузия, Молдавия)	8,8	16,0	10,0
Белоруссия	0,5	0,3	н/д
Украина	210,1	210,0	155,0
Всего	226,4	229,9	169,0

Составлено по: Annual Report and Accounts 2022–23. FCDO. 2023. P. 268. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/64b18b8f07d4b8000d34733a/Foreign-Commonwealth-and-Development-Office-annual-report-and-accounts-2022-to-2023.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

Приоритеты работы в Центральной Азии

Характерной чертой современного британского подхода к ЦА выступает понимание ограниченности ресурсов особенно на фоне зависимости стран региона от России и Китая. Британцы считают политические режимы в Центральной Азии авторитарными клептократиями¹, что оправдывает поддержку гражданского общества вместе с работой с официальными органами власти. Растущее внимание уделяется проблеме использования Британией для «отмывания денег и репутации»².

Кроме того, Лондон рассматривает регион как удаленный от евроатлантической сферы влияния. В отличие от Восточной Европы комплексная политическая трансформация пока не выступает целью деятельности в ЦА. Речь идет о дальнейшем проникновении в регион за счет социально-экономического и консультационного содействия по вопросам управления, информации и образования. Вместе с тем происходит расширение присутствия в смежных сферах, включая социальные и религиозные отношения (Табл. 3).

¹ Government Response to the Committee’s Tenth Report of Session 2022–23. UK Parliament. 25.01.2024. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5804/cmselect/cmfaff/488/report.html> (дата обращения: 11.03.2024).
² Heathershaw J., Cooley A., Mayne T., Michel C., Prelec T., Sharman J., de Oliveira R.S. The UK’s kleptocracy problem. How servicing post-Soviet elites weakens the rule of law. Chatham House Research Paper. 12.2021. 56 p. (13.04.2022 The Royal Institute of International Affairs (Chatham House) внесен в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ)

Таблица 3

Ключевые программы Британии в странах Центральной Азии

Наименование программы (годовой бюджет и сроки реализации)	Период финансирования	Партнерские организации – исполнители	Цели и ожидаемые результаты
Эффективное управление для экономического развития Центральной Азии ¹	28,6 млн ф. ст., 2020–2025	Всемирный банк, Агентство по техническому сотрудничеству и развитию (<i>Agence d'aide à la coopération technique et au développement</i> , ACTED; Франция)	1. Поддержка эффективной экономической политики правительств стран ЦА, основанной на объективных данных, повышение прозрачности политики. 2. Усиление гражданского общества для воздействия на правительство.
Фонд конфликтов, стабильности и безопасности	2 млн ф. ст., 2021–2022	Британское агентство по партнерству с правительствами (<i>Government Partnerships International</i> , GPI), «Би-би-си медиа экшн» (<i>BBC Media Action</i>), корпорация «Фонд управления глобальными партнерами» (<i>Global Partners Governance Foundation</i> , GPGF), Институт по освещению войны и мира (<i>Institute for War and Peace Reporting</i> , IWPR), Министерство обороны Британии, Агентство по борьбе с преступностью (<i>National Crime Agency</i> , NCA) и др.	1. Работа с конфликтами и нестабильностью в Ферганской долине и на границе с Афганистаном, поощрение общерегиональных ответов на угрозы и дезинформацию. 2. Подготовка военнослужащих стран ЦА для участия в международных форматах обеспечения безопасности, поддержка журналистских сетей, работа с религиозными организациями.
Инновационный механизм для Центральной Азии (Киргизия и Таджикистан)	4,7 млн ф. ст., 2018–2024	Корпорация «Ди-эй-ай Глобал Ю-Кей» (DAI Global UK; управленческий консалтинг), НПО «Международная тревога» (<i>International Alert</i> ; миротворчество)	1. Повышение качества государственной экономической политики в целевых странах, включая консультирование государственных органов и создание цифровой платформы государственных услуг. 2. Консультирование в вопросах цифрового обеспечения проектов «умных городов» и логистики, консультирование Национального банка Таджикистана.
Программа «КАСА-1000» (CASA-1000) ²	31 млн ф. ст., 2016–2025	Всемирный банк, Европейский инвестиционный банк, правительство США	1. Создание инфраструктуры для поставок электроэнергии из Таджикистана и Киргизии в Афганистан и Пакистан. 2. Привлечения средств доноров-партнеров и стран ЦА для реализации проекта (общая стоимость оценивается британцами в 1,1 млрд долл.).

¹ Effective Governance for Economic Development in Central Asia. FCDO. 2021. URL: <https://devtracker.fcdo.gov.uk/projects/GB-GOV-1-300961/documents> (дата обращения: 13.03.2024).

² CASA – сокращение от Центральной Азии (*Central Asia*) и Южной Азии (*South Asia*).

Программа предпринимательства и инноваций в Центральной Азии (Киргизия и Таджикистан)	20 млн ф. ст., 2018–2024	<i>DAI Global UK</i>	1. Развитие инновационного потенциала и экономический рост за счет поддержки малого и среднего бизнеса путем создания центров бизнес-инноваций, консультирования местного бизнеса, подготовки бизнес-консультантов в целевых странах. 2. Создание новых возможностей для британских инвесторов.
---	--------------------------	----------------------	--

Составлено по: Development Tracker. HM Government. 2024. URL: <https://devtracker.fedo.gov.uk> (дата обращения: 01.02.2024).

В 2022–2023 гг. в рамках ответа на СВО¹ значительно возросли политико-дипломатические контакты Лондона со странами Центральной Азии. Премьер-министр Киргизии в первый раз совершил рабочий визит в Британию. Глава министерства иностранных дел Соединенного Королевства в 2023 г. впервые за 20 лет посетил Казахстан, министр по делам Европы Л. Докерти в 2023–2024 гг. – все страны ЦА. Активизировались контакты с Узбекистаном, Казахстаном и Туркменистаном по линии деловых рабочих групп и советов на уровне профильных министров.

Действующие программы донстраиваются по трем направлениям: усиление взаимодействия с органами власти, включая военные и силовые ведомства, а также соблюдение антироссийских санкций; деятельность в информационной сфере, в т. ч. информационное противодействие России под предлогом борьбы с дезинформацией; расширение влияния в социальной сфере, включая межрелигиозные отношения.

В рамках программы «Фонд конфликтов, стабильности и безопасности» ведется подготовка военнослужащих стран ЦА в области английского языка, миротворчества, инженерного дела и гендерных вопросов для повышения их готовности к участию в «международных альтернативных форматах обеспечения безопасности». Параллельно осуществляется консультирование президентских администраций и правительств по вопросам реформ и коммуникаций с обществом.

В действующих программах декларируются задачи по укреплению потенциала правительства, религиозных организаций и лидеров. На практике речь идет об укреплении влияния за счет взаимодействий с религиозными сообществами в странах ЦА. Например, один из ведущих коммерческих подрядчиков правительства Британии в ЦА корпорация «Глобал партнерс гавернанс» (*Global Partners Governance*) в меморандуме для британского парламента в марте 2023 г. заявила о том, что «исламизация Центральной Азии неизбежна», поэтому Лондон должен позиционировать себя как «первопроходец среди западных стран, который работает с умеренными мусульманами». В частности, предложено укреплять взаимодействие секу-

¹ Эта причина указана в ответе британского правительства на доклад парламентской комиссии по международным делам о ЦА. Government Response to the Committee's Tenth Report of Session 2022–23. UK Parliament. 25.01.2024. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5804/cmselect/cmfaifi/488/report.html> (дата обращения: 11.03.2024).

лярных и исламских организаций гражданского общества посредством диалога и совместных проектов¹. Организация активно изучала состояние межрелигиозных отношений в приграничных районах стран ЦА, Афганистана и Китая, реализовав в 2021–2023 гг. пять исследовательских проектов.

Работа на стыке секулярных и религиозных сообществ, гибридизация традиционных ценностей через сопряжение с либеральными выступают одним из устоявшихся направлений британского гуманитарного влияния. Как правило, эта деятельность осуществляется НПО и фондами, сотрудничающими с Лондоном [Алексеева, 2018]. Кроме того, они активно взаимодействуют с Агентством США по международному развитию (*United States Agency for International Development, USAID*)² среди прочего в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана³, расположенной на стыке ЦА, Афганистана и Китая и обладающей стратегическим значением для логистики и безопасности.

Приоритеты работы в Восточной Европе и Закавказье

Политика гуманитарного влияния Британии в Восточной Европе и Закавказье подчинена трем основным приоритетам: поддержка демократических реформ и продвижение евро-атлантической интеграции; повышение «сопротивляемости [стран] враждебному влиянию», а также укрепление потенциала в сфере безопасности и работа с обществами на территориях замороженных конфликтов. Лондон стремится продемонстрировать, что у региона «есть альтернатива России», а также укрепить устойчивость к «угрозам со стороны России и Ирана»⁴.

О структуре британского присутствия говорят расходы средств СМР в регионе в 2023–2024 гг.: 63% направлено в сферу государственного управления, гражданского общества и институтов, 23% – на экономическое развитие и 14% – на вопросы климата⁵. Украина выведена в отдельное направление политики и финансирования. Внимание Лондона к Киеву с фокусом на взаимодействия в военно-политической сфере и военную помощь резко усилилось после 2014 г.

Для сотрудничества Лондона со странами Восточной Европы и Закавказья, где зависимость местных элит от прозападного курса и различных форм помощи и ренты выше, чем в ЦА, характерен более наступательный подход. Политическая составляющая программ не маскируется, а акцентируется. Среди подрядчиков широ-

¹ Written evidence submitted by Partners Governance Practice Ltd (ECA0016). UK Parliament. 2023. URL: <https://committees.parliament.uk/writtenevidence/119642/pdf/> (дата обращения: 01.02.2024).

² Деятельность в РФ Агентства США по международному развитию прекращена 01.10.2012.

³ USAID and AKF Celebrate the Successful Close-Out of Thrive Tajikistan Program. URL: <https://tj.usembassy.gov/usaaid-and-akf-celebrate-the-successful-close-out-of-thrive-tajikistan-program/> (дата обращения: 01.03.2024).

⁴ UK–Eastern Neighbourhood region development partnership summary. FCDO. 07.2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-eastern-neighbourhood-region-development-partnership-summary/uk-eastern-neighbourhood-region-development-partnership-summary-july-2023> (дата обращения: 01.03.2024).

⁵ Там же.

ко представлены НПО, специализирующиеся не только в сфере развития, но и в области политики, медиа и конфликтов (Табл. 4).

Таблица 4

Ключевые программы Британии в странах Восточной Европы

Наименование программы (бюджет)	Период Финансирования	Исполнители	Цели и ожидаемые результаты
Фонд надлежащего управления	165 млн ф. ст., 2015–2021 гг.	Консалтинговая корпорация «ПрайсуотерхаусКуперс» (<i>PricewaterhouseCoopers, PwC</i>), Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития, Европейский инвестиционный банк, <i>USAID</i> ¹ , Вестминстерский фонд в поддержку демократии, Национальный демократический институт, Немецкое общество по международному сотрудничеству (<i>Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit, GIZ</i>), Программа развития ООН	1. Поддержка реформ через консультирование правительств и разработку законодательства для расширения доступа иностранных инвесторов. 2. Укрепление гражданского общества и независимых медиа для воздействия на правительства и население.
Программа восточного соседства	38 млн ф. ст., 2022–2025	Международный чрезвычайный фонд помощи детям при Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), Инициатива мирного изменения (<i>Peaceful Change Initiative</i>), Программа развития ООН, Британский совет, Министерство обороны Британии, Британский центр «Восток-Запад» (<i>British East-West Centre, BEWC</i>), Вестминстерский фонд в поддержку демократии	1. Усиление международного участия в разрешении замороженных конфликтов при лидерстве Британии, посредничество между сторонами. 2. Приближение местных институтов в сфере безопасности и обороны к стандартам и участие в программах НАТО. 3. Противодействие дезинформации, развитие навыков критического мышления у молодежи через изучение английского языка.
Программа по противодействию дезинформации и развитию медиа (финансировалась из средств Фонда конфликтов, стабильности и безопасности)	2016–2022	Н/д	1. Противодействие российским кампаниям влияния в странах Прибалтики, Восточной и Центральной Европы. 2. Продвижение медиаграмотности, критического мышления, финансирование продукции медиа, поддержка региональных русскоязычных СМИ.
Фонд конфликтов, стабильности и безопасности в Европе и Центральной Азии	119 млн ф. ст., 2022–2023	Вестминстерский фонд в поддержку демократии, <i>GIZ</i>	1. Укрепление устойчивости к враждебным угрозам государственных и негосударственных акторов. 2. Укрепление сопротивляемости государств региона угрозам, включая кибератаки.

Составлено по: Development Tracker.

¹ Деятельность на территории РФ прекращена с 01.10.2012.

Одна из ключевых региональных программ – это Фонд надлежащего управления (*Good Governance Fund*), запущенный в 2015 г. и охватывающий Украину, Молдавию, Армению и Грузию. Он действует по принципу увязки технической помощи и консультирования с наращиванием политического влияния в целевых странах и либерализацией¹. Например, в рамках деятельности фонда оказана консультативная поддержка при разработке избирательного кодекса в Молдавии. В Грузии проведены реформы налоговой системы и создан образовательный центр при парламенте для работы с депутатами. Армения присоединилась к программе в апреле 2018 г. В декабре того же года после «бархатной революции» и прихода к власти Н. Пашиняна взаимодействие было расширено: создан ресурсный и образовательный центр Центральной избирательной комиссии, запущены программы реформ в сфере налогообложения и улучшения делового климата². В стране ведет активную деятельность Вестминстерский фонд в поддержку демократии с особым вниманием к вовлечению политических сил в обсуждение вопросов энергетики. В 2022 г. фонд провел опрос, по итогам которого было заявлено, что только 16% граждан Армении поддерживают строительство новых энергоблоков АЭС, о чем ведет переговоры Росатом³.

В Молдавии британцы совместно с *USAID*⁴ работают над диверсификацией энергоснабжения, с *GIZ* консультируют правительство в сфере антикоррупционно-го законодательства. НПО и медиа были привлечены к британскому расследованию о капиталах молдавских граждан, размещенных в Соединенном Королевстве⁵.

В Закавказье Лондон, играя на противоречиях региональных игроков, стремится встроиться в субрегиональную систему отношений в качестве посредника [Годованюк, 2021]. По экспертным оценкам, интересы Британии заключаются в размывании влияния Москвы, чтобы «подорвать миротворческую монополию России» и добиться прекращения ее военного присутствия в регионе⁶.

Несмотря на поддержку Азербайджана и Турции в Нагорно-Карабахском конфликте, Британия стремится расширить доступ к элитам в Армении. В 2023 г. Лон-

¹ Written evidence from the Foreign and Commonwealth Office (CAU0007). FCO. 10.2019. P.24–26. URL: <https://committees.parliament.uk/writtenevidence/105580/pdf/> (дата обращения: 01.02.2024).

² Good Governance Fund (Phase 3) Eastern Neighbourhood: Supporting Governance and Economic Reform. FCDO. 2022. URL: <https://devtracker.fcdo.gov.uk/projects/GB-GOV-1-301454/summary> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Danielian A. Environment and Energy Through the Public's Eye A Commentary on Survey Results. EVN Report. 03.2023. URL: <https://evnreport.com/raw-unfiltered/environment-and-energy-through-the-publics-eye/> (дата обращения: 01.02.2024).

⁴ Деятельность на территории РФ прекращена с 01.10.2012.

⁵ Written evidence submitted anonymously (IEF0021) Report on “dirty money” and fugitives from the Republic of Moldova and seeking hideout in the United Kingdom. URL: <https://committees.parliament.uk/writtenevidence/107148/pdf/> (дата обращения: 01.02.2024).

⁶ Bringing Peace to the South Caucasus: Is There a Role for the UK? HJS. 24.03.2022. URL: <https://henryjacksonsociety.org/event/bringing-peace-to-the-south-caucasus-is-there-a-role-for-the-uk/> (дата обращения: 01.02.2024).

дон и Ереван запустили стратегический диалог¹ по вопросам цифровизации государственных услуг, подготовки полиции и планируемого участия британских специалистов в подготовке пограничной службы². В ходе южнокавказского турне в 2023 г. Л. Докерти посетил Азербайджан, Армению и Грузию. С последними двумя диалог выстраивается вокруг демократических реформ, с Азербайджаном, где накоплен большой объем британских инвестиций в нефтедобычу, – по вопросам консультирования и подготовки персонала в сфере развития возобновляемой энергетики и очистки шахт³.

Британия продвигает урегулирование отношений Армении и Азербайджана без участия России. Стратегическая задача заключается в ликвидации российского военного присутствия в Закавказье. Осуществляется активная работа в медиа, обучение армянских офицеров английскому языку и отправка их на курсы командного состава в Соединенное Королевство⁴.

Выводы

Общая схема культурно-гуманитарного влияния Британии способствовала реализации как частных интересов, так и многовекторных целей элит в странах ЦА. Эта модель не только навязывалась ослабленным странам (воздействие на Азербайджан по внутривнутриполитическим вопросам намного меньше, чем на Армению), но и пользуется спросом местных элит, так как позволяет включиться в западноцентричную международную систему, в т. ч. в сфере финансов, и балансировать между Россией и Китаем.

Обретаемый через региональные культурно-гуманитарные инфраструктуры рычаг политического влияния внутри стран бывшего СССР может переключаться из логики периферийной интеграции элит в западноцентричную систему в логику *realpolitik* для нанесения ущерба Китаю или России. Причины заключаются в ограниченности внешнеполитических ресурсов Британии на фоне антироссийского курса. Значительна роль неправительственных акторов, за деятельность которых Лондон не несет прямой юридической ответственности. Кроме того, из-за географической

¹ UK Minister for Europe makes his first visit to Armenia. FCDO. 22.05.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-minister-for-europe-makes-his-first-visit-to-armenia> (дата обращения: 01.02.2024).

² United Kingdom – Armenia Strategic Dialogue: Joint Statement, November 2023. FCDO. URL: <https://www.gov.uk/government/news/united-kingdom-armenia-strategic-dialogue-joint-statement-november-2023> (дата обращения: 01.02.2024).

³ На слушаниях в британском парламенте 10 января 2024 г. старший научный сотрудник Фонда Карнеги в Европе (Carnegie Endowment for International Peace («Фонд Карнеги за Международный Мир»)) Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ, № 896-р от 18.07.2024) Т. де Ваал заявил, что американский и европейский подход к урегулированию, которого придерживался Н. Пашинян, провалился, и это послужило фактором дестабилизации Армении. Corrected oral evidence: Nagorno-Karabakh and Armenia-Azerbaijan relations (one-off session). House of Lords. 10.01.2024. P. 4 URL: <https://committees.parliament.uk/oralevidence/14084/pdf/> (дата обращения: 01.02.2024).

⁴ United Kingdom – Armenia Strategic Dialogue: Joint Statement, November 2023.

удаленности Лондон готов к высоким рискам и обладает более широким выбором стратегий вмешательства. Брекзит и связанная с ним переориентация британской политики в русле концепции англосферы укореняют восприятие континентальной Европы как конкурирующего проекта и периферийного поля в противодействии России и усугубляют вышеперечисленные факторы.

За последнее десятилетие произошли вепонизация британских программ в Восточной Европе¹ и активизация инструментов политико-дипломатического и информационного влияния с целью противодействия России в Закавказье и ЦА. Британская политика нацелена на предотвращение политико-экономической консолидации Евразийского региона как самодостаточной геоэкономической платформы. При этом используется дифференцированный подход к региону. Консервация лимитрофного статус-кво на постсоветском пространстве выступает только одним из форматов британской политики в регионе. Как показывает ситуация в Восточной Европе и частично в Закавказье, следующий этап – ревизия субрегионального порядка, при которой осуществляется переход от поощрения нейтралитета к превращению территорий во враждебные России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева А.В. (2018) Роль Организации развития Ага Хана в постконфликтном восстановлении Таджикистана. *Пути к миру и безопасности*. № 1. С. 308–323.
- Ананьева Е.В. (2022) Британия: новые премьеры, новый монарх через призму политической культуры. *Современная Европа*. № 6. С. 35–50.
- Ананьева Е.В., Охотин О.В. (отв. ред.) (2023) *Британия-2022: смена премьеров, смена монарха*. Ин-т Европы РАН, Москва. 194 с.
- Годованюк К.А. (2021) Британо-турецкие отношения в свете брексита. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 1. С. 24–31.
- Годованюк К.А. (отв. ред.) (2021) *Британия после брексита*. Ин-т Европы РАН, Москва. 184 с.
- Гончаренко А.Р. (2022) Неправительственные организации как акторы современной гибридной войны: деятельность западных НПО в Центральной Азии. *Гражданин. Выборы. Власть*. № 4. С. 129–144.
- Громыко Ал.А. (2023) Введение. *Европа в глобальной пересборке*. Под общ. ред. Ал.А. Громыко. Весь мир, Москва. С. 8–12.
- Когут В. Г., Нурышев Г. Н. (2021) Карабахский узел геополитических противоречий на Южном Кавказе. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. № 1. С. 104–111.
- Сутырин В.В. (2022) Политика Евросоюза в сфере содействия международному развитию на постсоветском пространстве: геополитические факторы. *Современная Европа*, № 5. С. 5–18.
- Харитоновна Е.М. (2018) *«Мягкая сила» Великобритании*. ИМЭМО РАН, Москва. 139 с.
- Энтина Е.Г. (отв. ред.) (2023) *«Мягкая сила» в Черноморско-Средиземноморском регионе*. Ин-т Европы РАН, Москва. 194 с.
- Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Мелоян Т.Х., Наджаров А.М. (2023) *Военно-политическое присутствие Великобритании на Южном Кавказе*. Изд. дом Высшей школы экономики, Москва. 26 с. URL: https://wp.hse.ru/data/2023/09/14/2058296379/WP21_2023_04____.pdf (дата обращения: 10.03.2024).
- Allan D., Bond I. (2022) *A new Russia policy for post-Brexit Britain. The UK must abandon its delusions to deal effectively with Russia*. Chatham House, London, UK. 33 p. (13.04.2022 The Royal Institute of International Affairs (Chatham House) внесен в Перечень иностранных и международ-

¹ Это соответствует тенденциям, характерным для западных стран [Сутырин, 2022].

ных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ).

Banks N., Brockington D. (2020) Growth and change in Britain's development NGO sector (2009–2015). *Development in Practice*. Vol. 30. No. 6. P. 706–721.

Lanoszka A., Rogers J. (2022) "Global Britain" and the Black Sea region. *Council on Geostrategy Policy Paper*. No. SBIPP07. 40 p.

Laruelle M., Rivera E. (2019) *Imagined Geographies of Central and Eastern Europe: The Concept of Intermarium*. Institute for European, Russia, and Eurasian Studies. IERES Occasional Papers. The George Washington University, Washington, USA. 28 p.

Pamment J. (2018) *British Public Diplomacy and Soft Power Diplomatic Influence and the Digital Revolution*. Springer International Publishing, London, UK. 247 p.

Snow N., Cull N. (ed.) (2020) *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. Routledge, London, UK. 528 p.

The Britain's Influence in the Post-Soviet Space: Socio-Humanitarian Aspect

V.V. Sutyurin

Candidate of Sciences (Political)

*Director, Center of Science Diplomacy and Advanced Academic Initiatives Institute
for International Studies, MGIMO University;*

Associate Prof., State Academic University for Humanities

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

E-mail: v.sutyurin@inno.mgimo.ru

Abstract. The paper is aimed at investigating the recent trends of Britain's socio-cultural influence in the former USSR republics. The analysis covers London's major regional programmes, financing, mechanisms of influence, and implementing organisations. Subregional differentiation of political approaches is established. In Ukraine and Moldova sociocultural influence infrastructures are aimed at direct political influence as well as military and political struggle with Russia. In the South Caucasus London prioritises broadening influence in the interstate dialogue and conflicts as well as anti-Russian information campaigns with the aim of removing Russian military presence. In Central Asia Britain works on broadening regional footprint through technical and socio-economic programmes. The author concludes that preservation of limitrophe status of the former USSR republics constitutes merely one possible mode of British regional policy. The other mode consists of regional order revision which presupposes transition from strengthening a neutral status of post-Soviet states towards instrumentalising their dependencies on Britain's influence in the ongoing geopolitical contest with Russia. In the face of transition to a polycentric world order Britain's development assistance and influence programmes evolved in the direction of politicisation and weaponisation. Hence destabilisation risks for post-Soviet states increase. In the context of a "unipolar moment" London was interested in the development of post-Soviet space as a part of global periphery of the Western-centric international system, but not as a part of an alternative geoeconomic pole. Amid the transition to a polycentric world order British system of influence is increasingly coming into conflict with alternative poles hence proliferating destabilisation risks for the former USSR republics.

Keywords: socio-cultural influence, soft power, the Great Britain, Post-Soviet space, former USSR republics, limitrophe state, development assistance, aid weaponisation

DOI: 10.31857/S0201708324050097

REFERENCES

- Alekseeva A.V. (2018) Rol' Organizacii razvitiya Aga Hana v postkonfliktnom vosstanovlenii Tadzhikistana [The role of Aga Khan Development Network in Tajikistan's postconflict development], *Puti k miru i bezopasnosti*, 1, pp. 308–323. (In Russian).
- Allan D., Bond I. (2022) *A new Russia policy for post-Brexit Britain. The UK must abandon its delusions to deal effectively with Russia*, Chatham House, London, UK. (13.04.2022 The Royal Institute of International Affairs (Chatham House) внесен в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ)
- Ananieva E.V. (2022) Britaniya: novye prem'ery, novyj monarh cherez prizmu politicheskoj kul'tury [The UK: New Prime Ministers, a New Monarch Through the Prism of Political Culture], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 35–50. (In Russian).
- Ananieva E.V., Okhoshin O.V. (ed.) (2023) *Britaniya-2022: smena prem'erov, smena monarha* [The UK-2022: Change of Prime Ministers, Change of Monarch], In-t Evropy RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Banks N., Brockington D. (2020) Growth and change in Britain's development NGO sector (2009–2015). *Development in Practice*, 30(6), pp. 706–721.
- Entina E.G. (ed.) (2023) "Mjagkaja sila" v Chernomorsko-Sredizemnomorskom regione [Soft Power in the Black Sea – Mediterranean region], In-t Evropy RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Godovanjuk K.A. (2021) Britano-tureckie otnoshenija v svete brekzita [UK-Turkey Relationship in Light of Brexit], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 1, pp. 24–31. (In Russian).
- Godovanjuk K.A. (ed.) (2021) *Britaniya posle brekzita* [Britain After Brexit], In-t Evropy RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Goncharenko A.R. (2022) Nepravitel'stvennye organizacii kak aktory sovremennoj gibridnoj vojny: dejatel'nost' zapadnyh NPO v Central'noj Azii. Grazhdanin. Vybery. *Vlast'*, 4. pp. 129–144. (In Russian).
- Gromyko A.I. (2023) Vvedenie [Introduction], in Gromyko A.I. (ed.) *Evropa v global'noj peresborke, Ves' mir*, Moscow, Russia. (In Russian).
- Haritonova E.M. (2018) «Mjagkaja sila» Velikobritanii [Britain's Soft Power], IMEMO RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kogut V.G., Nuryshv G.N. (2021) Karabahskij uzal geopoliticheskikh protivorechij na Juzhnom Kavkaze [Karabakh Knot of Geopolitical Contradictions in the South Caucasus], *Evrasijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika*, 1, pp. 104–111. (In Russian).
- Lanoszka A., Rogers J. (2022) 'Global Britain' and the Black Sea region, *Council on Geostrategy Policy Paper*, SBIPP07.
- Laruelle M., Rivera E. (2019) *Imagined Geographies of Central and Eastern Europe: The Concept of Intermarium*. Institute for European, Russia, and Eurasian Studies, IERES Occasional Papers, The George Washington University, Washington, USA.
- Pamment J. (2018) *British Public Diplomacy and Soft Power Diplomatic Influence and the Digital Revolution*, Springer International Publishing, London, UK.
- Snow N., Cull N. (ed.) (2020) *Routledge Handbook of Public Diplomacy*, Routledge, London, UK.
- Sutyryn V.V. (2022) Politika Evrosojuza v sfere sodejstvija mezhdunarodnomu razvitiyu na postsovetском prostranstve: geopoliticheskie faktory [EU Policy in the Area of Official Development Assistance in the Post-Soviet Space: Geopolitical Factors], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 5–18. (In Russian).

УДК 327.8

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ «ЭКСПАНСИЯ» НА БАЛКАНЫ

© 2024 АРЛЯПОВА Елена Сергеевна

Кандидат политических наук

Институт системно-стратегического анализа

111398, Россия, Москва, ул. Кузковская, д. 16, E-mail: elena.s.arlyapova@gmail.com

© 2024 ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна

Доктор политических наук,

Московский государственный институт международных отношений

(университет) МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76, E-mail: nastya304@mail.ru

Поступила в редакцию 25.01.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. Ближневосточные государства включались в «Балканскую игру» в разное время, но с 1990-х гг. все ключевые акторы исламского пула присутствуют в региональной повестке. Наибольшую активность они проявляют в Албании, Боснии и Герцеговине, Северной Македонии, Сербии, Черногории и «Республике Косово». Восточные игроки не вступают в открытую конкуренцию за влияние на Западных Балканах с устоявшимися лидерами – ЕС, США, Россией, Британией и Китаем, но активно наращивают свое присутствие. Главными сферами проникновения остаются экономическая (здесь особенно преуспели монархии Персидского залива – Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Кувейт и Бахрейн), культурно-идеологическая (Турция и Иран) и религиозная (все ближневосточные игроки в той или иной степени). Характер их отношений – состязательный. Стратегии отличаются, но имеют ряд общих черт: практически одновременное начало продвижения в регионе, фокус на местных мусульманских общинах и последующий отход от императива единоверия, схожие отрасли и методы внедрения, общие риски и проблемы. Предпочтение в двустороннем взаимодействии отдается инвестиционно-экономическим и гуманитарным с упором на исламскую инфраструктуру инициативам. Совместные проекты часто лишены транспарентности и уязвимы для критики и вмешательства со стороны более сильных внешних игроков. Однако политика «мягкой силы» восточных акторов гибка и адаптивна, что обеспечивает их дальнейшее закрепление на Западных Балканах.

Ключевые слова: Западные Балканы, ближневосточные игроки, Иран, Турция, Саудовская Аравия, стратегии влияния, ислам на Балканах, «мягкая сила»

DOI: 10.31857/S0201708324050103

Пятерка ключевых внешних акторов на Западных Балканах в лице Британии, Евросоюза, Китая, России и США прочно удерживает занятые позиции. Однако в регионе растет влияние игроков второго плана: Ирана, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Турции, Катара, Кувейта, Бахрейна и Омана. Развитие балканского направления во внешнеполитической деятельности ближневосточных субъектов связано с общей активизацией мусульманских государств в региональных и международных делах и усилением религиозного (исламского) фактора.

Актуализация исламской повестки в Европе и мире проходила на фоне мощных антизападных настроений в мусульманской среде. Их апогеем стало Исламское государство (ИГ)¹, создавшее (по примеру «Аль-Каиды»)² «грандиозную воображаемую систему, в которой изображало себя как завоевателя и победителя Запада»³. Отторжение сущности и методов ИГ мировым сообществом не отменяет понимания организации как формы «реакции на западные секуляризм и демократию» [Van Aarde, 2018: 2]. Оба явления трактуются частью современного Востока как иностранное навязывание и инструмент колониализма, направленные на разрушение основ мусульманской веры и культуры [Van der Walt, 2007: 161–162].

Несмотря на отсутствие причинно-следственной связи колониального наследия и деятельности современных радикалов⁴, такие убеждения необходимо принимать во внимание при анализе внешнеполитических действий восточных игроков. Особенно это касается Балканского региона, где присутствует большое количество мусульманских общин, восприимчивых к транслируемым извне посылам. Западные Балканы уже становились зоной рекрутинга и перевалочной базой боевиков, а идеи Балканского халифата формировались в регионе не одно десятилетие [Димитровска, 2019: 30, 134]. Местная специфика увеличивает риски: перенасыщенность региона оружием, разнонаправленная память [Rohtberg, 2000] и негативные последствия кровопролитных войн (в виде дистанцирования по отношению к иным этническим и религиозным группам), что способствует «нарастанию “шумности” дискурса» [Белов, 2022: 8] как исторического, так и политического.

Ислам как фактор присутствия

На Западных Балканах проживает около 5,5 млн мусульман, что составляет около трети общего числа жителей: 1,1 млн – в Албании⁵ (из 2 402 113 чел.¹),

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

² Запрещенная в России террористическая организация.

³ Roy O. Who are the new jihadis? The Guardian. 13.04.2017. URL: <https://www.theguardian.com/news/2017/apr/13/who-are-the-new-jihadis> (дата обращения: 20.01.2024).

⁴ Там же.

⁵ Albania. Population: Demographic Situation, Languages and Religions. Eurydice. European Commission. 14.08.2024. URL: <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/national-education-systems/albania/population-demographic-situation-languages-and-religions> (дата обращения: 15.09.2024).

1,8 млн – в Боснии и Герцеговине² (из 3,2 – 3,8 млн по различным данным³), почти 1,5 млн – в Косово (из предположительных 1 586 659 чел. по еще не опубликованным полностью данным переписи 2024 г.)⁴, около 600 тыс. – в Северной Македонии (из 1 836 713 чел. по переписи 2021 г.)⁵, около 280 тыс. в Сербии⁶ (из 6 647 003 чел. по переписи 2022 г.)⁷ и 127 тыс. в Черногории (из 633 158 чел. по переписи 2023 г.)⁸.

Ислам используется внешними игроками в качестве инструмента «мягкой силы» (и не только, если мы говорим о проблеме иностранных боевиков [Корра, 2021: 251]). В отличие от многих других регионов, Балканы остаются зоной, где религия сохраняет значение. Исследователи фиксируют «слабую секуляризацию общества и особую роль религии в этническом самосознании» [Попадьева, 2021: 63]. Согласно проведенному в 2018 г. исследованию, около 60% респондентов на Западных Балканах назвали себя религиозными людьми. В Косово и Северной Македонии этот показатель составляет 80%⁹ (для сравнения: в континентальной Европе, за исключением Италии, – 30–40%). Религия активно участвует в разграничении балканских сообществ [Кушукков, 2018: 3]. Если бы в регионе дело дошло до создания союзных блоков, то они, по мнению аналитиков, формировались бы на религиозной основе [Калоева, 2017: 178].

¹ Censi 2023, publikohen të dhënat e besimit fetar. Shqiptarja. 28.06.2023. URL: <https://shqiptarja.com/lajm/censi-2023-publikohen-te-dhenat-e-besimit-fetar-mbi-200-mije-qytetare-te-pacilesuar> (дата обращения: 15.09.2024).

² Bosnia and Herzegovina. Population: Demographic Situation, Languages and Religions. Eurydice. European Commission. 27.11.2023. URL: <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/national-education-systems/bosnia-and-herzegovina/population-demographic-situation-languages-and> (дата обращения: 15.09.2024).

³ 2021 Report on International Religious Freedom: Bosnia and Herzegovina. U.S. Department of State. P. 3. URL: <https://www.state.gov/reports/2021-report-on-international-religious-freedom/bosnia-and-herzegovina/> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴ Preliminary census results in Kosovo: What statistics revealed and concealed. Kosovo Online. 16.07.2024. URL: <https://www.kosovo-online.com/en/news/analysis/preliminary-census-results-kosovo-what-statistics-revealed-and-concealed-16-7-2024> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵ Republic of North Macedonia. Population: Demographic Situation, Languages and Religions. Eurydice. European Commission. 27.11.2023. URL: <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/national-education-systems/republic-north-macedonia/population-demographic-situation-languages-and> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶ 2023 Report on International Religious Freedom: Serbia. U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/04/547499-SERBIA-2023-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷ Final results of the innovative census. EU in Serbia. 03.05.2023. URL: [https://europa.rs/final-results-of-the-innovative-census/?lang=en#:~:text=According%20to%20the%20final%20results,3%2C231%2C978%20\(48.6%20percent\)%20men](https://europa.rs/final-results-of-the-innovative-census/?lang=en#:~:text=According%20to%20the%20final%20results,3%2C231%2C978%20(48.6%20percent)%20men) (дата обращения: 15.09.2024).

⁸ Preliminarni rezultati popisa stanovništva, domaćinstava i stanova u 2023 godini. MONSTAT. 25.01.2024. URL: <https://www.monstat.org/uploads/files/popis%202021/pr.podaci/Preliminarni%20rezultati%20popisa%2025.01.2024.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁹ Bechev D., Öztürk A.E. Competing over Islam: Turkey, Saudi Arabia, and Iran in the Balkans. Middle East Institute. 11.01.2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/competing-over-islam-turkey-saudi-arabia-and-iran-balkans> (дата обращения: 20.01.2024).

Вместе с тем приводимые линии противостояния не вполне верны, в частности между исламской осью в лице Турции, Албании, Косово, Боснии и Герцеговины (БиГ) и православной – в лице Греции, Болгарии и Сербии. Во-первых, из-за этноконфессиональной специфики конфронтация не может быть столь прямолинейной с разграничительной чертой по границам стран. Эта модель слабо учитывает современный тренд на сближение различных в конфессиональном смысле внутренних и внешних игроков, например, мусульманских Турции (сунниты) и Ирана (шииты) с православной Сербией. Партнерство Тираны и Вашингтона также иллюстрирует этот тезис. Пример Албании дает возможность увидеть обратный сближению процесс. Ориентация страны на Запад в ущерб отношениям с единоверцами (речь не только о проблемах с Ираном, но и с Турцией) свидетельствует не в пользу мусульманской оси.

Во-вторых, в рамках предложенной модели из фокуса выпадают этноконфессиональные анклав. В них наблюдается самый высокий уровень этнорелигиозной нетерпимости [Massey et al., 1999: 669]. Представители большинства, оказавшиеся в меньшинстве (внутри анклава), из-за «негодования и ограничения своей власти проявляют большую нетерпимость, чем в любой другой ситуации», а представители меньшинства, с одной стороны, чувствуют свою власть на данной территории, с другой – испытывают тревогу из-за своего статуса. Терпимость последних становится ниже, чем при рассредоточенном проживании среди большинства населения [Massey et al., 1999: 669].

В-третьих, взаимодействие локальных игроков с вовлеченными в региональную повестку внешними представителями исламского мира не сводится только к религиозной проблематике и прямо или косвенно связанным с ней вопросам безопасности. По этой причине речь идет о «различных осях... под патронажем тех или иных великих держав» [Калоева, 2017: 178] и более сложных моделях отношений. В пользу этого говорят процессы сближения и отдаления (иногда вплоть до отторжения) мусульманских игроков и немусульманских политий и правительств. Например, Албания, где не только мусульманская, но и католическая и православная религиозные общины рассматривались исключительно с позиции агентов внешнего влияния: Турции, Ватикана и Греции, соответственно.

Что же касается использования ислама как фактора присутствия, то прежде всего речь идет о строительстве мечетей и формировании гуманитарных сетей посредством фондов и медиа, в т. ч. цифровых. С 2013 г. на Балканах активно развивается т. н. маршрут мечетей (*“џамијска рута”*) – путь, по которому мигранты из Азии пытаются попасть в западноевропейские страны. Он проходит через Албанию, Черногорию или Сербию, БиГ и Хорватию. Название маршрута обусловлено строительством разветвленной сети мечетей, обеспечивающих мусульманам из стран Ближнего Востока материальную, логистическую и информационную поддержку¹. В строительство культовых сооружений активно вкладывают

¹ Настаје “џамијска рута” миграната. РТС. 01.06.2018. URL: <http://www.rts.rs/page/stories/ci/story/3/region/3156514/nastaje-dzamijska-ruta-migranata.html> (дата обращения: 10.07.2024).

ся компании из Турции, Королевства Саудовская Аравия (КСА), Катара и ОАЭ. Точкой входа на Балканы для Саудовской Аравии стала Босния. С 1991 г. в Сараево построено 140 мечетей, включая мегамечеть Короля Фахда¹. При ней в 2006 г. открыт крупнейший в регионе культурный центр, включающий лекционные залы, библиотеку, спортивные залы, компьютерный блок и классы для обучения арабскому языку. На открытие приезжал король Абдуллах ибн Абдулазиз ас-Сауд. С 2003 по 2013 гг. саудиты израсходовали около одного млрд евро на распространение ислама на Балканах: «600 млн было потрачено на строительство мечетей, на оплату мужчинам премий за ношение бороды, женщинам за ношение бурки, на оплату стипендий и поездок на учебу в Саудовскую Аравию для обучения исламу» [Димитровска, 2019: 163]. Аналогичная ситуация в Косове, где после 1999 г. на деньги королевского дома Саудов построены 240 мечетей. Всего в крае насчитывается 800 мечетей².

Наибольшим вниманием и покровительством Эр-Рияда пользуется Сараево – «Балканский (и даже больше – Европейский) Иерусалим» – и Босния и Герцеговина в целом. Финансируемые КСА изменения коснулись не только внешнего вида зданий, «затмивших более скромные старинные мечети столицы Боснии, оставшиеся со времен Османской империи»³. Сильно «изменилось и то, что проповедовалось внутри»⁴. Отчеты структур ЕС, специализирующихся в области безопасности, фиксируют распространение ультраконсервативной доктрины ваххабизма в регионе посредством мечетей, медресе и школ, финансируемых саудитами. Последствия инвестиций КСА в систему образования и культуры – отдельная проблемная зона в Европе, а также источник беспокойства традиционных игроков на Балканах⁵.

Босния и Герцеговина остается также главной зоной присутствия Ирана в регионе, несмотря на то что позиции Тегерана далеки от 1990-х гг. [Пономарева, Арляпова, 2024: 238]. В БиГ функционируют несколько иранских центров. Значительную, прежде всего, молодежную аудиторию привлекают высококачественные цифровые ресурсы (например, сайт Фонда Муллы Садры). Из Сараева иранские структуры транслируют активность на Сербию, с которой Тегеран смог выстроить особые связи. Сербское министерство иностранных дел характеризует отношения как «хорошие, с регулярными контактами между официальными лицами и

¹ Одновременно в здании мечети могут молиться 1500 чел., еще 850 чел. – разместиться во дворе. Высота купола – 20 м, диаметр – 18, высота двух минаретов – 46 м.

² Gall C. How Kosovo Was Turned Into Fertile Ground for ISIS. The New York Times. 21.05.2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/05/22/world/europe/how-the-saudis-turned-kosovo-into-fertile-ground-for-isis.html?_r=1 (дата обращения: 10.07.2024).

³ Мечеть короля Фахда в Сараево – крупнейшая на Балканах. Исламосфера. 16.07.2020. URL: <https://islamofera.ru/mechet-korolya-faxda-v-saraevo-krupnejshaya-na-balkanax/> (дата обращения: 10.07.2024).

⁴ Saudi Arabia in the Western Balkans. At a Glance. Briefing European Parliamentary Research Service. 11.2017. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614582/EPRS_ATA\(2017\)614582_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614582/EPRS_ATA(2017)614582_EN.pdf) (дата обращения: 15.09.2024).

⁵ Там же.

взаимной поддержкой в международных организациях»¹. Существенную роль в этом играет непризнание Ираном Республики Косово. Иранский центр культуры при посольстве в Белграде много внимания уделяет просветительской работе не только в сербской среде. Популярный в мусульманских кругах журнал «Нур» начинал издаваться на сербском языке, а четыре его номера были опубликованы на албанском. Это издание иранцы «рассылали каждому текке², каждому шейху, а также мусульманским интеллектуалам... В отличие от простых и популярных выступлений религиозных лидеров косовских мечетей и теккешей, дискурс иранских богословов казался более изощренным и более философски сформулированным»³.

К вышесказанному следует добавить начавшееся менее десяти лет назад «туристическое безумие»⁴ в БиГ. Причины связаны не только с началом войны в Сирии и общей дестабилизацией на Ближнем Востоке, в результате которых стали недоступны или небезопасны привычные места отдыха ближневосточных семей – Египет, Ливия и Тунис. Роль в развитии туризма сыграли культура и инфраструктура БиГ, «комфортная для туристов-мусульман»⁵. Запрос аудитории из монархий Персидского залива на высокий уровень жизни с роскошными виллами и апартаментами, халяльными супермаркетами и мусульманскими молитвенными зонами привлекает инвесторов и девелоперов из мусульманских стран. В 2016 г. Саудовская Аравия попала в число самых заметных из них с 17,2 млн евро вложений, опередив Турцию и Кувейт с 15,4 и 15,1 млн евро, соответственно, но уступив ОАЭ с 33,7 млн евро. Объединенные Арабские Эмираты занимают третье место в общем ряду зарубежных инвесторов⁶. Таким образом, Османское наследие находит коммерческое применение и служит инструментом для всех восточных игроков.

«Треугольник силы»:

Турция, Саудовская Аравия, Иран в борьбе за влияние на Балканах

Исламский лагерь, представленный на Балканах, далек от единства. Например, свойственные ряду государств антизападная риторика и (реже) действия могут иметь разные мотивацию и целеполагание. Например, если антиамериканизм

¹ Iran. Bilateral Relations. Ministry of Foreign Affairs of Republic of Serbia. URL: <https://www.mfa.gov.rs/en/foreign-policy/bilateral-cooperation/iran> (дата обращения: 10.07.2024).

² Текке – обитель, приют для суфиев, дом.

³ Bercolli L. Iran's Cultural Hegemony in Western Balkans. İRAM. 09.2021. URL: https://iramcenter.org/uploads/files/IranYs_cultural_hegemony_in_Western_Balkans.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

⁴ Gulf tourism frenzy in Bosnia delights business, polarizes locals. Reuters. 21.08.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-bosnia-arabs-investment/gulf-tourism-frenzy-in-bosnia-delights-business-polarizes-locals-idUSKCN10W08L> (дата обращения: 10.07.2024).

⁵ Green hills and minarets: Why Bosnia and Herzegovina is a draw for Gulf tourists. ArabNews. 03.02.2017. URL: <https://www.arabnews.com/node/1048361/travel> (дата обращения: 12.07.2024).

⁶ Western Balkans at the Crossroads: Assessing Non-Democratic External Influence Activities. Briefing Paper III: External Influence in the Economic Sphere. Prague. Security Studies Institute. 2019. P. 26. URL: https://www.balkancrossroads.com/_files/ugd/2fb84c_6ed14dd1891f434ab74ec47c16b22606.pdf (дата обращения: 12.07.2024).

Ирана – это «одна из базовых основ государственной идеологии», то Турция «долгое время была членом западного международного сообщества, и процессы вестернизации или европеизации продолжают формировать еще идущую трансформацию турецкой идентичности»¹. Турецкий государственный и политический деятель, премьер-министр страны с 2014 по 2016 гг. А. Давутоглу проводит аналогию с луком и стрелой, в которой Турция «с ее идейными и географическими преимуществами, является лучником, и чем больше она натягивает тетиву лука на восток, тем дальше стрела летит на запад» [Колот, 2021]. Таким образом, Тегеран нацелен на прямую конфронтацию, а Анкара – на замаскированный торг с партнерами. С учетом этого формируется ответная позиция, прежде всего американская. По Ирану она остается жесткой². В отношении Анкары позиция внешнеполитического ведомства США сформулирована мягко и звучит следующим образом: «в наших интересах сохранить привязанность Турции к евроатлантическому сообществу»³. Эта схема действует как для более широкого международного контекста, так и для Западных Балкан.

Помимо разного положения государств исламского мира в международной системе координат, а также дружественных (или недружественных) отношений с доминирующими в регионе внешними акторами, существует проблема состязательности ближневосточных игроков друг с другом. Череда открытых вооруженных конфликтов на территории бывшей Югославии с активным участием местных мусульман способствовала значительному росту числа поддерживающих, сочувствующих и т. п. мусульманских политий. В составе внешних субъектов на постоянной или временной основе оказывались Египет, Иордания, Иран, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия, Турция. Конкуренция за человеческие и другие ресурсы неизбежна, но она не отменяет сотрудничества и создания в региональных рамках военных союзов исламских стран. Арабо-мусульманское сообщество консолидировалось и ранее в ходе боснийского и косовского конфликтов для совместной деятельности по изменению международной повестки и формированию соответствующего медиа-поля [Энтина, Синопальников, 2020: 132–133].

Тем не менее основной характер взаимодействий восточных акторов в регионе – состязательный. Главный «треугольник силы» включает Турцию, Саудовскую Аравию и Иран. Считается, что степень их влияния на Западных Балканах соответствует порядку, в котором они перечислены⁴. У этих игроков много общего: от ареала происхождения до использования ислама как инструмента во внешней политике и, в частности, в балканской региональной стратегии. Иран считается от-

¹ Oğuzlu T. The West should understand that Turkey is different from other rising powers. Daily Sabah. 27.01.2020. URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/the-west-should-understand-that-turkey-is-different-from-other-rising-powers> (дата обращения: 20.01.2024).

² A Guide to the United States' History of Recognition, Diplomatic, and Consular Relations, by Country since 1776: Iran. U.S. Department of State. Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/countries/iran> (дата обращения: 22.01.2024).

³ U.S. Relations With Turkey (Türkiye). U.S. Department of State. Bureau of European and Eurasian Affairs. 09.01.2023. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-turkey/> (дата обращения: 21.01.2024).

⁴ Bechev D., Öztürk A. E. Competing over Islam.

стающим по присутствию и влиянию. Это объясняется целым рядом объективных причин, начиная от значительно меньшей аудитории, восприимчивой к шиитско-исламскому нарративу и заканчивая общемировой неблагоприятной конъюнктурой для «государства-изгоя».

Однако с точки зрения инструментального отношения к религии позиции Анкары, поставившей ислам в центр турецкой политики не раньше 2016 г., не выглядят столь прочными. По глубине охвата целевой аудитории Иран иногда переигрывает соперников даже на суннитском поле. Для суннитских монархий, Турции и Ирана Западные Балканы – это самостоятельный рынок (в максимально широком понимании: рынок идей, «халяльной» продукции, энергоносителей и т. д.) и доступ на европейский рынок. Вопрос покровительства балканских мусульман прагматический и не в меньшей степени экономический, чем культурно-религиозный.

Турция экономически доминирует в регионе среди всех восточных игроков. Исключением выступает только экспорт КСА в БиГ. К этому следует добавить рост объема турецких инвестиций в страны региона. Например, Турция занимает 4-е место в списке инвесторов в экономику Албании (общая стоимость проектов – 1,1 млрд долл.)¹, 6-е место – Черногории (55,4 млн долл.)², 7-е место – Северной Македонии (1,3 млрд долл.)³ и Косово (296,5 млн долл.)⁴. Турецкие вложения в БиГ скромнее, чем в Македонию и Косово – 250 млн долл., но это компенсируется связями Р. Эрдогана с политиками в Сараеве: «мы поддерживаем Боснию и Герцеговину во всех областях»⁵. О том, что не ислам является главным фактором притяжения, а объем и потенциал экономики, свидетельствует тот факт, что объектом инвестиций для Анкары стала православная Сербия: за последние десять лет объем инвестиций в Сербию вырос с одного млн долл. до 400⁶.

Религия выступает важным инструментом «мягкой силы»: ведущие исламские державы «экспортируют и эксплуатируют веру во имя власти»⁷. При этом устремления и действия восточных акторов не сводятся исключительно к ислам-

¹ The influence of external actors in the Western Balkans: A map of geopolitical players. Konrad Adenauer Stiftung. 11.09.2018. URL: <https://www.kas.de/en/web/guest/single-title/-/content/der-einfluss-externer-akteure-auf-dem-westbalkan-v7> (дата обращения: 12.07.2024). Деятельность организации признана нежелательной на территории России.

² Relations between Türkiye and Montenegro. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkiye-and-montenegro%20.en.mfa> (дата обращения: 09.07.2024).

³ Relations between Türkiye and North Macedonia. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-macedonia_.en.mfa (дата обращения: 09.07.2024).

⁴ Relations between Türkiye and Kosovo. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkiye-and-kosovo_.en.mfa (дата обращения: 09.07.2024).

⁵ We will continue to stand with Bosnia and Herzegovina. Presidency of the Republic of Türkiye. 2022. URL: <https://www.tcgb.gov.tr/en/news/542/139433/-we-will-continue-to-stand-with-bosnia-and-herzegovina> (дата обращения: 11.07.2024).

⁶ Relations between Türkiye and Serbia. URL: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkiye-and-serbia%20.en.mfa> (дата обращения: 12.07.2024).

⁷ Bechev D., Öztürk A. E. Competing over Islam.

скому дискурсу или экономическим интересам. Восточная специфика добавляет «магии». Пытаясь разобраться в хитросплетениях западнобалканской восточной политики, будем помнить и о непродуктивности сведения совокупности внешне-политических устремлений и действий ближневосточных игроков в регионе к сугубо исламскому дискурсу, и параллельно – о том, что к «мягкости» их религиозной силы нужно относиться со всей серьезностью.

Выводы

Восточные игроки пока не являются ведущими на Западных Балканах, но наращивают присутствие и влияние в регионе. Иран отчасти выступает исключением, однако он продемонстрировал гибкость в переносе влияния из торгово-экономической сферы в религиозно-идеологическую и культурную [Пономарева, Арляпова, 2024: 254, 257]. У этих игроков много объединяющих черт: исламская природа государственности, практически синхронный старт продвижения в регионе, изначальный фокус на местных мусульманских общинах и последующий отход от императива единоверия, схожие отрасли и методы внедрения, общие риски и проблемы. Основные отрасли восточных игроков – строительство и восстановление инфраструктуры (вначале – исламской, далее – любой), сельское хозяйство (в рамках обеспечения собственной продовольственной безопасности), туризм и недвижимость (с упором на элитную).

Однако отношения рассмотренных стран отличаются высокой состязательностью. «Треугольник силы» на Западных Балканах соответствует ближневосточному. Традиционное противостояние центров исламского мира дополнено частными случаями конкуренции КСА и ОАЭ, Кувейта и Катара, а также других комбинаций государств в рамках конкретных проектов в регионе. Турция с точки зрения комплексного присутствия и влияния в экономике, политике, общественном и религиозном дискурсах стоит ближе других по отношению к пятерке ведущих акторов на Балканах – Британии, ЕС, США, Китаю и России [Arlyapova, Ponomareva, 2023: 684]. Методы восточных игроков – это личные контакты на высоком уровне, крупные инвестиции и бонусные условия выхода из них для балканских бенефициаров. Денежно-экономическая составляющая выступает приоритетной в выстраивании партнерства. Это особенно характерно для государств Персидского залива и в меньшей степени применимо к Турции и Ирану.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов М.В. (ред.) (2022) *Историческая политика в странах бывшей Югославии*. Нестор-История, Санкт-Петербург. 512 с. DOI: 10.31168/4469-2069-3
- Димитровска А. (2019) *Деятельность международных террористических организаций в странах Западных Балкан*. Дис. ... канд. полит. наук. Москва. 269 с.
- Калоева Е.Б. (2017) Станут ли Балканы коридором для проникновения радикального ислама в Европу? *Проблемы европейской безопасности. Сб. науч. трудов ИНИОН РАН*. № 2. С. 173–187.
- Колот Б. (2021) Изменение балканской политики Турции в период правления Партии справедливости и развития: эффект А. Давутоглу. *Исторический журнал: научные исследования*. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.2.34817

Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. (2024) *Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: игроки и фигуры*. Проспект, Москва. 320 с.

Попадьева Т.И. (2021) Религиозный фактор формирования гражданской идентичности в Северной Македонии. *Обозреватель-Observer*. № 10 (381). С. 54–66. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_10_54.

Энтина Е.Г., Синопальников Н.С. (2020) Фактор арабо-мусульманского мира в развитии стран бывшей Югославии и Албании. *Современная Европа*. № 2. С. 131–142. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020131142>

Arlyapova E.S., Ponomareva E.G. (2023) Western Balkans: External Actors Before and During the Current Crisis. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 23. Issue 4. P. 678–688. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-678-688

Koppa M. E. (2021) Turkey, Gulf States and Iran in the Western Balkans: more than the Islamic factor? *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 29. Issue 2. P. 251–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/14782804.2020.1754769>

Kyuchukov L. (ed.) (2018) *Balkan Islam: A Barrier or a Bridge for Radicalization?* Friedrich-Ebert-Stiftung, Sofia, Bulgaria. 113 p. (Деятельность организации признана нежелательной на территории России).

Massey G., Hodson R., Seculić D. (1999) Ethnic Enclaves and Intolerance: The Case of Yugoslavia. *Social Forces*. Vol. 78. Issue 2. P. 669–693. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/78.2.669>

Rohtberg M. (2009) *Multidirectional Memory. Remembering in the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford University Press, Stanford, USA. 408 p.

Van Aarde T. A. (2018) The relation between religion and state in Islam and Christianity in the rise of ISIS. *In die Skriflig / In Luce Verbi*. Vol. 52. Issue 1. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.4102/ids.v52i1.2244>

Van der Walt B. J. (2007) *Transforming power: Challenging contemporary secular society*. Institute for Contemporary Christianity in Africa, Potchefstroom, South Africa. 441 p.

Middle East “Expansion” into the Balkans

E.S. Arlyapova

Candidate of Sciences (Politics)

Research Associate, Institute of System-Strategic Analysis (ISSA)

16, Kuskovskaya str., Moscow, Russia. 111398, E-mail: elena.s.arlyapova@gmail.com

E.G. Ponomareva

Doctor of Science (Politics)

Professor, Moscow State Institute of International Relations

(MGIMO University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454, E-mail: nastya304@mail.ru

Abstract. Middle Eastern players have been involved in the “Balkan game” at different times, but since the 1990s, all the key actors in the Islamic pool have been present on the regional agenda. They are most active in countries outside the EU political framework – Albania, Bosnia and Herzegovina, North Macedonia, Serbia, Montenegro and the partially recognised polity of Kosovo. At this stage, they are not entering into open competition for influence in the Western Balkans with the established leaders – the EU, USA, Russia, UK and China but are actively increasing their presence. The main areas of penetration remain economic (especially the monarchies of the Persian Gulf – UAE, Qatar, Kuwait, and Bahrain), cultural-ideological (Turkey and Iran), and religious (all Middle Eastern players). The nature of relations between external players in the Balkans is adversarial. Their strategies vary but have common features: the almost simultaneous start of promotion in the region, the initial focus on local Muslim communities and the subsequent departure from the imperative of unity of faith, similar industries and methods of implementation, common risks and problems associated with them. For the most part, preference in bi-

lateral interaction with the countries of the region is given to personal connections to the detriment of institutional, investment, and economic initiatives to the detriment of diplomatic work. Collaborative projects often lack transparency and are vulnerable to criticism and interference from more powerful external actors. However, the “soft power” policy of eastern actors is flexible and adaptive, which ensures their further consolidation in the Western Balkans.

Keywords: Western Balkans, Middle East actors, Iran, Turkey, Saudi Arabia, influence strategies, Islam in the Balkans, the Middle East “soft power”

DOI: 10.31857/S0201708324050103

REFERENCES

- Arlyapova E.S., Ponomareva E.G. (2023) Western Balkans: External Actors Before and During the Current Crisis, *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), pp. 678–688. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-678-688
- Belov M.V. (ed.) (2022) *Istoricheskaya politika v stranax by`vshej Yugoslavii* [Historical politics in the countries of the former Yugoslavia], Nestor-Istoriya, Saint-Petersburg, Russia. DOI: 10.31168/4469-2069-3 (In Russian).
- Dimitrovska A. (2019) *The activities of international terrorist organizations in the countries of the Western Balkans*, PhD. Dissertation, Moscow, Russia. (In Russian).
- Entina E.G., Sinopalnikov N.S. (2020) Faktor arabo-musul'manskogo mira v razvitii stran by`vshej Yugoslavii i Albanii [The Factor of the Arab-Muslim World in the Development of the Countries of Former Yugoslavia and Albania], *Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 131–142. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020131142> (In Russian).
- Kaloeva E.B. (2017) Stanut li Balkany` koridorom dlya proniknoveniya radikal'nogo islama v Evropu? [Will the Balkans be a Corridor for a Radical Islamism Influx into Europe?], *Problemy` evropejskoj bezopasnosti. Cb. nauch. trudov INION RAN*, 2, pp. 173–187. (In Russian).
- Kolot B. (2021) Izmenenie balkanskoi politiki Turcii v period pravleniya Partii Spravedlivosti i Razvitiya: E`ffekt A. Davutoglu [The Change in the Balkan Policy of Turkey during the Rule of the Justice and Development Party: The Effect of A. Davutoglu], *Istoricheskij zhurnal: nauchny'e issledovaniya*, 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.2.34817 (In Russian).
- Koppa M.E. (2021) Turkey, Gulf States and Iran in the Western Balkans: more than the Islamic factor?, *Journal of Contemporary European Studies*, 29(2), pp. 251–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/14782804.2020.1754769>
- Kyuchukov L. (ed.) (2018) *Balkan Islam: A Barrier or a Bridge for Radicalization?* Friedrich-Ebert-Stiftung, Sofia, Bulgaria.
- Massey G., Hodson R., Seculić D. (1999) Ethnic Enclaves and Intolerance: The Case of Yugoslavia, *Social Forces*, 78(2), pp. 669–693. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/78.2.669>
- Ponomareva E.G., Arlyapova E.S. (2024) *Zapadnye Balkany v preddverii i xode tekushhego krizisa: igroki i figury*. [The Western Balkans on the eve and during the current crisis: players and figures], Prospect, Moscow, Russia. (In Russian).
- Popad`eva T.I. (2021) Religiozny`j faktor formirovaniya grazhdanskoj identichnosti v Severnoj Makedonii [The religious factor in the formation of civic identity in North Macedonia], *Obozrevatel`*, 10(381), pp. 54–66. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_10_54 (In Russian).
- Rohtberg M. (2009) *Multidirectional Memory. Remembering in the Holocaust in the Age of Decolonization*, Stanford University Press, Stanford, USA.
- Van Aarde T.A. (2018) The relation between religion and state in Islam and Christianity in the rise of ISIS, *In die Skriflig / In Luce Verbi*, 52 (1), pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.4102/ids.v52i1.2244>
- Van der Walt B.J. (2007) *Transforming power: Challenging contemporary secular society*, Institute for Contemporary Christianity in Africa, Potchefstroom, South Africa.

УДК 339.98

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА КОМИССИИ ЕС «ГЛОБАЛЬНЫЕ ВРАТА»¹

© 2024 **КОНДРАТЬЕВА Наталия Борисовна**

Кандидат экономических наук, доцент

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3.

E-mail: *nkondratieva@inbox.ru*

Поступила в редакцию 12.07.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. Статья посвящена инвестиционной инициативе Евросоюза «Глобальные врата», объявленной в 2021 г. Официальные документы и общедоступная информация о флагманских проектах послужили аналитической основой для выявления целей инициативы. Отмечена безуспешность попыток экспертов операционализировать соответствующую деятельность из-за отсутствия убедительных фактов ее развертывания и доступных измерению результатов. В исследовании рассмотрены причины неудачного старта инициативы. Они кроются в неблагоприятной политической конъюнктуре, ограниченности и узкой направленности финансовых стимулов со стороны ЕС, что отталкивает частные инвестиции. Подход к взаимоотношениям с внешними партнерами, именуемый открытой стратегической автономией и реализуемый «геополитической» Еврокомиссией под руководством Урсулы фон дер Ляйен, сохраняет в качестве основы концепцию нормативной силы, но дополнен смысловым акцентом на проектах, которые направлены на восстановление лидерской позиции ЕС в рамках глобальной конкуренции. Европейские центры компетенции в течение 2022–2023 гг. поддерживали инициативу, дав рекомендации для привлечения капиталов в предложенные проекты. Тем не менее экономические акторы остались в роли наблюдателей. Таким образом, инициатива не преодолела начальную стадию дипломатических меморандумов и дорожных карт. Сделан вывод, что объявленная реформа будет формальной,

¹ Статья подготовлена в рамках темы НИР Института Европы РАН FMZS-2024-0010 «Механизмы продвижения стратегических интересов ключевых европейских акторов в странах Африки и Ближнего Востока: институты, принципы функционирования, прогнозы»

т. е. позволит умиротворить партнерские негосударственные организации, ратующие за Цели в области устойчивого развития ООН, продолжить научные исследования и проведение коммуникационных мероприятий, подпитать техническую составляющую флагманских проектов.

Ключевые слова: инициатива «Глобальные врата», открытая стратегическая автономия, геополитическая Комиссия, нормативная сила, центр – периферия, Цели в области устойчивого развития ООН, Европейская комиссия

DOI: 10.31857/S0201708324050115

В совместном сообщении Еврокомиссии (далее – ЕК) и Европарламента (далее – ЕП) «Глобальные врата» (*Global gateway*; далее – ГВ)¹ в декабре 2021 г. изложен новый подход к взаимодействию с развивающимися странами. Глобальной периферии предложено партнерство в достижении Целей в области устойчивого развития (ЦУР) и дано обещание мобилизовать 300 млрд евро до 2027 г., что продемонстрирует силу Евросоюза и способность интеграционного объединения поддерживать нуждающиеся страны.

Большинство аналитиков расценили инициативу как альтернативную инвестиционную платформу из-за того, что официальный Брюссель в последние годы часто противопоставлял свою деятельность за рубежом китайскому проекту «Один пояс, один путь» и негативно высказывался в адрес России и США. В частности, в заявлении Урсулы фон дер Ляйен перед вступлением в должность председателя ЕК в 2019 г. (первый мандат – 2019–2024 гг., второй мандат – 2024–2029 гг.) прозвучало неприятие их действий: «Одни обращаются к авторитарным режимам, другие покупают свое глобальное влияние и создают зависимости, инвестируя в порты и дороги, третьи прибегают к протекционизму»² (в 2019 г. Россия завершила значительный инфраструктурный проект – Крымский (Керченский) мост; железнодорожное движение по нему было открыто 23 декабря 2019 г.). Критика в отношении Китая и России вновь прозвучала 25 октября 2023 г. в речи на форуме по случаю второй годовщины ГВ³.

К инициативе отнеслись как к очередной попытке Евросоюза укрепить свое влияние в мире. До ее выхода исследователи склонялись к выводу о слабости ЕС как международного актора, нерешенности проблемы восстановления его роли и имиджа в Африке, неэффективности стратегий в Центральной Азии (далее – ЦА) [Громыко, Носов, 2015; Прохоренко, 2019; Биссон, 2020; Freire et al., 2022].

¹ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank. The Global Gateway. JOIN/2021/30 final. 01.12.2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021JC0030> (дата обращения: 17.09.2024).

² Opening Statement in the European Parliament Plenary Session by Ursula von der Leyen, Candidate for President of the European Commission. European Commission – Speech. Strasbourg, 16 July 2019. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_19_4230 (дата обращения: 17.09.2024).

³ Opening speech by President von der Leyen at the Global Gateway Forum. 25.10.2023. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/news/opening-speech-president-von-der-leyen-global-gateway-forum-2023-10-25_en (дата обращения: 17.09.2024).

В российской европеистике указывается, что определение Евросоюзом роли и места в глобальных процессах «все еще находится в пределах гипотетического теоретизирования» [Надточей, 2024: 112]. Первая часть статьи содержит краткий обзор идейных основ инициативы ГВ и попыток ее научного осмысления. Вторая дает представление об обеспечивающей деятельности ЕС по разворачиванию инициативы, третья – о состоянии проектной базы.

Истоки

«Моя Комиссия будет геополитической Комиссией, приверженной устойчивой политике»¹, – заявила фон дер Ляйен в 2019 г., представляя состав ЕК. Исследователи оценили этот посыл как новую идейную основу укрепления позиций ЕС в мире [Naroche, 2023; 2024] и указывают на то, что геополитический подход оправдан технологическими и цивилизационными возможностями интеграционного объединения. Однако настороженность вызвало возвращение к концепциям прошлого века об обретении власти за счет силового превосходства [Dahl, 1957: 202–203] и навязывания внешним партнерам условий, которые они без силового воздействия считали бы неприемлемыми. Евросоюз и ранее, опираясь на принцип политической обусловленности [Schimmelfennig, Scholtz, 2010], применял эмбарго, бойкоты, санкции, денонсировал соглашения, приостанавливал помощь и задерживал займы в качестве ответных мер на несоблюдение условий партнерства. Брюссель пытается копировать отдельные методы или найти опору для создания рычагов власти, которыми обладают главные конкуренты ЕС. Обретение большей устойчивости при помощи стратегической автономии и укрепления военного потенциала выступает способом уравнивания положения Евросоюза с игроками (США, Китай, Россия), обладающими значительными природными и военными ресурсами и независимыми за счет последних от внешних обстоятельств.

Инициатива ГВ как инструмент укрепления влияния и снижения уязвимости Евросоюза перед мировыми процессами была объявлена в то время, когда критика в адрес «нормативной/мягкой силы» [Manners, 2002: 252; Damro, 2012] была исчерпана и возникла необходимость в альтернативных подходах. Способ воздействовать на международные процессы силой собственного примера развития (базирующегося на принципах социально-рыночной и зеленой экономики) не был эффективен в странах, которые не являются потенциальными кандидатами на членство в ЕС. Принуждение к переходу на европейские нормы оказалось несостоятельным, так как сопровождалось скромными дотациями и обещаниями торговых преференций. Сомнительно, что ГВ предполагает более выгодные для периферии условия. Что касается устойчивого развития – объявленного предмета партнерства, в контексте геополитических задач Еврокомиссия будет

¹ The von der Leyen Commission: for a Union that strives for more Brussels. European Commission - Press release. 10.09.2019. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_5542 (дата обращения: 17.09.2024).

заинтересована в первую очередь в обеспечении устойчивости ЕС и его лидерства в глобальной конкуренции и только в последующую в содействии достижению ЦУР.

Исследователи фиксируют проникновение геополитики в политику помощи развитию [Karjalainen, 2022; Olivié, Santillán O'Shea, 2023]. Исходя из официальной риторики в начале второго мандата ЕК, геополитическая обусловленность во внешней политике усилится.

Представление о необходимости диверсификации внешних партнеров и тем самым сокращения рисков присутствовало в политике ЕС еще в 1990-е гг. ЕК проявляла осторожность в отношениях с крупными странами, которые стали преодолевать свое отставание (Бразилия, Россия, Индия, КНР). Диалог с Россией продвигался тяжело, несмотря на то что она отвечала критериям, необходимым для старта экономических проектов (таких как наличие квалифицированных работников, функционирующей инфраструктуры, доступа к энергии, возможность брать на себя многие расходы). Этот подход вылился в выбор альтернативных российским и китайским поставщиков, что для ЕС сопряжено с крупным капитальным строительством в отдаленных районах, с подключением к транспортной сети, системам водоснабжения, канализации и электроснабжения, или же с поисками международных спонсоров. Проекты создания транспортных сетей, здравоохранения, антикризисных резервов и развития научной базы не смогут работать с опорой на одни только внутренние государственные ресурсы развивающихся стран. Даже в Евросоюзе, где десятилетиями укреплялись социальные модели и научно-производственные партнерства, большинство таких проектов существует только благодаря наднациональной поддержке. Таким образом, Брюссель идет по более сложному пути вне экономической логики, что может привести к неблагоприятным последствиям.

Задача стратегической автономии ЕС, учитывая классические представления о центр-периферийном развитии [Hout, 2016: 21–39], окажет негативное влияние на внешние партнерства. Усугубятся риски, связанные с зависимостью развивающихся стран от спроса со стороны сильнейших участников мировой торговли.

Обеспечивающие меры

«Один пояс, один путь» стал поводом для крупных игроков заявить об инвестиционных планах, сопоставимых по масштабам с проектом Пекина. В 2014 г. «Группа двадцати» учредила Глобальный инфраструктурный фонд¹. В 2022 г. «Группа семи» объявила о Партнерстве в области глобальной инфраструктуры и инвестиций². Спустя два года У. фон дер Ляйен сообщила об объединении этих

¹ The Global Infrastructure Facility. URL: <https://www.globalinfrafacility.org/> (дата обращения: 12.08.2024).

² Memorandum on the Partnership for Global Infrastructure and Investment. 26.06.2022 URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/06/26/memorandum-on-the-partnership-for-global-infrastructure-and-investment/> (дата обращения: 17.09.2024).

инициатив с ГВ¹. В 2020 г. объявлено о создании так называемой Сборной Европы для координации действий на европейском континенте, включающей ЕС, государства-члены, Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР).

Подход к финансированию проектов в регионах глобальной периферии на период финансового цикла 2021–2027 гг. также заключается в объединении финансовых усилий. В инструмент «Добрососедство, развитие и международное сотрудничество – Глобальная Европа»² включены три статьи бюджета Евросоюза, предназначенные ранее для политики развития: Европейский инструмент соседства; Инструмент развития сотрудничества со странами ЦА, Ближнего Востока, Латинской Америки и Южной Африки; Инструмент содействия стабильности и миру, а также внебюджетный Европейский фонд развития стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (вне бюджета осталась только часть Фонда для поддержки заморских территорий ЕС).

Стремление Брюсселя к объединению всевозможных усилий свидетельствует о намерении взять на себя организационную функцию и ограничить самостоятельность государств-членов за пределами ЕС, а также преувеличить масштаб деятельности и заимствовать результаты. Инициатива ГВ располагает 18 млрд евро грантового финансирования, которыми распоряжается Европейский фонд устойчивого развития плюс – ядро объединенного инструмента Глобальной Европы. Он получил полномочия ЕИБ по управлению внешними займами и распределению рисков. От работы фонда зависит привлечение 300 млрд евро. Инициатива сфокусирована на пяти направлениях: цифровые преобразования, климатически нейтральная энергетика, здравоохранение, НИОКР, транспорт.

К схожим по целям документам относится план действий 2020 г. о внешних поставках сырьевых товаров, которые ЕК считает критически важными для реализации приоритетов технологического развития (список таких товаров расширен до 30 наименований, что вдвое больше обнародованного в 2011 г.)³. К настоящему времени ЕС установил партнерские отношения в области сырьевых ресурсов с Канадой (2021), Украиной (2021), Казахстаном (2022), Намибией (2022), Чили (2023), Аргентиной (2023), Замбией (2023), Демократической Республикой Конго (2023) и Автономной территорией Гренландия (2023). Пока они имеют характер деклараций.

¹ Speech by President von der Leyen at the Partnership for Global Infrastructure and Investment event in the framework of the G7 Summit Fasano, European Commission – Speech. 13.06.2024. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/sw/speech_24_3264 (дата обращения: 17.09.2024).

² Regulation (EU) 2021/947 of the European Parliament and of the Council of 9 June 2021 establishing the Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument – Global Europe, amending and repealing Decision No 466/2014/EU of the European Parliament and of the Council and repealing Regulation (EU) 2017/1601 of the European Parliament and of the Council and Council Regulation (EC, Euratom) No 480/2009. OJ L209/1. 14.06.2021. URL: <https://eurlex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32021R0947> (дата обращения: 17.09.2024).

³ Critical Raw Materials for Strategic Technologies and Sectors in the EU. A Foresight Study. Luxembourg. 2020. DOI: 10.2873/58081

В марте 2023 г. инициатива укреплена законом о критически важном сырье. Помимо прочего предусмотрено создание клуба, члены которого координируют усилия по инвестированию в добычу и поддерживают друг друга в случае сбоев поставок. Рецепт подсказан практикой Аккумуляторного альянса ЕС, основанного на принципе справедливости распределения, согласно которому страны, испытывающие нехватку ресурсов, предоставляют большую часть финансирования и обязывают свои компании закупать сырье по справедливой цене.

В декабре 2022 г. состоялось единственное заседание правления ГВ (в его состав входят председатель ЕК, представители профильных директоров и министры иностранных дел государств – членов ЕС; в качестве наблюдателей предусмотрено приглашение членов ЕП и представителей финансовых институтов). Европарламент пока не высказывался об инициативе.

С осени 2023 г. разворачивается дополнительная обеспечивающая деятельность, что также свидетельствует об отсутствии результатов. Под эгидой генерального директората ЕК, курирующего международные партнерства, создана консультативная группа ГВ по вопросам бизнеса, в которую приглашены руководители европейских компаний и бизнес-ассоциаций. Кроме того, запущена платформа для диалога гражданского общества и местных властей. Обсуждалась возможность создания Европейского экспортно-кредитного фонда для стран-членов, чтобы укрепить конкурентные позиции европейских компаний, не имеющих государственной поддержки¹. Недавний проект – запуск десятью многосторонними банками развития, включая ЕИБ и ЕБРР, в апреле 2024 г. Глобальной платформы совместного финансирования². Она будет состоять из цифрового репозитория проектов, которые ищут финансирование, и форума для обсуждения возможностей.

Состояние проектной базы

Несмотря на обещание прозрачного партнерства, пока нет финансовых отчетов о реализации инвестиционных проектов и данных о том, что сверх административных расходов это направление включает финансирование от европейских добывающих или транспортных компаний. Аналитики отмечают, что для эффективного развертывания внешних партнерств закона о критически важном сырье недостаточно: «чтобы решить проблему, ЕС придется признать простую

¹ Schlögl L., Raza W., Pfaffenbichler D. Aligning European export credit agencies with EU policy goals. In-Depth Analysis. Policy Department for External Policies. European Parliament. 04.2024. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2023/702590/EXPO_IDA\(2023\)702590_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2023/702590/EXPO_IDA(2023)702590_EN.pdf). (дата обращения: 17.09.2024).

² Scaling Up Co-Financing for Greater Development Impact. World Bank. 23.04.2024. URL: [https://www.worldbank.org/en/news/feature/2024/04/23/scaling-up-co-financing-for-greater-development-impact#:~:text=Launch%20of%20the%20Global%20Collaborative,streamlining%20processes%20for%20recipient%20countries](https://www.worldbank.org/en/news/feature/2024/04/23/scaling-up-co-financing-for-greater-development-impact#:~:text=Launch%20of%20the%20Global%20Collaborative,streamlining%20processes%20for%20recipient%20countries.). (дата обращения: 17.09.2024).

истину: экономическая устойчивость имеет свою цену... Необходимо снабдить стратегии внешней торговли и партнерства значимыми ресурсами»¹.

К деятельности «Сборной Европы» много замечаний. В частности, на саммите по случаю второй годовщины с момента старта ГВ отсутствовали министры Франции и Германии, государства-члены не продвигают инициативу в двухсторонних контактах с внешними странами. Не осталась без критики² сомнительная акция по наклеиванию бренда ГВ на все проекты. В трехсотстраничном официальном обзоре³ добровольного вклада европейской политики развития в достижение ЦУР словосочетание «Глобальные ворота» упоминается 144 раза, однако участие флагманских проектов не анализируется, так как подавляющее большинство остаются в стадии первичных обсуждений.

На официальном сайте⁴ указан 171 флагманский проект (отвечающий принципам и ценностям инициативы и показательный с точки зрения последующей оценки результатов). Однако про 90% из них известно только название. Об остальных данные не обновляются и ограничены общими декларациями о целях и ожиданиях без подробностей об объемах финансирования и партнерах. Многие проекты обсуждались еще до выдвижения ГВ. Скорее всего, в настоящее время количество проектов, имеющих шанс на реализацию, сводится к единицам.

Часто упоминается проект, направленный на производство и доступ к вакцинам, лекарствам и медицинским технологиям, а также на наращивание внутренних производственных мощностей и укрепление фармацевтических систем в Африке⁵. Из примерно 1 млрд евро ассигнований треть составляют грантовые средства, остальное – кредиты. Поставлена задача организовать собственные производства вакцин на континенте к 2040 г. (на 2021 г. мощности по производству вакцин в Африке составляли 1% от необходимых). Созданы организационные структуры: Африканское агентство по лекарственным средствам, Центр передачи технологий (курируемый ВОЗ) и Партнерство по производству вакцин в Африке, которое будет курировать центры контроля и профилактики заболеваний. Отслеживание по новостным лентам выявило студенческие обмены, программы укрепления университетской базы, наличие единичных мобильных заводов по производству вакцин на континенте.

¹ Findeisen F., Wernert Y. Meeting the costs of resilience: The EU's Critical Raw Materials Strategy must go the extra kilometer. Policy Brief. Hertie School. Jacques Delors centre. 30.06.2023. URL: https://www.delorscentre.eu/fileadmin/2_Research/1_About_our_research/2_Research_centres/6_Jacques_Delors_Centre/Publications/20230630_Findeisen_Wernert_CRMA_Final.pdf (дата обращения: 17.09.2024).

² Marbell J. Will the EU's Global Gateway Launch a "Race to the Top"? IPQ. 03.11.2023. URL: <https://ip-quarterly.com/en/will-eus-global-gateway-launch-race-top> (дата обращения: 17.09.2024).

³ EU Voluntary Review on the Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. European Union. 2023. 308 p. URL: <https://commission.europa.eu/system/files/2023-06/SDG-Report-WEB.pdf> (дата обращения: 17.09.2024).

⁴ Global Gateway flagship projects – Infographics. 18.12.2023. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/publications/global-gateway-flagship-projects-infographics_en (дата обращения: 17.09.2024).

⁵ Team Europe Initiative on manufacturing and access to vaccines, medicines and health technologies in Africa, MAV+.

Следовательно, маловероятно, что что-то помешает будущим усилиям гигантов фармацевтического бизнеса по поддержке проекта.

В десятку самых шумевших проектов входит Коридор Лобито – строительство железнодорожной магистрали, которая соединит районы добычи полезных ископаемых Замбии и Демократической республики Конго с ангольским портом Лобито на Атлантическом океане. Однако инициатива остановилась на стадии технико-экономического обоснования, так как не выдерживает конкуренции с китайскими аналогами¹.

Меморандум о стратегическом партнерстве ЕС и Казахстана в области устойчивых цепочек создания стоимости сырья, батарей и возобновляемого водорода, подписанный в 2022 г., в 2023 г. перешел к двухлетней стадии дорожной карты, которая предполагает обращение к европейским инвестиционным платформам (Европейский сырьевой альянс и Европейский альянс аккумуляторных батарей) с целью определения ключевых ролей в реализации партнерства.

Таджикистан возлагает надежду на то, что ЕС примет участие в финансировании достройки Рогунской ГЭС. Обещана техническая помощь с целью приобщить ЦА к надлежащему управлению водными и энергетическими ресурсами. Однако Евросоюз пока не вложил в проект. До конца 2023 г. «Рогун» финансировался исключительно за счет государственных средств. В декабре подписано кредитное соглашение с Саудовским фондом². Исламский банк развития одобрил ассигнования в размере 550 млн долл., из которых 150 млн выделит сама организации, а оставшаяся часть поступит из арабских фондов развития. Информация об этом опубликована на сайте министерства экономического развития и торговли Таджикистана. ЕАБР выразил намерение выделить 130 млн.

Не определено четко участие ЕС в проекте Транскаспийского транспортного коридора. На форуме инвесторов по устойчивому транспортному сообщению Европы и ЦА в январе 2024 года в Брюсселе ЕС объявил о планируемых инвестициях в размере 10 млрд евро. Однако эта цифра озвучена не как обязательство, а как возможный совокупный вклад международных партнеров. ЕК готовит региональную транспортную программу в поддержку транспортного коридора³. Это наводит на мысль о том, что вклад ЕС ограничится выработкой рекомендаций по надлежащему управлению.

Из имеющих экономическое и стратегическое значение внимания заслуживает проект 7100-километрового оптоволоконного кабеля «Медуза», который должен связать по дну Средиземного моря 500 университетов и научно-исследовательских

¹ Chabala E.D.W. Lobito Corridor – A Reality Check. APRI. 02.02.2024. DOI: <https://doi.org/10.59184/sa.038>

² На \$1 миллиард больше. Правительство Таджикистана назвало новую общую стоимость строительства Рогунской ГЭС. ASIA-Plus. 14.12.2023. URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20231214/na-1-milliard-bolshe-pravitelstvo-tadzhikistana-nazvalo-novuyu-obtshuyu-stoimost-stroitelstva-rogunskoi-ges> (дата обращения: 17.09.2024).

³ Европейский Союз: Транскаспийский транспортный коридор – возрождение Шелкового пути. Представительство ЕС в Таджикистане. 31.05.2024. URL: <https://www.eeas.europa.eu/delegations/tajikistan> (дата обращения: 17.09.2024).

институтов Марокко, Алжира, Туниса, Египта, Португалии, Испании, Франции, Италии и Кипра. В конце 2023 г. ЕИБ предоставил инвестиционный грант в размере 40 млн евро компаниям, которые будут реализовывать инфраструктурный проект, однако основное строительство еще не началось.

В итоге оптимистичные суждения относительно перспектив [Gherasim, 2024; Tagliapietra, 2024] могут оказаться ошибочными, а обещания инвестиций – предложениями технической помощи, которая бесполезна без мощной техники и кадров. ГВ стали средством коммуникации с глобальной периферией, но не инвестиционным инструментом. Информационные брошюры ЕС структурированно и понятно излагают желаемые перспективы и необходимость преобразований ради прогресса. С помощью привлекательных названий¹ Евросоюз стремится показать, что уже пригласил глобальную периферию в проекты и теперь инициатива на ее стороне.

* * *

Согласно риторике председателя ЕК, «Глобальные ворота» будут способствовать устойчивым инвестициям, не усугубляя зависимость периферии от центра. Китайские кредиторы создают эту зависимость, включая в контракты конфиденциальные условия, которые позволяют влиять на внутреннюю и внешнюю политику должников². В среднем соотношение займов и грантов в проектах КНР составляет 31 к 1 [Malik et al., 2021: 13]. В ГВ оно будет вдвое меньше при условии, что на 18 млрд евро грантов ЕС привлечет 300 млрд евро кредитов. Однако важно учитывать ненадежность ЕС как покупателя, продвигающего стратегическую автономию. Зависимость партнеров Брюсселя от его неустойчивого спроса будет лишь усиливаться.

В выступлении 18 июля 2024 г. в ЕП в качестве кандидата на второй срок У. фон дер Ляйен не упомянула инициативу. Один пассаж выступления указывает на то, что «Глобальная Европа» будет сведена к полезному минимуму: «Европейским стартапам не нужно смотреть на США или Азию, чтобы финансировать свое расширение. Они должны найти то, что им нужно для роста, прямо здесь, в Европе». В расширенном варианте послания³ направлению

¹ The EU's Global Gateway: from Brussels to Bishkek and beyond. The Hague and online, Thursday, 20 January 2022, Summary of Proceedings. URL: https://www.commonspace.eu/sites/default/files/2022-02/Booklet%20COFE%204%20For%20Web_18%20Feb.pdf (дата обращения: 17.09.2024).

² Gelpert A., Horn S., Morris S., Parks B., Trebesch C. How China Lends: A Rare Look into 100 Debt Contracts with Foreign Governments. 75 th Economic Policy Panel Meeting. 07–08.04.2022. URL: https://www.economic-policy.org/wp-content/uploads/2022/03/Gelpert_Horn_Morris_Parks_Trebesch_full_paper.pdf (дата обращения: 17.09.2024).

³ Ursula von der Leyen, Candidate for the European Commission President. Europe's choice. Political Guidelines for the Next European Commission 2024–2029. Strasbourg, 18 July 2024. URL: https://commission.europa.eu/document/download/e6cd4328-673c-4e7a-8683-f63ffb2cf648_en?filename=Political%20Guidelines%202024-2029_EN.pdf (дата обращения: 17.09.2024).

деятельности, именуемому «Глобальные ворота», отведен параграф «Новая экономическая внешняя политика» предпоследней главы, который содержит только краткое упоминание инициативы и обещание вывести ее на новый уровень.

Предварительно о содержании реформы стало известно в апреле 2024 г. Европейские сети гуманитарных НПО «Добровольческие организации по сотрудничеству в чрезвычайных ситуациях» (*VOICE* и *CONCORD*¹) обрушились с критикой² на план, отметив его геополитический уклон и отсутствие нацеленности на улучшение положения людей в отсталых регионах мира. Вряд ли это изменит установки Комиссии, но, возможно, приведет к некоторому усилению поддержки деятельности упомянутых организаций, выступающих за сокращение бедности.

Полномочия позволяют Еврокомиссии легко продвигать геополитический подход: для этого достаточно заявить о задачах и действовать в рамках имеющихся инструментов [Niemann, 2006: 31, Haroche, 2020: 857]. Условием для его закрепления должна быть оправданность соображениями экономической эффективности и общественного прогресса. Заявление У. фон дер Ляйен об итогах ее первого мандата содержит следующие аргументы в оправдание своего курса: Евросоюз стал получать 50% электроэнергии из возобновляемых источников; инвестиции в чистые технологии выросли втрое; ЕС привлек больше инвестиций в чистый водород, чем США и Китай вместе взятые; с внешними партнерами заключено 35 новых соглашений о чистых технологиях, водороде и критически важном сырье. Однако стоимость энергии не снижается. Государства-члены несут весомые финансовые потери в связи с разрывом по указанию Брюсселя связей с Россией, в т. ч. отказом от проектов, связанных с высокотехнологичной инфраструктурой, от приграничного и трансграничного сотрудничества.

Инициативу критикуют за отсутствие таксономии финансирования устойчивого развития³. Справедлив также риторический вопрос экспертов, каким игроком по итогам преобразований станет ЕС – глобальным или региональным [Paikin et al., 2023]. Новостная лента инициативы наполнена дипломатическими

¹ VOICE – Voluntary Organisations in Cooperation in Emergencies (Добровольческие организации по сотрудничеству в чрезвычайных ситуациях); CONCORD – European Confederation of NGOs working on sustainable development and international cooperation (Европейская конфедерация НПО, работающих в области устойчивого развития и международного сотрудничества).

² Where is DG INTPA's approach to fragile contexts? VOICE. 29.04.2024. URL: <https://voiceeu.org/news/where-is-dg-intpa-s-approach-to-fragile-contexts>; “A sell-out of international cooperation”: DG INTPA turns its back on commitments to put human development at the centre of its international cooperation in leaked briefing. CONCORD. 22.04.2024. URL: <https://concordeurope.org/2024/04/22/a-sell-out-of-international-cooperation-dg-intpa-turns-its-back-on-commitments-to-put-human-development-at-the-centre-of-its-international-cooperation-in-leaked-briefing/> (дата обращения: 17.09.2024).

³ Bilal S., Teevan C. Global Gateway: Where now and where to next? ECDM Discussion Paper No. 368. 06.2024. URL: <https://ecdpm.org/application/files/1617/1776/7785/Global-Gateway-Where-now-and-where-to-next-ECDPM-Discussion-Paper-2024.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).

мероприятиями и известиями о создании вспомогательных организационных структур, но не сообщениями о вложенных инвестициях. Таким образом, «Глобальные врата» стали не инструментом политики развития, а средством увеличения полномочий евробюрократии и степени ее геополитических амбиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Биссон Л.С. (2020) Новая стратегия ЕС для Африки: в поисках подлинного партнерства. *Современная Европа*. № 3. С. 39–50. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320203950>
- Громыко Ал.А., Носов М.Г. (общ. ред.) (2015) *Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность*. Весь Мир, Москва. 592 с.
- Надточей Ю.И. (2024) Европейский союз в меняющейся парадигме глобализации. *Современные проблемы Европы*. № 1. С. 106–130. DOI: [10.31249/ape/2024.01.06](https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.06)
- Прохоренко И.Л. (2019) Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии: возможности и пределы «мягкой силы». *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО*. № 4. С. 68–80. DOI: [10.20542/afij-2019-4-68-80](https://doi.org/10.20542/afij-2019-4-68-80)
- Dahl R.A. (1957) The Concept of Power. *Behavioral Science*. Vol. 2, 3. P. 201–215.
- Damro C. (2012) Market Power Europe. *Journal of European public policy*. Vol. 19(5). P. 682–699.
- Freire M.R., Lopes P.D., Nascimento D., Simão L. (ed.) (2022) *EU Global Actorness in a World of Contested Leadership*. Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland. 309 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-92997-8>
- Gherasim D.-P. (2024). Global Gateway: Towards a European External Climate Security Strategy? *IFRI MEMOS April*. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_gherasim_global_gateway_2024.pdf (дата обращения: 17.09.2024).
- Haroche P. (2020) Supranationalism Strikes Back: A Neofunctionalist Account of the European Defence Fund. *Journal of European Public Policy*. Vol. 27, 6. P. 853–872.
- Haroche P. (2023) A “Geopolitical Commission”: Supranationalism Meets Global Power Competition. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 61. P. 970–987. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13440>
- Haroche P. (2024) Geoeconomic Power Europe: When Global Power Competition Drives EU Integration. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 62. P. 938–954. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13596>
- Hout W. (2016) Classical approaches to development: Modernisation and dependency. *The Palgrave Handbook of International Development*. Ed. by J. Grugel, D. Hammett. Palgrave Macmillan, London, UK. P. 21–39. DOI: [10.1057/978-1-137-42724-3_2](https://doi.org/10.1057/978-1-137-42724-3_2)
- Karjalainen T. (2022) The EU's Global Gateway: Building connectivity as a policy. *FIIA Working paper*. URL: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2022/02/wp127_the-eus-global-gateway_building-connectivity-as-a-policy_tyune-karjalainen.pdf (дата обращения: 17.09.2024).
- Malik A., Parks B., Russell B., Lin J., Walsh K., Solomon K., Zhang S., Elston T., Goodman S. (2021) *Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13,427 Chinese development projects*. AidData at William & Mary, Williamsburg, USA. 165 p.
- Manners I. (2002) Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 40, 2. P. 235–258.
- Niemann A. (2006) *Explaining Decisions in the European Union*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 384 p.
- Olivé I., Santillán O'Shea M. (2023) Development aid and geopolitics: the EU's Global Gateway initiative. *Elcano Policy Paper*. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2023/08/policy-paper-development-aid-and-geopolitics-the-eus-global-gateway-initiative.pdf> (дата обращения: 17.09.2024).

Paikin Z., Islam S., Biscop S. (2023) Regional actor, Global player. Can the EU get the best of both worlds? *CEPS Explainer*. 2023-08. URL: https://cdn.ceps.eu/wp-content/uploads/2023/06/CEPS-Explainer-2023-08_Regional-actor-global-player.pdf (дата обращения: 17.09.2024).

Schimmelfennig F., Scholtz H. (2010) Legacies and Leverage: EU Political Conditionality and Democracy Promotion in Historical Perspective. *Europe-Asia Studies*. Vol. 62(3). P. 443–460.

Tagliapietra S. (2024). The European Union's Global Gateway: An institutional and economic overview. *The World Economy*. No. 47. P. 1326–1335. DOI: <https://doi.org/10.1111/twec.13551>

Geopolitical Initiative “Global Gateway” of the EU Commission

N.B. Kondratieva

Candidate of Sciences (Economics),

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: nkondratieva@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the investment strategy of the European Union “Global Gateway”. Official documents and publicly available information on flagship projects served as an analytical basis for identifying the objectives of the relevant initiative of the European Commission, announced in 2021. The failure of experts' attempts to operationalise the strategy was noted due to the lack of convincing facts of its implementation and measurable results. The author discusses the reasons for the unsuccessful start of the Global Gate initiative. They consist in the unfavorable political environment, the limited and narrow focus of financial incentives from the EU, which turn off private investment. The approach to relations with external countries, called open strategic autonomy, applied by the “geopolitical Commission” under the leadership of Ursula von der Leyen, conserve the concept of the EU's normative power as a basis, is complemented by a semantic focus on projects that meet the interests of restoring the EU's leadership position in global competition. During 2022–2023, the European think tanks supported the initiative by making recommendations for attracting capital to the proposed projects. Nevertheless, economic actors, having demonstrated interest, remained in the position of observers. Thus, the initiative did not overcome the initial stage of diplomatic memorandums and roadmaps. According to the author of the article, the announced reform will be formal, namely, aimed at saving the initiative, appeasing partner non-governmental organisations advocating for the UN Sustainable Development Goals, continuing scientific research, conducting communication events and fueling the technical component of flagship projects.

Keywords: Global gateway initiative, open strategic autonomy, geopolitical Commission, normative power, centre – periphery, UN sustainable development goals, European commission

DOI: 10.31857/S0201708324050115

REFERENCES

Bisson L.S. (2020) Novaya strategiya ES dlya Afriki: v poiskah podlinnogo partnerstva [The EU's New Strategy for Africa: in Search of a Genuine Partnership], *Sovremennaya Evropa*, 3, pp. 39–50. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320203950> (In Russian).

Dahl R.A. (1957) The Concept of Power, *Behavioral Science*, 2(3), pp. 201–215.

Damro C. (2012) Market Power Europe, *Journal of European public policy*, 19(5), pp. 682–699.

Freire M.R., Lopes P.D., Nascimento D., Simão L. (ed.) (2022) *EU Global Actorness in a World of Contested Leadership*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-92997-8>

Gherasim D.-P. (2024). Global Gateway: Towards a European External Climate Security Strategy?, *IFRI MEMOS April*. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_gherasim_global_gateway_2024.pdf (accessed: 17.09.2024).

Gromyko A.I.A., Nosov M.G. (ed.) (2015) *Evropejskij soyuz v poiske global'noj roli: politika, ekonomika, bezopasnost'* [The European Union in search of a global role: politics, economics, security], Ves' Mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Haroche P. (2020). Supranationalism Strikes Back: A Neofunctionalist Account of the European Defence Fund, *Journal of European Public Policy*, 27(6), pp. 853–872.

Haroche P. (2023) A “Geopolitical Commission”: Supranationalism Meets Global Power Competition, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 61, pp. 970–987. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13440>

Haroche P. (2024) Geoeconomic Power Europe: When Global Power Competition Drives EU Integration, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 62, pp. 938–954. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13596>

Hout W. (2016) Classical approaches to development: Modernisation and dependency, in Grugel J., Hammett D. (ed.) *The Palgrave Handbook of International Development*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 21–39. DOI: 10.1057/978-1-137-42724-3_2

Karjalainen T. (2022) The EU's Global Gateway: Building connectivity as a policy, *FIIA Working paper*. URL: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2022/02/wp127_the-eus-global-gateway_building-connectivity-as-a-policy_ttyne-karjalainen.pdf (accessed: 17.09.2024).

Malik A., Parks B., Russell B., Lin J., Walsh K., Solomon K., Zhang S., Elston T., Goodman S. (2021) *Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13,427 Chinese development projects*, AidData at William & Mary, Williamsburg, USA.

Manners I. (2002) Normative Power Europe: A Contradiction in Terms?, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 40(2), pp. 235–258.

Nadtochej Y.I. (2024). Evropejskij soyuz v menyayushchejsya paradigme globalizacii [The European Union in the changing paradigm of globalization], *Current problems of Europe*, 1, pp. 106–130. DOI: 10.31249/apc/2024.01.06 (In Russian).

Niemann A. (2006) *Explaining Decisions in the European Union*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Olivíé I., Santillán O'Shea M. (2023) Development aid and geopolitics: the EU's Global Gateway initiative, *Elcano Policy Paper*. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2023/08/policy-paper-development-aid-and-geopolitics-the-eus-global-gateway-initiative.pdf> (accessed: 17.09.2024).

Paikin Z., Islam S., Biscop S. (2023) Regional actor, Global player. Can the EU get the best of both worlds?, *CEPS Explainer*, 2023-08. URL: https://cdn.ceps.eu/wp-content/uploads/2023/06/CEPS-Explainer-2023-08_Regional-actor-global-player.pdf (дата обращения: 17.09.2024).

Prohorenko I.L. (2019) Novaya strategiya Evropejskogo soyuza v Central'noj Azii: vozmozhnosti i predely “myagkoj sily” [The European Union's new Central Asia strategy: possibilities and limits of "soft power"], *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 4, pp. 68–80. DOI: 10.20542/afj-2019-4-68-80 (In Russian).

Schimmelfennig F., Scholtz H. (2010) Legacies and Leverage: EU Political Conditionality and Democracy Promotion in Historical Perspective, *Europe-Asia Studies*, 62(3), pp. 443–460.

Tagliapietra S. (2024). The European Union's Global Gateway: An institutional and economic overview, *The World Economy*, 47, pp. 1326–1335. DOI: <https://doi.org/10.1111/twec.13551>

УДК 339.972

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ: ПРИОРИТЕТЫ ПОЛИТИКИ НОВОЙ ЕВРОКОМИССИИ

© 2024 КОТОВ Александр Владимирович

Кандидат экономических наук

Ведущий научный сотрудник Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3

E-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.08.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. Очередной институциональный цикл ЕС начинается в период неопределенности в мировой экономике. В статье рассмотрены возможные хозяйственно-политические направления в деятельности нового состава Еврокомиссии. Выдвинута гипотеза, что главными приоритетами станут обеспечение долгосрочной устойчивости европейского пространства, разработка новых нормативных документов геоэкономического характера и их реализация. Представлена оценка генезиса нового хозяйственно-политического периода с рассмотрением основных правовых решений. В исследовании проанализированы концепция стратегической автономии, инициативы 2023 г. и начала 2024 г. по обеспечению экономической и сырьевой безопасности, введение антисубсидиарного регулирования. Они формируют дрейф от геополитического к геоэкономическому характеру деятельности Комиссии. Обновленные приоритеты экономической политики складываются из трех компонентов: максимального увеличения конкурентоспособности ЕС, поддержки климатических целей, обеспечения сырьевой безопасности. Геоэкономический поворот Брюсселя происходит на фоне значительного ослабления позиций ЕС в мировой экономике, обусловленного отставанием в производительности труда. Это закрепляет ряд структурных проблем европейского экономического пространства, которые концентрируются вокруг необходимости дальнейшей интеграции Единого внутреннего рынка. Сделан вывод, что основные риски геоэкономического поворота находятся в политической сфере. Ее субъекты могут не справиться с преодолением многочисленных препятствий на пути реализации нового промышленного курса, связанных с учетом неоднородного влияния различных отраслей промышленности на экономику ЕС. Предложенные в статье подходы имеют потенциал для изучения других стран и регионов, в которых экономическая политика включает поиск эффективности в реагировании на внешние вызовы.

Ключевые слова: Европейский союз, Еврокомиссия, экономическая безопасность, конкурентоспособность, зеленый курс, промышленная политика, стратегическая автономия, геоэкономический поворот, климатические цели

DOI: 10.31857/S0201708324050127

18 июля 2024 г. Урсула фон дер Ляйен получила одобрение депутатов Европарламента и еще пять лет будет возглавлять новый состав Еврокомиссии (ЕК). В 2019 г. она при вступлении в должность высказала намерение придать ЕК геополитический характер [Шумилин, 2019; Naroche, 2023]. В начале первого срока это казалось не больше чем декларацией, но по итогам работы Брюссель на фоне слабой экономической динамики значительно обновил подход к внутренним и внешнеполитическим задачам, разработав Европейскую стратегию экономической безопасности, блок инструментов против пандемии *COVID-19* и стабилизационных мер в ходе энергетического кризиса [Громыко, 2023; Buti, Fabbri, 2023].

Новая ЕК приступает к работе в условиях развития интеграционных и дезинтеграционных тенденций [Буторина, 2022], углубления соперничества Китая и США и усиления использования промышленной политики в целях обеспечения цифрового и технологического суверенитета [Broeders et al., 2023; Seidl, Schmitz 2024]. Силовое давление все больше раскрывается через создание экономических напряженностей и санкционного напора на конкурирующие хозяйственно-политические пространства [Белов, Котов, 2023]. Обновление приоритетов политики Евросоюза вместе с вопросами экономического развития и безопасности складывается в поиск геоэкономических решений по развитию Единого внутреннего рынка [Кондратьева, 2020]. Именно современные факторы – ослабление поддержки свободной торговли, напряженность в цепочках поставок – катализируют внутренний геоэкономический поворот в политике ЕС [Ершов, Танасова, 2022].

В итоге нынешняя ситуация приводит к модификации экономического баланса сил под сетцентрическим взаимодействием глобализации и глокализации, конкуренции и партнерства [Елецкий, 2020]. Геоэкономический поворот Евросоюза происходит в русле неоднородной хозяйственно-политической концепции открытой стратегической автономии. Методологические подходы к ней описывают способность Брюсселя продвигать собственные интересы и при этом градуировано управлять производственными взаимозависимостями. В рамках указанного исследовательского поля цель статьи – проанализировать черты геоэкономического поворота через восприятие взаимозависимости торговых партнеров как риска и архитектуру антикризисных мер, направленных против снижения веса экономики ЕС в мире. В ближайшие годы следует ожидать развития этой группы инструментов. Они будут реагировать на новые связи внешней политики, обеспечения суверенитета и сохранения жизнестойкости экономики. Следовательно, необходимо рассмотреть возможные направления экономической политики, с одной стороны, продвигающие открытую торговлю, с другой – противостоящие другим протекционистским мерам.

Долгосрочные проблемы экономики ЕС

Чередой текущих кризисов высветили давние проблемы в экономике Евросоюза [Хесин, 2020; Бажан, 2023]. Уменьшение экономического веса штандорта (хозяйственно-политического пространства) ЕС началось в середине 2000-х гг. В 2004 г. доля промышленности США в глобальном выпуске отставала от европейской – 22,2 против 25,4%. 2022 г. стал для экономики Евросоюза рубежом: к этому времени сектор обрабатывающих производств сократился с 25,4% до 15,2% от общемирового¹. Экономический прогноз весны 2024 г. предсказывал слабый рост ВВП на уровне 1 и 0,8% в еврозоне на фоне сильного рынка труда и динамики частного потребления. В 2025 г. прогнозируется ускорение роста до 1,6% в ЕС и до 1,4% в еврозоне. Между тем инфляция снизится с зафиксированных 6,4% в 2023 г. до 2,2% в следующем году².

По сравнению с США, средний доход на душу населения в Евросоюзе остается примерно на треть ниже. Разрыв увеличился за последние два десятилетия даже для крупнейших экономик ЕС. При продолжении нынешних тенденций разрыв в 32% в 2019 г. вырастет до 34% к концу 2020-х гг.³ Основным фактором неравенства доходов с США – более низкая производительность труда в Евросоюзе: на нее приходится 70% разрыва. Оставшаяся треть обусловлена меньшим запасом основного капитала. С 2005 г. американские компании постоянно опережают европейские фирмы. После 2014 г. различие в эффективности увеличилось еще больше. Доля высокопроизводительных секторов ЕС в общем объеме производства (10%) составляет около четверти от доли США (44%). В то же время доля низкопроизводительных видов деятельности намного выше, чем у североамериканского конкурента⁴. Важным фактором выступает опережение со стороны США в промышленных разработках, что приводит к меньшему количеству патентов и более медленным темпам технологических инноваций. В 2022 г. США удерживали первое место по объему НИОКР в мировом рейтинге (37 млрд евро). В первой десятке Евросоюз представлен только компанией «Фольксваген» (ФРГ), занявшей шестое место с 18,9 млрд евро. При этом темпы роста номинальных инвестиций ЕС в 2022 г. среди 367 компаний, входящих в топ-2500 фирм, удвоились до 13,6% по сравнению с 2021 г.⁵ Рынок ЕС отстает также по мас-

¹ Котов А. В. С какой силой звонит колокол? Масштабы деиндустриализации в ЕС. Аналитические статьи РСМД. 10.07.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/s-kakoy-siloy-zvonit-kolokol-masshtaby-deindustrializatsii-v-es/?ysclid=1z7mopxc6p904244796> (дата обращения: 30.07.2024).

² Spring 2024 Economic Forecast: A gradual expansion amid high geopolitical risks. EU Commission. 15.05.2024. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-forecast-and-surveys/economic-forecasts/spring-2024-economic-forecast-gradual-expansion-amid-high-geopolitical-risks_en (дата обращения: 30.07.2024).

³ Europe: Turning the Recovery into Enduring Growth. IMF. 14.05.2024. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/05/14/sp051424-alfred-kammer-at-the-ecb-house-of-the-euro-brussels> (дата обращения: 30.07.2024).

⁴ Там же.

⁵ Grassano N., Hernandez Guevara H., Fako P., Nindl E., Georgakaki A., Ince E., Napolitano L., Rentocchini F., Tübke A. The 2022 EU Industrial R&D Investment Scoreboard. Luxembourg. Publications Office of the European Union. 2022. DOI: 10.2760/485748 JRC132035.

штабу и росту инвестиций в нематериальный капитал, которые имеют решающее значение для внедрения и распространения новых технологий, повышающих производительность, и демонстрирует более медленные темпы «предпринимательской демографии» фирм по сравнению с США. Это препятствует притоку ресурсов к наиболее производительным компаниям. Несмотря на более высокий уровень открытости торговли, Евросоюз привлекает меньше прямых иностранных инвестиций, чем США (за 2020–2022 г. 143,1 и 768,7 млрд долл. соответственно)¹, что ограничивает доступ ЕС к передовым мировым технологиям. Совокупность проблем влечет более тесную интеграцию и взаимосвязь внешней и экономической политик Брюсселя и вынуждает совершить геоэкономический поворот.

Подготовка геоэкономического поворота

Политика Евросоюза последние годы последовательно делает акцент на открытой стратегической автономии как на центральной идее. Это понятие остается спорным, так как ее цель остается размытой. Программные документы ЕС не раскрывают, каким образом открытость гарантирует автономию и наоборот, не проводят различия между концепциями в области торговли и безопасности. Данная идея прежде всего направлена на преодоление зависимости в импорте за счет финансирования европейских производств посредством безвозмездных грантов или схем субсидирования на наднациональном уровне. В докладе Объединенного исследовательского центра ЕК за 2023 г. подчеркивается фрагментированность концепции в первую очередь на уровне конкретных технологий². Что касается эффективности реализации, то в зависимости от жесткости принимаемых и степени ответных мер со стороны торговых партнеров, реальный доход домохозяйств в Евросоюзе может уменьшаться на несколько миллиардов евро ежегодно. По сути, эти меры действуют как налог ЕС на собственные внешнеторговые операции³.

Подготовительными шагами наступающего экономического этапа можно считать инициативы ЕК, принятые в конце истекшего периода полномочий. В рамках укрепления открытости торговли, инвестиций и исследований в соответствии с Европейской стратегией экономической безопасности согласован ряд мер. Они касались усиления проверки иностранных инвестиций в ЕС; усиления европейской координации в области экспортного контроля; выявления потенциальных рисков, связанных с исходящими инвестициями в ряд специфичных технологий; поиска мер поддержки для научных исследований и разработок, относящихся к технологиям двойного назначе-

¹ World Investment Report 2023. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2023> (дата обращения: 04.08.2024).

² Assessing the EU's open strategic autonomy. SwissCore. 09.01.2024. URL: <https://www.swisscore.org/assessing-the-eus-open-strategic-autonomy/#:~:text=Strategic%20autonomy%20describes%20the%20capacity,other%20countries%20and%20global%20partners> (дата обращения: 05.06.2024).

³ Measuring the impacts of the european union's approach to open strategic autonomy. Frontier Economics. 22.11.2022. URL: <https://ecipe.org/wp-content/uploads/2022/11/Strategic-Autonomy-Impacts.pdf> (дата обращения: 06.06.2024).

ния, а также инструментов, направленных на повышение безопасности научных исследований на национальном и отраслевом уровнях¹.

В области торговой политики Евросоюз становится все более настойчивым в использовании антисубсидиарного и антидемпингового регулирования [Bown, 2024]. Ключевой пример – начало расследования (с октября 2023 г.) практики субсидирования китайских электромобилей. Доля китайских марок на рынке ЕС увеличилась с 1% в 2019 г. до 8% и, согласно прогнозам, вырастет до 15% в 2025 г. В дискуссии о субсидировании некоторые крупные игроки отрасли выступают против действий Евросоюза, опасаясь санкций со стороны Китая². Руководство «Фольксваген» – крупнейшего автопроизводителя в ЕС – отмечает, что дополнительные пошлины не укрепят европейскую промышленность. Тем не менее существует четырехмесячное окно, в течение которого тарифы являются предварительными. Кроме того, ожидается, что переговоры продолжатся. С 5 июля 2024 г. пошлины повышены с 10% до временных значений в размере от 17,4 до 37,6%. Компании, которые, по мнению Евросоюза, сотрудничали с антисубсидиарным расследованием, в т. ч. автопроизводители «Тесла» и «БМВ», будут облагаться тарифами в размере 20,8%, остальные – по верхней планке³. Тот факт, что Брюссель начал расследование по собственной инициативе, а не положился на мнение и поддержку бизнеса, свидетельствует об активной позиции ЕС в отношении предполагаемых рыночных искажений со стороны Китая.

Еще одной из наиболее заметных инициатив выступает новый инструмент борьбы с экономическим принуждением (*Anti-Coercion Instrument, ACI*), объединяющий внешнеполитическое и хозяйственное воздействия⁴. К принуждению относятся меры, вводимые со стороны других государств: введение тарифов, ограничения на торговлю, прямые иностранные инвестиции и государственные закупки. *ACI*, вступивший в силу в декабре 2023 г., позволяет Брюсселю принимать ответные решения против третьих стран, которые используют экономические рычаги для давления на Евросоюз. Возможным катализатором стали торговые ограничения Китая в отношении Литвы в 2021 г., после того как Вильнюс решил открыть взаимные представительства с Тайванем. В каждом конкретном случае инструмент обладает широким спектром компенсационных мер. К ним относятся, в частности, ограничения на импорт и экспорт гражданских продуктов и товаров двойного назначения, а также на доступ к финансовым рынкам и тендерам на государственные закупки. Начало применения связано с установлением ЕС факта, что принуждение имело место.

¹ Commission proposes new initiatives to strengthen economic security. EU Commission. 24.01.2024. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_24_363 (дата обращения: 30.07.2024).

² BMW says EU probe into China EV subsidies against free trade. France 24. 08.05.2024. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20240508-bmw-says-eu-probe-into-china-ev-subsidies-against-free-trade> (дата обращения: 30.07.2024).

³ EU imposes tariffs of up to 38% on Chinese electric vehicles. Al Jazeera. 04.07.2024. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/7/4/eu-imposes-tariffs-of-up-to-38-on-chinese-electric-vehicles#:~:text=The%20European%20Union%20has%20imposed,will%20kick%20off%20on%20Friday> (дата обращения: 04.08.2024).

⁴ New tool to enable EU to withstand economic coercion enters into force. European Commission. 27.12.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_6804 (дата обращения: 30.07.2024).

Проблема конкурентоспособности

Структурные проблемы определяют прилив практического и исследовательского интереса в Евросоюзе к теме конкурентоспособности. Бельгия, которая председательствовала в Совете ЕС в течение первых шести месяцев 2024 г., объявила конкурентоспособность одним из шести приоритетов программы¹, Венгрия, принявшая эстафету, – всеобъемлющим приоритетом². Важным направлением в этой политике может стать координация инвестиционных потенциалов стран в направлениях, где отдельных усилий государств не хватает. Узкие места с финансированием тормозят развитие стратегических секторов, связанных с климатом, военно-промышленным комплексом, развитием суперкомпьютеров и энергетики.

Будапешт запланировал совет по конкурентоспособности (в декабре 2024 г.), на котором, вероятно, будет обсуждаться тематический доклад М. Драги. В процессе подготовки документа акцент сосредоточен на устранении барьеров для финансирования бизнеса и формировании скоординированных политических действий ЕС в области промышленной политики. Идеи М. Драги перекликаются с позицией Э. Летты в докладе о будущем Единого внутреннего рынка. В нем подчеркивается значимость увеличения размера европейских компаний с целью повышения конкурентоспособности и сохранения стратегической автономии на глобальном рынке, где все больше доминируют игроки из США и Китая³. Для этого необходимо привлечь значительный объем инвестиций, а также совместить цели двойного цифрового и зеленого переходов с другими приоритетами, такими как расширение Евросоюза до 2030 г. Подходы Э. Летты и М. Драги сближаются не только в формировании стратегической повестки для Комиссии, но и в видении опорных конструкций следующего многолетнего бюджета ЕС (2028–2034 гг.). Формированию основ нового бюджетного планирования призван содействовать создаваемый в 2028 г. Европейский фонд конкурентоспособности. Соответствующие планы озвучены У. фон дер Ляйен в рамках первого выступления на должности председателя Еврокомиссии⁴.

Такой подход встретил широкую критику. В открытом письме, адресованном главе ЕК и М. Драги, 13 европейских организаций гражданского общества с разными идеологическими взглядами выразили обеспокоенность по поводу предстоящего доклада о конкурентоспособности. Они утверждают, что предложения,

¹ Priorities of Belgian Presidency. URL: <https://belgian-presidency.consilium.europa.eu/en/programme/priorities/> (дата обращения: 30.07.2024).

² Packroff J. EU-wide industrial strategy and 'internal labour reserves': Hungary's policy priorities for the bloc. Euractiv. 21.06.2024. URL: <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/eu-wide-industrial-strategy-and-internal-labour-reserves-hungarys-policy-priorities-for-the-bloc/> (дата обращения: 30.07.2024).

³ Letta E. Much More Than a Market — Speed, Security, Solidarity: Empowering the Single Market to deliver a sustainable future and prosperity for all EU Citizens. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/ny3j24sm/much-more-than-a-market-report-by-enrico-letta.pdf> (дата обращения: 30.07.2024).

⁴ Statement at the European Parliament Plenary by President Ursula von der Leyen, candidate for a second mandate 2024–2029. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_24_3871 (дата обращения: 30.07.2024).

способствующие консолидации рынков в ряде стратегических секторов, таких как оборона, энергетика и телекоммуникации, нанесут ущерб потребителям, работникам и малому бизнесу, увеличат концентрацию рынка и принесут пользу существующим крупным корпорациям в ущерб общественным интересам. Смягчение правил антимонопольной политики для продвижения крупнейших компаний ЕС рискует укрепить статус-кво, а не создать условия для развития молодых и быстрорастущих фирм¹.

Технологизация зеленого курса

В части зеленого курса лоббистские бизнес-группы призывают новую Комиссию к снижению бюрократической отчетности в сочетании с планом промышленной политики [Bulfone, 2023]. В Антверпенской декларации – отраслевом манифесте европейского бизнеса от 20 февраля 2024 г. – содержится предложение ввести в наступившем экономико-политическом цикле позицию первого вице-президента, ответственного за реализацию и согласование целей промышленного курса во всех исполнительных органах и законодательстве ЕС. Возможно, одним из первых шагов новой ЕК станет составление списка практических препятствий, с которыми сталкиваются компании при планировании инвестиций в зеленые технологии.

Ассоциация европейских предприятий (*BusinessEurope*) и Союз торгово-промышленных палат Германии (*Deutsche Industrie- und Handelskammer, DIHK*) подчеркнули, что не заинтересованы в отказе ЕС от целей по климату². Вместе с тем они отметили, что необходимо лучше объяснить правила игры хозяйствующим субъектам для минимизации рисков³. Многие бюрократические правила преследуют похожие цели, но каждое из них содержит разные обязательства по отчетности (например, в рамках директивы ЕС о должной осмотрительности⁴, таксономии устойчивого финансирования и корпоративной отчетности об устойчивом развитии). В выступлении «О положении Союза» в сентябре 2023 г. У. фон дер Ляйен обещала сократить обязательства по отчетности для компаний на 25%. В рабочей программе ЕК на 2024 г. представлены более подробные меры⁵.

¹ Dugo A., Erixon F. A Strategy for a Competitive Europe: Boosting R&D, Unleashing Investment, and Reducing Regulatory Burdens. ECIPE. Policy Brief. No. 14/2024. URL: <https://ecipe.org/publications/strategy-for-competitive-europe/> (дата обращения: 30.07.2024).

² Packroff J. Lobby groups call for business-friendly turn of the EU Green Deal. Euractiv. 22.03.2024. URL: <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/lobby-groups-call-for-business-friendly-turn-of-the-eu-green-deal/> (дата обращения: 04.08.2024).

³ Poitiers N. The EU Net Zero Industry Act and the risk of reviving past failures. 09.03.2023. URL: <https://www.bruegel.org/first-glance/eu-net-zero-industry-act-and-risk-bruegel-reviving-past-failures> (дата обращения: 05.06.2024).

⁴ Directive (EU) 2024/1760 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on corporate sustainability due diligence and amending Directive (EU) 2019/1937 and Regulation (EU) 2023/2859. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1760/oj> (дата обращения: 30.07.2024).

⁵ 2023 State of the Union Address by President von der Leyen. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_4426 (дата обращения: 30.07.2024).

Обеспечение сырьевой безопасности

Меры по обеспечению поставок основных минерально-сырьевых ресурсов, особенно критического сырья, составят третий пакет решений в рамках экономической политики [Кондратьев, 2022]. Евросоюз сильно зависит от импорта критически важного сырья, которое требуется для достижения климатических целей, из короткого перечня стран. Прогнозируется наращивание дополнительных механизмов, которые приведут к принятию комплексной стратегии, охватывающей все этапы производственной цепочки, и создание специальной платформы для совместных закупок.

В законе определен перечень сырьевых материалов, которые необходимы для содействия зеленому переходу. Благодаря сочетанию новых тенденций в размещении производства стимулируется диверсификация цепочек поставок в ЕС. Акт предусматривает увеличение возможностей внутренней добычи в Евросоюзе до 10% спроса на сырье к 2030 г. Однако преобладающая ориентация закона – ускорение процессов выдачи разрешений. Выделение дополнительного государственного финансирования не подразумевается. Это вряд ли будет способствовать увеличению частных инвестиций. Таким образом, закон может не оправдать амбиций в отношении скорости и объема диверсификации потоков поставок для реализации климатических целей¹.

Гарантии доступности цепочек добавленной стоимости и обеспечение двусторонней зависимости от критически важного сырья связываются также с разработкой общих инициатив государств – членов ЕС. Однако реальные проекты пока не реализуются². Одним из новых инструментов, может стать расширение схем совместных закупок ЕС, включая водород и отдельные виды критически значимых веществ³.

Возможные ограничения

Практическое наполнение представленных приоритетов напрямую зависит от централизации бюджетного процесса в ЕС. Без него ограничения в национальных политиках приведут только к рассинхронизации и рецессии. Это рискует сделать производственные и социальные последствия зеленого и цифрового перехода неуправляемыми. Условия для внедрения новых технологий на протяжении длительного времени уже характеризовались значительной асимметрией [Teixeira, Tavares-Lehmann, 2022].

В июне 2025 г. Комиссия должна представить первоначальные предложения по бюджету ЕС на период после 2027 г. В них следует ожидать мер по внедрению

¹ Navigating the Goeconomic Tide: The Commission's quest for a policy compass. Hertie School. 16.04.2024. URL: <https://www.delorscentre.eu/en/publications/detail/publication/navigating-the-goeconomic-tide> (дата обращения: 30.07.2024).

² Buti M., Messori M. Tough trade-offs: the big strategic issues for the next EU term. Bruegel, 12.06.2024. URL: <https://www.bruegel.org/first-glance/tough-trade-offs-big-strategic-issues-next-eu-term> (дата обращения: 30.07.2024).

³ Von der Leyen's plans for second European Commission term. RTE News. 18.07.2024. URL: <https://www.rte.ie/news/europe/2024/0718/1460610-von-der-leyens-plans-for-second-european-commission-term/> (дата обращения: 30.07.2024).

нию новых бюджетных правил для финансирования конкретных вариантов промышленной политики. Эффективное решение макроэкономических компромиссов будет в значительной степени определять успех ЕК.

Комиссия У. фон дер Ляйен будет вынуждена признать ограниченный потенциал Евросоюза в области ключевых технологий. Принятие закона о чипах в рамках Цифрового десятилетия увеличит возможности оперативного формирования заказов и объединения закупок во время дефицита поставок. Прежний состав ЕК также одобрил несколько важных проектов, представляющих общий европейский интерес (*Important Projects of Common European Interest, IPCEI*), направив государственную помощь от нескольких государств-членов на проведение исследований и разработок в области новых технологий, таких как водород и облачные вычисления. Сформирована платформа стратегических технологий для ЕС (*Strategic Technologies for Europe Platform, STEP*) – фонд, который использует денежные средства Евросоюза для инвестирования в цифровые технологии и биотехнологии.

Вместе с тем в очередной раз амбиции ЕС вступают в противоречие с готовностью нести издержки на наднациональном уровне. Страновая структура распределения *IPCEI* может привести к сохранению концентрации выгод в более богатых государствах-членах, а не к общему наращиванию европейского технологического потенциала.

Заключение

Предпосылки формирования и расширения геоэкономического инструментария в ЕС сложились к 2023–2024 гг. Выборы в Европарламент не имели решающего значения для формирования вектора нового институционального цикла.

ЕК должна решить, насколько энергично и настойчиво она будет пользоваться набором сформированных мер и будет ли продолжать противодействовать торговым искажениям (прежде всего со стороны Китая). В контексте связей с Пекином целесообразно ожидать, что Вашингтон усилит давление на Брюссель независимо от результатов выборов в ноябре 2024 г. Для европейских компаний это означает возрастание рисков. Сотрудничество в снижении последних в цепочках поставок критически важных ресурсов продолжится. В рамках климатической политики, угрозы ввода или повышения тарифов на европейские товары (сталь, алюминий, автомобили, цифровые услуги) победа на президентских выборах Д. Трампа станет для новой ЕК серьезной внешнеторговой проблемой и поставит под угрозу ее усилия по энергетическому переходу.

За последние годы произошло существенное сближение позиций бюрократии Евросоюза вокруг необходимости более тесного взаимодействия внешнеполитического и внешнеэкономического курсов. Переплетение подходов сохранит ориентацию на стратегическую автономию, при которой ЕС решает структурные проблемы, препятствующие повышению конкурентоспособности экономики, обеспечивая увеличение инвестиций и решая проблему нехватки рабочей силы. По мере роста геоэкономической конкуренции хозяйственно-политических пространств Евросоюз

будет активнее использовать оценки трансграничных рисков и потенциальных издержек для защиты интересов промышленников.

Во второй половине 2020-х гг. различия жесткой и мягкой экономической силы в ЕС будут стираться. Открытая стратегическая автономия выполнила роль концептуальной сборки мер экономической политики. Она катализировала потребность в скоординированных действиях в различных областях политики независимо от распределения соответствующих полномочий в Евросоюзе и государствах-членах.

Брюссель стоит перед необходимостью разработать новую стратегию повышения конкурентоспособности. Отправной точкой может стать непредвзятая оценка снижения производительности труда и слабого развития высокотехнологичного комплекса. Новая ЕК будет решать проблему повышения жизнестойкости экономики к внешним кризисам, не ставя под угрозу выгоды международной торговли. Эта идея была основой Лиссабонской программы ЕС, принятой в 2000 г. Важные цели, поставленные в то время, такие как увеличение расходов на исследования и разработки до 3% ВВП, не были достигнуты. Однако это не значит, что в новом политико-экономическом цикле Евросоюз не попытается провозгласить похожие ориентиры.

Сегодня геоэкономический поворот скорее замедлит, а не ускорит качественный переход ЕС к открытой стратегической автономии. Активная реализация стратегии экономической безопасности приводит к сильному удорожанию выбранной хозяйственно-политической траектории. Это будет затруднять усилия Брюсселя по повышению конкурентоспособности на фоне отсутствия прорывов в углублении Единого рынка. Реперной точкой может стать презентация нового «Курса на чистую промышленность» как итога первых сто дней работы Комиссии, который к концу 2025 г. он потребует значительной коррекции из-за неоднородного влияния на различные отрасли экономики Евросоюза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бажан А.И. (отв. ред.) (2023) *Новые явления в экономике Европы*. Институт Европы РАН, Москва. 198 с. DOI: 10.15211/report72023_404
- Белов В.Б., Котов А.В. (2023) Экономические связи ЕС и России в условиях ограничительных мер. *Общественные науки и современность*. № 2. С. 72–89. DOI: 10.31857/S0869049923020053
- Буторина О.В. (2022) Интеграция vs дезинтеграции: что сильнее? *Мир перемен*. № 3. С. 22–40. DOI: 10.51905/2073-3038_2022_3_22
- Громыко Ал.А. (отв. ред.) (2023) *Европа в глобальной пересборке*. Институт Европы РАН; «Весь Мир», Москва. 508 с.
- Ершов М.В., Танасова А.С. (2022) Новые проблемы в мире: нарастание неопределенности. *Современная Европа*. № 7(114). С. 120–134. DOI: 10.31857/S0201708322070105
- Кондратьев В.Б. (2022) Роль критически важных сырьевых материалов в условиях экономической неопределенности: опыт ЕС. *Горная промышленность*. № 4. С. 94–102. DOI: 10.30686/1609-9192-2022-4-94-102.
- Кондратьева Н.Б. (2020) *Европейская модель интеграции рынков. Становление и перспектива*. РАН, Москва. 384 с.
- Хесин Е.С. (2020). Экономика Европейского союза: итоги посткризисного десятилетия. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 1. С. 73–81. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-73-81
- Шумилин А.И. (2019) Евросоюз готовится к «геополитическому рывку». *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 6(12). С. 4–11. DOI: 10.15211/vestnikieran62019410

Bown Ch. P. (2024). Trade Policy, Industrial Policy, and the Economic Security of the European Union. *Peterson Institute for International Economics Working Paper*. No. 24-2. 44 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4834530>

Broeders D., Cristiano F., Kaminska M. (2023) In Search of Digital Sovereignty and Strategic Autonomy: Normative Power Europe to the Test of Its Geopolitical Ambitions. *Journal of common market studies*. Vol. 61. Issue 5. P. 1261–1280. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13462>

Bulfone F. (2023). Industrial policy and comparative political economy: A literature review and research agenda. *Competition & Change*. Vol. 27(1). P. 22–43. DOI: <https://doi.org/10.1177/10245294221076225>

Buti M., Fabbrini S. (2023) Next generation EU and the future of economic governance: towards a paradigm change or just a big one-off? *Journal of European Public Policy*. Vol. 30. Issue 4. P. 676–695. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2141303>

Haroche P. (2023) A “Geopolitical Commission”: Supranationalism Meets Global Power Competition. *Journal of common market studies*. Vol. 61. Issue 4. P. 970–987. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13440>

Kübek G., Mancini I. (2024) EU Trade Policy between Constitutional Openness and Strategic Autonomy. *European Constitutional Law Review*. Vol. 19(3). P. 518–547. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1574019623000226>

Seidl T., Schmitz L. (2024) Moving on to not fall behind? Technological sovereignty and the ‘geodirigiste’ turn in EU industrial policy. *Journal of European Public Policy*. Vol. 31. Issue 8. P. 2147–2174. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2248204>

Teixeira J.E., Tavares-Lehmann A.T.C.P. (2022) Industry 4.0 in the European union: Policies and national strategies. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 180. 121664. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.121664>

Geoeconomic Turn: Policy Priorities of the Next EU Commission

A.V. Kotov

Candidate of Sciences (Economics)

Institute of Europe, RAS

11-3, Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009

E-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

Abstract. The next institutional cycle of the EU begins in a period of unprecedented uncertainty in the global economy and large-scale problems in the European economic space. The author explores possible economic and political directions in the activities of the new composition of the European Commission. A hypothesis is that the main priority will be to ensure the competitiveness of the European space, the development of new regulatory documents of a geo-economic nature and their implementation. An assessment of the genesis of the new economic and political stage with an analysis of the main regulatory decisions is presented. The article also focuses on economic initiatives for 2023-early 2024 to ensure economic security and anti-subsidy regulation. These decisions are very significant as they form a drift from the “geopolitical” to the “geo-economic” role of the Commission. Further, the priorities of the economic policy of the new European Commission are consisted of three components: ensuring raw material security, maximising the competitiveness of the EU, protecting the adopted climate goals with partnership with the widest possible range of countries. The analysis demonstrated a significant weakening of the EU's position in the world economy, associated with a lag in productivity. The author concludes that the main risks of the “geoeconomic turn” are in the political sphere. Its actors may not be able to overcome numerous obstacles to implement the new industrial course, associated with the need to take into account the heterogeneous impact of various industries on the EU economy. The approaches of the article can be valuable for studying other countries and regions in which economic policy integrates the search for efficiency in responses to external challenges.

Ключевые слова: European Union, European Commission, economic security, competitiveness, green deal, industrial policy, strategic autonomy, strategic autonomy, geoeconomic turn, climate goals

DOI: 10.31857/S0201708324050127

REFERENCES

- Bazhan A.I. (ed.) (2023) *Novye javlenija v jekonomike Evropy* [New phenomena in the economy of Europe], IE RAS, Moscow, Russia. DOI: 10.15211/report72023_404 (In Russian).
- Belov V.B., Kotov A.V. (2023) Jekonomicheskie svjazi ES i Rossii v uslovijah ogranichitel'nyh mer [EU-Russia economic relations in conditions of restrictions], *Social Sciences and Contemporary World*, 2, pp. 72–89. DOI: 10.31857/S0869049923020053 (In Russian).
- Bown Chad P. (2024) Trade Policy, Industrial Policy, and the Economic Security of the European Union, *Peterson Institute for International Economics Working Paper*, 24-2. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4834530>
- Broeders D., Cristiano F., Kaminska M. (2023) In Search of Digital Sovereignty and Strategic Autonomy: Normative Power Europe to the Test of Its Geopolitical Ambitions, *Journal of common market studies*, 61(5), pp. 1261–1280. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13462>.
- Bulfone F. (2023) Industrial policy and comparative political economy: A literature review and research agenda, *Competition & Change*, 27(1), pp. 22–43. DOI: <https://doi.org/10.1177/10245294221076225>
- Buti M., Fabbrini S. (2023) Next generation EU and the future of economic governance: towards a paradigm change or just a big one-off?, *Journal of European Public Policy*, 30(4), pp. 676–695. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2141303>.
- Butorina O.V. (2022) Integracija vs dezintegracii: chto sil'nee? [Integration vs. Disintegration: Which is Stronger?], *The World of Change*, 3, pp. 22–40. DOI: 10.51905/2073-3038_2022_3_22 (In Russian).
- Ershov M.V., Tanasova A.S. (2022) Novye problemy v mire: narastanie neopredelennosti [New Problems in the World Make Uncertainty Higher], *Contemporary Europe*, 7(114), pp. 120–134. DOI: 10.31857/S0201708322070105 (In Russian).
- Gromyko A.I.A. (ed.) (2023) *Evropa v global'noj peresborke* [Europe in global reassembly], IE RAS; Ves Mir Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian).
- Haroche P. (2023) A “Geopolitical Commission”: Supranationalism Meets Global Power Competition, *Journal of common market studies*, 61(4), pp. 970–987. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13440>
- Khesin E.S. (2020) Jekonomika Evropejskogo sojuza: itogi postkrizisnogo desjatiletija [Economy of the European Union: A Decade after the Crisis], *World economy and international relations*, 64(1), pp. 73–81. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-73-81 (In Russian).
- Kondratiev V.B. (2022) Rol' kriticheski vaznyh syr'evykh materialov v uslovijah jekonomicheskoj neopredelennosti: opyt ES [The role of critical raw materials in conditions of economic uncertainty: the EU experience], *Russian Mining Industry*, 4, 94–102. DOI: 10.30686/1609-9192-2022-4-94-102 (In Russian).
- Kondratieva N.B. (2020) *Evropejskaja model' integracii rynkov. Stanovlenie i perspektiva* [The European model of market integration. Formation and prospects], Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kübek G., Mancini I. (2024) EU Trade Policy between Constitutional Openness and Strategic Autonomy, *European Constitutional Law Review*, 19(3), pp. 518–547. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1574019623000226>
- Seidl T., Schmitz L. (2024) Moving on to not fall behind? Technological sovereignty and the ‘geodirigiste’ turn in EU industrial policy, *Journal of European Public Policy*, 31(8), pp. 2147–2174. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2248204>
- Shumilin A.I. (2019). Evrosojuz gotovitsja k “geopoliticheskomu ryvku” [The EU is preparing for a geopolitical breakthrough], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 6(12), pp. 4–11. DOI 10.15211/vestnikieran62019410 (In Russian).
- Teixeira J.E., Tavares-Lehmann A.T.C.P. (2022) Industry 4.0 in the European union: Policies and national strategies, *Technological Forecasting and Social Change*, 180, 121664. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.121664>

УДК 339.5; 332.02

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОСОБОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2024 ЖУКОВСКИЙ Андрей Дмитриевич

Кандидат экономических наук

Доцент кафедры Стратегического и инновационного развития

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2

E-mail: jukoffsky@gmail.com

Поступила в редакцию 12.02.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. В статье проанализированы тенденции и перспективы развития особой экономической зоны (ОЭЗ) в Калининградской области. Исследование опирается на актуальные статистические данные и источники, а также теоретико-методологический обзор принципов и подходов к использованию ОЭЗ в зарубежной и отечественной практике. В работе рассмотрены ключевые факторы, влияющие на развитие особой экономической зоны, включая географическое положение, инвестиционный климат, отраслевую специализацию и международные экономические отношения. Приведена динамика инвестиций в основной капитал Калининградской области. Обосновано, что эффективная инвестиционная политика способствовала росту валовой региональной продукции, существенно превышающему темпы роста ВВП России. Систематизированы преференции, предоставляемые компаниям – резидентам ОЭЗ в Калининградской области. Проанализирована динамика развития особой экономической зоны, дана оценка эффективности ее деятельности. В статье выделены специфические проблемы, с которыми сталкивается ОЭЗ в среднесрочной перспективе, такие как геополитические риски, дефицит высококвалифицированной рабочей силы и необходимость модернизации инфраструктуры. Особое внимание уделено перспективам развития ОЭЗ в контексте изменяющейся экономической ситуации и вызовов, связанных с международными санкциями и экономическими ограничениями. Результаты исследования имеют важное значение для формирования эффективных мер и механизмов с целью содействия устойчивому и инновационному развитию региональной экономики, преодоления вызовов и использования возможностей для долгосрочного роста.

Ключевые слова: особая экономическая зона, региональная экономика, регион, преференции, инвестиции, Калининградская область, ОЭЗ

DOI: 10.31857/S0201708324050139

В условиях современной внешнеполитической и геоэкономической обстановки Калининградская область стратегически важна для устойчивого развития Российской Федерации и укрепления позиций страны на международной арене. Это единственный российский регион, имеющий прямой выход к Балтийскому морю, что придает ему геополитическое значение и определяет специфические аспекты функционирования [Папоян, 2023]. Санкции и экономическая нестабильность выступают серьезным испытанием для единства экономического пространства страны [Соколов, Шепелев, 2023: 8]. В этих условиях активное развитие внутренних ресурсов и повышение социально-экономического потенциала Калининградской области [Лялина, 2024] приобретают особую значимость.

Особые экономические зоны (ОЭЗ) содействуют устойчивому экономическому развитию и привлечению инвестиций в регион, созданию новых рабочих мест, улучшению инвестиционного климата и экономической активности в различных отраслях. ОЭЗ выступают «инновационной обороной», обеспечивают России технологический суверенитет¹. Однако в условиях турбулентного изменения внешней среды они сталкиваются с многочисленными проблемами, такими как несовершенство систем управления, необходимость адаптации к результатам новой промышленной революции и сложности в достижении целей устойчивого развития [Соколова, Бутко, 2024]. Для России вопрос построения эффективной политики пространственного развития посредством особых экономических зон стоит особенно остро.

Теоретико-методологические аспекты исследования

Изучению применения института особых экономических зон для стимулирования устойчивого экономического роста в пространстве региона посвящено большое количество зарубежных теоретико-методологических исследований. В них рассмотрены различные аспекты формирования и функционирования ОЭЗ [Alansary, Ansari, 2023; Grant, 2020], важность налоговых, таможенных и экономических стимулов для максимального использования возможностей региона [Dorozynski, et al, 2018], модели особых экономических зон в виде индустриальных парков, экоиндустриальных парков, технопарков, инновационных районов и т. д., содействующие созданию благоприятной среды для внедрения инноваций на базе высокотехнологичных предприятий [Aggarwal, 2022]. Ряд российских исследований фокусируется на том, что ОЭЗ являются способом привлечения инвестиций, развития технологических производств и экспортоориентированных отраслей, снижают неравенство регионов и улучшают качество жизни населения [Антонова, 2023; Голикова, Молчанов, 2023; Корева и др., 2022]. В отечественной научной литературе так-

¹ Эксперты оценили перспективы особых экономических зон как драйверов роста. РБК. 09.10.2023. URL: <https://www.rbc.ru/neweconomy/news/6388c8d89a7947128eb1c84b> (дата обращения: 26.02.2024).

же рассматривается опыт зарубежных стран в использовании особых экономических зон и анализируется его применимость для России [Гамзатов, Чистова, 2023; Челпанова, Понежина, 2022]. Важным направлением исследований выступает анализ эффективности действующих ОЭЗ, выявление проблем и ограничений, с которыми они сталкиваются, и выработка рекомендаций по их улучшению [Петрова, 2023; Рахмеева, Чеснюкова, 2023].

Как зарубежная, так и российская практика свидетельствует о том, что единый подход к определению особой экономической зоны до сих пор не сформирован. В наиболее общей форме ОЭЗ представляет территорию страны с благоприятным экономическим и географическим положением. Согласно федеральному закону от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ, «особая экономическая зона – часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны»¹.

Цель статьи – определить тенденции развития особой экономической зоны в Калининградской области и перспективы ее функционирования, что представляет важное значение для понимания динамики развития региона через призму текущей сложной геополитической ситуации и особого географического положения.

В первой части статьи представлены тенденции развития особой экономической зоны в Калининградской области. Вторая часть посвящена перспективам развития ОЭЗ в контексте изменяющейся экономической ситуации и вызовов, с которыми сталкивается регион.

Тенденции развития особой экономической зоны в Калининградской области

Калининградская область – одна из самых крупных и длительно действующих ОЭЗ с преференциальным режимом хозяйствования в России. Для стимулирования развития региона и привлечения иностранных инвестиций в 1991 г. была создана свободная экономическая зона (СЭЗ) «Янтарь». С принятием в 1996 г. первого закона² об особом экономическом режиме СЭЗ сменила особая экономическая зона, режим которой с 1 января 2018 г. и до 31 декабря 2045 г. не только распространяется на территорию области, но и охватывает прибрежную акваторию³, что сделало регион единым инвестиционным пространством.

ОЭЗ Калининградской области обладает рядом уникальных особенностей (Табл. 1).

¹ Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 01.01.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 15.04.2024).

² Федеральный закон от 22.01.1996 № 13-ФЗ. Утратил силу. URL: <https://base.garant.ru/10105937/> (дата обращения: 15.04.2024).

³ Федеральный закон от 10.01.2006 № 16-ФЗ (ред. от 04.08.2023 № 447-ФЗ). URL: <https://rg.ru/documents/2023/08/07/fz447-site-dok.html/> (дата обращения: 15.04.2024).

Таблица 1

Уникальные характеристики ОЭЗ Калининградской области

Особенности	Характеристика
Уникальное географическое положение	Эксклавное расположение обеспечивает непосредственный доступ к международным рынкам и делает регион важным логистическим узлом для торговли между странами. Прямой выход к Балтийскому морю предоставляет стратегические возможности для морской торговли и транспортировки товаров.
Экономические и таможенные льготы	Компании ОЭЗ Калининградской области могут ввозить товары без уплаты таможенных пошлин и НДС до момента вывоза продукции за пределы зоны, что снижает издержки и повышает конкурентоспособность продукции на международных рынках. Налоговые преференции создают благоприятные условия для долгосрочных инвестиций и стимулируют развитие бизнеса.
Государственная поддержка	Государство покрывает расходы на транспортировку, временное жилье и обустройство специалистов, переезжающих в Калининградскую область. Совместные проекты с ведущими образовательными учреждениями для обучения и переподготовки специалистов повышают квалификацию работников и адаптируют их к требованиям современных производств.
Развитая инфраструктура и инновации	Современная логистическая инфраструктура обеспечивает эффективные транспортные маршруты для международной торговли. Создаются технопарки и инновационные кластеры для поддержки стартапов и высокотехнологичных компаний.
Туристическая привлекательность и развитие туризма	Благодаря культурному наследию и уникальной истории Калининградская область является популярным туристическим направлением. Включение туристической инфраструктуры в развитие ОЭЗ отличает регион от других, которые больше ориентированы на промышленное производство и логистику.

Источник: составлено автором

Калининградская область, обладая статусом ОЭЗ, получает ряд преференций, которые отличают ее от других российских особых экономических зон (Табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ условий функционирования ОЭЗ на территории России

Условия	ОЭЗ в Калининградской области	ОЭЗ в Тольятти	ОЭЗ в Липецкой области	ОЭЗ в Калужской области	ОЭЗ «Дубна» в Московской области
Требования к юрлицам	Регистрация в Калининградской области	Регистрация на территории ОЭЗ	Регистрация на территории ОЭЗ	Регистрация на территории ОЭЗ	Регистрация на территории ОЭЗ
Объем инвестиций	От 1 до 150 млн руб.	От 50 млн руб.	От 250 млн руб..	От 100 млн руб.	От 50 млн руб.
Налог на имущество	1 год 0% > 6 лет 1,1% > 12 лет	0% > 10	0% > 10	0% > 10	0% > 10
Земельный налог	0% > 5 лет	0% > 5 лет	0% > 5 лет	0% > 5 лет	0% > 5 лет
Налог на прибыль	1 год 0% > 6 лет 10 % > 12 лет	2% > 5 лет 7% > 6-10 лет 15,5% > от 10 лет	2% > 5 лет 7% > 6-10 лет 15,5% > от 10 лет	2% > 5 лет 7% > 6-10 лет 15,5% > от 10 лет	2% > 8 лет 5% > 9-14 лет 13,5% > от 15 лет

Условия	ОЭЗ в Калининград- ской области	ОЭЗ в Тольятти	ОЭЗ в Липецкой области	ОЭЗ в Калужской области	ОЭЗ «Дубна» в Москов- ской области
Страховые взносы	7,6% - 10 лет	28%	28%	28%	28%
Прочие пре- ференции	Беспошлинный ввоз товаров и компонентов; гос- ударственные компенсации за- трат на переезд и обустройство кад- ров	Льготы на социальные взносы, уско- ренная аморти- зация	Субсидии на инфраструк- тур-ные про- екты, госу- дарствен-ные гранты	Инновацион- ные кластеры, субсидии на НИОКР	Инновацион- ные гранты, субсидии на развитие ин- фраструк- туры

Источник: составлено автором по данным интернет-ресурсов¹.

С 1 января 2024 г. в связи с изменением бюджетного законодательства финансовое обеспечение предпринимателей ОЭЗ в Калининградской области осуществляется с помощью субвенций из федерального бюджета², распределение которых контролирует государство.

По данным единого реестра резидентов ОЭЗ в Калининградской области, в 2023 г. в особой экономической зоне были зарегистрированы 283 инвестиционных проекта с общим объемом заявленных инвестиций в первые три года реализации более 174 млрд руб. и штатной численностью (при выходе на проектные мощности) более 52 тыс. человек³. Показатели деятельности резидентов приведены в таблице 3.

Общий объем инвестиций в проекты ОЭЗ составил более 700 млн руб.⁴, что является значимой поддержкой для местной экономики и развития логистического сектора и способствует увеличению транспортной пропускной способности и повышению эффективности торговых операций через Калининградскую область.

¹ Особая экономическая зона в Калининградской области. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://invest.economy.gov.ru/osobaya-ehkonomicheskaya-zona-v-kaliningradskoj-oblasti>; Администрация особой экономической зоны в Калининградской области. URL: <https://oez.gov39.ru/stat-rezidentom/>; Инвестиционная декларация Липецкой области. URL: <https://lipetsk.tpprf.ru/ru/austria/Инвестиционная%20Декларация%20Липецкой%20области%202022.pdf>; Налоговые льготы и преференции. Агентство по привлечению инвестиций Самарской области. URL: <https://investinsamara.ru/about/mer-y-podderzhki/nalogovye-lgoty-i-preferentsii/>; Особые экономические зоны. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://invest.economy.gov.ru/osobyie-ehkonomicheskie-zony> (дата обращения: 20.03.2024).

² Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2023 г. № 2256. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408183063/?ysclid=lvatotrem9k744988615> (дата обращения: 16.04.2024).

³ Единый реестр резидентов ОЭЗ в Калининградской области. URL: <https://oez.gov39.ru/registry/> (дата обращения: 16.04.2024).

⁴ Продление инвестобязательств удержит крупный бизнес в калининградской ОЭЗ. Российская газета. 06.06.2023. URL: <https://rg.ru/2023/06/06/reg-szfo/prodlenie-investobiazatelstv-uderzhit-kрупnyj-biznes-v-kaliningradskoj-oez.html/> (дата обращения: 16.04.2024).

Таблица 3

Показатели деятельности резидентов ОЭЗ в Калининградской области, 2015–2023 гг.

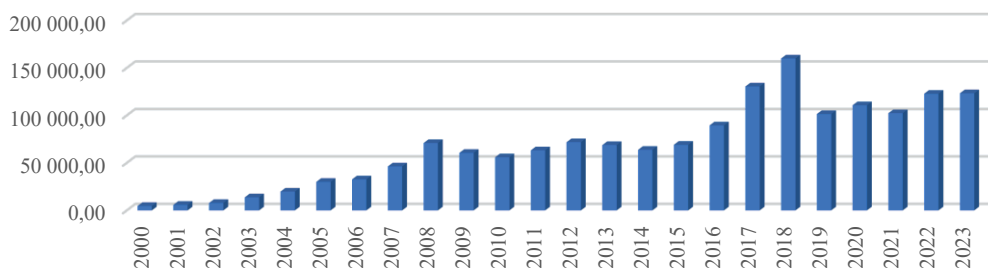
Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Темп роста 2023/2015, %
Количество резидентов ОЭЗ, ед.	108	126	137	200	235	253	257	277	284	262,96
Объем заявленных инвестиций (первые 3 года), млрд руб.	5,3	5,5	14,3	14,6	11,5	10,4	25,1	174,0	208,8	3 939,62
Заявленная численность работающих, ед.	2803	2652	6846	6697	2905	6714	6779	9119	52000	1 855,15

Источник: составлено и рассчитано автором по данным интернет-ресурса¹.

Инвестиционная привлекательность ОЭЗ Калининградской области (Рис. 1) привела к созданию крупных промышленных холдингов, которые определяют векторы развития региона, благоприятствуют экономическому росту и диверсификации.

Рисунок 1

**Динамика инвестиций в основной капитал предприятий-резидентов ОЭЗ
в Калининградской области, 2000-2023 гг., млн руб.**

Источник: рассчитано и составлено автором по данным интернет-ресурсов².

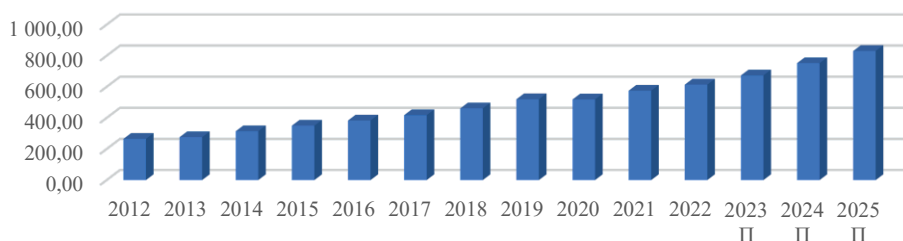
¹ Администрация особой экономической зоны в Калининградской области. URL: <https://oez.gov39.ru/?ysclid=lvajmt2m6p833349> (дата обращения: 15.04.2024).

² Динамика инвестиций в основную капитал Калининградской области в 2000–2022 гг. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%94%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B9%20%D0%B2%20%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%BA%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%202000-2022_908600.xlsx; Информация о социально-экономическом развитии Калининградской области в 2023 году. Правительство Калининградской области. URL: <https://gov39.ru/working/ekonomy/situation/> (дата обращения: 20.02.2024).

Успешная инвестиционная политика ОЭЗ в Калининградской области привела к росту валовой региональной продукции (ВРП), которая значительно превысила темпы роста ВВП России в среднем на 4% в год (Рис. 2). Согласно прогнозам Контрольно-счетной палаты, ожидается, что ежегодный рост ВРП Калининградской области в номинальном выражении составит 39%¹.

Рисунок 2

Динамика ВРП Калининградской области, 2021-2025 гг., млрд руб.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным интернет-ресурса²

Реализация сбалансированной промышленной, социальной и инфраструктурной политики в 2021 г. обеспечила особой экономической зоне в Калининградской области восьмое место в десятке лучших мировых ОЭЗ³.

Значительную роль в привлечении крупных предприятий и оживлении экономической активности в регионе сыграло создание в 2018 г. специального административного района (САР)⁴, предоставляющего компаниям, которые приняли решение о переводе из иностранной юрисдикции в российскую, гибкий режим налогового и валютного регулирования⁵.

Резкий рост популярности САР произошел в 2022 г. в связи с беспрецедентно жесткими антироссийскими санкциями. Принятие стимулирующих поправок в законодательство РФ создало более выгодные условия для переезда предприятий из-за рубежа. Перевод из офшорных зон в Калининградский САР таких компаний-гигантов, как «Яндекс», «Русал», сеть гипермаркетов «Лента», Газпромбанк, Сов-

¹ Заключение Контрольно-счетной палаты Калининградской области на проект закона Калининградской области «Об областном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». Калининград. 2022. URL: https://ksp39.ru/files/predvarit_kontrol/2022/zakl-popravki-14-11-2022.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

² Информация о социально-экономическом развитии Калининградской области в 2023 году.

³ Калининградская ОЭЗ заняла восьмое место в мировом рейтинге лучших экономических зон. Правительство Калининградской области. 15.10.2021. URL: <https://gov39.ru/press/300461/> (дата обращения: 01.004.2024).

⁴ Федеральный закон от 03.08.2018 № 291-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304082/ (дата обращения: 16.04.2024).

⁵ Бизнес в «русских офшорах»: особенности переезда в специальные административные районы России. Клерк.ру. 31.07.2023. URL: <https://www.klerk.ru/user/2216817/577461/> (дата обращения: 26.07.2023).

комбанк, группа ПИК, агропромышленная группа «Содружество», привел к укреплению репутации региона как перспективной инвестиционной территории [Куликов, Тихомирова, 2023]. За последние два года резиденты САР принесли области 30 млрд руб. инвестиций и 11 млрд руб. налогов¹.

В ОЭЗ для поддержки ключевых отраслей и проектов реализуется программа повышения мобильности трудовых ресурсов, которая предусматривает релокацию высококвалифицированных специалистов. Основная цель инициативы — содействие бизнесу в трудоустройстве узкоспециализированных работников. Регион испытывает недостаток в специалистах помимо прочего из-за своей географической специфики (Табл. 4).

Таблица 4

Основные меры государственной поддержки и влияние программы повышения мобильности трудовых ресурсов на регион

Основные меры государственной поддержки	Программы	Влияние на регион
Компенсация расходов на переезд	Финансовая поддержка для транспортировки личных вещей и членов семьи специалистов. Субсидии на временное жилье и аренду в первые месяцы проживания.	Создание новых возможностей для трудоустройства специалистов с высокой квалификацией.
Помощь в приобретении жилья	Возможность использовать сотрудниками до 800 тыс. руб. из общей суммы компенсации на покупку жилья в регионе.	Обеспечение компаний/резидентов высококвалифицированными кадрами для успешного функционирования и роста.
Поддержка в трудоустройстве и интеграции	Содействие в поиске работы для членов семьи. Программы адаптации и интеграции на новом рабочем месте.	Уменьшение дефицита специалистов посредством гармонизации рынка труда.
Гарантии от работодателей	Обязательство предоставить достойные условия труда и конкурентоспособный уровень заработной платы.	Положительное влияние на демографическую ситуацию в регионе благодаря привлечению новых жителей.
Дополнительные образовательные и профессиональные программы	Организация курсов повышения квалификации и профессионального обучения для релоцированных специалистов и местных кадров. Поддержка участия в отраслевых конференциях и семинарах для обмена опытом и повышения компетентности.	Стимулирование экономического развития региона через повышение уровня доходов работников.

Источник: составлено автором по данным интернет-ресурса²

¹ Совещание по вопросам социально-экономического развития Калининградской области. Официальный сайт Президента России. 25.01.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73305> (дата обращения: 29.07.2024).

² Релокация. Инвестиционный портал Калининградской области. URL: <https://investinkaliningrad.ru/investoru/gosudarstvennaya-podderzhka/programma-relokatsii/> (дата обращения: 29.07.2024).

Позитивные изменения и рост активности инвесторов подтверждают, что ОЭЗ успешно справляется со своими задачами. Однако особая экономическая зона сталкивается с вызовами и ограничениями, которые повлияют на ее развитие и эффективность в среднесрочной перспективе (Табл. 5). Для их преодоления необходимы эффективные стратегии привлечения инвестиций, улучшения инфраструктуры и создания более привлекательного инвестиционного климата.

Таблица 5

**Вызовы и ограничения развития ОЭЗ в Калининградской области
в среднесрочной перспективе**

Аспекты	Вызовы	Ограничения
Влияние геополитических факторов	Ограничение доступа к международным рынкам и инвестициям, нестабильность условий деловой среды	Потенциальные проблемы с экспортом и импортом через соседние страны
Географическое положение	Сложности в логистике и доступе к внутренним рынкам страны из-за удаленности региона от основной части России	Зависимость от логистики через территорию других стран, что может ограничить поток инвестиций и развитие международной торговли.
Необходимость привлечения инвестиций и технологий	Недостаток финансовых ресурсов, ограниченный доступ к передовым технологиям и инновациям	Низкий уровень инвестиционной привлекательности региона, конкуренция с другими экономическими зонами и регионами
Конкуренция с другими регионами и ОЭЗ	Необходимость разработки и реализации эффективных стратегий привлечения инвестиций и поддержки бизнеса в условиях конкуренции	Увеличение конкуренции за привлечение инвестиций и компаний в рамках Балтийского региона
Экономическая изоляция	Необходимость разработки и реализации адаптивных стратегий развития, а также поиска альтернативных источников инвестиций и партнеров	Ограничение доступа к международным рынкам, инвестициям и технологиям, а также увеличение трудностей в международной торговле

Источник: составлено автором.

Перспективы развития ОЭЗ в Калининградской области

Для достижения устойчивого роста и повышения эффективности требуется комплексный подход, который включает как внутренние меры по улучшению условий для бизнеса, так и внешние инициативы по укреплению международных связей и привлечению инвестиций. Концентрация только на количестве участников недостаточна.

Несмотря на постоянное ужесточение антироссийских санкций, Калининградская область не изолирована от остальной территории России. Федеральные и региональные власти активно работают над смягчением последствий геополитической напряженности и усложненной логистики. По мнению экспертов, некоторые отрасли не только адаптировались к ограничениям, но и демонстрируют рост под воздействием последних. В условиях закрытия российского рынка для иностранных компаний увеличился спрос на отечественную продукцию, что улучшает усло-

вия конкуренции внутри страны. Наблюдается значительный рост в туристической индустрии и сфере *HoReCa*¹, поскольку россияне активнее используют местные услуги из-за закрытия международных туристических маршрутов².

Реализация экономических проектов и запуск новых инициатив будут напрямую зависеть от доступности квалифицированных сотрудников на рынке труда. В связи с этим в рамках государственной программы по развитию Калининградской области на период с 2024 по 2026 гг. федеральная поддержка в размере более 72 млрд руб. направлена, в частности, на решение проблемы дефицита кадров. С 2026 г. предусмотрено дополнительное финансирование в размере 5,7 млрд руб., предназначенное для строительства кампуса среднего профессионального образования, который будет ежегодно выпускать 1000 студентов по 20 различным специальностям³.

Для адаптации к изменяющимся условиям и преодоления текущих вызовов для устойчивого развития ОЭЗ в Калининградской области необходимы следующие изменения.

- Создание условий для развития внутреннего рынка. Вместо преимущественно экспортной ориентации ОЭЗ должна концентрировать усилия на развитии внутреннего рынка России и стимулировании производства товаров и услуг для удовлетворения региональных потребностей, что позволит снизить зависимость от внешних экономических факторов.

- Фокус на инновационных и высокотехнологичных отраслях. ОЭЗ необходимо переориентироваться на развитие инновационных отраслей, включая высокие технологии, биотехнологии и информационные технологии, которые менее зависимы от внешних рынков и способствуют созданию новых высококвалифицированных рабочих мест.

- Привлечение внутренних инвесторов и разработка специальных программ поддержки и льгот для них. Уход от зависимости от иностранных инвестиций и активное привлечение внутренних позволят снизить воздействие международных санкций и экономических ограничений.

- Развитие местных рынков сбыта. ОЭЗ нужно направлять усилия на развитие местных рынков сбыта для продукции и услуг, что позволит диверсифицировать производство и снизить зависимость от экспорта.

- Стимулирование внутреннего потребления. Для развития особой экономической зоны необходимы меры по поощрению внутреннего потребления, в частности программы льготного кредитования и поддержка малого и среднего бизнеса.

Следует также переориентировать целевой диапазон ОЭЗ на инвестиции в технологические и экспортоориентированные компании, что позволит усилить дей-

¹ Акроним от *hotel* (гостиница), *restaurant* (ресторан), *catering* (кейтеринг).

² «Неочевидные партнеры и рост под давлением»: как экономика региона адаптировалась к санкциям за два года. Информационно-аналитический портал Калининграда. 26.02.2024. URL: <https://kgd.ru/news/society/item/108057-neochevidnye-partnjory-i-rost-pod-davleniem-kak-jekonomika-regiona-adaptirovalas-k-sankciyam-za-dva-goda> (дата обращения: 29.07.2024).

³ Объем федподдержки Калининградской области в 2024-2026 гг. составит 72 млрд руб. Ведомости Северо-Запад. 26.01.2024. URL: <https://spb.vedomosti.ru/economics/news/2024/01/26/1016904-obem-fedpodderzhki-kaliningradskoi-oblasti-v-2024-2026-gg-sostavit-72-mlrd-rub> (дата обращения: 29.07.2024).

ствие особой экономической зоны как фактора развития внешнеэкономических отношений особенно с учетом новых логистических направлений и интенсификации внутрихозяйственных связей. Для достижения этой цели представляется важным своевременное повышение льготного финансирования для малого и среднего бизнеса, который находится в сложных условиях постковидного восстановления.

Таким образом, предложенные изменения позволят создать более устойчивую и адаптивную особую экономическую зону, способную эффективно реагировать на внешние и внутренние вызовы и направленную не только на улучшение экономических показателей региона, но и на повышение качества жизни населения. Перспективные направления развития ОЭЗ в Калининградской области систематизированы в таблице 6.

Таблица 6
Перспективные направления развития ОЭЗ в Калининградской области

Перспективы	Характеристика
Развитие внешне-торговых отношений с дружественными странами	Создание совместных проектов и предприятий, расширение рынков сбыта; развитие торговых связей с Китаем, Индией, странами Юго-Восточной Азии и Африки для снижения зависимости от европейских рынков; установление новых торговых отношений и расширение присутствия на рынках Латинской Америки.
Диверсификация экономики	Расширение отраслевого спектра, поддержка новых и перспективных отраслей (высокие технологии и ИТ), создание стартапов и исследовательских проектов в области информационных технологий, искусственного интеллекта и программного обеспечения; развитие биофармацевтических производств и медицинских исследований, создание лабораторий и клиник, а также внедрение новых медицинских технологий.
Развитие инфраструктуры	Модернизация и расширение транспортной, логистической и промышленной инфраструктуры для улучшения условий ведения бизнеса.
Развитие экспортно-ориентированных отраслей	Поддержка отраслей, ориентированных на экспорт, таких как производство и переработка сельскохозяйственной продукции, машиностроение и химическая промышленность, производство автозапчастей, электроники, текстиля и пищевой промышленности, для увеличения объемов экспорта и привлечения инвестиций.
Привлечение инвестиций в исследования и разработки	Создание конкурентного преимущества для предприятий в регионе через поощрение инвестиций в исследования и разработку новых технологий и инноваций.
Сотрудничество с международными компаниями	Продолжение работы по привлечению иностранных инвесторов путем проведения маркетинговых кампаний, организации бизнес-миссий и участия в международных выставках и конференциях. Рост занятости и развитие технологических кластеров благодаря увеличению объемов инвестиций в регион.
Повышение качества рабочей силы	Привлечение высококвалифицированных специалистов, способных удовлетворить потребности предприятий ОЭЗ, посредством инвестиций в образование и профессиональное обучение кадров.
Улучшение бизнес-среды	Сокращение бюрократических барьеров, упрощение процедур регистрации бизнеса и улучшение правовой защиты прав инвесторов.

Источник: составлено автором.

Развитие ОЭЗ требует комплексного подхода и учета уникальных условий региона. Эффективное управление особой экономической зоны должно основываться как на геополитическом положении региона, так и на текущей экономической обстановке.

Заключение

Калининградская область обладает стратегическим значением и выступает важным транзитным узлом и торговым хабом в условиях изменяющегося геополитического ландшафта. Развитие ОЭЗ должно учитывать эти особенности и предоставлять возможности для использования географического преимущества региона. Благодаря расширению и укреплению внешнеторговых отношений с дружественными странами особая экономическая зона станет более конкурентоспособной и устойчивой к внешним экономическим изменениям, что создаст новые возможности для привлечения инвестиций и роста региона в долгосрочной перспективе.

ОЭЗ предоставляют уникальные возможности для диверсификации экономики региона. Развитие новых отраслей, таких как высокие технологии и биотехнологии, наряду с поддержкой традиционных производств и услуг позволит снизить зависимость от отдельных секторов и рынков, а также создать устойчивую экономическую базу. Эффективное привлечение инвестиций и модернизация инфраструктуры выступают основой успешного развития особой экономической зоны. Необходимы поддержка новых и инновационных проектов, улучшение транспортной и логистической инфраструктуры, а также создание благоприятных условий для ведения бизнеса. Повышение квалификации рабочей силы и создание качественной бизнес-среды содействуют долгосрочному росту и стабильности региона. Привлечение специалистов и их адаптация, а также упрощение регуляторных процедур играют ключевую роль в успешном функционировании особой экономической зоны.

Таким образом, выводы исследования подтверждают важное значение ОЭЗ в Калининградской области, эффективное развитие которой может существенно способствовать экономическому росту и социальному благополучию региона, если будет применен комплексный и стратегический подход к решению существующих проблем и использованию предоставленных возможностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова О. В. (2023) Сравнительный анализ эффективности особых экономических зон и их влияния на развитие территорий. *Экономические науки*. № 219. С. 17–19.
- Величко Е.А., Иванова В.И. (2024) Цели и принципы создания особых экономических зон. *Вестник университета*. № 5. С. 103–115.
- Гамзатов Р. Э., Чистова М.В. (2023) Тенденции развития особых экономических зон в Российской Федерации. *Наукаосфера*. № 3-2. С. 306–309.
- Голикова Ю. Б., Молчанов Я.В. (2023) Возможности использования особых экономических зон для развития инфраструктуры региона. *Вестник ГГУ*. № 2. С. 317–326.
- Корева О.В., Тихий В.И., Тяпкина А.П. (2022) Исследование особых экономических зон в контексте устойчивого развития регионов. *Дискуссия*. № 113. С. 52–65.
- Куликов А. В., Тихомирова М.С. (2023) Перспективы развития Калининградской области в условиях особой экономической зоны: сравнительный анализ законодательства. *Технико-технологические проблемы сервиса*. № 2(64). С. 112–116.
- Лялина А.В. (2024). Социально-экономическое развитие Калининградской области в новых условиях: локальная специфика. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*. №1. С. 85–106.
- Папоян Т. А. (2023) Специфика Калининградской области как особой экономической зоны. *Первый экономический журнал*. № 7(337). С. 82–89.

Петрова О. А. (2023) Методология оценки функционирования особых экономических зон. *Экономические науки*. № 218. С. 185–187.

Рахмеева И. И., Чеснюкова Л. К. (2023) Особые экономические зоны: эконометрическая оценка эффектов и перспективы развития. *Вестник Пермского университета: Серия «Экономика»*. Т. 18. № 1. С. 5–24.

Соколов Н. С., Шепелев М.И. (2023) Значение особых экономических зон в современных условиях санкционного давления. *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. № 5. С. 70–73.

Соколова Е.Н., Бутко Д.В. (2024) Роль особых экономических зон в решении региональных проблем. *Экономический вектор*. №1(36). С. 75–78.

Челпанова М. М., Понежина Л. Ю. (2022) Основные проблемы функционирования особых экономических зон и пути их решения. *Финансовое право*. № 3. С. 31–34.

Aggarwal A. (2022). *Special Economic Zones for Shared Prosperity: Brunei Darussalam–Indonesia–Malaysia–Philippines East ASEAN Growth Area*. Asian Development Bank.

Alansary O.S., Ansari T. (2023) Defining ‘free zones’: A systematic review of literature, *Heliyon*. Vol. 9. Iss. 4. Pp. 153–171.

Dorozynski T., Swierkocki J., Urbaniak W. (2018) Determinants of investment attractiveness of polish special economic zones, *Entrepreneurial Business and Economics Review*. Vol. 6. No. 4. Pp. 161–180.

Grant M. (2020) Why special economic zones? Using trade policy to discriminate across importers. *The American Economic Review*. Vol 110. No. 5. Pp. 1540–1571.

Trends and Prospects of the Special Economic Zone in the Kaliningrad Region

A.D. Zhukovskii

Candidate of Sciences (Economic)

Associate Professor of the Department of Strategic and Innovative development

Financial university under the Russian Federation

125167, Russia, Moscow, st. Leningradsky Prospekt, 49/2

E-mail: jukoffsky@gmail.com

Abstract. The article analyses trends and prospects for the development of a Special Economic Zone (SEZ) in the Kaliningrad region. The research is based on current statistical data and sources, as well as a theoretical and methodological review of the principles and approaches to the use of SEZ. The article examines the key factors influencing the development of the SEZ, including the geographical location of the region, the investment climate, industry specialization and international economic relations. The dynamics of investments in fixed assets of the Kaliningrad region is presented, as well as the justification that an effective investment policy in the region contributed to the growth of gross regional output, significantly exceeding the growth rate of Russia's GDP. The preferences provided to SEZ resident companies in the Kaliningrad region are systematised. During the study period there was a constant increase in key indicators, which indicates the positive impact of the SEZ on the economic development of the region. The article highlights the specific problems faced by the development of the SEZ in the medium term, such as geopolitical risks, a shortage of highly qualified labor and the need to modernise infrastructure. Special attention is paid to the prospects for the development of the SEZ in the context of the changing economic situation and the challenges associated with international sanctions and economic restrictions. The results of the study represent a significant contribution to the development of SEZ development strategies in the Kaliningrad region, as well as to decision-making in the field of economic policy. The conclusions are important for the formation of effective measures and mechanisms that contribute to the sustainable and innovative development of the regional economy, as well as to overcome current challenges and use the opportunities provided for long-term growth.

Keywords: special economic zone, regional economy, region, preferences, investments, Kaliningrad region, SEZ

DOI: 10.31857/S0201708324050139

REFERENCES

- Antonova O. V. (2023) Srovnitel'nyj analiz effektivnosti osobyyh ekonomicheskikh zon i ih vliyaniya na razvitiye territorij [Comparative analysis of the effectiveness of special economic zones and their impact on the development of territories], *Ekonomicheskie nauki*, 219, pp. 17–19. (In Russian).
- Velichko E.A., Ivanova V.I. (2024) Celi i principy sozdaniya osobyyh ekonomicheskikh zon [Goals and principles of creation of special economic zones], *Vestnik universiteta*, 5, pp. 103–115. (In Russian).
- Gamzatov R. E., Chistova M.V. (2023) Tendencii razvitiya osobyyh ekonomicheskikh zon v Rossijskoj Federacii. Naukosfera [Trends in the development of special economic zones in the Russian Federation], *Naukosfera*, 3-2, pp. 306–309. (In Russian).
- Golikova Y. B., Molchanov Y.V. (2023) Vozmozhnosti ispol'zovaniya osobyyh ekonomicheskikh zon dlya razvitiya infrastruktury regiona [Possibilities of using special economic zones for the development of the region's infrastructure], *Vestnik GGU*, 2, pp. 317–326. (In Russian).
- Koreva O.V., Tihij V.I., Tyapkina A.P. (2022) Issledovanie osobyyh ekonomicheskikh zon v kontekste ustojchivogo razvitiya regionov [Study of special economic zones in the context of sustainable development of regions], *Diskussiya*, 113, pp. 52–65. (In Russian).
- Kulikov A. V., Tihomirova M.S. (2023) Perspektivy razvitiya Kaliningradskoj oblasti v usloviyah osoboj ekonomicheskoy zony: sravnitel'nyj analiz zakonodatel'stva [Prospects for the development of the Kaliningrad region in the conditions of the special economic zone: comparative analysis of legislation], *Tekhniko-tehnologicheskie problemy servisa*, № 2 (64), pp. 112–116. (In Russian).
- Lyalina A.V. (2024). Social'no-ekonomicheskoe razvitiye Kaliningradskoj oblasti v novyyh usloviyah: lokal'naya specifika [Socio-economic development of the Kaliningrad region in new conditions: local specifics], *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 1, pp. 85–106. (In Russian).
- Papoyan T. A. (2023) Specifika Kaliningradskoj oblasti kak osoboj ekonomicheskoy zony [The specifics of the Kaliningrad Region as a special economic zone], *Pervyy ekonomicheskij zhurnal*, 7 (337), pp. 82–89. (In Russian).
- Petrova O. A. (2023) Metodologiya ocenki funkcionirovaniya osobyyh ekonomicheskikh zon [Methodology for assessing the functioning of special economic zones], *Ekonomicheskie nauki*, 218, pp. 185–187. (In Russian).
- Rahmeeva I. I., Chesnyukova L. K. (2023) Osoby ekonomicheskije zony: ekonometricheskaya ocenka effektiv i perspektivy razvitiya [Special economic zones: econometric assessment of effects and development prospects], *Vestnik Permskogo universiteta: Seriya «Ekonomika»*, 18 (1), pp. 5–24. (In Russian).
- Sokolov N. S., Shepelev M.I. (2023) Znachenie osobyyh ekonomicheskikh zon v sovremennyh usloviyah sankcionnogo davleniya [The importance of special economic zones in modern conditions of sanctions pressure], *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii*, 5, pp. 70–73. (In Russian).
- Sokolova E.N., Butko D.V. (2024) Rol' osobyyh ekonomicheskikh zon v reshenii regional'nyh problem [The role of special economic zones in solving regional problems], *Ekonomicheskij vector*, №1(36), pp.75–78. (In Russian).
- Chelpanova M. M., Ponezhina L. Y. (2022) Osnovnye problemy funkcionirovaniya osobyyh ekonomicheskikh zon i puti ih resheniya [The main problems of the functioning of special economic zones and ways to solve them], *Finansovoe parvo*, 3, pp. 31–34. (In Russian).
- Aggarwal A. (2022). *Special Economic Zones for Shared Prosperity: Brunei Darussalam–Indonesia–Malaysia–Philippines East ASEAN Growth Area*. Asian Development Bank.
- Alansary O.S., Ansari T. (2023) Defining ‘free zones’: A systematic review of literature, *Heliyon*, 9 (4), pp. 153–171.
- Dorozynski T., Swierkocki J., Urbaniak W. (2018) Determinants of investment attractiveness of polish special economic zones, *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 6 (4), pp. 161–180.
- Grant M. (2020) Why special economic zones? Using trade policy to discriminate across importers, *The American Economic Review*, 110 (5), pp. 1540–1571.

УДК 327

EFFICIENCY AND PRODUCTIVITY EVALUATION OF HEALTHCARE SYSTEMS OF NORTHERN EUROPE AND THE BALTIC REGION

© 2024 SHAILENDER Singh

*MBA, Ph.D, Head Research & Associate Professor,
Symbiosis Law School, Noida, Symbiosis International Deemed University, Pune, India;
E-mail: reshulllus@yahoo.com*

© 2024 MEENAKSHI Kaul

*M.Com, Ph.D, Deputy Director & Assistant Professor,
Symbiosis Law School, Noida, Symbiosis International Deemed University, Pune, India;
E-mail: kaulmeenakshi77@gmail.com*

© 2024 AAKANKSHA Uppal

*MBA, Ph.D, Assistant Professor,
Symbiosis Law School, Noida, Symbiosis International Deemed University, Pune, India;
E-mail: aakanksha.uppal@gmail.com*

© 2024 CHANDRASHEKHAR J Rawandale

*LLM, Ph.D, Director & Professor,
Symbiosis Law School, Noida, Symbiosis International Deemed University, Pune, India;
E-mail: director@symlaw.edu.in*

Поступила в редакцию 26.02.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Abstract. The study estimates the efficiency of healthcare systems of Northern Europe and the Baltic region countries. The analytical tools of a two-stage Data Envelopment Analysis and Malmquist DEA are applied to assess the efficiency and changes in health systems' productivity for the studied countries. The study data is extracted from the World Development Indicators from 2000 to 2020. Evidence reveals that only nine countries have an efficient healthcare system, and the healthcare systems of Germany and Lithuania were found to be inefficient. A reference between the inefficient and the efficient countries further demonstrates that the inefficient countries outperformed the reference group. Moreover, the estimates obtained by applying the Tobit regression model show that only the Gini coefficient significantly affects the inefficiency of the healthcare

systems of the studied countries. Furthermore, it is found that the total factor productivity declined by 0,1% over the period of one decade, and the decay in healthcare systems' productivity is driven purely by technical change not by technological change. Therefore, the policy implication of the findings suggests that pursuing sound economic policies that ensure fair income distribution in the studied countries has the potential to overcome the existing level of inefficiency in the healthcare systems and subsequently lead to improvement in health outcomes.

Keywords: Two-stage DEA, Malmquist DEA, healthcare systems efficiency, Baltic region

DOI: 10.31857/S0201708324050140

Introduction

For countries, achieving sustainable development requires maintaining functional health systems. As a result, estimating the health systems' performance is integral to strengthening their efficiency. Therefore, having a functional and efficient health system counts greatly as far as improving health outcomes is concerned. The central objective of estimating the healthcare system's efficiency is to understand how resources budgeted for healthcare are utilized for improving health outcomes for the overall population. One of the World Health Organization's (WHO) publications [Tandon et al., 2000] believes that improving the population's health, meeting the population's expectations, and ensuring that the financial burden of accessing healthcare is distributed fairly are the fundamentals for monitoring health systems' performance.

Numerous studies have assessed the performance of healthcare systems worldwide. For instance, Anderson and Hussey [Anderson, Hussey 2001] estimated the performance of health systems across the world through various studies. The health systems of OECD countries are compared with the US health system, and evidence reveals that the efficiency of the latter has declined relatively over four decades [Asandului, Roman, Fatulescu, 2014]. The efficiency of the health systems of European countries is evaluated, and the findings highlight that while a substantial number of countries are not efficient, a large number of countries are positioned well on the efficiency frontier. Similarly, Top, Konca, and Sapaz [Top, Konca, Sapaz, 2020] have evaluated the technical efficiency of African nations' health systems and found that 58,3% of the countries of Africa had efficient healthcare systems [Singh et al., 2021]. The health systems in Southeast Asian countries has been studied, and the authors concluded that total factor productivity declined during the period studied [Mohamadi et al., 2020]. Iran's health system's efficiency is compared with that of the upper middle-income countries, and the findings show that while health system in 15 countries had improved, efficiency declined in 20 countries [Ibrahim, 2023]. The efficiency and productivity of the health systems of African nations are evaluated, and the findings reveal that African countries are not efficient in providing maternal and infant care [El Husseiny, 2023]. The efficiency of the healthcare systems of Arab nations is assessed, and evidence shows that only six countries are efficient, assuming that both returns to scale orientations are examined. A recent study by Konca and Top [Konca, Top, 2023] evaluated the efficiency of the health systems of the OECD countries, and the authors concluded that

per capita GDP, unemployment rate, and university graduates negatively affected the efficiency score. Health systems' efficiency estimation within and across serves as a crucial way to understand if the health systems are performing to the expected level, or are underperforming, and a comparative study on the efficiency level of health systems becomes easier than ever with the availability of data. Tigga and Mishra [Tigga, Mishra, 2015] and Naylor, Iron, and Handa [Naylor, Iron, Handa, 2002] have assessed the performance of the health systems of countries with common socioeconomic characteristics. It serves as the usual approach researchers employ to estimate the levels of efficiency among countries. Even though the healthcare systems differ due to their historical and socioeconomic circumstances, they are expected to provide affordable healthcare services to the population they are established to serve.

This paper aims to estimate the efficiency and productivity of health systems for the countries of Northern Europe and the Baltic (CUB) region. The subsequent section presents the methods followed in the study, the empirical results and conclusions.

Methods

This study evaluates the performance of the health systems of the CUB countries using two-stage DEA and Malmquist DEA from 2010 to 2020. The study countries have been selected based on the apparent reality that they have the highest burden of NCDs and infant mortality compared to the entire countries of the Euro Area and the OECD countries. Similarly, the study countries have the lowest life expectancy at birth measured in years relative to their counterparts using data reported by World Development Indicators. The study countries have the lowest levels of the indicators considered as health outcomes in this study. Thus, this paper considers assessing the efficiency of the health system of these countries to offer important policy suggestions on the best way to improve health outcomes. In the two-stage DEA method, the input and output variables are collected for 2016, considering that all the countries have reported data in that particular year. Moreover, the data is collected from 2010 to 2020 in the analysis of the Malmquist DEA. The performance of the national health system of countries of CUB is evaluated at a particular period using two-stage DEA and over one decade using Malmquist DEA.

The DEA Method

The DEA method is the most often used approach in assessing health systems' performance in the contemporary literature. This is a nonparametric technique that shows an efficient boundary where only the best-performing countries are positioned after solving the linear programming problem. The common challenge practitioners encounter in evaluating health systems' efficiency is the difficulty in defining the indicators to be used as inputs and outputs. Therefore, to overcome this challenge, this paper followed the existing literature and applied the DEA method, often employed for evaluating health systems' efficiency where defining inputs and outputs seem difficult initially. The DEA method assigns a unit score to the country that performs efficiently and below a unit score to a less well-performing country, which is termed inefficient. Fundamentally, Farrell [Farrell, 1957] developed and introduced the DEA methods to the literature. The DEA method can either be input or

output-oriented. The output-oriented DEA aims to maximize output subject to the inputs available. However, the input-oriented DEA targets to minimize the available inputs subject to the output. Therefore, this paper applied DEA with input orientation to estimate the performance of the CUB's health systems.

Moreover, Charnes, Cooper, and Rhodes [Charnes, Cooper, Rhodes, 1978] introduced a constant return to scale (CRS) perspective to DEA analysis. Subsequently, Banker Charnes and Cooper [Banker, Charnes, Cooper, 1984] developed the variable return to scale (VRT) approach to the DEA method. The CRT approach argues that inputs and outputs should be increased proportionately. However, the VRT model assumed that an increase in outputs may differ significantly from an increase in inputs. Thus, choosing between CRS or VRT alters the outcome of the efficiency analysis specific to each country.

Moreover, the other factor altering the efficiency analysis results is deciding the specific orientation of the DEA method. Therefore, this paper assesses the efficiency of the CUB countries' health systems under pure technical efficiency change, and thus, the VRT-input-oriented DEA method is applied. This method is applied following the extant literature [Chern, Wan, 2000; Ozcan, 2008]. The VRT input-oriented approach to DEA can be written as:

$$\text{Max} \frac{\sum_{r=1}^s u_{rk} y_{rk} + \mu_0}{\sum_{i=1}^m v_{ik} x_{ik}} \quad (1)$$

$$\text{Constraints; } \frac{\sum_{r=1}^s u_{rk} y_{rk} + \mu_0}{\sum_{i=1}^m v_{ik} x_{ij}} \leq 1 \quad (j = 1, 2, 3 \dots n)$$

$$v_{ik}, v_{rk} \geq \varepsilon > 0, (r = 1, 2, \dots, s), (i = 1, 2, \dots, m), \mu_0 \in R$$

Furthermore, after obtaining the DEA results, the Tobit regression is applied in the second phase of the investigation. Thus, the general expression for estimating Tobit regression can be written as:

$$y_i^* = x_i' \beta + \mu_i \quad (i = 1, \dots, n)$$

$$y_i = \begin{cases} y_i^*, & \text{if } y_i^* > 0 \\ 0, & \text{if } y_i^* \leq 0 \end{cases}$$

$$\mu_i \sim IIN(0, \delta^{-2})$$

Where y_i^* is a latent variable taken as “y” if it appears positive and zero otherwise. The error term μ_i is assumed to be normally distributed with zero means and $\delta^2 > 0$. Since the Tobit regression used the DEA results as the dependent variables, the analysis requires that the estimated DEA scores be censored from the left at zero. Therefore, the same censoring process is applied to the Tobit regression model used in this study.

The Malmquist Productivity Index (MPI)

Efficiency entails maximizing output from a set input or achieving a desired output using minimal inputs, under the assumption that efficient firms are operating at the peak of their production capabilities. Technological advancements and reducing wastage of inputs

can enhance efficiency gradually. Hence, assessing efficiency fluctuations across different units over time is a sensible approach for management and control purposes.

The MPI is applied to estimate productivity dynamics in the health systems of CUB countries from 2010 to 2020. The DEA method applied in the successive analysis assesses the health systems' efficiency for 2016 alone, considering that all the indicators employed in the model have no missing data in the reference year. The MPI measures efficiency by analyzing changes in performance at different periods and for different countries. The MPI measures changes in total factor productivity in two periods by estimating the ratio of the distance of each period considering the existing technology. Thus, following the efficiency and productivity analysis [Coelli, Prasada Rao, O'Donnell, Battese, 2005], if the level of technology is denoted as the output-oriented MPI between the two periods can be written as:

$$m_o^t(q_s, x_s, q_t, x_t) = \frac{d_0^t(q_t, x_t)}{d_0^t(q_s, x_s)}. \quad (2)$$

In the same way, if s is used as the reference period for the level of technology, equation (2) can be written as:

$$m_o^s(q_s, x_s, q_t, x_t) = \frac{d_0^s(q_t, x_t)}{d_0^s(q_s, x_s)}. \quad (3)$$

If the firm is technically efficient in the two periods, $d_0^s(q_s, x_s) = 1$, thus

$$m_o^s(q_s, x_s, q_t, x_t) = d_0^s(q_t, x_t) \quad (4)$$

Equation (4) shows that the notations $d_0^s(q_t, x_t)$ show the expected distance from period t observation to the period s technology, $m_o^s(q_s, x_s, q_t, x_t)$ is the lowest output-deflation factor, given that the vector for the deflated-output for the firm in period t , $q_t/[m_o^s(\cdot)]$, and the input vector, x_t , are on the production frontier of the technology in period s . However, if the firm's level of productivity is higher than the period 's', technology implies, then $m_o^s(\cdot) > 1$.

As argued by Farrell [Farrell, 1957], the two periods (s and t) are similar if the level of technology is Hicks and neutral to the output level. This implies that if the output distance functions can be represented as $d_0^s(q_t, x_t) = A(t)d_0(q_t, x_t)$, for all t . Therefore, to do away with the problem of imposing any restriction or choosing one of the technologies arbitrarily, following Caves, Christensen and Diewert [Caves, Christensen, Diewert, 1982], the MPI is commonly given as the geometric mean of the two periods and can be written as:

$$m_o(q_s, x_s, q_t, x_t) = \left[\frac{d_0^s(q_t, x_t)}{d_0^s(q_s, x_s)} \times \frac{d_0^t(q_t, x_t)}{d_0^t(q_s, x_s)} \right]^{1/2}, \quad (5)$$

The productivity's index distance functions can be disentangled into the technical efficiency change and technical change written as:

$$m_o(q_s, x_s, q_t, x_t) = \frac{d_0^t(q_t, x_t)}{d_0^s(q_s, x_s)} \left[\frac{d_0^s(q_t, x_t)}{d_0^t(q_t, x_t)} \times \frac{d_0^s(q_s, x_s)}{d_0^t(q_s, x_s)} \right]^{1/2}, \quad (6)$$

It is observed that the output-oriented component of efficiency between the two periods (s and t) is given as the ratio of the expression written outside the brackets of equation (6). This implies that the efficiency change ratio in period t to the efficiency change in the s period is analogous to the change in the efficiency index. The rate of technical change between the two periods is measured by the other component given in equation (6). Thus, the geometric mean of the entire frontier shift in the level of technology between two periods given as x_t and x_s shows the geometric mean part of the index. Therefore, the two terms in equation (6) can be separately written as:

$$\text{Efficiency change} = \frac{d_0^t(q_t, x_t)}{d_0^s(q_s, x_s)} \quad (7)$$

and

$$\text{Technical change} = \left[\frac{d_0^s(q_t, x_t)}{d_0^t(q_t, x_t)} \times \frac{d_0^s(q_s, x_s)}{d_0^t(q_s, x_s)} \right]^{1/2} \quad (8)$$

Moreover, some authors have offered other plausible divisions in the efficiency change and technical change component of the MPI index. Farell [1957] suggested that efficiency change could be divided into scale efficiency and pure efficiency change. This division has been widely used in the literature and heavily criticized on the other hand. This division involves taking the efficiency change components in equation (7) and disentangling them into a pure efficiency change component written as:

$$\text{Pure efficiency change} = \frac{d_{0v}^t(q_t, x_t)}{d_{0v}^s(q_s, x_s)} \quad (9)$$

The scale efficiency change component and

Scale efficiency change

$$= \left[\frac{d_{0v}^t(q_t, x_t)/d_{0c}^t(q_t, x_t)}{d_{0v}^s(q_s, x_s)/d_{0c}^s(q_s, x_s)} \times \frac{d_{0v}^s(q_t, x_t)/d_{0c}^s(q_t, x_t)}{d_{0v}^s(q_s, x_s)/d_{0c}^s(q_s, x_s)} \right]^{1/2} \quad (10)$$

The component scale efficiency change is given as the geometric mean of the estimates of two scale efficiency changes. The first portion is relative to the technology period designated as t , and the second is related to the technology period taken as s . Accordingly, it is important to understand that the extra subscripts, v and c are related to the VRT and CRS technologies.

Table 1 shows the variables defining the model of this study. In the two-stage DEA method, this paper collects data for 2016, considering that data for all the variables is reported in that particular year. For the Malmquist DEA method, the data is collected from 2010 to 2020 for all the variables. The interpolation method is applied where missing values are reported in the data. The variables used as inputs in this model consisted of current health expenditure, physician density, nurse density, hospital beds, Gini-coefficient, and unemployment rate. Life expectancy at birth (total), infant mortality rate (total), and mortality rate from chronic diseases are employed as the output variables.

Table 1

Study variables and definitions

Variables	Description
Physician per 1000 population	This gives the number of qualified medical professionals who supply care to the population
Nurses and midwives per 1000 people	Indicates the number of nurses and midwives that are helping the physicians in providing care to the population
Hospital beds per 1000 population	Indicates the available hospital beds that are currently supplied to the health facilities per 1,000 population
Current health expenditure	Refers to public and private health expenditure that is being used to finance the health system
Gini Coefficient	It measures the level of inequality in the country using a scale of zero to one
Unemployment rate	Shows the proportion of the workforce who are currently not employed
Life expectancy at birth (total)	Is the estimated number of years an individual is ought to live in a given country, all else is assumed away
Infant mortality rate (total)	It measures the number of infant deaths per 1,000 live births
NCDs mortality rate	It shows the estimated number of adults who died from diabetes, cancer, cardiovascular, or respiratory diseases between the exact ages of 30 to 70 years.

Source: Prepared by the authors

Table 2 reports the descriptive statistics of the variables employed in the model. Among the input variables, Gini-coefficient has the highest mean value of 30,73, followed by nurses and midwives with 10,66. However, among the health systems output variables, life expectancy at birth (total) has the largest mean value of 77,75 years, followed by 15,08 for the mortality rate from chronic diseases.

Table 2

Summary Statistics

Variables	Description	Observation	Mean	Std. Dev.	Minimum	Maximum
Physician per 1000 population	Input	121	3.59	1.01	2.20	9.10
Nurses and midwives per 1000 people	Input	121	10.66	4.15	4.10	20.40
Hospital beds per 1000 population	Input	121	5.69	3.76	2.10	39.70
Current health expenditure	Input	121	8.16	2.72	4.90	29.10
Gini Coefficient	Input	121	30.73	4.63	4.80	40.90
Unemployment rate	Input	121	7.57	3.22	2.70	19.50
Life expectancy at birth (total)	Output	121	77.75	7.30	7.80	83.40
Infant mortality rate (total)	Output	121	4.01	6.20	1.60	69.70
NCDs mortality rate	Output	121	15.08	6.73	2.10	30.90

Source: Prepared by the authors using Stata Software

<https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

Note: Physicians, nurses, and hospital beds are measured per 1,000 population. Current health expenditure is measured as a percentage of GDP budgeted every year. The Gini coefficient is taken as estimates computed by the World Bank, and the unemployment rate is measured as a total percentage of the labor force national estimate. While life expectancy at birth is measured in years, infant mortality is measured per 1,000 live births, and NCDs mortality is measured as a percentage of mortality rate from diabetes, cancer, cardiovascular diseases, and respiratory diseases between the exact ages of 30 to 70.

Table 3 presents the list of countries of the CUB and the data for the variables used in the Two-stage DEA collected for 2016. The data shows physician density is higher in Lithuania and Sweden, and Norway and Finland have the highest nurse scores. Similarly, while

Germany has the highest score for hospital beds and current health expenditure, Lithuania reports the highest score for the Gini coefficient. The highest data for unemployment is reported in Latvia, and Iceland has the largest score for life expectancy at birth. The mortality rate from chronic diseases and infant mortality is highest in Russia compared to all the CUB countries.

Table 3**Countries of the study and the variables**

Countries	Physicians per 1000 population	Nurses and Midwives per 1000 population	Hospital beds per 1000 population	Current Health Expenditure % GDP	Gini coefficient	Unemployment rate	Life expectancy at birth (total)	Infant Mortality (total)	NCDs Mortality (total)
Denmark	4.0	10.3	2.6	10.1	28.2	6.0	80.9	3.5	11.9
Estonia	3.5	6.4	2.1	6.6	31.2	6.8	77.6	2.1	17.2
Finland	3.8	14.7	3.97	9.4	27.1	8.8	81.4	1.8	10.4
Germany	4.2	13.2	8.06	11.3	31.9	4.1	80.9	3.3	12.4
Iceland	3.9	15.2	3.1	8.2	27.2	2.9	82.2	1.7	8.8
Latvia	3.2	4.8	5.7	6.2	34.3	9.6	74.6	3.9	22
Lithuania	4.3	7.9	6.7	6.6	38.4	9.1	74.6	3.9	21.4
Norway	2.7	17.9	3.7	10.6	28.5	4.7	82.4	2.1	2.7
Poland	2.4	5.8	6.6	6.5	31.2	6.2	77.9	4.0	18.6
Russia	4.0	8.5	8.2	5.3	36.8	5.6	71.7	6.5	27.0
Sweden	4.3	11.7	2.3	10.8	29.6	7.4	82.3	2.3	9.1

* The year of data reported in Table 1 is 2016 because all the variables have reported data in 2016.

Source: Prepared by the authors. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

Note: Physicians, nurses, and hospital beds are measured per 1,000 population. Current health expenditure is measured as a percentage of GDP budgeted every year. The Gini coefficient is taken as estimates computed by the World Bank, and the unemployment rate is measured as a total percentage of the labor force national estimate. While life expectancy at birth is measured in years, infant mortality is measured per 1,000 live births, and NCDs mortality is measured as a percentage of mortality rate from diabetes, cancer, cardiovascular diseases, and respiratory diseases between the exact ages of 30 to 70.

Results

Table 4 reports the DEA results with a CRT orientation obtained by solving the linear programming problem of this study. Table 4 reports both the best-performing and the less-performing countries, along with the best-performing countries as a reference to the less-performing countries. Evidently, among the 11 countries of the CUB region, nine countries (81,8%) had healthcare systems that were considered efficient. It is found that the difference in the DEA scores between the efficient and inefficient countries of the CUB lies between 0,1 – 0,6. Thus, this implies that the countries being studied had a significant difference in variables employed as healthcare outputs. It might be the case that the efficient countries utilized fewer healthcare resources (inputs) to generate improved health outcomes relative to the inefficient ones.

Similarly, Denmark, Estonia, Finland, Iceland, Latvia, Norway, Poland, Russia, and Sweden are found to be efficient or the best-performing countries. However, Germany and Lithuania are classified as countries that are inefficient in turning healthcare inputs into improved health outcomes. A comparison has been made between efficient and inefficient countries to understand the relative efficiency or inefficiency dynamics among these countries. Though Germany and Lithuania are classified as inefficient, comparing Germany

with Iceland, Poland, and Russia shows that Germany outperformed these countries using healthcare inputs and outputs. Similarly, a reference of Lithuania with Estonia, Latvia, and Russia shows the same results. Therefore, comparing the inefficient countries with the efficient countries shows that the inefficient countries outperformed the reference countries in processing healthcare inputs into outputs.

Table 4

VRS-INPUT Oriented DEA Efficiency Results

Country	Rank	Theta	Reference (Lambda)										
			Denmark	Estonia	Finland	Germany	Iceland	Latvia	Lithuania	Norway	Poland	Russia	Sweden
Denmark	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Estonia	1	1	-	1	-	-	-	0	-	-	-	0	-
Finland	1	1	1	-	1	-	0	-	-	-	-	-	-
Germany	10	0.996	-	1	-	1	0.679	-	-	-	0.049	0.299	-
Iceland	1	1	-	0	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Latvia	1	1	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-
Lithuania	11	0.916	-	0.492	-	-	1	0.142	1	-	-	0.361	-
Norway	1	1	0	-	-	-	0	-	-	1	0	-	-
Poland	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0	-
Russia	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Sweden	1	1	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1

CNT means constant return to scale, DEA means Data Envelopment Analysis

Source: Prepared by the authors using Windeap Software

Table 5 reports the Tobit regression results, forming the second stage of the DEA analysis. The Tobit regression performed is censored from the left at zero, showing the explanatory variables' effects on the estimated efficiency scores. Therefore, the only positive and significant variable is the Gini coefficient, and thus, it has a positive effect on the inefficiency of the health systems of the CUB countries. Though insignificant, the other input variables hurt the health systems' of the health systems of the CUB countries.

Table 5

Estimates of the Tobit regression

Variable	Coefficient	Std. Error	z-statistics	Probability
Current health expenditure	-2.1215	1.4315	1.49	0.137
Physician density	-2.0715	2.8815	-0.72	0.473
Nurses and midwives	-5.4217	5.3216	-0.10	0.919
Hospital beds	-4.59.16	1.8315	-0.25	0.801
Gini coefficient	1.6915	6.8816	2.46	0.014
Unemployment rate	-3.8416	7.6516	-0.50	0.616
Constant	1.2441***	3.0800	15.54	0.001
Error Distribution				
Scale	9.31012	7.3330	1.9930	0.00070
Log-likelihood	288.142			
Chi-squared	9.83			
Number of obs.	9			
Left-censored obs.	9			
Right-censored obs.	0			

*** denotes 1% level of significance

Source: Prepared by the authors through Stata Software

The Malmquist DEA results are reported in Table 6, which shows the dynamics of the healthcare system productivity of the CUB countries. Specific to the Malmquist summary of the country, the average growth in total factor productivity for Denmark and Poland for one decade remains static. Similarly, total factor productivity has increased by 0,1% for Estonia, Iceland, and Sweden. However, it declined by 0,1%, in Finland and Lithuania, 0,2%, in Germany, Latvia, and Norway, and 0,6% in Russia. While the largest decline in the productivity of the health system is evident in Russia, there is a mild productivity gain in Estonia, Iceland, and Sweden. It is important to note that the growth in total factor productivity is brought about by technical change, not by efficiency change in these three countries.

Table 6

Output-oriented Malmquist DEA results

Malmquist Index summary of country means						Malmquist Index summary of annual means					
Countries	effect	techch	pech	sech	tfpch	Year	effch	techch	pech	sech	tfpch
Denmark	1.00	1.02	1.00	1.00	1.00	1	-	-	-	-	-
Estonia	0.99	1.01	0.99	0.99	1.01	2	1.00	1.67	1.00	1.00	1.17
Finland	0.99	0.99	0.99	0.99	0.99	3	1.00	0.86	1.00	1.00	0.86
Germany	0.99	0.99	1.00	0.99	0.98	4	1.00	0.99	1.00	1.00	0.99
Iceland	1.00	1.01	1.00	1.00	1.01	5	0.99	1.01	0.99	0.99	1.00
Latvia	1.00	0.99	1.00	1.00	0.98	6	0.98	0.98	1.00	0.99	0.97
Lithuania	1.00	0.99	1.00	1.00	0.99	7	1.00	1.00	0.99	1.01	1.00
Norway	1.00	0.98	1.00	1.00	0.98	8	0.99	1.01	1.00	0.99	1.00
Poland	1.00	1.01	1.00	1.00	1.00	9	1.00	1.00	1.00	1.00	1.02
Russia	1.00	0.95	1.00	1.00	0.94	10	1.00	0.98	1.00	1.00	1.01
Sweden	1.00	1.02	1.00	1.00	1.01	11	1.00	0.96	0.99	1.00	0.97
Means	0.99	0.99	1.00	1.00	0.99	Means	0.99	0.99	1.00	1.00	0.99

Effect means efficiency change; tech means technical change; pech means pure scale change; sech means scale efficiency change; and teach means total factor productivity change. All Malmquist Index averages are geometric means

Source: Prepared by the authors through Windeap Software

Furthermore, in the Malmquist DEA estimates of the annual means, it is found that the total factor productivity had increased greatly by 17% in the two years, and it was driven by technical change only. Similarly, it increased by 0,2% and 0,1% in the years 9 and 10, respectively. While it remained stagnant in the years 5,7, and 8, it declined in the years 2, 3, 6, and 11. Therefore, overall, total factor productivity declined by 0,1% for the period studied, and the overall decline in total factor productivity is attributed to a proportionate decline in efficiency and technical change in the components of the health systems.

Discussion

Strengthening the capacity of the healthcare systems requires efficient allocation of resources to the healthcare systems. Evidence shows that among the 11 countries of CUB, nine countries representing (81,8%) had an efficient healthcare system. Germany and Lithuania are found to have inefficient healthcare systems. A reference analysis between the inefficient and the efficient countries further reveals that the inefficient countries outperformed the referred countries in terms of efficiency. Germany, the economic powerhouse

of Europe, is not expected to lie away from the efficiency frontier because it has the resources to establish an efficient healthcare system. This result contrasts with the findings of previous studies [Ahmed et al., 2019], where economically buoyant countries are found to be among the most efficient countries in their studies. However, if different time frames and inputs and output variables are used, the findings will likely differ.

Moreover, the Tobit regression model applied in the second state analysis highlights that only the Gini coefficient has a positive and significant effect on the inefficiency of the health systems of the CUB countries. Though insignificant, the other input variables used in the model have shown negative effects on the health systems' inefficiency of the CUB countries. Furthermore, from 2010 to 2020, the Malmquist DEA method reveals that total factor productivity remains stagnant in Denmark and Poland. While it increased by 0,1% in Estonia, Iceland, and Sweden, it declined by 0,2% in Lithuania and 0,6% in Russia. Total factor productivity declined by 0,1% for the studied countries for one decade. The decline in total factor productivity is largely driven by technical change in the three countries where it occurred. Differences in income per capita, uneven distribution of income, absence of protection schemes, lack of serious political commitment to strengthening healthcare systems, and differences in healthcare systems' goals could lead to variations in the performance of the countries' health systems [Kirigia et al., 2007]. The current findings are consistent with the results of many previous studies. The study that estimated the healthcare system performance of 173 countries for eight years found a considerable variation in the performance of the countries studied [Sun et al., 2017]. The study conducted by Cetin and Bahce [Cetin, Bahce, 2016] evaluated the performance of the health systems of OECD countries and concluded that only 11 out of 26 countries are efficient after eliminating the countries that constituted an outlier in the population. A different study that analyzed health system performance of 191 countries concluded that only five countries provided the most efficient healthcare services [Tandon et al., 2000]. Regarding the statistical significance and theoretical sign of the Gini coefficient in effecting the inefficiency score, the findings of this study aligned with the results of Konca and Top [Konca, Top, 2023] studies for the OECD countries. Therefore, the policy advice of this study suggests the unfair distribution of income largely affects the health systems' efficiency in the CUB countries, and thus, taking the right steps to ensure fair income distribution will result in efficient healthcare systems for the countries studied. Similar to the findings of this paper, are the findings reported in research that measures the health systems' productivity of Southeast Asian countries [Singh et al., 2021].

The limitations of this study could be that even though there are numerous indicators of the healthcare systems, only three variables are employed as healthcare system outputs, with only six variables applied as inputs to the model for the 11 countries of the CUB. Utmost caution should be exercised in interpreting the findings of this research since the performance of the healthcare system of the CUB countries is assessed for one-decade using nonparametric techniques. Moreover, the variables used in this model, such as healthcare system outputs, do not represent the conventional variables used to measure health outcomes in a given health system. For instance, the mortality rate under 5, maternal mortality rate, and crude death rate per 1000 population are important health outcome indicators but are not part of this study. Furthermore, other factors, which include social,

nutritional, environmental, housing, educational, and economic, contribute to altering health outcomes in many ways but do not constitute part of this study. Finally, another shortcoming of this paper is that it has not specifically addressed any contemporary policy of the studied countries. However, it only evaluates the performance of the health systems of these countries.

Future studies should incorporate numerous health outcome variables vis-à-vis many health system capacity indicators as healthcare systems inputs and examine the health system performance of the CUB countries. Additionally, it will be important to integrate the social, nutritional, housing, environmental, and educational factors in evaluating the health system performance of the CUB in particular, or massively expand the dataset by integrating other European countries.

Conclusion

This empirical study evaluates the health systems' efficiency for the CUB countries for a single period and one decade using two stages of DEA and the Malmquist DEA approach. Accordingly, the variables used as healthcare inputs are current health expenditure, physician density, nurses and midwives, hospital beds, Gini-coefficient, and unemployment rate. Life expectancy at birth, Infant mortality rate, and mortality rate attributed to chronic diseases are used as healthcare system outputs. Therefore, only nine countries (81,8%) are efficient in producing health, and estimates of the Tobit regression model show that only the Gini coefficient is significantly and positively associated with the inefficiency of the healthcare systems of the CUB countries. Though insignificant, the other input variables negatively affect the inefficiency of the CUB countries' healthcare systems.

Moreover, the Malmquist DEA method highlights that, overall, for the period studied, total factor productivity declined by 0,1%. And the decline in total factor productivity is purely brought about by technical change against efficiency change. Therefore, the overall productivity volume in the national healthcare systems of CUB countries could be enhanced by implementing national policies that could result in a fair income distribution. The mild decrease in health system productivity of the CUB countries could be overcome by pursuing policies geared towards technical progress in the healthcare systems.

REFERENCES

- Ahmed S. et al. (2019). "Measuring the Efficiency of Health Systems in Asia: A Data Envelopment Analysis." *BMJ open* 9(3). DOI:10.1136/ bmjopen-2018-022155
- Anderson G., P. S. Hussey. (2001) "Comparing Health System Performance in OECD Countries." *Health Affairs* 20(3): 219–32. DOI: 10.1377/hlthaff.20.3.219.
- Asandului L., Roman M., Fatulescu P. (2014) "The Efficiency of Healthcare Systems in Europe: A Data Envelopment Analysis Approach." *Procedia Economics and Finance* 10: 261–68. DOI: <https://doi.org/10.53730/ijhs.v6nS3.7178>
- Banker R. D, Charnes A., Cooper W. W. (1984). "Some Models for Estimating Technical and Scale Inefficiencies in Data Envelopment Analysis." *Management Science* 30(9): 1078–92.
- Caves D. W, Christensen L. R, Diewert W. E. (1982) "The Economic Theory of Index Numbers and the Measurement of Input, Output, and Productivity." *Econometrica: Journal of the Econometric Society*: 1393–1414. <https://doi.org/10.2307/1913388>

- Cetin V. R., Bahce S. (2016). "Measuring the Efficiency of Health Systems of OECD Countries by Data Envelopment Analysis." *Applied Economics* 48(37): 3497–3507. DOI:10.1080/00036846.2016.1139682
- Charles A., Cooper W. W., Rhodes E. (1978) "Measuring the Efficiency of Decision-Making Units." *European journal of operational research* 2(6): 429–44.
- Chern J.-Yu., Wan T. TH. (2000) "The Impact of the Prospective Payment System on the Technical Efficiency of Hospitals." *Journal of Medical Systems* 24: 159–72. DOI:10.1023/A:1005542324990
- Coelli T., Prasada Rao D.S., O'Donnell Ch. J., Battese G. E. (2005) "An Introduction to Efficiency and Productivity Analysis."
- El Husseiny I. A. (2023) "The Efficiency of Healthcare Systems in the Arab Countries: A Two-Stage Data Envelopment Analysis Approach." *Journal of Humanities and Applied Social Sciences* 5(4): 339–58. DOI 10.1108/JHASS-10-2021-0168
- Farrell M. J. (1957) "The Measurement of Productive Efficiency." *Journal of the Royal Statistical Society Series A: Statistics in Society* 120(3): 253–81. <https://doi.org/10.2307/2343100>
- Ibrahim M. D. (2023). "Efficiency and Productivity Analysis of Maternal and Infant Healthcare Services in Sub-Saharan Africa." *The International Journal of Health Planning and Management* 38(6): 1816–32. DOI:10.1002/hpm.3705
- Kirigia J. M et al. (2007). "A Comparative Assessment of Performance and Productivity of Health Centres in Seychelles." *International Journal of Productivity and Performance Management* 57(1): 72–92. DOI:10.1108/17410400810841245
- Konca M., Top M. (2023) "What Predicts the Technical Efficiency in Healthcare Systems of OECD Countries? A Two-Stage DEA Approach." *International Journal of Healthcare Management* 16(1): 104–19.
- Mohamadi E. et al. (2020) "Technical Efficiency in Health Production: A Comparison between Iran and Other Upper Middle-Income Countries." *Health Policy and Technology* 9(3): 335–47. <https://doi.org/10.30476/jhss.2022.95379.1587>
- Naylor C. D., Iron K., Handa K. (2002) "Measuring Health System Performance: Problems and Opportunities in the Era of Assessment and Accountability." *Measuring up: improving health system performance in OECD countries*.
- Ozcan Y. A. (2008) *Health Care Benchmarking and Performance Evaluation*. Springer.
- Singh Sh., Bala M. M., Kumar N., Janor H. (2021) "Application of DEA-Based Malmquist Productivity Index on Health Care System Efficiency of ASEAN Countries." *The International journal of health planning and management* 36(4): 1236–50.
- Sun, Daxin, Haksoon Ahn, Tomas Lievens, and Wu Zeng. (2017) "Evaluation of the Performance of National Health Systems in 2004-2011: An Analysis of 173 Countries." *PloS one* 12(3): e0173346.
- Tandon A., Murray Ch. JL, Lauer J. A, Evans D. B. (2000). "Measuring Overall Health System Performance for 191 Countries." *Geneva: World Health Organization*.
- Tigga N. Sh., Mishra U. S. (2015) "On Measuring Technical Efficiency of the Health System in India: An Application of Data Envelopment Analysis." *Journal of Health Management* 17(3): 285–98. <https://doi.org/10.1177/0972063415589229>
- Top M., Konca M., Sapaz B. (2020) "Technical Efficiency of Healthcare Systems in African Countries: An Application Based on Data Envelopment Analysis". *Health Policy and Technology* 9(1): 62–68.

СОТРУДНИЧЕСТВО ЕС И НАТО ПОСЛЕ НАЧАЛА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РОССИИ¹

© 2024 АЛЕШИН Александр Андреевич

Кандидат политических наук

*Старший научный сотрудник Отдела международно-политических проблем
Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23*

E-mail: aleshin.a@imemo.ru

Поступила в редакцию 06.05.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. В статье изучен этап сотрудничества ЕС и НАТО после начала СВО, выявлены ключевые тенденции их взаимодействия в контексте сближения или роста противоречий. С помощью качественного контент-анализа изучены двусторонние документы ЕС и НАТО в указанный период. Выявлено, что после начала СВО сотрудничество Евросоюза и Североатлантического альянса не перешло на качественно новый уровень и развивалось в соответствии с тенденциями предыдущего периода. Это отражено в отсутствии принципиально новых сфер двустороннего взаимодействия и совместных проектов. Отмечено, что наблюдается развитие единого трансатлантического пространства безопасности, обусловленное дальнейшим разделением обязанностей между ЕС и НАТО, их кооперацией в сферах общих интересов и увеличением роли США и альянса в контексте прямых угроз со стороны третьих государств (России и Китая).

Ключевые слова: сотрудничество ЕС–НАТО, Декларация ЕС–НАТО, Стратегический компас, Стратегическая концепция НАТО, конфликт на Украине, гибридные угрозы, военная мобильность

DOI: 10.31857/S0201708324050152

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве» (для русскоязычных изданий).

Сотрудничество Европейского союза и НАТО с 2002 г. прошло ряд различных по динамике этапов в контексте противоборства европеистов и атлантистов в Европейских сообществах / Евросоюзе, т. е. сторонников опоры на НАТО или на собственные силы ЕС со ставкой на создание европейской оборонной идентичности [Журкин, 2014].

После начала специальной военной операции России на Украине наблюдалось развитие многостороннего взаимодействия государств Европы и Северной Америки на основе антироссийской политики и поддержки Киева¹. Страны координировали санкционную политику, политико-идеологическую деятельность в международных организациях и институтах глобального регулирования, помощь Украине, в т. ч. поставки вооружений [Алешин, 2023b]. Был образован ряд многосторонних форматов² и фондов, стали по-новому использоваться созданные ранее инструменты и механизмы³.

Существует два направления исследования взаимодействия Евросоюза и Североатлантического альянса. Представители первого [Ewers-Peters, 2022; Barrie et al., 2020] изучают подходы государств – членов ЕС и НАТО к внешнеполитическим вопросам, проблемам безопасности и развитию европейского оборонного рынка. Акцент делается на межгосударственном сотрудничестве, балансе сил и ресурсов. Второе направление [Krimi, 2020; Арбатова, Кокеев, 2020; Данилов, 2020] трактует сотрудничество как взаимодействие двух негосударственных акторов и анализирует институциональную динамику.

Исследование относится ко второму направлению и рассматривает сотрудничество ЕС и НАТО в категориях политического пространства [Прохоренко, 2015; Greenwood et al., 2017]. Взаимодействие ЕС и альянса и их государств-членов можно обозначить как трансатлантическое пространство безопасности. В нем акторы делятся на два уровня с точки зрения институционализации взаимодействия. На нижнем развивается многостороннее сотрудничество суверенных государств, на верхнем – кооперация ЕС и НАТО как международных структур – интеграционного объединения и международной организации. При этом последние также являются пространствами, динамика которых определена консенсусными механизмами принятия решений⁴, следовательно многосторонним сотрудничеством государств-членов в области безопасности. Таким образом, факторами развития пространства ЕС и НАТО выступает институциональная, коммуникативная и идентитарная динамика многостороннего сотрудничества государств. В ее рамках наблюдаются, с одной стороны, иерархичность акторов, тематический диалог и дискуссии по вопросам безопасности и развития институтов, с другой – противо-

¹ Сотрудничество ЕС и НАТО до 2022 г. подробно рассмотрено автором в предыдущих публикациях [Алешин, 2022; Алешин, 2023a;]. Статья представляет собой продолжение этих исследований.

² Например, Военная контактная группа – так называемый формат Рамштайн в рамках Международного координационного центра доноров.

³ Например, Европейский фонд мира.

⁴ В случае Евросоюза речь идет лишь об ОПБО, в остальных политиках функционируют другие механизмы принятия решений.

стояние и борьба за власть, перераспределение военно-политических и экономических ресурсов [Алешин, 2023а].

В 2016¹ и 2018² гг. ЕС и НАТО выпустили две двусторонние декларации, заложившие основу современного этапа сотрудничества. Для исполнения решений принято два пакета мер по совершенствованию сотрудничества, включающих 74 процедуры и механизма³. Сегодня эти инициативы продолжают реализовываться. Их результатом стало более эффективное разграничение сфер деятельности, т. е. разрешение противоречий, возникших в контексте развития проекта стратегической автономии ЕС. При этом стороны перешли на новый уровень сотрудничества, совместно разрабатывая планы действий в сферах, в которых сталкиваются с общими угрозами. Кроме того, ЕС и альянс предпринимают шаги по совместному наращиванию оборонного потенциала государств-членов. Цель статьи – выявить тренды развития взаимодействия ЕС и НАТО после начала СВО. Для этого сотрудничество в рамках выделенных ранее сфер разделено на политическое, операционное, а также на кооперацию в проектах. С помощью метода качественного контент-анализа изучены официальные публикации, в т. ч. седьмой⁴ (июнь 2022 г.) и восьмой⁵ (июнь 2023 г.) отчеты о развитии сотрудничества.

Новый цикл стратегического планирования

Политическое сотрудничество ЕС и НАТО от встреч на высшем уровне до консультаций рядового военного и административного персонала и ведения совместных проектов является постоянным, сетевым и многоуровневым. Оно развивается на основе стратегического целеполагания сторон и выявления сфер общих интере-

¹ Joint Declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization. NATO. 08.07.2016. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133163.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.03.2024).

² Joint Declaration on EU-NATO Cooperation by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization. NATO. 10.07.2018 URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156626.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.03.2024).

³ Statement on the Implementation of the Joint Declaration signed by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization. NATO. 06.12.2016. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_138829.htm; Common Set of New Proposals on the Implementation of the Joint Declaration Signed by the President of the European Council, the President of the European Commission and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization. NATO. 05.12. 2017. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_149522.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.03.2024).

⁴ Seventh progress report on the implementation of the common set of proposals endorsed by EU and NATO Councils on 6 December 2016 and 5 December 2017. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/57184/eu-nato-progress-report.pdf> (дата обращения: 13.03.2024).

⁵ Eighth progress report on the implementation of the common set of proposals endorsed by EU and NATO Councils on 6 December 2016 and 5 December 2017. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/65080/230616-progress-report-nr8-eu-nato.pdf> (дата обращения: 13.03.2024).

сов, которую после начала СВО заложили вышедшие в марте 2022 г. Стратегический компас ЕС и в июне того же года – Стратегическая концепция НАТО 2022 г.

Оба документа разрабатывались параллельно и имеют общую временную ориентацию [Данилов, 2022]. Они подтверждают принцип взаимодополняемости и непротиворечивости развития двух структур, сохранения роли НАТО в качестве основы обороны государств-членов, важности усиления ЕС для дополнения возможностей альянса. В обоих стратегических документах обозначены угрозы и вызовы различных уровней и методы ответа на них.

Несмотря на то что ЕС и НАТО обладают различной природой¹, восприятие угроз безопасности в них схожее. На момент выхода упомянутых документов в обеих структурах одновременно состояло 21 государство, в ЕС – 27, в НАТО – 30. Вследствие политико-идеологической близости все они входят в группу так называемого Запада², в рамках которой существует относительная общность ценностей и интересов в вопросах глобального политического и экономического регулирования и трансформации миропорядка. Все государства-члены, кроме США и Канады, расположены в Европе. По этим причинам начало СВО и развитие конфликта с Россией были восприняты одинаково остро и трактовались в схожих формулировках.

10 января 2023 г. выпущена третья совместная декларация ЕС–НАТО³, которая завершила цикл стратегического целеполагания и его формальный этап. В отличие от документов 2016 и 2018 гг. она не включала новые сферы сотрудничества, а только демонстрировала консенсус в подходах, которые были обозначены в ранее выпущенных стратегических документах.

Декларация состоит из 14 пунктов. В документе отмечено, что Россия представляет наибольшую угрозу, а растущая напористость и политика Китая «создают проблемы». Подчеркивается достижение с 2016 г. ощутимых результатов в совместном противодействии гибридным и кибернетическим угрозам; оперативном сотрудничестве, включая морские вопросы; военной мобильности; оборонном потенциале; оборонной промышленности и исследованиях; учениях; борьбе с терроризмом и наращивании потенциала партнеров. Стороны планируют углублять сотрудничество для решения проблем растущей геостратегической конкуренции, стрессоустойчивости, защиты критически важной инфраструктуры, влияния новых и прорывных технологий, космоса, последствий изменения климата для безопасности, а также иностранного информационного вмешательства. Однако к маю 2024 г. соответствующие проекты еще не были предложены. В декларации продублированы подходы ЕС и альянса друг к другу, обозначенные в стратегических докумен-

¹ Евросоюз – региональное интеграционное объединение, обладающее потенциалом надгосударственного управления в области безопасности и обороны. НАТО – международная межправительственная организация.

² В соответствии с продвигаемой рядом европейских исследователей классификацией стран на Запад, Восток и Юг. Однако существуют мнения, что Турция и Венгрия относятся к странам Юга.

³ Joint Declaration on EU-NATO Cooperation, 10 January 2023. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/01/10/eu-nato-joint-declaration-10-january-2023/> (дата обращения: 13.03.2024).

тах. Кроме того, заявлено о намерении обеспечить максимально полное участие государств, не являющихся членами НАТО или ЕС, в инициативах организаций. После вступления в альянс Финляндии и Швеции только в Евросоюзе состоят 4 государства¹, только в НАТО – 9², в обоих структурах – 23.

Подводя итог описанного цикла стратегического целеполагания, можно утверждать, что наблюдается ускорение формирования единого трансатлантического пространства безопасности с консолидацией в политической и идеологической областях. Вследствие асимметричности потенциалов, обусловленной участием в НАТО единственной сверхдержавы – США, идеологическая концепция стратегической автономии ЕС на практике трансформируется в стратегическое единство с Вашингтоном перед лицом общей угрозы. Это соответствует интересам восточноевропейских членов интеграционного объединения, получающих преференции от пограничного положения и роли потенциального объекта нападения России. США и Британия также нуждаются в сплоченном Евросоюзе, повышающем оборонный потенциал НАТО, для проведения глобальной политики в собственных целях. Оборонная интеграция ЕС «все больше превращается в курс на упрочение европейской составляющей НАТО в противоборстве с Россией для высвобождения военных ресурсов США на задачи соперничества с КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [Арбатов и др., 2023: 256].

Развитие политического сотрудничества

На практике стратегические задачи реализуются в политическом сотрудничестве по ряду направлений. В первую очередь расширяется взаимодействие представителей структур ЕС и НАТО на различных уровнях. До декларации 2016 г. оно носило эпизодический характер, после – стало постоянной институционализированной практикой дипломатов и служащих различных уровней.

После начала СВО генеральный секретарь НАТО и председатели Евросовета и Еврокомиссии участвовали в телефонных разговорах лидеров государств, во встречах «Группы семи» на уровнях первых лиц и министров иностранных дел, проводили совместные пресс-конференции, участвовали в виртуальных встречах альянса.

Высокий представитель Евросоюза и представители Европейской службы внешних действий (ЕСВД) присутствовали на встречах министров иностранных дел и министров обороны стран альянса. Генеральный секретарь НАТО и его заместитель участвовали в работе Совета ЕС по иностранным делам в формациях министров обороны и иностранных дел. Контакты на высшем уровне, включая несколько двусторонних встреч членов Коллегии комиссаров с руководителями альянса, а также регулярное взаимодействие между генеральным секретарем ЕСВД и заместителем генерального секретаря НАТО, еще больше расширились. Продолжились обмен делегациями между Европейским парламентом и Парламентской ассамблеей НАТО и встречи между Североатлантическим советом (САС) и Комитетом по политике и безопасности ЕС

¹ Австрия, Ирландия, Кипр, Мальта.

² Албания, Британия, Исландия, Канада, Норвегия, Северная Македония, США, Турция, Черногория.

(КПБ). Старшие должностные лица принимали участие во встречах директоров оборонной политики и директоров по политике безопасности.

Штабы НАТО и ЕС на регулярной основе ведут диалог по вопросам военной мобильности, развития потенциала, борьбы с терроризмом, гибридных угроз, устойчивости, кибербезопасности и обороны, контроля над вооружениями, нераспространения и разоружения, стратегических коммуникаций и противодействия информационным манипуляциям и вмешательству, включая дезинформацию, стратегического прогнозирования и наращивания потенциала партнеров в новых областях, таких как климат и оборона, космос и новые технологии.

Представители ЕС и НАТО взаимодействовали с государствами-членами посредством взаимных перекрестных брифингов. С момента подписания декларации 2016 г. в различных комитетах и рабочих группах было организовано более 250 таких мероприятий. Частота проведения существенно увеличилась после начала СВО (более 70 брифингов с июня 2022 по июнь 2023 гг.). Например, прошли брифинги генерального секретаря ЕСВД и заместителя генерального секретаря САС, заместителя генерального секретаря НАТО и помощника генерального секретаря КПБ, брифинги НАТО для руководящего совета Европейского оборонного агентства (ЕОА) и ЕОА и Европейской комиссии для Конференции национальных директоров по вооружениям НАТО. Продолжалась практика неформальных встреч на высшем уровне с участием стран, не входящих в ЕС или альянс.

Особое внимание, как и в предшествующий период, уделялось обеспечению согласованности Плана развития потенциала ЕС и Скоординированного ежегодного обзора обороны с соответствующими процессами в НАТО, такими как Процесс оборонного планирования и Процесс планирования и обзора Партнерства ради мира. Встречи на том или ином уровне проходили несколько раз в месяц. Кроме того, состоялось множество совещаний, учений и конференций на уровне рядового персонала различных структур с акцентом на противодействии России.

Представители ЕС и НАТО отмечают в указанный период успехи в сотрудничестве по вопросам стрессоустойчивости, стратегических коммуникаций и противодействия информационному вмешательству, обеспечения согласованности процессов оборонного планирования и развитию потенциала, военной мобильности, взаимодействия по Украине с акцентом на гибридных, кибернетических, химических, биологических, радиологических и ядерных (ХБРЯ) угрозах, гуманитарной помощи и защите критически важной инфраструктуры.

Политическое сотрудничество на различных уровнях приводит к формированию общей внешнеполитической и оборонной идентичности, росту эффективности проектов за счет обмена опытом и данными, ускорению принятия решений на украинском и российском направлениях, развитию старых и созданию новых совместных проектов в области безопасности.

Новые проекты?

В сфере гибридных угроз особую роль продолжил играть Европейский центр передового опыта по противодействию гибридным угрозам в Хельсинки, создан-

ный в 2017 г. Под эгидой этой организации проводятся регулярные учения. Кроме того, развивалось взаимодействие группы по анализу гибридных угроз Разведывательного и ситуационного центр ЕС (*EU INTCEN Hybrid Fusion Cell*) с отделением анализа гибридных угроз Объединенного управления разведки и безопасности НАТО (*NATO Joint Intelligence and Security Division Hybrid Analysis Branch*). Продолжался регулярный обмен данными анализа информационного поля между Системой быстрого оповещения ЕСВД и группой НАТО «Тигр» с акцентом на угрозах, исходящих из России.

В январе 2022 г. создан Структурированный диалог ЕС – НАТО по вопросам стрессоустойчивости. Это не было напрямую связано с началом СВО, но он послужил площадкой для обсуждения противостояния Москве и противодействия потенциальным гибридным угрозам, исходящим из России и Китая. В рамках диалога положения разрабатываемой Директивы ЕС по обеспечению устойчивости критически важных объектов¹ согласовывались с базовыми требованиями альянса к национальной устойчивости (*NATO's Baseline Requirements for National Resilience*). В марте 2023 г. создана Целевая группа по устойчивости критической инфраструктуры с фокусом на энергетике, транспорте, цифровой инфраструктуре и космосе. В июне 2023 г. она выпустила отчет² о необходимости большего обмена информацией, разработки альтернативных транспортных маршрутов для гражданской и военной мобильности, развития более тесных связей в исследованиях.

Продолжилась работа по обеспечению согласованности и взаимодополняемости проектов в рамках Постоянного структурированного сотрудничества (*Permanent Structured Cooperation, PESCO*) и проектов высокой видимости (*High Visibility Projects*) прежде всего в таких областях, как дозаправка в воздухе, системы ПВО наземного базирования, противодействие самодельным взрывным устройствам, дистанционно пилотируемые авиационные системы, морские беспилотные системы, закупка боеприпасов, летная подготовка экипажей. Планомерно развивалось взаимодействие по вопросам безопасности воздушного (Стратегия военной авиации) и морского пространств. Сфера военной мобильности, развиваемая в рамках Структурированного диалога по военной мобильности с 2018 г., названа флагманом сотрудничества.

В контексте СВО инициативы ЕС и НАТО способствуют сдерживанию России и Китая и помощи Украине. Например, проекты по противодействию гибридным угрозам играют заметную роль в координации информационной войны и внедрении передового опыта в странах Восточной Европы. Сотрудничество в сфере военной мобильности и координация проектов НАТО и *PESCO* позволяет совершенствовать оборонный потенциал обеих структур, отдельных стран-членов, увеличить

¹ Directive (EU) 2022/2557 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on the resilience of critical entities and repealing Council Directive 2008/114/EC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2557/oj> (дата обращения: 19.03.2024).

² EU-NATO Task Force on the Resilience of Critical Infrastructure. Final Assessment Report. 06.2023. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/6/pdf/EU-NATO_Final_Assessment_Report_Digital.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

военное присутствие США в Европе. В то же время вышеперечисленные проекты были разработаны до начала СВО и не являются принципиально новыми.

Операции и внешние связи

В операционном сотрудничестве (с которого начиналась кооперация в 2002–2003 гг.) в указанный период изменений практически не наблюдалось. После прекращения операции альянса в Афганистане в 2021 г. взаимодействие происходило только в связи с Консультативной миссией ЕС в Ираке, операцией ЕС «Ирини», деятельностью НАТО в Эгейском море по борьбе с нелегальной миграцией и обеспечением безопасности воздушного пространства на Западных Балканах.

После начала СВО состоялись все запланированные ранее учения в рамках ежегодно разрабатываемого плана проведения параллельных и скоординированных учений (*Parallel and Coordinated Exercise, PACE*): комплексные учения ЕС «Решимость», учения НАТО по кризисному регулированию, учения «Последовательная устойчивость». Кроме того, представители Брюсселя приняли участие в учениях альянса «Стойкий шакал», «Стойкий Юпитер», «Коалишн уорриэр» (*Coalition Warrior Interoperability eXercise, CWIX*). В совместной декларации 2023 г. указано, что в новой геостратегической среде сотрудничество повышает стрессоустойчивость обеих организаций и их членов. Учения ЕС–НАТО способствуют развитию общей оборонной идентичности, укреплению операционального потенциала и служат сигналом для сдерживания России, демонстрацией силы и технологических возможностей.

Во внешних связях также не было существенных изменений. Сотрудничество развивалось в контексте взаимодействия с Боснией и Герцеговиной, Грузией, Иорданией, Мавританией, Молдовой, Тунисом, Украиной, а также выработки политики в регионах Западных Балкан, Северной Африки и Ближнего Востока. Кооперация продолжалась прежде всего в рамках таких механизмов, как индивидуальные меры поддержки НАТО, Европейский фонд мира, программа НАТО по укреплению доброспорядочности (*Building Integrity, BI*).

Ограничения сотрудничества

Несмотря на широкое поле деятельности и достижения, декларируемые чиновниками и политиками, в т. ч. в декларации 2023 г. и ежегодных отчетах, список сфер сотрудничества остается ограниченным. Дополнительные направления в документе 2023 г. пока не включают конкретные новые проекты. Более того, все названные сферы в том или ином виде развивались ранее. Запущенные после начала СВО проекты и направления взаимодействия не являются масштабными или амбициозными и реализуются в рамках ранее разработанных планов. Акцент на противодействии России и помощи Украине институционально в полной мере соответствует предыдущей деятельности. Например, механизм координации ЕС и НАТО по Украине выступает расширением украинской тематики в развивающихся с 2017 г. институтах.

Для дальнейшего углубления сотрудничества существуют препятствия, прежде всего глобальная финансово-экономическая и технологическая конкуренция США и стран Европы за рынки сбыта, ресурсов, труда, приложения капитала и разработку правовых норм, неполное соответствие сфер деятельности и интересов ЕС и НАТО, чрезмерное избегание дублирования деятельности, больший фокус на взаимодополняемости, чем на глубокой кооперации¹.

Существуют политические ограничения, исходящие из неоднозначной позиции США по вопросу развития оборонной интеграции ЕС. В декларации 2018 г. заявлено о «более высоком приоритете безопасности и обороны» ЕС, в 2023 г. – о ценности «более сильной и боеспособной европейской обороны, которая вносит позитивный вклад в глобальную и трансатлантическую безопасность, дополняет НАТО и совместима с ней». Фокус сместился с необходимости увеличения финансового бремени европейских стран на первостепенность альянса. Следовательно, роль Вашингтона в трансатлантических отношениях существенно выросла².

Из-за турецко-кипрских противоречий ЕС и НАТО не могут заключить соглашение об обмене секретной информацией. Кроме того, Франция продолжает продвигать проект стратегической автономии (хотя и менее активно в последние годы), что вызывает неоднозначную реакцию у США и восточноевропейских членов интеграционного объединения. Британия, наоборот, выступает против расширения оборонной интеграции Евросоюза³.

В то же время позиции США и Турции могут оказывать положительное воздействие на сближение структур. Ключевое значение Вашингтона в европейской оборонной промышленности создает зависимость для государств – членов ЕС, которая влияет на политику Брюсселя в отношении альянса. Анкара играет значимую роль во взаимодействии ЕС и НАТО в Средиземноморье⁴.

В контексте противодействия России и помощи Украине ЕС и НАТО обладают различными возможностями. Североатлантический альянс, основная задача которого – организация коллективной обороны, не готов поставлять летальное оружие Украине, чтобы не стать стороной конфликта, не обладает полномочиями для введения санкций, бюджетом и компетенцией для реформирования оборонной промышленности стран-членов. *High Visibility Projects*, в отличие от проектов в рамках *PESCO*, направлены не на развитие единого оборонного рынка и сближение оборонной промышленности стран-участниц, а на повышение операционной совместимости, достижение эффекта масштаба и расширение взаимодействия госу-

¹ Iso-Markku T. EU-NATO Relations in a New Threat Environment. FIIA. 01.2024. URL: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2024/01/bp380_eu-nato-relations-in-a-new-threat-environment.pdf (дата обращения: 16.03.2024).

² Monaghan S., Wall C., Svendsen O., Martinez S. Does the New EU-NATO Joint Declaration Matter? CSIS. 13.01.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/does-new-eu-nato-joint-declaration-matter> (дата обращения: 16.03.2024).

³ Droin M. NATO and the European Union: The Burden of Sharing. CSIS. 17.01.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/nato-and-european-union-burden-sharing> (дата обращения: 16.03.2024).

⁴ Tardy T. OPINION – EU–NATO relationship: Cooperation and competition. Anadolu Ajansı. 24.07.2023. URL: <https://www.aa.com.tr/en/analysis/opinion-eu-nato-relationship-cooperation-and-competition/2948527#> (дата обращения: 20.03.2024).

дарств, т. е. на рост уровня гармонизации и специализации внутри НАТО для укрепления коллективной обороны.

* * *

СВО не привела к синергетическому эффекту в сотрудничестве ЕС и НАТО. Они сталкиваются с объективными ограничениями в потенциале взаимодействия по этому вопросу. Общими сферами интересов выступают укрепление обороноспособности государств-членов, повышение стрессоустойчивости и безопасности граждан, институтов и критической инфраструктуры, укрепление устойчивости внешних партнеров среди прочего путем проведения операций и миссий, а также политическая и стратегическая координация. В рамках этих направлений сотрудничество будет развиваться как минимум до 2030 г. При этом в среднесрочной перспективе принципиально новых двусторонних проектов, скорее всего, не будет.

Акцент на защите от прямой угрозы увеличил значение НАТО и США в европейской безопасности, что ведет к сглаживанию ряда противоречий, дальнейшему разграничению полномочий, продолжению формирования и развития единого трансатлантического пространства безопасности. Однако в прошлом именно противостояние атлантистов и европеистов было основным фактором динамики сотрудничества. Сегодня, когда первые занимают ведущие позиции в трансатлантическом пространстве безопасности, потенциал качественного развития взаимодействия двух структур ограничен.

Таким образом, к основным тенденциям в трансатлантическом пространстве безопасности относятся значительный акцент на противодействии России, растущая тенденция по секьюритизации Китая, повышение роли НАТО как организации коллективной обороны и США как гаранта этой обороны, углубление раскола в ЕС по вопросу стратегической автономии, стремление к объединению процесса целеполагания и потенциалов в вышеназванных сферах при ограниченных возможностях дальнейшего расширения тематического и предметного поля сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешин А.А. (2022) Оборонные проекты PESCO и НАТО: координация или конкуренция? *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. № 4. С. 35–45. DOI: 10.20542/afij-2022-4-35-45
- Алешин А.А. (2023а) *Великобритания–Евросоюз–НАТО: реорганизация «трансатлантического пространства безопасности»*. Издательство «Аспект Пресс», Москва. 317 с.
- Алешин А.А. (2023б) Роль Британии в формировании антироссийской политики Запада. *Современная Европа*. № 5. С. 44–56. DOI: 10.31857/S0201708323050042
- Арбатов А.Г., Богданов К.В., Гусарова О.В., Евтодьева М.Г. (ред.) (2023) *Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция*. Издательство «Весь Мир», Москва. 432 с.
- Арбатова Н.К., Коксеев А.М. (2020) *Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией*. Издательство «Весь мир», Москва. 368 с.
- Данилов Д.А. (2020) Стратегический компас ЕС: баланс амбиций и возможностей. *Европейский союз: факты и комментарии*. № 101. С. 62–67. DOI: 10.15211/eufacts320206267
- Данилов Д.А. (2022) Укрепление потенциала реагирования и устойчивости ЕС к будущим кризисам накануне эскалации на Украине. *Европейский союз: факты и комментарии*. № 107. С. 53–59. DOI: 10.15211/eufacts120225359

- Журкин В.В. (2014) *Военная политика Евросоюза*. Международные отношения, Москва. 256 с.
- Прохоренко И.Л. (2015) *Пространственный подход в исследовании международных отношений*. ИМЭМО РАН, Москва. 111 с.
- Barrie D., Béraud-Sudreau L., Boyd H., Childs N., Giegerich B., Hackett J., Nouwens M. (2020) *European defence policy in an era of renewed great-power competition*. IISS, Hans Seidel Foundation. URL: <https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/research-papers/european-defence-policy-in-an-era-of-renewed-great-power-competition---iiss-research-report.pdf> (accessed: 02.04.2024).
- Ewers-Peters N.M. (2022) *Understanding EU-NATO Cooperation How Member-States Matter*. Routledge, N.Y., USA. 220 p.
- Greenwood R., Oliver C., Lawrence T.B., Meyer R.E. (ed.) (2017) *The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism*. SAGE, London, UK. 928 p.
- Krimi S. (2020) The NATO-EU Partnership in a Changing Global Context. *NATO Parliamentary Assembly*. 19.11. URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2020-12/037%20PCNP%2020%20E%20rev.%202%20fin%20-%20REPORT%20-%20NATO-EU%20PARTNERSHIP.pdf> (accessed: 02.04.2024).

The EU–NATO Cooperation after the Start of the Special Military Operation¹

A.A. Aleshin

Candidate of Sciences (Politics)

Researcher, Department of international political problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997

E-mail: aleshin.a@imemo.ru

Abstract. The EU and NATO have been developing cooperation since 2002. A new stage began in 2016, as a result of which their cooperation has reached a qualitatively new level. There has been formed a single transatlantic security space, in which the EU and NATO coordinate strategic goal-setting, practical policies, and activities in the field of defence and security in a number of areas. The main focus was on hybrid threats and military mobility. The start of Russian military operation in Ukraine has become an important factor in changing the security environment in Europe and the security threats identified by the EU and NATO. The article examines the stage of EU–NATO cooperation after February 2022. The purpose of the study is to identify trends in the development of interaction between these two structures, to determine which trend dominates: the closer partnership of the EU and NATO or the accumulation of contradictions between them. Bilateral EU–NATO documents during the specified period were studied using the content-analysis method. It was revealed that since 2022, EU–NATO cooperation did not move to a qualitatively new level and developed in accordance with the trends of the previous period. This is reflected in the absence of fundamentally new areas of bilateral interaction and new joint projects. The reasons for this are the existing contradictions between the two structures, studied in the article. At the same time, it was noted that despite the contradictions, there is a continuation of the development of a single transatlantic security space due to the further division of responsibilities between the EU and NATO, their cooperation in areas of common interests and the increasing role of the US and NATO. This occurs in the context of identifying direct threats from third states (Russia and partly China).

Keywords: EU–NATO cooperation, EU–NATO Declaration, Strategic Compass, NATO Strategic Concept, conflict in Ukraine, hybrid threats, military mobility

DOI: 10.31857/S0201708324050152

¹ This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order" (для англоязычных).

REFERENCES

- Aleshin A.A. (2022) Oboronnye proekty PESCO i NATO: koordinatsiya ili konkurentsia? [PESCO and NATO Defence Projects: Coordination or Competition?], *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 4, pp. 35–45. DOI: 10.20542/afij-2022-4-35-45 (In Russian).
- Aleshin A.A. (2023a) *Velikobritaniya–Evrosoyuz–NATO: reorganizatsiya «transatlanticheskogo prostanstva bezopasnosti»* [Britain – the European Union – NATO: Reorganization of the “Transatlantic Security Space”], Aspect Press, Moscow, Russia. (In Russian).
- Aleshin A.A. (2023b) Rol' Britanii v formirovanii antirossiiskoi politiki Zapada [The UK's role in shaping the anti-Russian policy of the West], *Contemporary Europe*, 5, pp. 44–56. DOI: 10.31857/S0201708323050042 (In Russian).
- Arbatov A.G., Bogdanov K.V., Gusarova O.V., Evtodieva M.G. (ed.) (2023) *Mezhdunarodnaya bezopasnost: novy mirovoy poryadok I tekhnologicheskaya revoliutsiya* [International security: the new world order and technology revolution], Ves Mir, Moscow, Russia. (In Russian).
- Arbatova N.K., Kokeev A.M. (ed.) (2020) *Strategicheskaya avtonomiya ES I perspektivy sotrudnichestva s Rossiei* [Strategic Autonomy of the EU and Prospects for Cooperation with Russia], Ves Mir, Moscow, Russia. (In Russian).
- Barrie D., Béraud-Sudreau L., Boyd H., Childs N., Giegerich B., Hackett J., Nouwens M. (2020) European defence policy in an era of renewed great-power competition, *IISS, Hans Seidel Foundation*. URL: <https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/research-papers/european-defence-policy-in-an-era-of-renewed-great-power-competition---iiss-research-report.pdf> (accessed: 02.04.2024).
- Danilov D.A. (2020) Strategicheskii kompas ES: balans ambitsii i vozmozhnostei [EU Strategic Compass: balancing ambitions and opportunities], *European Union: facts and comments*, 101, pp. 62–67. DOI: 10.15211/eufacts320206267 (In Russian).
- Danilov D.A. (2022) Ukreplenie potentsiala reagirovaniya i ustoichivosti ES k budushchim krizisam nakanune eskalatsii na Ukraine [Strengthening EU response capacity and resilience to future crises ahead of escalation in Ukraine], *European Union: facts and comments*, 107, pp. 53–59. DOI: 10.15211/eufacts120225359 (In Russian).
- Ewers-Peters N.M. (2022) *Understanding EU-NATO Cooperation How Member-States Matter*, Routledge, N.Y., USA.
- Greenwood R., Oliver C., Lawrence T.B., Meyer R.E. (ed.) (2017) *The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism*, SAGE, London, UK.
- Krimi S. (2020) The NATO-EU Partnership in a Changing Global Context. *NATO Parliamentary Assembly*. 19.11. URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2020-12/037%20PCNP%2020%20E%20rev.%202%20fin%20-%20REPORT%20-%20NATO-EU%20PARTNERSHIP.pdf> (accessed: 02.04.2024).
- Prokhorenko I.L. (2015) *Prostranstvennyi podkhod v issledovanii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Spatial Approach in International Relations Studies], IMEMO RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Zhurkin V.V. (2014) *Voennaya politika Evrosoyuza* [EU military policy], International relations, Moscow, Russia. (In Russian).

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 327

ИДЕНТИСТЫ ПРОТИВ АНТИИДЕНТИСТОВ: ПРОЛОГ К УКРАИНСКОМУ КРИЗИСУ

© 2024 ЛУНКИН Роман Николаевич

*Доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор РАН
Зам.директора по научной части, Институт Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3, E-mail: romanlunkinn@yandex.ru*

© 2024 ФИЛАТОВ Сергей Борисович

*Кандидат исторических наук
Старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12, E-mail: sfilatov2006@yandex.ru*

Поступила в редакцию 13.07.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. В статье проанализированы особенности современных идейно-политических конфликтов в Европе и мире, в частности, процесс кристаллизации идентистской идеологии (идентизма), которая противостоит ценностным установкам «либеральной демократии» (антиидентизму) в преддверии украинского кризиса. Подчеркнуто, что борьба за идентичность стала формой отстаивания привлекательных смыслов и защиты суверенных моделей развития в противовес ультралиберализму. Данный контекст помогает объяснить углубление идейных противостояний во время украинского кризиса. В статье рассмотрены партийно-политические разногласия и идейные конфликты в публичной сфере, описаны истоки зарождения современного антиидентизма, рост идентистских настроений и реакция на этот рост со стороны сторонников антиидентизма. Факторами ослабления идентизма послужили борьба с политическими соперниками, в США против Трампа и трампизма, в Европейском Союзе против партий и движений идентистского толка («популистов»), криминализация идентистских взглядов в рамках насаждения гендерной политики, маргинализация идентистов в ходе пандемии в контексте санитарной политики. Сделан вывод, что в рамках формирующегося полицентричного мира постепенно складывается противостояние двух идеологических систем – идентизма и антиидентизма. Важнейшая особенность этого противостояния – существенное присутствие сторонников тех или иных противостоящих друг другу партий почти во всех странах и регионах мира. Практически все западные идентисты представляют себя в качестве безусловных сторонников демократических ценностей в традиционном понимании классического либерализма – разделение властей, свободные выборы, гражданские свободы. Они осознают себя борцами за их возрождение в Европе и в США в противовес монополии антиидентизма.

Ключевые слова: идентизм, антиидентизм, либеральная демократия, традиционализм, партии и социально-политические движения, проблемы идентичности, украинский кризис

DOI: 10.31857/S0201708324050164

В западном публичном пространстве представления о защите «западных ценностей» и «демократии» в противовес имперской идеологии и авторитаризму, кото-

рый, в том числе, олицетворяет Россия, формируют примитивный образ врага, фактически сводя конфликт различных стран мира и разных идеологий к войне «европейского сада» против «диких джунглей» остального мира¹. Россия является врагом не только из-за своего «империализма» и «авторитаризма», но и по сущностным мировоззренческим основаниям. Украинский кризис более ярко показал наличие масштабного идейного противостояния в мире и продолжил процесс кристаллизации идентистской идеологии (идентизма), которая противостоит ценностным установкам «либеральной демократии» (антиидентизму) и фактически подрывает ее претензии на исключительность и истинность². Обострение ситуации происходит в условиях продвижения ультралиберальных социальных норм [Громыко, 2023: 13–17], характерных для антиидентизма и противоречащих классическому либерализму.

Подоплекой новой идейной борьбы являются также издержки процессов глобализации, стирающих любые границы, растущий разрыв между декларациями политических элит и обществом, социальное и идеологическое неравенство. Борьба за идентичность стала формой отстаивания привлекательных смыслов и защиты суверенных моделей развития, а противостояние традиционалистов и антитрадиционалистов стало составным элементом динамики разделенных обществ. Еще до украинского кризиса это противостояние было свойственно не только западному миру или модернизирующимся государствам, оно приобрело всемирный масштаб [Идентичность. Личность, общество, политика, 2023: 34]. Теперь на наших глазах формируется глобальный идеологический конфликт. Анализ его проявлений и выступлений враждующих друг с другом сторон помогает понять жесткость и остроту идеологического конфликта в преддверии специальной военной операции России на Украине.

Внимание к вопросам идентичности и запрос на обсуждение этой темы сформировали несколько направлений исследования. Идентитаристами часто именуют представителей правопопулистского политического спектра, а идентитарные исследования затрагивают дискурс идентичности в целом³. Идентизм в данной статье определен так: это идеологическое течение, которое объединяет набор мировоззренческих установок, основанных на приверженности какой-либо идентичности как принадлежности индивида к большой общности – национальной, религиозной или этнокультурной, которая

¹ Аллюзия на фразу Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля о Европе и остальном мире. См.: Borrell Opposed Europe to the Rest of the World. 10/15/2022. URL: <https://globaleuronews.com/2022/10/15/borrell-opposed-europe-to-the-rest-of-the-world/> (дата обращения: 10.07.2024).

² Данная статья является продолжением исследования авторами влияния нового идеологического противостояния антиидентизма и традиционализма на мировые процессы: Лункин Р., Филатов С. Россия в преддверии участия в войне идентистов против антиидентистов. Мировая экономика и международные отношения, 2022, т. 66, № 7, сс. 94–105. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-7-94-105>; Лункин Р., Филатов С. Международные отношения и война антитрадиционализма с идентитетом. Мировая экономика и международные отношения, 2020, т. 64, № 4, сс. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-5-14; Лункин Р., Филатов С. Борьба “за” и “против” идентичности во внутриполитических процессах. Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 9, сс. 50–60. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-50-60.

³ Семененко И.С. Идентичность в повестке дня евровыборов. Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции. Под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019. С. 14–18.

определяет его систему традиционных и, как правило, консервативных ценностей и образ жизни. Таким образом, это идеология сохранения и укрепления системы традиционных идентичностей личности и государства – гендерной, семейной, религиозно-культурной, этнической, государственной. Антиидентизм – это идеологическое течение, которое является главной характеристикой современного «нового либерализма» (не имеет отношения к экономическим неолиберальным теориям), или «либеральной демократии», провозглашающего идентичность препятствием для утверждения справедливости, основанной на диктатуре меньшинств (вокеизме и иных проявлениях), культуры отмены, и преодоления «предрассудков» (традиционных ценностей). Борьба с идентизмом должна привести к созданию лишенного идентитета общества всеобщего равенства (также как борьба пролетариата у классических марксистов должна была привести к созданию бесклассового общества). Фрагментация идентичностей в рамках политики идентичности – это преодоление любой идентичности не только в смысле «идентичности большинства», но и как отказ от любой постоянной идентичности.

«Революция» антиидентизма и становление идентизма

Истоки современного антиидентизма, который появляется под разными именами (ультралиберализма, «либеральной демократии», неолиберализма в политико-философском смысле, «западных ценностей») лежат в неомарксистской доктрине. Она возникла вместе с марксизмом, но в ранние годы своего существования выглядела как необязательное дополнение к основной доктрине о классовой борьбе и предстоящей победе пролетариата над буржуазией, отмене эксплуатации человека человеком и построении бесклассового общества. Призывы к разрушению буржуазного мира, покоящегося на частной собственности, семье и национальном государстве впервые прозвучали в середине XIX в. «Манифест коммунистической партии» (1848 г.) провозгласил борьбу с буржуазным миром из-за того, что он основан на угнетении человека человеком. Освобождение человека от эксплуатации К. Маркс и его соратники и продолжатели – В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин и другие, видели, в первую очередь, в преодолении частной собственности на средства производства. В этом была главная задача, но не единственная. Традиционная семья была объявлена закрепощающим женщину институтом, порожденным капиталистической эксплуатацией. Мало того, семья была объявлена институтом «эксплуатации детей». К гомосексуализму некоторые классики относились с неприязнью, но все считали, что логика освободительной борьбы приведёт и к освобождению гомосексуалистов от «эксплуатации» [Письмо Энгельса Марксу в Лондон, 1964: 259–260].

Национальное самосознание также было объявлено анахроничным средством подавления. Борьба с семьёй, национализмом, патриотизмом, расизмом, сексизмом, этатизмом присутствовала в марксистском учении и движении всегда, но до середины XX в. всё это были вещи второстепенные, подчиненные главной цели – уничтожению частной собственности. Послевоенный рост благосостояния в странах Европы и США и уменьшение численности промышленных рабочих [Oesch, Vigna, 2022: 1130–1157] привели к тому, что надежды марксистов на тотальную революцию и уничтожение частной собственности стали выглядеть несбыточно. При этом

среди революционного ядра марксистского движения не затихало стремление к свержению «буржуазного порядка», благодаря чему в середине XX в. в марксизме начинается эволюционное реформирование учения.

Неомарксистская идеология утверждает, что господствующая элита навязывает сознание покорности и ущербности дискриминируемым – расовым меньшинствам, (а граждане процветающих или относительно процветающих стран делают это по отношению к беженцам и нелегалам), женщинам, гомосексуалистам, мусульманам и другим религиозным меньшинствам. Состояние угнетения и покорность навязывается угнетателями через идентичность. Поэтому идентичность оказывается злом, препятствием для утверждения справедливости и преодоления предрассудков, на которых стоит вековое угнетение.

В антиидентистской идеологии содержится сильный гуманистический и освободительный пафос. Её логика очаровывает, она призывает отверженных и обездоленных свергнуть тиранию и установить всеобщее равенство, низвергнуть угнетателей. В чём положительная программа антиидентизма? Антиидентизм утверждает, что все люди равны и обладают достоинством. То, что миллионы людей слабы и отстранены от власти и денег, не имеют перспектив самореализации и достойных условий существования – прискорбный факт. Более чем справедливо и морально бороться за благополучие этих людей. Однако утверждение о том, что идентичность есть причина всех бед несчастных «меньшинств», утверждение спорное. Между тем именно это утверждение – главная догма антиидентистской («неолиберальной») идеологии.

Наряду с этим ценности большинства (идентичности большинства) рассматриваются как зло, как нечто заведомо авторитарное, ведущее к насилию. Марксистские корни и по преимуществу марксистский характер основных идей антиидентистской революции, естественно, привели к тому, что легче всего и быстрее всего революционные идеи побеждали в марксистской среде, в социалистических и социал-демократических партиях. Социалистические партии континентальной Европы в 70-е гг. XX в. включали в разной очередности в свои программы идеи и цели антиидентизма. К 80-м годам антиидентизм фактически стал официальной идеологией подавляющего большинства социалистических и социал-демократических партий. Грубо говоря, марксистское учение было развито следующим образом: эксплуатация была инкорпорирована в более общее явление – угнетение. Идентичность ведет к угнетению, так как всякая идентичность есть форма властвования. Идентичность должна быть преодолена. Социалисты же вывели антиидентизм на международный уровень.

Антиидентистская идеология чуть ли не с момента своего возникновения приобрела названия, которые связывают её с чуждыми ей идейными течениями, что мешает понять её суть. Чаще всего, ее называют либерализмом («либеральной демократией»), однако антитрадиционализм пытается радикально перестроить общество и сознание людей, навязать им новые ценности, что противоречит принципам классического либерализма. Ещё один термин-синоним антиидентизма – постмодернизм. Он употребляется обычно при описании культурных явлений, возникающих в процессе борьбы с идентизмом, но иногда используется и в чисто политическом смысле. Антиидентизм иногда называют антитрадиционализмом. Преодоление вековых институтов и ценностей, формирующих самосознание личности, становится

борьбой с традицией. Так что нынешнее революционное движение можно называть антитрадиционалистским. Но всё же это не совсем точно. Можно ли, например, отца, сына, мужа, юриста, итальянца, английского подданного, отказывающегося брать на себя ответственность, вытекающего из перечисленных статусов, как её понимали его родители, называть в полной мере именно антитрадиционалистом? Точнее всё-таки суть явления отражает термин «антиидентизм». Кроме того, используются термины «глобализм» (но этот термин относится к гораздо более широкому спектру идейных и политических течений) и трансгуманизм (это размытое понятие, связанное со стремлением переделать человеческую природу) [Кутырев, 2021: 73–86].

Антиидентистское мировоззрение распространялось удивительно мирно. Это до сих пор едва ли не самая мирная революция в истории человечества. Условно ее началом можно считать студенческие молодежные волнения 1968 г. во Франции и некоторых других западноевропейских странах. Парады гомосексуалистов и демонстрации феминисток, выступления нелегальных иммигрантов и врагов исламофобии в этой победоносной борьбе имели второстепенное значение и лишь служили завесой для деятельности политических и общественных организаций и масс-медиа, которые привели к формированию во всем мире политиков и партий, профессуры и журналистов, усвоивших нормы и ценности антиидентизма. Социальными группами, в наибольшей степени подверженными новой идеологии, стали деятели СМИ и шоу-бизнеса, а также университетская среда – преподаватели и студенты. С конца 1970-х гг. «революционеры» сумели утвердить принцип политкорректности, т. е. запрета на любую критику «угнетенных меньшинств» и распространение и упоминание идентистских идей. Инструментом борьбы с идентизмом – стали диктатура меньшинств (по принципу – «большинство всегда неправо») и специфическая форма остракизма – *cancel culture* (культура отмены), выражающаяся в бессрочном извержении из публичной жизни за единожды нарушение принципов политкорректности. Как отмечают Л.В. Дериглазова и А.М. Погорельская, культура отмены стала своего рода «либеральным парадоксом», когда и ее сторонники, и противники апеллируют к либеральным ценностям [Дериглазова, Погорельская, 2023: 7–33]. В первое время соблюдение политкорректности достигалось, главным образом, общественным давлением и введением корпоративных запретов без привлечения государственных органов или снятием запретов для меньшинств, к примеру, в армии [Махмутова, Черенков, 2019]. Позднее было принято законодательство, запрещающее любую критику «угнетаемых меньшинств». К первой четверти XXI в. эти меньшинства защищены в большинстве стран Запада от критики жестким частоколом запрещающих законов, многие из которых угрожают уголовным преследованием.

В рамках Европейского союза политкорректность, стирающая идентичность, стала следствием как общей западной политики по отношению к правам меньшинств, так и стремления создать новый уровень идентичности – «вторую природу» общей «европейскости»¹. В мировом масштабе права меньшинств были за-

¹ EU Policy on Education: The Impact on the Social Inclusion of Vulnerable Groups. CEPS Special Report/September 2009. Sergio Carrera & Florian Geyer. URL: http://aei.pitt.edu/14573/1/Included_EU_Policy_on_Education.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

креплены в самых разных документах, но основное значение имеет Декларация 1992 г. о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам¹. Основным принципом образования также стали равенство и инклюзивизм, то есть обеспечение включения в общество и образование сначала для инвалидов, а позднее – и всех категорий меньшинств². Формирование новых моделей гражданского согласия происходит через пересмотр понимания «национального» в условиях движения к многосоставному обществу с автохтонными меньшинствами [Семененко, 2016: 8–28].

Параллельно с течением антиидентистов развивалось эмоционально близкое ему политическое движение зеленых, экологистов. Зеленые не только не имеют марксистских корней, но и во многом логически им прямо противоречат. Идеи «нулевого роста», снижения потребления, враждебность научно-техническому прогрессу марксизму глубоко чужды. Почвеннические призывы экологистов вернуться к природе генетически ближе язычеству и фашизму, а не марксизму. Однако психологически, эмоционально движения антиидентистов и зеленых увидели друг в друге родственные души, быстро сближались и идейно инфильтрировали друг друга. Парадоксальным образом совершилось счастливое сожительство представителей двух генетически очень разных идеологий. К 1980-м гг. большинство антиидентистов в полной мере разделяли основные идеи зеленых, а зеленые – антиидентистов. По преимуществу различия между ними существуют лишь в акцентах. Яркий пример – французская партия зеленых, созданная социалистами и провозглашающая леволиберальные лозунги, в частности, о терпимом отношении к иммигрантам, эмансипации женщин и правах меньшинств [Канинская, 2022: 45–63].

А что же идентисты? Ценности семьи, авторитета и почитания родителей, различие ролей жены и мужа в воспитании детей, осуждение гомосексуализма, гордость своим этносом и родиной с её достижениями в сфере науки и культуры и в построении государственных институтов, уважение к воинской доблести – всё это было основой системы ценностей человека христианской культуры. Поразительно, что эти ценности, которые принимались как неоспоримые столетиями, стали размываться и исчезать на глазах в течение нескольких десятилетий при довольно слабом сопротивлении общества и традиционных институтов. Чем слабее становился противник, тем большее давление на него оказывали антиидентисты, используя ярлыки: «популисты», правые радикалы» и даже «фашисты». К 2020-м гг. почти не осталось общественно-политических движений или организаций придерживающихся последовательной целостной идентистской системы взглядов. Одни высту-

¹ Права меньшинств. Международные стандарты и руководство по их соблюдению. 2010 Организация Объединенных Наций. https://www.ohchr.org/Documents/Publications/MinorityRights_ru.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

² A Human Rights-Based Approach to Education. United Nations Children's Fund/United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2007. https://www.unicef.org/publications/files/A_Human_Rights_Based_Approach_to_Education_for_All.pdf; A guide for ensuring inclusion and equity in education. UNESCO 2017. <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002482/248254e.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).

пают за традиционные представления о семье и сексе, другие за права церкви, третьи – против бесконтрольной миграции, четвёртые против искажения исторической памяти. Политическое влияние идентистских партий весьма различно. В Венгрии идентистские партии прочно удерживают большинство уже много лет (партия ФИДЕС и ее соратники), до 2023 г. антиидентисты в лице партии «Право и справедливость» были у власти в Польше. Блок идентистских партий («Братья Италии», «Лига» и «Вперед, Италия!») с 2020 г. правит в Италии, с 2023 г. коалиция во главе с лидером *Smer* Робертом Фицо пришла к власти в Словакии. В США, Бразилии, Чили, Колумбии, Австрии идентистские партии пользуются поддержкой около половины населения и имеют шансы победить на выборах в будущем. В большинстве других стран Европы и Латинской Америки идентисты получают 8–20% голосов и не имеют серьёзного влияния на политический процесс. Во Франции лидер «Национального объединения» Марин Ле Пен получила на президентских выборах 2022 г. 23% в первом туре и 41% во втором. На выборах в Европарламент 2024 г. идентисты в разных странах (во Франции движение М. Ле Пен опередило партию президента Э. Макрона) получили треть голосов избирателей. Однако в Европарламенте и 2019 и 2024 г. от идентистов отгородились «санитарным кордоном», не допустив их к распределению постов в Еврокомиссии [Доманов, 2024: 77–87; Гуселетов, 2024].

Идентистское движение формируется постепенно, оно достаточно разнообразно, в идентистские круги объединяются партии с разной степенью последовательности и принципиальности в отстаивании идентизма. Кто-то более радикально высказывается по иммиграции, как «Альтернатива для Германии» или правые в скандинавских странах, но равнодушен к традиционным семейным ценностям. Кто-то более последователен в отстаивании ценностей семьи и христианских корней Европы, как премьер-министр Венгрии В. Орбан и польские консерваторы, кто-то занимает более гибкую, но вполне принципиальную позицию по вопросам иммиграции и ценностей («Братья Италии» Дж. Мелони).

Заметной общественной силой, поддерживающей идентизм, являются консервативные христианские церкви. В первую очередь, это православие и Католическая церковь, а также евангелические церкви (баптисты, пятидесятники, евангелисты). При слабости и оппортунизме идентистски ориентированных политических партий их роль до некоторой степени берут на себя консервативные церкви. Внутри католицизма есть масса традиций и, естественно, проявляются и господствующие в обществе антиидентисты (к примеру, «соборный путь» среди немецких католиков)¹, но пока католический мейнстрим идентистский.

¹ Наряду с этим, значительные изменения в русле обострения противостояния с идентизмом произошли в публичной позиции Ватикана. В 2022 г. папа Франциск пригласил на обед во Всемирный день бедных трансгендерных женщин-проституток из итальянского города Торваяники. Женский католический колледж в штате Индиана, США, объявил о приеме трансгендеров. Наряду с этим, Дикастерия веры приняла документ, в котором прописала возможность благословения для однополых пар. Хотя это и не венчание и не благословение брака, а просто благословение отдельных людей, это вызвало бурную реакцию консерваторов различных христианских конфессий. См.: Папа Франциск отреагировал на недовольство католиков документом «Fiducia Supplicans». 18.01.2024. Седмица.Ru. URL: <https://sedmitza.ru/text/10351038.html> (дата обращения: 10.07.2024).

Рост идентизма

Идентистские настроения в современном мире росли постепенно с начала 2010-х гг. на фоне утверждения антиидентистской («неолиберальной») идеологии в качестве господствующей и нормативной. В это время появились принципиально консервативные партии и движения (такие как «Альтернатива для Германии», «Братья Италии», лидерами ранее существовавших партий стали М. Сальвини, М. Ле Пен, к власти в Венгрии пришел В. Орбан). В то же время большинство партий истеблишмента были агрессивно антиидентистскими либо исключили идентистскую повестку. Стали возникать политические партии с идентистской программой (такие как «Голос» в Испании), причём большинство из них лишены догматизма и идеологической системности (как Д. Трамп в США или Н. Фарадж в Британии), которыми обладают многие неомарксистские антиидентистские партии и движения.

Идентистское движение никогда не было единым в организационном плане, в нем много ярких и очень разных по типу лидеров, но оно обладает определенным набором идей, которые позволяют говорить о наличии идейно разрозненного движения противостояния антиидентизму.

Первой масштабной реакцией на триумфальное утверждение антиидентизма стал трампизм в США и возрождение активности идентизма (альтернативные партии и движения, которые правящие элиты маркируют как «популизм», хотя это общее качество политиков) в Европе середины 2010-х гг. Эти явления возникли на волне противостояния иммиграционному кризису – он оказался стимулом к формированию новой идеологии. В иммиграции антиидентисты не видят никакой угрозы, и даже наоборот, полагают, что страны Запада должны быть открыты для приезжающих из других стран, так как это отвечает глобальным тенденциям, помогает соблюдению прав и свобод человека, поскольку многие бегут от преследований, военных конфликтов, за достойным уровнем жизни. Наряду с этим, воздействие потоков иммиграции на культуру, образ жизни, изменения идентичности отдельных стран, с точки зрения антиидентистов, однозначно благотворны, так как избавляют эти страны от уже устаревших традиций прошлого. Плюрализм и многообразие противопоставлены привычным идентичностям большинства. Однако значительную часть населения это явно не устраивает.

Противостояние наплыву мигрантов спровоцировало рождение организованного сопротивления по разным проблемам социально-культурной повестки. Активизировалось движение против аборт¹ и ЛГБТ¹-культуры, в наибольшей степени в США в рамках трампизма. В Европе при отсутствии или слабости идентистской оппозиции резко радикализировалось движение за эвтаназию, хотя ранее сам разговор об эвтаназии вызывал дискуссии и акции протеста консервативных активистов и в целом борцов за традиционное понимание смерти для немощных людей. Результатом этого стало неожиданно быстрое и повсеместное распространение этого явления. Эвтаназия была разрешена в Испании, Бельгии, Люксембурге и Нидерландах. В Германии Конституционный суд признал право на добровольный уход из жизни в феврале 2020 г.

¹ Международное движение, признанное экстремистским и запрещенное в РФ.

Эвтаназию может проводить любой врач, который занимается медицинской практикой. В 2023 г. в Гамбурге и Цюрихе было введено ограничение на эвтаназию, но только для больных коронавирусом или не вакцинированных, чтобы исключить заражение инфекцией врача. В Португалии в мае 2023 г. с четвертой попытки был принят закон об эвтаназии, позволяющий тяжелобольным людям (физически недееспособным с 18 лет, психологически способным принять решение) уходить из жизни. Президент Португалии и консервативный католик Марсело Ребелу де Соуза не раз передавал документ в Конституционный суд на проверку, но исчерпал возможности наложения вето на закон, принятый парламентом¹. Изменение привычного образа жизни в ходе иммиграции, введение эвтаназии, отстаивание широких прав на аборт стали провоцирующими моментами для консервативной части общества.

Росту идентизма также способствовала пандемия коронавируса 2020–2021 гг. Она подняла массу серьезных идеологических вопросов, которые касаются соблюдения прав человека, интересов отдельной личности и возможности следовать своим убеждениям в рамках политики массовых ограничений. Однако в условиях временной консолидации общества вокруг правящих элит, вводивших жесткие карантинные меры, антиидентисты стремились максимально дискредитировать любую традиционалистскую повестку. Практически любые сомнения в санитарной политике властей вызывали обвинения в антиобщественной деятельности и становились поводом для маргинализации общественных сил, противостоящих антиидентизму. У европейских лидеров, таких как Э. Макрон и в то время вице-канцлер Германии Олаф Шольц, была надежда на то, что реальный вирус поможет исцелиться от политического вируса «антиевропейских настроений», то есть евроскептицизма и популизма². Журнал *Der Spiegel*, подводя итоги 2020 г. также отмечал, что коронавирус усилил государство и заглушил голоса популистов (под которыми имеются в виду, в основном, идентистские партии и движения), остановив их победное шествие³.

Безусловно, соблюдение антипандемийных норм и вакцинация имеют большое значение в борьбе с инфекционными заболеваниями. Однако в ходе пандемии COVID-19 в большинстве западных стран был отмечен, во-первых, беспрецедентный уровень ограничений прав и свобод человека (вполне сравнимый с санитарной политикой в Китае). Во-вторых, представители власти, исходя из ультралиберальных норм, намеренно криминализировали традиционалистские практики, идущие вразрез с санитарными нормами, в противовес, к примеру, потребительским привычкам (например, в магазин сходить можно, а в церковь нельзя). Противостояние с антиваксерами также превратилось в непримиримую борьбу и с теми, кто по идеологическим

¹ В Португалии с четвертой попытки приняли закон об эвтаназии. 17.05.2023. <https://rg.ru/2023/05/17/portugalii-s-chetvertoy-popytki-priniali-zakon-ob-evtanazii.html?ysclid=lm6dglrinj468563334> (дата обращения: 10.07.2024).

² Krastev I., Leonard M. Europe's pandemic politics: How the virus has changed the public's worldview. Policy Brief 24 June 2020. URL: https://ecfr.eu/publication/europes_pandemic_politics_how_the_virus_has_changed_the_publics_worldview/ (дата обращения: 10.07.2024).

³[9] Muller H. Der Spiegel (Германия): как вирус изменил мир. 31 декабря 2020 г. URL: <https://inosmi.ru/20201231/248813388.html> (дата обращения: 10.07.2024).

соображениям не принимал вакцинацию (в силу конспирологических соображений, религиозных и др.), и с теми, кто аргументированно выступал против массовых прививок конкретным типом вакцины (среди таких ковиддиссидентов было много врачей).

Самая ожесточенная борьба с антиваксерами развернулась в Германии, где не только блокировались сообщества антиваксеров в соцсетях, но и был произведен целый ряд арестов по обвинению противников вакцин в антигосударственной деятельности, в частности, в подготовке покушения на госслужащих¹. Против нарушений прав человека в ходе пандемии выступали такие организации правого толка как *Querdenker* в Дрездене, *Bewegung Leipzig* в Лейпциге, *Freien Sachsen* в Хемнице, однако они сразу оказались под подозрением в антигосударственной деятельности. Позицию «Альтернативы для Германии» противники партии трактовали как крайне радикальную, хотя АдГ критиковала власти за несвоевременное принятие мер и ратовала за шведскую модель борьбы с COVID-19. В середине декабря 2021 г. сопредседатель Т. Хрупалла развернул кампанию «Здоров без принуждения». Таким образом, партия заявила, что поддерживает свободу и гражданские права как вакцинированных (в частности, АдГ высказалась за ввоз российской вакцины *Sputnik V*), так и невакцинированных. АдГ также продолжила свою критику зеленых и Зеленого курса как препятствия для восстановления экономики после кризиса. Несмотря на резкую критику партии в германских масс-медиа за правый экстремизм и постоянный лейтмотив в официальных опросах о том, что с критикой ограничительных мер выступают отсталые «необразованные люди», АдГ все равно набрала на выборах в Бундестаг 2021 г. чуть более 10% (вместо 12,6% в 2017 г.) [Лисенкова, 2022: 200–209].

В целом ряде стран принимались сомнительные с правовой точки зрения меры, которые были призваны скорее запугать и наказать критиков вакцинации и санитарных норм. Во Франции, где в 2021 г. на улицы выходили десятки тысяч людей, протестовавших против политики правительства, врачей, которые отказались прививаться, отстранили от работы без выходного пособия, запрещали заниматься практикой, около трех тысяч медицинских работников были уволены². Приостановку деятельности больниц сложно назвать эффективной санитарной политикой.

Большинство идентистов отнюдь не было антиваксерами, они выступали за более сбалансированную политику по отношению к невакцинированным и за более осторожное отношение к непроверенным вакцинам. Кроме того, многие делали акцент на национальных мерах, адаптированных к местным условиям. К примеру, фракции Европарламента (созыва 2019 г.) – Европейские консерваторы и реформисты (ЕКР) и «Идентичность и демократия» – считали, что борьбой с пандемией должны, в первую очередь, заниматься сами страны – члены ЕС. В Норвегии правая популистская Партия прогресса выступала против передачи вакцины другим странам и считала, что главная задача правительства – обеспечить вакциной и лекарствами всё население Норвегии. Общий тренд на защиту собственной идентичности и достоинства, обозначивший-

¹[10] Германия будет защищаться от агрессивных антиваксеров. 16.12.2021. <https://www.mknews.de/social/2021/12/16/germaniya-budet-zashhishhatsya-ot-agressivnykh-antivakserov.html> (дата обращения: 10.07.2024).

²[12] Во Франции три тысячи врачей отстранили от работы из-за отказа от вакцинации. 16 сентября 2021. https://lenta.ru/news/2021/09/16/pas_de_travail/ (дата обращения: 10.07.2024).

ся во время миграционного кризиса проявил себя и во время пандемии. Граждане, особенно, члены религиозных сообществ, активно защищали свои права на богослужения, которые в рамках секулярной системы власти были проигнорированы [Общество и политика в «эру COVID-19», 2022]. Авторитарные меры коснулись такого атрибута традиционного образа жизни как религиозная практика, которая с позиций верующих является столь же жизненно важным элементом, как и здоровье, и питание человека. Президент Франции Э. Макрон 23 марта 2020 г. в наиболее прямой форме из всех европейских политиков заявил, что теперь все церковные праздники должны будут отмечаться без собраний, тогда как это самые важные события для основных религий и конфессий: пасхальная неделя и Пасха, иудейский Песах и начало священного месяца Рамадан для мусульман. Это и стало мерами «санитарной войны» для верующих, по выражению Макрона. Вслед за ним о запрете любых собраний, и богослужебных в том числе, заявил британский премьер-министр Борис Джонсон. Католических священников, монахов и монахинь задерживали в Индии и в странах Африки за проведение месс и нарушение карантина [Религия в современной России: события и дискурсы пандемии, 2021].

Одним из последствий пандемии стала социально-психологическая консолидация общества вокруг идеи общего блага и стремление выработать новые универсальные нормы, которые бы сочетали индивидуальные права и общие коммунитарные интересы [Жебит, 2020: 219–252]. Идеология «социальной солидарности» стала главным феноменом и достижением в ходе пандемии и отодвинула на второй план идейных противников антиидентистов. Сами идентисты фактически потеряли право говорить на время пандемии, поскольку любая критика, особенно, с правого фланга воспринималась в качестве антиобщественного экстремистского действия, выступающего против общих интересов. Однако вытеснением из публичного поля борьба с идентистами не ограничилась.

Криминализация идентизма

Политика по отношению к несогласным с авторитарными санитарными мерами по идеологическим причинам показала возможность дальнейшей криминализации идей и акций идентистского лагеря. Своего рода стерилизация идеологического пространства была предпринята в ходе широко распространенных в 2020–2021 гг. акций в защиту меньшинств, которые организовывали различные движения и группы, поддерживающие *Black Lives Matter* в США и Европе, после убийства афроамериканца Флойда. На фоне ослабления идентистов основной целью этих акций было продвижение и утверждение прав расовых меньшинств и ЛГБТ, а также перестройка исторической памяти, стирание в ней «неправильных» моментов и героев, связанных с колониальным прошлым. По существу, основной целью была дискредитация исторической памяти как части традиционалистского сознания большинства общества. Любое выступление против ЛГБТ, позитивное отношение к «историческим деятелям-угнетателям» рассматривалось однозначно как расизм. Характерно, что ведущие западные политики, в том числе руководство Евросоюза высказывали свою поддержку выступлениям BLM, часто превращавшимся в погромы памятников деятелям прошлого [Лункин, 2020: 106–112].

Прямое объявление традиционалистских идей преступлением связано также с противостоянием Еврокомиссии с Польшей и Венгрией из-за законов о запрете абортов и против пропаганды нетрадиционных отношений. Наряду с законами, нарушающими, по мнению руководства ЕС, принцип разделения властей (судебная реформа в Польше), изгнанием ряда зарубежных организаций из Венгрии (как антиидентистский по своей идеологии Фонд Сороса), консервативные нормы были сочтены противоречащими европейским ценностям и общим нормам ЕС. Венгрию и Польшу поставили перед фактом по поводу возможности лишения финансирования из европейских фондов за эти проступки. Нежелание учитывать традиционные устои определенных групп населения проявилось и в принятии закона о защите республиканских ценностей во Франции в 2021 г. и запрете носить мусульманскую одежду в учебных заведениях.

С позиций классического либерального подхода также сложно объяснить дискриминацию работодателей, которые выступают против абортов. В частности, антиидентист по своим взглядам премьер-министр Канады Джастин Трюдо заявил о необходимости отстаивать право женщин на искусственное прерывание беременности, а правительство предложило перестать финансировать работодателей в рамках всеканадской программы по летнему найму студентов, если они «не уважают право женщин на аборт». По словам Трюдо, он выступает против действий, направленных на ограничения прав женщин, так как они «не соответствуют линии либерального правительства, и, честно говоря, всего нашего общества»¹.

Многочисленные штрафы или другого вида наказания для критиков ЛГБТ-сообщества, в особенности, для религиозных деятелей, стали, возможно, не столь массовым, но регулярным явлением в Европе и США уже с 2000-х гг. В данном контексте стоит отметить, что в судебном порядке наказывают даже не за какое-либо агрессивное действие, а именно за высказанное мнение. Например, в Исландии в 2015 г. Карл Йоханн принимал участие в дебатах по поводу расширения учебной программы по гомосексуализму, бисексуальности и транссексуальности в начальных и средних школах, инициированные активистами ЛГБТ. Йоханн заявил, что с его точки зрения это извращение и был оштрафован судом на 800 евро. Европейский суд по правам человека подтвердил решение Верховного суда Исландии². Британская учительница Г. Леджер, была уволена в мае 2022 г. из «Школы епископа Иуста» церкви Англии в городе Бромли английского графства Кент за то, что отказалась вести «уроки ЛГБТ»³. Такого рода примеров показательных судебных процессов можно найти почти в каждой стране ЕС и в США.

Новым фронтом борьбы против идентистов в условиях их ослабления или обострения борьбы с ними стала тема нормальности трансгендерного статуса. Именно в 2020-х гг. актуализировались два новых поля борьбы с угнетением – право на эвтаназию и на смену пола (даже малолетними детьми). Участились конфликты

¹ Трюдо заявил, что власти Канады будут отстаивать право женщин на аборт. 11 января 2018. <https://tass.ru/obschestvo/4865854> (дата обращения: 10.07.2024).

² ЕСПЧ отклонил жалобу гражданина Исландии, осужденного за критику ЛГБТ. 23 июля 2020. ИА Красная Весна. <https://rossaprimavera.ru/news/464049e4> (дата обращения: 10.07.2024).

³ Учительница-христианка уволена из школы Церкви Англии. 31 октября 2023 г. <https://pravoslavie.ru/157029.html> (дата обращения: 10.07.2024).

с родителями и даже наказание их за то, что они не принимают концепцию смены пола или не соглашаются менять пол своему несовершеннолетнему ребенку. К примеру, в США органы опеки отбирают у родителей детей, которые выражают желание сменить пол, а родители придерживаются традиционалистских взглядов¹. В Финляндии в 2019 г. у родителей изъяли несовершеннолетнюю дочь за то, что родители запретили ребенку проводить гормональную терапию по смене пола². Насаждение трансгендерного равенства вызвало большой резонанс и после заявления бизнесмена Илона Маска о том, что его сына, сменившего пол, убила идеология «вокеизма», используемой меньшинствами для заявления о практически любых своих правах³.

В кампанию против ведущих идентистских политических сил активно включились и государственные органы. Против бывшего президента США Д. Трампа и его родственников были инициированы десятки судебных процессов и, по крайней мере, четыре уголовных дела. Так, в сентябре 2022 г. прокурор штата Нью-Йорк Летиция Джеймс направила гражданский иск в отношении Трампа и его сыновей по обвинению в мошенничестве. В начале 2021 г. Министерство юстиции США начало расследование относительно попыток избирательного штаба Трампа добиться пересмотра итогов президентских выборов 2020 г. 19 декабря 2023 года Верховный суд штата Колорадо запретил экс-президенту США Д. Трампу участвовать в местных предварительных выборах на выдвижение кандидатом от Республиканской партии на пост президента в 2024 г.⁴ В марте 2024 г. судья в штате Флорида отказалась прекратить дело против Трампа по обвинению в хранении секретных документов, хотя как бывший президент он имел на это право и т.д.⁵ Судебная кампания против Трампа, шедшая в тесной связи с развитием избирательной кампании и противостоянием республиканцев и демократов (а затем и кандидатов в вице-президенты США с ярко выраженной идеологической позицией – консерватора Дж. Ди Вэнса у Д. Трампа и ультралиберала-антиидентиста Тима Уолца у К. Харрис), является самой массивной политически мотивированной попыткой уголовного наказания противника антиидентистов и вытеснения его из публичного поля, что тем не менее не означает презумпцию невиновности Трампа.

* * *

В рамках формирующегося полицентричного мира постепенно складывается противостояние двух идеологических систем – идентизма и антиидентизма, впер-

¹[20] Montana Christian Family Loses Custody Battle Over Daughter's Gender Transition. 1/31/2024. <https://www.charismanews.com/us/94234-montana-christian-family-loses-custody-battle-over-daughter-s-gender-transition> (дата обращения: 10.07.2024).

² В ЕС наказали родителей, запретивших своей дочери становиться мальчиком. 17 декабря 2019. URL: <https://www.kp.ru/daily/27069/4138690/> (дата обращения: 10.07.2024).

³ Маск рассказал об «убившей его сына» идеологии вокеизма. 23 июля 2024 г. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/669f6efb9a7947bf7d80b533> (дата обращения: 10.07.2024).

⁴ История судебных разбирательств в отношении Дональда Трампа. 20 декабря 2023. URL: <https://tass.ru/info/18316567> (дата обращения: 10.07.2024).

⁵ Суд отказал Трампу в прекращении дела о хранении секретных документов. 15.03.2024. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65f3e4cf9a7947054e790dd9?from=story_642c602d9a79477907e5540e (дата обращения: 10.07.2024).

вые подлинно охватывающее весь мир. Важнейшая особенность этого противостояния – существенное присутствие сторонников тех или иных противостоящих друг другу партий почти во всех странах и регионах. Не исключено, что в результате смены власти некоторые государства не единожды будут переходить во враждебный лагерь и обратно.

Рост идентистских движений в некоторых странах Запада с 2010-х гг. вызвал истерическую реакцию антиидентистов и до того невиданные нарушения конституций и попрание основных гражданских прав и свобод. В отношении политиков и партий ярче всего эта тенденция проявила себя в США и ФРГ и на уровне Евросоюза. Демократическая партия США использовала правоохранительные органы для слежки и фабрикации компромата против Трампа, в ФРГ слежка и запугивания со стороны властей стали едва ли не основным средством борьбы против «Альтернативы для Германии», несогласные с ультралиберальными нормами лидеры стран в ЕС были приравнены к «диктаторам». Неудивительно, что к изначальным требованиям идентистов постепенно прибавляются требования соблюдения конституционных прав и свобод. Идентисты могут стать ведущими защитниками демократических ценностей. Практически все западные идентисты безусловные сторонники демократических ценностей в традиционном западном понимании – разделение властей, свободные выборы, гражданские свободы. Они осознают себя борцами за их возрождение в Европе и США.

Однако и этот подъем идентизма не стал переломным для борьбы с монополией антиидентизма. Факторами криминализации и ослабления идентизма послужили пандемия, а затем и украинский кризис, когда давняя борьба с трампизмом и «популизмом» была совмещена с борьбой против всех, кто не хочет защищать «свободу и западные ценности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Громыко Ал.А. (2023) *Европа между кризисом и стагнацией*. В кн.: Европа в глобальной пересборке. Отв. ред. Ал.А. Громыко. «Весь Мир», ИЕ РАН, Москва. С. 13–17.
- Гуселетов Б.П. (2024) В Европарламенте вновь создан санитарный кордон для радикальных евроскептиков. *Независимая газета*. 30.07.2024. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-07-30/3_9060_kb.html (дата обращения: 10.07.2024).
- Дериглазова Л.В., Погорельская А.М. (2023) Культура отмены в политике и международных отношениях. *Вестник МГИМО-Университета*. № 16(4). С. 7–33. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-491-7-33>
- Доманов А.О. (2024) Проницаемость «санитарного кордона» против евроскептиков в Европейском парламенте. *Современная Европа*. № 1. С. 77–87. DOI: 10.31857/S020170832401006618;
- Жебит А.А. (2020) Права человека в эпоху пандемии. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. № 13(5). С. 219–252. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-13>
- Идентичность. Личность, общество, политика*. (2023) Новые контуры исследовательского поля. Отв.ред. И.С. Семененко. «Весь Мир», ИМЭМО, Москва. 34 с.
- Канинская Г.Н. (2022) «Европа. Экология – Зеленые»: стратегия национальной и европейской идентичности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. Т. 15. Вып. 1. С. 45–63. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.104>
- Кутырев, В. А. (2021) Человек как несовершенное совершенство (антропоконсерватизм contra трансгуманизм). В. А. Кутырев. *Философия хозяйства*. № 1(133). С. 73–86. EDN EAHZDT.
- Лисенкова А.Д. (2022) Covid-19: влияние на политическую повестку «Альтернативы для Германии». *Современная Европа*. № 4. С. 200–209. DOI: 10.31857/S0201708322040155. EDN: gljghk

Лункин Р.Н. (2020) Антирасистские протесты в Европе. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 5(17). С. 106–112. DOI 10.15211/vestnikieran52020106112. EDN QFHHI.

Махмутова М.Р., Черенков А.А. (2019) Различия в правовом регулировании деятельности сексуальных меньшинств в Европе и России. *Бюллетень науки и практики*. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichiya-v-pravovom-regulirovanii-deyatelnosti-seksualnyh-menshinstv-v-evrope-i-rossii> (дата обращения: 21.06.2024).

Общество и политика в «эру COVID-19». (2022) В.Я. Швейцер и др. Ин-т Европы РАН, Москва. 156 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report92022_395. – ISBN 978-5-98163-194-8. EDN: XGYROE

Письмо Энгельса Марксу в Лондон. (1964) Манчестер, 22 июня 1869 г. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 32. Изд-во политической литературы, Москва. С. 259–260.

Религия в современной России: события и дискурсы пандемии (2021): монография. М.М. Мchedлова [и др.] ; под ред. М.М. Мchedловой ; РУДН ; ФНИСЦ РАН. РУДН, Москва. 352 с.

Семененко И. С. (2016) Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 8–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>

Oesch D, Vigna N. (2022) A Decline in the Social Status of the Working Class? Conflicting Evidence for 8 Western Countries, 1987–2017. *Comparative Political Studies*. No. 55(7). С. 1130–1157. doi:10.1177/00104140211047400

Identists vs. Antiidentists: A Prologue to the Ukrainian Crisis

R.N. Lunkin

Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy. Director, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009
E-mail: romanlunkinn@yandex.ru

S.B. Filatov

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031
E-mail: sfilatov2006@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the features of modern ideological and political conflicts in Europe and the world, in particular, the process of crystallization of the identist ideology (identism), which opposes the values of “liberal democracy” (antiidentism) on the eve of the Ukrainian crisis. It is emphasized that the struggle for identity has become a form of defending attractive meanings and defending sovereign models of development as opposed to ultraliberalism. The confrontation between traditionalists and antitraditionalists has become an integral element of the dynamics of divided societies. That context could help to understand the deepening of the ideological withstanding during Ukrainian crisis. The article examines party-political differences and ideological conflicts in the public sphere, describes the origins of the emergence of modern anti-identism, the growth of identist sentiments and the reaction to this growth from the supporters of antiidentism. The factors of weakening of identism were the struggle with political rivals, in the United States against Trump and Trumpism, in the European Union against parties and movements of the identism orientation (“populists”), the criminalization of identist views within the framework of the imposition of gender policy, during the pandemic the marginalization of identist principles in the context of sanitary policy. It is concluded that within the framework of the emerging polycentric world the confrontation of two ideological systems – identism and anti-identism is gradually taking shape. The most important feature of this confrontation is the significant presence of supporters of various opposing parties in almost all countries and regions of the world. All Western identists declared themselves as the unconditional supporters of democratic values in the traditional sense of classical liberalism – separation of powers, free elections, and civil liberties. They see themselves as fighters for their revival in modern Europe and in the United States, as opposed to the monopoly of antiidentism.

Keywords: identism, antiidentism, liberal democracy, traditionalism, parties and social and political movements, problems of identity, Ukrainian crisis

DOI: 10.31857/S0201708324050164

REFERENCES

- Gromyko A.I.A. (2023) *Evropa mezhdu krizisom i stagnaciej* [Europe between crisis and stagnation]. V kn.: *Evropa v global'noj peresborke*. Otv. red. A.I.A. Gromyko. "Ves' Mir", IE RAN, Moscow, Russia, pp. 13–17. (In Russian).
- Guseletov B.P. (2024) *V Evroparlamente vnov' sozdan sanitarnyj kordon dlya radikal'nyh evroskeptikov* [A cordon sanitaire for radical Eurosceptics has been re-established in the European Parliament]. *Nezavisimaya gazeta*. 30.07.2024. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-07-30/3_9060_kb.html (accessed: 10.07.2024). (In Russian).
- Deriglazova L.V., Pogorel'skaya A.M. (2023) Kul'tura otmeny v politike i mezhdunarodnyh otnosheniyah [The culture of cancellation in politics and international relations]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 16(4), pp. 7–33. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-4-91-7-33> (In Russian).
- Domanov A.O. (2024) Pronicaemost' "sanitarnogo kordona" protiv evroskeptikov v Evropejskom parlamente [The permeability of the "sanitary cordon" against Eurosceptics in the European Parliament]. *Sovremennaya Evropa*, 1, pp. 77–87. DOI: 10.31857/S020170832401006618; (In Russian).
- Zhebit A.A. (2020) Prava cheloveka v epohu pandemii [Human rights in the era of the pandemic]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 13(5), pp. 219–252. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-13> (In Russian).
- Identichnost'. Lichnost'. obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* (2023) [Identity. Personality, society, politics. New contours of the research field]. Otv.red. I.S. Semenenko. "Ves' Mir", IMEMO, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kaninskaya G.N. (2022) "Evropa. Ekologiya – Zelenye": strategiya nacional'noj i evropejskoj identichnosti ["Europe. Ecology – Green": a strategy of national and European identity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 15(1), pp. 45–63. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.104> (In Russian).
- Kutyrev V.A. (2021) Chelovek kak nesovershennoe sovershenstvo (antropokonservativizm contra transgumanizm) [Man as imperfect perfection (anthropoconservatism contra transhumanism)]. V.A. Kutyrev. *Filosofiya hozyajstva*, 1(133), pp. 73–86. EDN EAHZDT. (In Russian).
- Lisenkova A.D. (2022) Sovid-19: vliyanie na politicheskuyu povestku «Alternativy dlya Germanii» [Covid-19: influence on the political agenda of "Alternatives for Germany"]. *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 200–209. DOI: 10.31857/S0201708322040155. EDN: gljghk. (In Russian).
- Lunkin R.N. (2020) Antirasistskie protesty v Evrope [Anti-racist protests in Europe]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, 5(17), pp. 106–112. DOI 10.15211/vestnikieran52020106112. EDN QFHIHI. (In Russian).
- Mahmutova M.R., Cherenkov A.A. (2019) Razlichiya v pravovom regulirovanii deyatel'nosti seksual'nyh men'shinstv v Evrope i Rossii [Differences in the legal regulation of sexual minorities in Europe and Russia]. *Byulleten' nauki i praktiki*, 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichiya-v-pravovom-regulirovanii-deyatelnosti-seksualnyh-menshinstv-v-evrope-i-rossii> (accessed: 21.06.2024). (In Russian).
- Obshchestvo i politika v "eru COVID-19"* (2022) [Society and politics in the "era of COVID-19"]. V.YA. Shvejcer i dr. In-t Evropy RAN, Moscow, Russia. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report92022_395. – ISBN 978-5-98163-194-8. EDN: XGYROE. (In Russian).
- Pis'mo Engel'sa Marksu v London* (1964) [Engels' letter to Marx in London]. Manchester, 22 iyunya 1869 g. Marks K., Engel's F. Sobranie sochinenij. 2-e izd. T. 32. Izd-vo politicheskoy literatury, Moscow, Russia, pp. 259–260. (In Russian).
- Religiya v sovremennoj Rossii: sobytiya i diskursy pandemii* (2021) [Religion in Modern Russia: events and discourses of the pandemic]: monografiya. M.M. Mchedlova [i dr.] ; pod red. M.M. Mchedlovoj ; RUDN ; FNISC RAN. RUDN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Semenenko I. S. (2016) Politika identichnosti i identichnost' v politike: etnonacional'nye rakursy, evropejskij kontekst [Identity politics and identity in politics: ethnonational perspectives, European context]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 8–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03> (In Russian).
- Oesch D, Vigna N. (2022) A Decline in the Social Status of the Working Class? Conflicting Evidence for 8 Western Countries, 1987–2017. *Comparative Political Studies*, 55(7), pp. 1130–1157. doi:10.1177/001041402111047400

УДК 316.7

О РОЛИ МАЛЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере Стратфорда-на-Эйвоне)

© 2024 **ПОВАЖНАЯ** Галина Ивановна

Кандидат педагогических наук

Руководитель Сектора международных связей, Институт Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая. д. 11, стр. 3

E-mail: gipovazhnaya@gmail.com

Поступила в редакцию 04.05.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. В статье рассмотрен потенциал культуры малого города для сохранения национальной идентичности британцев. В условиях глобализационных процессов происходит размывание национальной идентичности и столкновение идеологии космополитических элит с традиционными ценностями. Цель статьи – проанализировать особенности культуры Стратфорда-на-Эйвоне как фактора сохранения этнонациональной идентичности. Для этого изучена роль У. Шекспира как «гения места», определяющего современные культурные практики, механизмы воспроизводства традиционной британской идентичности. Выявлены черты менталитета британцев, которые воспроизводятся в культуре малого города. Источниками выступали информация на официальном сайте города, в социальных сетях и результаты полевых исследований автора. Работа основана на принципе системности при использовании культурологических методов в исторической ретроспективе (диахронный метод). В статье использованы метод включенного наблюдения и качественный контент-анализ. Культурные практики показали актуальность таких характеристик идентичности британцев, как приверженность семейным ценностям, расположенность к благотворительности, осознание особой ценности труда, любовь к истории, высокому искусству, аристократическим формам ритуалов и соблюдению протокола. Исследование подтверждает тезис о значении малых городов в сохранении исторической идентичности населения.

Ключевые слова: Стратфорд-на-Эйвоне, Великобритания, Шекспир, культурные практики, идентичность, ценности, культурная политика

DOI: 10.31857/S0201708324050176

Цивилизационное развитие западного общества на протяжении последних столетий сохраняет характер ускоряющегося процесса. Экономическая детерминированность определяет концентрацию ресурсов в одном месте для упрощения логистики и сокращения времени на налаживание коммуникаций, вследствие чего главными субъектами формирования экономико-географической системы наций выступают мегаполисы. Границы города размываются, он вбирает в себя множество групп и сообществ – носителей разнообразных этнических, социально-статусных и иных форм культуры. В результате ранее сложившаяся местная культура теряет четкие очертания, личность перестает ощущать смысловые основы, что неизбежно приводит к атомизации. Национальный дух сохраняется в достаточно устойчивой форме только в малых и средних городах. Эмпирические исследования культуры малых городов с длинной историей дают представления об истинных особенностях национального характера¹.

Цель статьи – выявить особенности культуры маленького британского города как фактора сохранения этнонациональной идентичности на примере Стратфорда-на-Эйвоне – родины гениального поэта и драматурга У. Шекспира. Для этого проанализирована роль автора в формировании городской культуры и определены составляющие британской идентичности, воспроизводимые через участие горожан в культурной жизни.

Исследование опирается на принцип системности при рассмотрении культуры в исторической ретроспективе (историко-диахронный метод), на метод включенного наблюдения и качественный контент-анализ мероприятий, посвященных У. Шекспиру², многочисленных видеороликов о Стратфорде-на-Эйвоне и комментарии зрителей к ним, а также результаты полевых исследований автора.

Обзор литературы

Городская культура вызывает системный интерес исследователей с конца XIX в. Городу посвящена глава в известной монографии немецкого социолога М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» [Вебер, 2006]. Большой вклад в развитие урбанистики как отрасли философско-культурологического знания внес О. Шпенглер, который считал, что именно возникновение городов обусловило развитие культуры и начало истории [Шпенглер, 2017]. Инновационные формы строительства небоскребов олицетворяли новый виток цивилизационного развития, который привел к уплотнению и ускорению жизни. Это обозначило потребность не только в исследовании культуры мегаполисов, но и в осмыслении роли малых и средних городов в сохранении и развитии традиционных форм культуры [Lynd, Lynd, 1937].

В российской науке сформировался устойчивый интерес к проблеме города как особой форме человеческого бытия. Философско-семиотический подход реализован в трудах Ю.М. Лотмана, который классифицировал города по типам выражения основных знаковых кодов («город-пространство», «город-имя»), и утверждал, что

¹ См., например: [Панарина, 2014; Сиюхова, 2011; 2022].

² Stratford-upon-Avon Town Council. URL: <https://www.stratford-tc.gov.uk/> (дата обращения: 15.04.2024).

провинциальный город – механизм, противостоящий времени, т. к. в нем запечатлено прошлое в сопряжении с настоящим [Лотман, 1992: 453]. Современные отечественные ученые продолжают поиски сущности феномена города. Е.В. Водопьянова отмечает, что полицентричность европейских столиц в ближайшем будущем не только углубится, но и расширится за счет приращения функций периферийных городов в соответствии с такими классическими постулатами постиндустриализма, как децентрализация, деурбанизация и демассификации [Водопьянова, 2021]. О.В. Киреева и М.Н. Веселова рассматривают проблему сохранения культурно-исторического облика города [Киреева, Веселова, 2020]. Д.В. Суворов анализирует роль города в формировании условий для социализации и аккультурации, которые в итоге приводят к модернизации городской жизни [Суворов, 2014]. А. Мэннинг, А. Георгиадис и Д. Денхам изучают идентичность британцев в малых, средних и больших городах Британии [Georgiadis, Manning, 2009; Denham, 2018].

Малый город как фактор сохранения британской идентичности

Менталитет как характеристика субъекта и его социокультурных взаимодействий – очень сложный концепт в социогуманитарном дискурсе, который вызывает неоднозначные толкования и дискуссии. Глобализационные процессы актуализируют потребность в выявлении архетипического основания культурного развития, выступающего стабилизирующим фактором этнонациональной идентичности [Лавринова, 2018]. Комплекс привычек, способов мыслить, действовать и реагировать на вызовы, отличающийся у представителей разных сообществ, составляет сущность менталитета – основы самоидентичности индивида и группы. Ал.А. Громыко считает, что цивилизационная идентичность человека – на первый взгляд высокая и абстрактная материя – имеет прямое отношение к его мировоззрению, системе ценностей, нормам жизни, отношению к представителям других наций. Наиболее объективным фактором формирования этнокультурного менталитета и идентичности выступают геоклиматические условия, в которых проходило становление этноса [Громыко, 2011]. Британия – островное государство, население которого исторически прибывало морским путем с континентальной Европы. Мореплавание являлось важнейшей сферой деятельности и сформировало особые черты характера. На идентичность британцев значительно повлиял опыт имперского строительства [Фергюсон, 2013]. Сегодня она (хотя и в меньшей мере, чем в США) подвергается эрозии вследствие кризиса либерализма и «культуры отмены». В исследовании британского политолога Д. Гудхарта «Дорога куда-то» сделан вывод о растущем расколе между космополитичными элитами и большинством населения [Goodhart, 2017]. Повестка, продиктованная интересами меньшинств, отрицает или сильно искажает такие основы национальной идентичности, как литературный канон и история. В стороне не остается и У. Шекспир, произведения которого пытаются изменить и переписать в соответствии с требованиями политкорректности.

В условиях размывания идентичности усиливается значение малых городов, которые сохраняют и воспроизводят ценностные установки через участие горожан в

культурных практиках. Исследователи городской экзистенциальности при определении ценности города выделяют три составляющих: метафизическую (душа), историческую (мифы) и эстетическую (красота) [Порошенко, 2021]. Эти элементы взаимообуславливают этнокультурную идентичность. Душой Стратфорда-на-Эйвоне стали личность и творчество У. Шекспира, которые более трех столетий притягивают в город миллионы людей. Однако личность писателя в общественном сознании воспринимается как живая, близкая и родная, а его творчество – как всегда актуальный материал. Например, в программе празднования дня рождения У. Шекспира в 2024 г. объявлен конкурс на написание литературного текста объемом не более 250 печатных знаков (два – три предложения), кратко с юмором передающего полное содержание какого-либо произведения шекспировской драматургии, что привлекло к творчеству драматурга молодое поколение.

Город Стратфорд-на-Эйвоне, имеющий небольшую площадь и население менее полусотни тысяч, удивляет насыщенностью культурных объектов, практик, индивидуальных и коллективных субъектов культурной индустрии.

Гений места

Свою историю Стратфорд-на-Эйвоне ведет с VII в., когда древнегерманское племя саксов вторглось на эту территорию. До XII в. поселение было чисто сельским, однако удачное месторасположение стало причиной развития торговых отношений и формирования рынка для близлежащих крестьянских хозяйств. В 1196 г. Ричард I даровал Стратфорду-на-Эйвоне право проводить еженедельные ярмарки. В городе стало процветать ремесло: возникли кузнечные производства, артели плотников, работали пекарни, сапожные мастерские. В 2022 г. население составляло 30 тыс. чел.¹ Несколько столетий существования города определили его метафизическую сущность, отражающую философскую и поэтическую идею Ф. Бэкона о стремлении к восстановлению связи земного и небесного, материального и идеального [Кудряшев, 2021].

В истории города указано, что в 1557 г. перчаточник из Стратфорда-на-Эйвоне по имени Джон Шекспир женился на Мэри Арден, дочери зажиточного фермера из Уилмкоута. Их сын Уильям Шекспир родился примерно 23 апреля 1564 г. в доме на Хенли-стрит. Здание, выкупленное в 1847 г. Шекспировским фондом, до сих пор стоит в центре Стратфорда-на-Эйвоне и привлекает туристов историческим видом и связью с гением мировой литературы. Будучи сыном представителя среднего класса, У. Шекспир должен был ходить в начальную школу. Здание школы сохранено и открыто для посещения туристов и горожан.

В 1597 г. У. Шекспир купил дом под названием «Новое место» (*New Place*). Здание не сохранилось. На его месте разбит сад в честь поэта, где проводятся экскурсии. После смерти в апреле 1616 г. У. Шекспира похоронили в церкви Святой Троицы.

¹ Lambert T.A. History of Stratford upon Avon. Local histories. Tim's History of British Towns, Cities and So Much More. 14.03.2021. URL: <https://localhistories.org/a-history-of-stratford-upon-avon/> (дата обращения: 15.04.2024).

В 1623 г. был установлен надгробный бюст работы Дж. Джонсона. Церковь остается в неизменном виде и является местом паломничества туристов. Сохраненные со времен жизни У. Шекспира исторические здания, построенные позднее дома в стилистике «фахверк», скульптурные, фресковые и полиграфические изображения поэта и персонажей его творений формируют особый облик города. Местная община предприняла действия, чтобы увековечить память об У. Шекспире. В 1824 г. для организации празднования дня рождения поэта был основан первый в Англии Шекспировский фонд. В 1827 г. на берегу Эйвона построен театр Шекспира. В 1964 г. открылся Шекспировский центр, который специализируется на научном исследовании жизни и творчества поэта, библиотечной, образовательной и музейно-экскурсионной деятельности и на продвижении шекспироведения в сетевом пространстве.

Образ и творчество У. Шекспира – ведущая тема в культуре Стратфорда-на-Эйвоне, определяющая общий городской уклад. Значительная часть культурных практик прямо или косвенно связана с именем поэта. При анализе культурной жизни города внимание уделено традиционным и инновационным формам культурной индустрии.

Культурные практики

Главное культурное событие Стратфорда-на-Эйвоне – празднование дня рождения У. Шекспира, впервые организованное в 1816 г.¹ С тех пор ежегодно проводятся торжества, которые к настоящему времени приобрели вид масштабных международных фестивалей. На них собираются профессиональные артисты, любительские творческие коллективы, художники, деятели культуры со всего мира. Улицы переполнены театрализованными шествиями, музыкой и театральными представлениями из наследия У. Шекспира². Особое мероприятие – торжественный обед для жителей и гостей города в парке *New Place*. Он сопровождается выступлением труппы Королевского шекспировского театра и приглашенных артистов. Венчает обед ритуал вручения премии Прагнелла лицам, которые внесли значительный вклад в осмысление творчества поэта, способствовали популяризации его произведений. Совместная трапеза – традиционный ритуал, нацеленный на духовное единение, укрепление эмоциональных связей, консолидацию сообщества. Однако если организация питания на других фестивалях и ярмарках носит пролонгированный характер, т. е. купить еду или посетить кафе или ресторан можно в любое время в течение мероприятия, то обед в честь У. Шекспира имеет четкую пространственно-временную привязку, устоявшийся сценарий и дресс-код. Это превращает мероприятие в знаковый ритуал, который символизирует аристократический менталитет британцев и приверженность к исполнению протокола.

¹ Жители Британских остров стали приезжать в Стратфорд-на-Эйвоне для празднования дня рождения У. Шекспира с 1650 г.

² Stratford Upon Avon - Shakespeare's Birthday celebration | April 2024 | 4K HDR video. URL: https://www.youtube.com/watch?v=QIj_THXKrOY (дата обращения: 07.05.2024).

Традиционная любовь к искусству проявляется в регулярной организации фестивалей, посвященных литературе и музыке, выставок и вернисажей изобразительного искусства. Последние полтора десятилетия два раза в год проводится литературный фестиваль в Стратфорде-на-Эйвоне, сочетающий дебаты, встречи со знаменитыми авторами, мастер-классы и юмор. Это также благотворительная акция, продвигающая преимущества чтения и письма для образования, грамотности и благополучия с помощью мероприятий и семинаров в школах, обществе и тюрьмах. Фестиваль – одно из самых значимых литературных событий в Британии.

Благотворительность как культурная ценность британцев в рамках фестиваля реализуется в практической деятельности. В школах города организуются встречи и мастер-классы известных литераторов, направленные на привлечение к чтению. Оригинальная благотворительная акция – проведение однодневных семинаров для заключенных тюрем по написанию сказки на ночь для детей и внуков. Тексты редактируются и публикуются в красочных сборниках, которые авторы дарят, чтобы о них помнили. Гуманистическую ценность акции подтверждают многочисленные отзывы тюремных педагогов и заключенных, размещенные на сайте литературного фестиваля. Организаторы и участники подчеркивают, что мероприятие позволяет укрепить семейные ценности и начать выстраивать отношения с детьми. Заключенный тюрьмы «Темсайд» (*HMP Thameside*) оставил следующий комментарий: «Моя дочь – это ключ к тому, чтобы я не совершал повторных преступлений. Я хочу измениться ради нее, и этот семинар был очень хорошим и поддерживающим, с положительной энергией»¹. Семейные ценности для британцев весьма важны, а сохранение близких связей с членами семьи – значимая характеристика национальной идентичности.

В 1996 г. начал свою историю ежегодный Стратфордский музыкальный фестиваль, мероприятия которого ориентированы прежде всего на молодых исполнителей². В 2024 г. организаторы объявили о новом идейном направлении, выраженном в манифесте о том, что музыка объединяет нацию, поэтому нужно поддерживать выдающихся музыкантов и инвестировать в музыку в школах. С этой целью проведен ряд семинаров в начальных и средних школах с известными профессиональными музыкантами и певцами. Помимо образовательных организаций определены несколько площадок для концертов, среди которых – Часовня гильдии, Клиффордские палаты Святой Елены, Церковь Святой Троицы, Ратуша. Выбор залов соответствует академической направленности мероприятий и иллюстрирует особую роль высокого искусства в общей системе ценностей. Об этом также свидетельствует наличие в небольшом городе нескольких музыкальных коллективов, специализирующихся на исполнении классической музыки.

К устоявшимся формам культурной индустрии можно отнести ежегодно проводящийся в Стратфорде-на-Эйвоне в ноябре фестиваль современного искусства, в

¹ Stratford-upon-Avon Literary Festival. URL: <https://www.stratfordliteraryfestival.co.uk/outreach/workshops-in-prisons> (дата обращения: 15.04.2024).

² 2024: A World Elsewhere | Stratford Festival 2024. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UE_traZWlIg (дата обращения: 07.05.2024).

рамках которого проходят вернисажи и выставки. Основной площадкой выступает здание Ратуши.

Уважительное отношение британцев к труду иллюстрируют необычные культурные практики, которые редко встретишь в других регионах мира. К таким мероприятиям можно отнести ярмарку швабры. В прошлом крестьяне, разнорабочие, прислуга и некоторые ремесленники работали по договору один год. После окончания контракта они в воскресных нарядах посещали ярмарку и несли предмет, обозначающий их профессию. Человек без особых навыков носил швабру. Сохранение традиции проведения ярмарок свидетельствует об отношении к труду как важному и радостному процессу. Сегодня программа включает выставки современной техники для производства (машины, станки, оборудование), старомодные аттракционы (карусели, метание колец и др.) и жарку туш свиней и волов на открытом воздухе до поздней ночи. Гармоничное совмещение производственно-технологических инноваций и архаических элементов культуры отражает идентичность британцев.

Фестиваль еды – еще один традиционный праздник, который демонстрирует прославление труда и наслаждение его результатами. Важная составляющая программы 2024 г. – организация демонстрационной кухни, где эксперты в области кулинарии и приготовления коктейлей показывают свои навыки. Территориальная ассоциация бизнеса в Стратфорде-на-Эйвоне (*Stratford Upon Avon Business Improvement District, Stratford Upon Avon BID*), которая организует фестиваль, важной задачей считает привлечение туристов для поддержки сети гостиниц, кафе, баров, ресторанов. Такой подход к культурным практикам соотносится с положениями культурной политики Евросоюза, в котором до недавнего времени состояло Соединенное Королевство. К наиболее значимым целям при организации мероприятий относятся создание новых рабочих мест и повышение благосостояния населения. Кроме того, фестивали производят эффект эмоциональной сплоченности, поддерживают традиционные формы социокультурных отношений и атмосферу стабильности. Перечисленные фестивали входят в число традиционных, регулярно проводимых мероприятий, форма которых имеет устоявшийся характер.

Культурная инфраструктура Стратфорда-на-Эйвоне включает несколько музеев, коллекции которых отражают разные периоды истории и сферы культуры города и страны. Среди них – бесплатная интерактивная выставка «Битва при Эджхилле Рэдвей» (*The Battle of Edgehill Exhibition*). Она сочетает экспозиции на открытом воздухе и музейные композиции, непосредственное восприятие экспонатов и интерактивное взаимодействие с цифровой средой. Связка традиций и инноваций – характерное свойство мироощущения и идентичности профессиональных и обывательских сообществ малых городов Британии.

Событиям Первой и Второй мировых войн и персоне У. Черчилля посвящена бесплатная экспозиция «Оружейные склады Стратфорда» (*Stratford Armouries*). В отзывах о выставке видна разница в менталитете отдельных групп. Большая часть посетителей обращает внимание на сервис – приветливость персонала гостиницы, наличие магазинов и др. В этом случае экспозиция воспринимается как повод для рекреации, а не для получения новых знаний. Остальные заинтересованы

именно в осмыслении научно-исторической информации и экстраполяции полученных сведений на современную реальность. Примером такого отношения выступает следующий отзыв: «Небольшой, идеально оформленный *бесплатный* (курсив – Г.И.) музей. Битком набитый множеством артефактов Черчилля, его поклонники были бы здесь в восторге. Очень информативно и много информации о некоторых событиях Первой мировой войны. Военным историкам стоит сделать небольшой крюк. Сделал пожертвование в помощь героям» (сентябрь, 2022). Другой посетитель сожалеет, что экспозиция сильно уменьшилась за последние два десятилетия¹. Интерес к истории и потребность пожертвовать героям свидетельствуют о восприятии страны как великой, а народа – как героического. Несмотря на снижение статуса Британии до уровня средней европейской державы, местные обозреватели вводят для определения роли Соединенного Королевства понятие исторической державы, которую не должны игнорировать международные партнеры.

Культурная индустрия городов, таких как Стратфорд-на-Эйвоне, активно использует исторические мифы, организуя выставки и музеи, посвященные знаменательным событиям и выдающимся деятелям. Культура малого британского города демонстрирует такую черту национального характера, как любовь к истории.

Заключение

Культура Стратфорда-на-Эйвоне подтверждает тезис о потенциале малых городов по сохранению национальной идентичности. Основные составляющие идентичности британцев, выявленные на примере города, можно классифицировать по содержательным уровням: личностному, социальному, национально-государственному. Важное качество мироощущения горожан – совмещение включенности в инновационные формы социальной жизни (использование промышленных и информационных технологий, коммуникационных сетей и др.) с сохранением традиционных (в отдельных случаях архаических) форм культуры. Наиболее ярко проявляется такая черта менталитета, как потребность самоутверждения через благотворительность. Традиционная ценность семьи и семейных связей также включена в систему британского мироощущения, что весьма важно для сохранения отношений между поколениями и полами и нормального развития общества в условиях, когда в западном обществе интенсивно продвигается добровольный выбор гендерной идентичности без учета биологической принадлежности.

Еще один элемент национального характера – это осознание ценности труда и радости от его результатов, что подтверждается интересом горожан к традиционным праздникам, таким как ярмарка швабры и фестиваль еды.

К социально-национальному уровню ментальности относятся любовь и уважение к истории страны и народа, что прочитывается в отношении аудитории к музейным экспозициям на тему войн и политических деятелей. Кроме того, в выполнении протокола в публичном пространстве праздников (торжественный обед в честь

¹ Stratford Amouries. URL: https://www.tripadvisor.com/Attraction_Review-g186399-d2310773-Reviews-Stratford_Amouries-Stratford_upon_Avon_Warwickshire_England.html (дата обращения: 15.04.2024).

дня рождения У. Шекспира) и любви к высокому искусству (фестивали классической музыки, изобразительного искусства, литературные фестивали) проявляются черты аристократизма, характерные для британской культуры в целом.

Стратфорд-на-Эйвоне развивается в русле общих тенденций культурной политики европейских государств: отношение к культуре объединяет сохранение самобытности, роль культуры как «мягкой силы» в социальном управлении и понимание культуры как средства повышения экономического благосостояния населения посредством развития услуг в системе культурных индустрий.

В российском контексте именно малый город становится хранителем национальной идентичности. В Концепции внешней политики Россия определяется как самобытное государство-цивилизация и составная часть мирового большинства¹. В современных международных отношениях проблематика национальной идентичности выходит на первый план, а многополярность нового миропорядка служит выражением культурно-цивилизационного многообразия мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. (2006) *Протестантская этика и дух капитализма*. Российская политическая энциклопедия, Москва. 656 с.
- Водопьянова Е.В. (2021) Европейские столицы в постиндустриальном измерении. *Современная Европа*. № 3. С. 149–158.
- Громыко Ал.А. (2011) Цивилизация как объект исследования и российская идентичность. Многообразие дискурса. *Россия в многообразии цивилизаций*. Под ред. Н.П. Шмелёва. Российская академия наук Институт Европы; Весь мир, Москва. С. 851–867.
- Киреева О.В., Веселова М.Н. (2020) Современная городская культура: город для человека или против него? *Дискурс*. Т. 6. № 1. С. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-1-5-20>
- Кудряшев А.Ф. (2021) Философское учение Ф. Бэкона с позиций «островного» подхода. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия*. № 3 (8). С. 17–25.
- Лавринова Н.Н. (2018) Геокультурные основания менталитета. *Социально-экономические явления и процессы*. № 2(60). С. 197–201.
- Лотман Ю.М. (1992) Заметки о художественном пространстве. *Избранные статьи. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры*. Александра, Таллинн, 1992. С. 448–463.
- Панарина Н.Ю. (2014) Антропологический подход к исследованию материальной культуры средневековых английских городов. *Евразийский союз ученых*. № 7-7 (7). С. 113–114.
- Порошенко О.Ю. (2021) Экзистенция города. *Вестник Вятского государственного университета*. № 2 (140). С. 45–51. DOI: [10.25730/VSU.7606.21.017](https://doi.org/10.25730/VSU.7606.21.017)
- Сиюхова А.М. (2011) Городские мифы и символические пространства периферийного поликультурного города (на примере Майкопа). *Исторический журнал: научные исследования*. № 6. С. 51–58.
- Сиюхова А.М. (2022) Реализация культурной политики Европейского союза в периферийных городах Восточной Германии (на примере города Баутцен). *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. Т. 14. № 3. С. 151–163. DOI: <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-3-151-163>
- Суворов Д.В. (2014) Город, модернизация, культура. *Современный город: социальность, культуры, жизнь людей. Материалы XVII Международной научно-практической конференции*. Под ред. Л.А. Заска, Л.А. Мясниковой, А.П. Семитко, С.А. Мицка, Е.Б. Перелыгиной, К.И. Зубкова, С.Д. Бал-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.04.2024).

масовой, А. В. Дроздовой, Л.В. Росновской, А.В. Агеносова, И.С. Крутько, С.А. Рамзиной, И.Н. Борисовой, Г.А. Ямалетдиновой. Гуманитарный университет, Екатеринбург. С. 64–69.

Фергюсон Н. (2013) *Империя. Чем современный мир обязан Британии*. Астрель; Corpus, Москва. 560 с.

Шпенглер О. (2017) *Закат Западного мира*. АЛЬФА-КНИГА, Москва. 1088 с.

Denham J. (2018) Country, city, town: how different types of community influence English and British identities. *The London School of Economics and Political Science*. 20.03.

Georgiadis A., Manning A. (2009) *One Nation Under a Groove? Identity and Multiculturalism in Britain*. CEP Discussion Paper No. 944. July. London School of Economics and Political Science, London, UK. 44 p.

Goodhart D. (2017) *The Road to Somewhere. The New Tribes Shaping British Politics*. Penguin Books, London, UK. 304 p.

Lynd R.S., Lynd H.M. (1937) *Middletown in Transition. A Study in Cultural Conflicts*. Harcourt, Brace and Company, N.Y., USA 1937. 624 p.

The Role of Small Historical Towns in Preserving the National Identity (on the Example of Stratford-upon-Avon)

G.I. Povazhnaya

Candidate of Sciences (Pedagogy)

Leading Communication Specialist, Acting Head of the International

Relations Sector of the Institute of Europe RAS

11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009

E-mail: gipovazhnaya@gmail.com

Abstract. The article reveals the potential of small British town culture for preserving the national identity of the British. In the context of globalization processes, there is an erosion of national identity and a clash between the ideology of cosmopolitan elites and traditional values. It is the culture of small towns that allows one to preserve and strengthen national identity. The purpose of the article is to identify the features of the culture of Stratford-upon-Avon as a factor in preserving the ethnonational identity of the British. The author analyses the role of William Shakespeare as a “genius loci” who determines modern cultural practices and mechanisms for the reproduction of traditional British identity, as well as identifies its components that are reproduced in the culture of a small town. Scientific publications, posts from the city’s official website, videos posted on the YouTube portal, as well as the results of the author’s field research were used as research sources. The role of William Shakespeare’s work in urban culture is determined. An analysis of the cultural practices of Stratford showed the relevance of such characteristics of British identity as commitment to family values, disposition to charity, awareness of the special value of work, love of the history of their city and country, craving for high art and aristocratic forms of rituals. In addition, it is concluded that according to the European approach culture is an industry capable of gently managing society and a resource of material well-being.

Key words: Stratford-upon-Avon, Great Britain, Shakespeare, cultural practices, identity, values, cultural policy

DOI: 10.31857/S0201708324050176

REFERENCES

Denham J. (2018) Country, city, town: how different types of community influence English and British identities, *The London School of Economics and Political Science*, 20.03.

Fergюсон Н. (2013) *Империя. Чем современный мир обязан Британии* [Empire: How Britain Made the Modern World], Astrel'; Corpus, Moscow, Russia. (In Russian).

Georgiadis A., Manning A. (2009) *One Nation Under a Groove? Identity and Multiculturalism in Britain*, CEP Discussion Paper No. 944, July, London School of Economics and Political Science, London, UK.

Goodhart D. (2017) *The Road to Somewhere. The New Tribes Shaping British Politics*, Penguin Books, London, UK.

Gromyko A.I.A. (2011) Tsivilizatsiya kak ob"ekt issledovaniya i rossiiskaya identichnost'. Mnogoobrazie diskursa [Civilization as an object of research and Russian identity. Diversity of discourse], Shmeleva N.P. (ed.) *Rossiya v mnogoobrazii tsivilizatsii*, Rossiiskaya akademiya nauk Institut Evropy; Ves' mir, Moscow, Russia, pp. 851–867. (In Russian).

Kireeva O.V., Veselova M.N. (2020) Sovremennaya gorodskaya kul'tura: gorod dlya cheloveka ili protiv nego? [Modern Urban Culture: a City for or against a Person?], *Discourse*, 6(1), pp. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-1-5-20> (In Russian).

Kudryashev A.F. (2021) Filosofskoe uchenie F. Bekona s pozitsii «ostrovnogo» podkhoda [The philosophical teaching of F. Bacon], *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*, 3(8), pp. 17–25. (In Russian).

Lavrinova N.N. (2018) Geokul'turnye osnovaniya mentaliteta [Geocultural foundations of mentality], *Social-Economic Phenomena and Processes*, 2(60), pp. 197–201. (In Russian).

Lotman Yu.M. (1992) Zametki o khudozhestvennom prostranstve [Notes on art space], *Izbrannye stat'i. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*, Aleksandra, Tallinn, Estonia, pp. 448–463. (In Russian).

Lynd R.S., Lynd H.M. (1937) *Middletown in Transition. A Study in Cultural Conflicts*, Harcourt, Brace and Company, N.Y., USA.

Panarina N.Yu. (2014) Antropologicheskii podkhod k issledovaniyu material'noi kul'tury srednevekovykh angliiskikh gorodov [An anthropological approach to the study of the material culture of medieval English cities], *Evrasiiskii soyuz uchenykh*, 7(7), pp. 113–114. (In Russian).

Poroshenko O.Yu. (2021) Ekzistentsiya goroda [The existence of the city], *Herald of Vyatka State University*, 2(140), pp. 45–51. DOI: 10.25730/VSU.7606.21.017 (In Russian).

Siyukhova A.M. (2011) Gorodskie mify i simvolicheskie prostranstva periferiynogo polikul'turnogo goroda (na primere Maikopa) [Urban myths and symbolic spaces of a peripheral multicultural city (using the example of Maykop)], *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 6, pp. 51–58. (In Russian).

Siyukhova A.M. (2022) Realizatsiya kul'turnoi politiki Evropeiskogo soyuza v periferiinykh gorodakh Vostochnoi Germanii (na primere goroda Bautzen) [Implementation of the cultural policy of the European Union in the peripheral cities of East Germany (by the example of Bautzen)], *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 14(3), pp. 151–163. DOI: <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-3-151-163> (In Russian).

Spengler O. (2017) *Zakat Zapadnogo mira* [The Decline of the West], AL'FA-KNIGA, Moscow, Russia. (In Russian).

Suvorov D.V. (2014) Gorod, modernizatsiya, kul'tura [City, modernization, culture], in Zaks L.A., Myasnikova L.A., Semitko A.P., Micek S.A., Pereyagina E.B., Zubkov K.I., Balmaeva S.D., Drozdova A.V., Rosnovskaya L.V., Agenosov A.V., Krut'ko I.S., Ramzina S.A., Borisova I.N., Yamaletdinova G.A. (ed.) *Sovremennyy gorod: sotsial'nost', kul'tury, zhizn' lyudei. Materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Humanitarian University, Yekaterinburg, Russia, pp. 64–69. (In Russian).

Vodopianova E.V. (2021) European Capitals in the Postindustrial Dimension, *Sovremennaya Evropa*, 3, pp. 149–158.

Weber M. (2006) *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism], Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia. (In Russian).

Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

08.00.00 – экономические науки;
22.00.00 – социологические науки;
23.00.00 – политология

Индексирование: RSCI, РИНЦ

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

